

Сало Флор.
Горький чешский шоколад

Владимир Мощенко

РИПОЛ
КЛАССИК

Шахматная
серия

Владимир Мощенко

Сало Флор.
Горький
чешский
шоколад

A

B

C

D

8

8

Шахматная серия

7

7

Владимир Мощенко

6

6

Сало Флор.

5

5

Горький чешский
шоколад

4

4

3

3

РИПОЛ
КЛАССИК

2

2

Москва, 2015

1

1

E

F

G

H

УДК 794
ББК 75.581
М87

Фото и рисунки из архивов Музея шахмат России, журналов «Шахматы в СССР» и «64 — Шахматное обозрение», Городского музея в Быстрице-над-Перништейном (Чехия), а также из личных архивов Сергея Воронкова, Давида Бронштейна, Сергея Карастелина, Александра Кривомазова и Сергея Дьяконова (Россия), Яна Календовского (Чехия), Давида Гургенидзе (Грузия), Вальтера Хеуэра (Эстония) и Леонида Житкевича (Белоруссия)

Мощенко, В.

М87 Сало Флор. Горький чешский шоколад / В. Мощенко [ред.-сост. С. Б. Воронков]. — М. : РИПОЛ классик, 2015. — 368 с. : табл. — (Шахматная серия).

ISBN 978-5-386-08729-6

Такой книги в шахматной литературе еще не было! Ее автор, превосходный прозаик и поэт Владимир Мощенко (его роман «Блюз для Агнешки» был номинирован на премию «Русский Букер»), долгое время дружил с Сало Флором — знаменитым чешско-советским гроссмейстером, претендентом на звание чемпиона мира. Все эти годы Сало Михайлович поверял ему тайны своей внешне благополучной, но исполненной внутренней драмы жизни — жизни беженца, лишенного родины и вынужденного играть по чужим правилам. Из этих откровенных бесед и родилась книга «Горький чешский шоколад». «Конечно, я сознаю, — пишет автор, — что очень многое не попало в нее, а кое-что, возможно, выглядит спорно. Но тянуть дальше было нельзя. Время не дает права на молчание».

Книга содержит также лучшие образцы богатейшего комбинационного творчества Флора (в основном с его собственными примечаниями), что делает ее прекрасным учебником по тактике.

**УДК 794
ББК 75.581**

© Мощенко В, 2015
© Издание. Оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2015

ISBN 978-5-386-08729-6

Аркадий Арканов

ОН РАСПОЗНАЛ КОД ЖИЗНИ

Как-то уж очень ускоренно мы живём. Такое впечатление, что каждый новый день в тягость. Скорее бы он прошёл и наступил следующий. И опять то же самое... А ведь надо и передохнуть, осмотреться, оглянуться назад, вспомнить вчерашнее... Не говоря уже о позавчерашнем...

Но при таком бешеном ритме файлы нашей памяти стираются. И мы забываем главное. И вспомним ли, что одна из главных истин утверждает: тот, кто забывает своё прошлое, не имеет шансов на будущее!

Новое поколение забывает Пушкина, Гоголя... Ну... вроде были такие классики... Писали что-то... Давно это было... В девятнадцатом веке...

Да и двадцатый век поистерся.

Папанов? Это, кажется, артист такой был... «Ну, заяц, погоди!»

Миронов... Это Евгений Миронов?.. А что, ещё и Андрей Миронов был?!

Шахматы?.. Да. Есть такая игра. Но на неё сегодня времени не хватает. После дискотеки уже не до шахмат.

Алехин?

А кто это?..

Ботвинник?

Смыслов?

Карпов?..

Фамилии вроде бы знакомые...

Флор? Сало Флор?

Нет, не припоминается...

Так и живём с ощущением, что жизнь началась с нас. А до нас ничего и никого не было.

Да ведь Сало Михайлович Флор был не только выдающимся gross-мейстером, но и удивительной, яркой, неординарной личностью. Его биография – это модель жизни талантливейшего человека в эпоху развитого сталинизма.

Прочтите произведение превосходного прозаика и поэта Владимира Мощенко, который знал Сало Флора лично и был одним из его близких друзей, несмотря на приличную разницу в возрасте. Я не хочу предвосхищать *мощное* (от слова «Мощенко») впечатление, которое произведёт на нормального читателя (к счастью, ещё не пере-

велись такие!) эта книга. Я не стану цитировать и указывать пальцем, на что следует обратить особое внимание.

Получите удовольствие, призадумайтесь... И может быть, вы согласитесь со мной, что в шахматах закодирована вся наша жизнь. И Сало Флор был одним из тех, кто почувствовал этот код и распознал его.

Владимир Мощенко

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ?

С 21 ноября 2008 года прошло немало времени. Но тот день не выветрился из моей памяти, потому что это была знаменательная, а для меня (и, надеюсь, не только для меня) особая, историческая дата: столетие со дня рождения гроссмейстера Флора, которому Вторая мировая война помешала вступить в единоборство с Александром Алехиным в матче за мировое первенство. В Праге, с которой связана довоенная жизнь Флора, не позабыли о юбилее. Там была выпущена книга «Мне приходилось сражаться! Биография и партии Сало Флора, а также результаты и партии турнира, проведённого в его честь». Пражане посчитали необходимым провести заседание шахматной общественности Чехии, посвящённое этому событию.

В тот же вечер мне позвонила моя добрая и давняя приятельница Нина Грушкова-Бельска, международный арбитр и международный мастер ФИДЕ, и рассказала, как торжественно, сердечно, трогательно прошло это заседание, и о своём выступлении на нём. Пани Нина была близким, любимым другом Сало Михайловича (кстати: с первой же нашей встречи Флор попросил меня называть его именно так, а не *Саломон Михайлович*. «Это звучит теплее», — сказал он).

А что же у нас? Что в России, где Флор проживал в качестве её гражданина с 1942 по 1983 год? Более сорока лет... А ничего! Никаких юбилейных «мероприятий»! Никаких. Забыли и о ровеснике Флора — первом гроссмейстере из Риги Владимире Петрове, с которым они (наравне с Решевским) стали победителями кемерского турнира 1937 года, опередив самого Алехина. Да, не сказали подобающих слов о Петрове, не помянули его, загубленного Лубянкой, безжалостно раздавленного катком репрессий.

Может, виноват кризис, что не помянули? Если применим этот термин, то речь может идти не об экономических бедах, а в первую очередь о кризисе памяти, о духовном кризисе, кризисе культуры, в том числе и шахматной. Об этом в предисловии здесь пишет и Аркадий Арканов, которого не так давно мы, его друзья и почитатели, проводили в последний путь. Он понимал значение Флора, любил его как яркого, уникального человека, способного увлекательно говорить и о любимой Чехословакии, и о гении Франца Кафки, и о фейерверочных взлётах и драмах Пауля Кереса и его Эстонии, и о тайнах древнего Тбилиси военного и послевоенного времени (да ведь всего не перечислишь...). Мы с Аркановым приглашали гроссмейсте-

ра к нам в ЦДЛ; он с удовольствием приходил, рассказывал о захватывающих страницах шахматной истории, с блеском проводил сеансы одновременной игры, давая повод для разговоров о неувядающей его шахматной силе, хотя ему было уже за шестьдесят...

21 ноября Сало Флор собирал у себя очень узкий круг друзей. Мне повезло: среди них бывал и я, старавшийся после каждой встречи обращаться к дневнику, пополнять «флориану». Да, я был в числе самых близких приятелей Сало Михайловича — так сказать, его доверенным лицом. Такова была воля судьбы. Спасибо ей. На большом овальном столе в «дальней» комнате появлялись редчайшие в нашей стране деликатесы, которые он привозил из Германии, Голландии, Австрии. И... спешил распаковывать подарки для тех, кого считал близким. Ему нравилось не получать подарки, а самому преподносить их: это доставляло ему особую радость. Он просил Василия Смыслова спеть что-нибудь, Андрэ Лилиенталю — поведать о невероятных приключениях «на волоске от подвалов НКВД», а меня — прочитать стихи о дорогой ему Грузии, о которой готов был говорить часами. Но о своих многочисленных турнирах и матчах, победах и (тут уж никуда не денешься!) поражениях предпочитал говорить как можно короче и реже — тем более в дружеских компаниях.

Всем казалось, что он втайне от окружающих пишет мемуары и что мир после их публикации наконец-то узнает о том, что было ведомо лишь одному на свете человеку — легендарному Сало Флору. Однако, увы, таких воспоминаний он после себя не оставил. Горчайшая обида! Слава Богу, у меня сохранилось немало записей в дневниках и статей. Но больше всего — именно то, что бережётся в моём сердце.

Не так давно, как раз к столетию Флора, мне удалось закончить книгу «Горький чешский шоколад» — о жизни Сало Михайловича, полной драматизма. Без участия **Марии Августовны Керес, Нины Грушковой-Бельской, Василия Васильевича Смыслова, Юрия Львовича Авербаха, Генны Сосонко и Сергея Борисовича Воронкова** этой повести не было бы. Я благодарен им за вдохновенную помощь, которую они оказали мне. Конечно, я сознаю, что очень многое не попало в неё, а кое-что, возможно, выглядит довольно спорно. Но тянуть дальше было нельзя. Как сказано мудрыми: время не даёт права на молчание.

Глава первая

«КОРАБЛЬ ДУРАКОВ»

1

— О, Стэнли Крамер!.. Об этом режиссёре Флор говорил куда больше, чем о каком-нибудь другом.

Они встретились случайно (их познакомили), и Крамер не остался равнодушным к гроссмейстеру. Наоборот! Да, Сало Флор, увы, давно минул пик своей славы, а имя создателя блистательных фильмов пользовалось невероятной популярностью. Как бы там ни было, они потянулись друг к другу. Не знаю, играл ли великий режиссёр в шахматы, разобрал ли хотя бы одну флоровскую (или любую другую) партию, но, например, по словам Сало Михайловича, мимо его внимания не прошли и само имя этого выходца из галицийского местечка Городенки, и контрапункт жизни гроссмейстера (как взрыв, как трагедия!) — АВРО-турнир 1938 года, когда германские войска вошли на территорию Австрии и праздновали присоединение Судетской области Чехословакии к рейху и когда до их вступления в Прагу оставалось всего ничего...

Флор оказался попутчиком Стэнли Крамера в поездке в уютнейший и любимый им городок Клагенфурт, богатый архитектурными шедеврами и ставший источником вдохновения для многих известнейших зодчих современности. Режиссёра и гроссмейстера приютило кафе где-то на берегу озера Вёртерзее. Разговор зашёл о Праге, о её улицах и таинственных улочках, площадях и храмах, мостах и садах — и, особенно почему-то, о создателе фантастического и необъяснимого мира — Франце Кафке, который, по всему чувствовалось, волновал американца. Крамер ведь и сам не устал повествовать об этом безумном, безумном, безумном, безумном мире!

Сало Михайлович, надо сказать, не обладал большим книжным богатством (если не считать шахматной литературы), и книжником его никак не назовёшь, но двухтомник Кафки на немецком языке у него имелся и читался им и перечитывался. Он часто, когда не очень-то везло, повторял слова оттуда о том, что в пространстве вокруг нас невозможно жить по-человечески. Это у него сделалось поговоркой.

Дом, где родился Кафка (в самом начале Майзеловой улицы), он ещё застал. Здесь и ворота ещё были, которые когда-то вели в гетто. Так получилось, что, став всемирно известным, Сало Флор поселился вместе со своей женой, Раисой Ильиничной, на Поль-

ской улице — недалеко от дома № 48, где жил и работал Кафка. Вот ведь странности судьбы: в этом самом четырёхэтажном доме живёт сейчас любимица, можно сказать крестница, Флора, Нина Вангели — дочь его и моей подруги Нины Грушковой-Бельской (рассказ о ней — ниже).

Был я совсем юнцом, говорил Флор Крамеру, и несколько раз, когда всё стихало и часы били девять, когда в окнах почти повсюду быстро темнело, проделывал вместе с обречённым на гибель Йозефом К. путь из Старого Города через освещённый луной Карлов мост с его барочными скульптурами на окраину Малой Страны, в гору мимо храма Святого Вита — туда, туда, где сразу, без перехода, начинались поля и виднелась пустая и заброшенная каменоломня. Флор не забыл — до самого своего конца! — ни одной из дорожек, усыпанных гравием, по которым проходил, и его тогда не тянуло передохнуть на какой-нибудь удобной скамейке, как это часто случалось потом, когда покалывало сердце и ломило в затылке.

(Не сомневаюсь, что юный Сало казался сам себе Йозефом К., только был он не в чёрном, а в табачного цвета костюме и уже с аккуратным пробором в волосах, и хмурая фройляйн Бюстнер поздоровалась с ним, и он её не узнал, и она спросила:

— Вы по-прежнему играете в шахматы? И вам это, молодой человек, не надоело? Брала бы лучше пример с вашего старшего брата Мозеса — уж он такой замечательный краснодеревщик!

Он смотрел вслед уходящей подозрительной старухе — и ему в голову не приходили мысли о неумолимой силе и вседозволенности тайной полиции, о её вездесущности, реальности её, о железных руках её агентов, и он верил всем своим существом, что её логика, пусть она и непоколебима, не может устоять против того, кто хочет жить...)

Я тогда был подростком, ещё раз сказал Флор, совсем наивным дурачком; Крамер помахал пальцем у меня перед носом (по-американски) — эдак тактично: ну это вы, мой дорогой, пожалуйста, бросьте, вы были отмечены Господом Богом с самого рождения, не спорьте — по вашему обличению очень хорошо видно это; я ответил, что я — атеист, а он не согласился: кто знает, кто знает; это вы так считаете — что атеист..

— Крамер внешне был похож на француза арабского происхождения, — говорил Флор. — Внешне — типичный боксёр. Из бывших. Удивительный парень. Скорость во всём мог развивать сумасшедшую, никто бы за ним не угнался; зато и расслаблялся как никто. Настоящий гепард!

Флор с восхищением сказал тогда режиссёру, что фильм «Нюрнбергский процесс» потряс его до глубины души, что его долго ещё преследовали кадры из концлагерей — из тех самых, откуда прокурор Тэд Лоусон предстал перед миром со своим убийственным «комментарием».

— В этой мясорубке запросто могли оказаться и вы, — произнёс Крамер. — Не правда ли?

— Разве я один?!

— Конечно, не вы один. Но я имел в виду лично вас, Саломона Флора. Меня всегда интересует конкретный человек. А кем, кстати, был ваш отец?

— Мелким галицийским торговцем, — последовал ответ. — Я почти не помню его. Ни его, ни мать. Помню только тепло, которое исходило от них и которого мне не хватало.

Крамер неожиданно прервал разговор и о чём-то надолго задумался.

— Вы, маэстро, так и проситесь в кадр, в сценарий, — сказал он, вглядываясь в глаза Флора. — У вас поразительное лицо. Я не шучу. Вас нужно показывать в кино — это был бы выдающийся фильм. Догадываетесь — почему?

Это смутило Флора. Прежде всего — вопрос: «Почему?»

— Вы сколько лет в СССР, маэстро? С тридцать девятого? С сорок первого? Или с сорок второго? Я и название для сценария придумал. Прямо сейчас, в кафе, — взял вот и придумал.

Флор, наверно, по обыкновению всплеснул руками:

— Какое же название?

— «Беженец»!

Флору, как он признавался впоследствии мне и Александру Межирову в нашей поездке на «жигулёнке» по заснеженному Подмосквовью, стало неловко. Фильм?! Про него?! Это было неожиданно, хотя спорить было не о чем.

Они молча допили свой кофе.

Флор не комментировал такие прожекты. В крайнем случае — отшучивался, в чём был виртуозным мастером.

2

А тут у нас, в Переделкине, в Доме творчества, в разгар «застоя» — фильм Крамера «Корабль дураков». Это было большим событием! Картину «выделили» идеологические начальники для участников какого-то творческого совещания (не вспомню уже — какого; скорее всего, молодых писателей). Александру Межирову поручили вести на этом совещании один из поэтических семинаров; он согласился;

и это ему пришла идея, чтобы я пригласил Флора на просмотр «Корабля». Я был благодарен Межирову.

Начальство иногда баловало литераторов — «подручных партии». Присылало на разные «мероприятия» подобные *подарочки* — то «Сатирикон» Федерико Феллини, то «Последнее танго в Париже» Бернардо Бертолуччи, то «Профессия — репортёр» Микеланджело Антониони. В знак особого доверия, что ли.

Я частенько по-свойски заходил к Межирову на дачу. Мы поднимались на второй этаж (пристроенный им по собственной инициативе, на свои деньги), где расположился шикарный бильярдный стол. Межиров гордился им («шесть луз, резина и сукно, три аспидных доски»): «На нём играли мастера Митасов и Ашот, Эмиль закручивал шара, который не идёт. Был этот стол и плох и мал, название одно, но дух Березина слетал на старое сукно». Олег Хлебников попросил меня написать для «Новой газеты» об этой домашней межировской «академии», и я жалею, что не откликнулся на его просьбу. Жалею и о том, что не привёл сюда Сало Михайловича, хоть он и просил об этом: ему бы здесь понравилось.

То и дело Межиров расспрашивал о Флоре:

— Вы ведь дружите. Как там он? В карты по-прежнему режется? Да, это *игрок!*

Не могу здесь не припомнить строки Достоевского из письма Н.Н. Страхову (1863 года, из Рима) по поводу своего «Игрока»: «Я беру натуру непосредственную, человека однако же многоразвитого, но во всём недоконченного, *изверившегося и не смеющего не верить*, восстающего на авторитеты и боящегося их. (...) Главная же штука в том, что все его жизненные соки, силы, буйство, смелость пошли на *рулетку*. Он — игрок, и не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не просто скупец. (...) Он поэт в своём роде...»

«Поэтом в своём роде» был и Флор. Сало Михайлович любил говорить об игроцкой страсти крупных шахматистов — мистической, неистребимой, о стремлении рисковать, испытывать судьбу, ставя на кон не так уж и мало, о Ласкере, увлечённо занимавшемся проблемами теории игр и нередко проводившем в Германии ночи напролёт за карточным столом. Он рассказывал нам с Межировым, как Шпильман, Нимцович и Видмар, пересекая океан на борту «Вестфалии», на пути на нью-йоркский турнир 1927 года четырнадцать суток «резались» то в карты, то блицевали, забыв о морской болезни, но не забывая иногда «выяснять отношения» (не без этого).

— Я мало чем отличался от своих старших товарищей, — признал Флор.

В самом начале тридцатых годов он приехал в Ниццу вместе с Гёстой Штольцем*. Их встретил сам Александр Алехин. Исполин — но с мальчишескими искрами в глазах. Он говорил о чём угодно — только не об СССР. Не любил касаться этой темы. Он и пригласил их «подзаработать и поразвлечься». Всё шло в первые дни без приключений. Флор и Штольц, как и было ранее ими предусмотрено, проводили консультационные партии, знакомились с разными достопримечательностями, с портом, побережьем Лазурного моря, великолепной местной кухней. А затем... Алехин похвалился своими успехами в казино Монте-Карло (который находится рядом с Ниццей).

— Как вам удалось добиться этих успехов? — недоверчиво спросил Штольц.

— Увидите сами, — ответил Алехин.

— Посмотрим! — пообещал Флор.

Прибыв к казино, они встретились с доктором Таррашем. Господи, и тот был там! Кто бы мог подумать, что в его жилах течёт кровь, заражённая микробами азарта и риска. Алехин познакомил новичков с этим весьма аккуратным, на вид педантичным человеком, не лишённым, впрочем, и романтических порывов; именно он предсказал Капабланке, подобно Фафнеру в «Зигфриде» забаррикадовавшемуся за охранительным «золотым валом» в виде десяти тысяч долларов гонорара, что вряд ли тому с появлением на арене русского богатыря долго удастся продолжать свою сомнительную политику и восклицать: «Тут я покоюсь и владею; не тревожьте моего сна!» Оказалось, что и этот немецкий гроссмейстер ухитрился отыскать какую-то систему в борьбе с хитрющим рулеточным шариком. Алехин удивился: и что, герр Тарраш, система ваша в самом деле беспроигрышна? Тот замялся: ну, не на все сто процентов, конечно, но если проявить терпение... можно на хлеб заработать. Такой ответ не слишком вдохновил Алехина. Он, как говорит Сало Флор, махнул на это рукой и воскликнул:

— Идёмте, молодые люди, я покажу вам, как надо играть в рулетку!

«Как шахматист, — вспоминал как-то Флор в статье, написанной для одной из одесских газет, — чемпион мира был в те годы в расцвете своих сил, — но как он собирался сражаться с шариком? Мы со Штольцем из вежливости промолчали и пошли. Алехин поставил десять франков на число 26. Рулетка закрутилась и остановилась... именно на числе 26! Алехин был в восторге, как будто он выиграл решающую партию матча на первенство мира.

— Вот видите? Учитесь! — сказал он.

* Гёста Штольц — шведский гроссмейстер (1904—1963), шестикратный чемпион своей страны.

Теперь мы со Штольцем начали играть. Нас захватил этот азарт (особенно увлёкся мой товарищ), и мы несколько дней подряд посещали казино. Кроме того, нам было известно, что пострадавшим на большие суммы дирекция гарантирует обратный проезд. Конечно, всё кончилось тем, что мы потерпели крах. А дирекция казино и не думала, разумеется, отправлять нас в Прагу, где вот-вот должен был начаться турнир. Пришлось одолжить деньги на железнодорожные билеты. Мы со Штольцем часто потом вспоминали эти похождения, которые так весело начались и так грустно окончились. Нам так и не удалось перехитрить рулетку.

Ничего не придумал и Тарраш. Ничего не придумал и Алехин — кроме той удачи на 26, он тоже ничего не выиграл. Сомневаюсь, что это удалось бы и Роберту Фишеру. Очевидно, есть только один способ не проигрывать здесь — он состоит в том, чтобы в казино... не ходить».

Но это не больше, чем забавные слова. Флор до последнего дня своего оставался настоящим игроком. *«Не ходить»*?! Как бы не так: его *ходов* не перечесать! Через три года после описанного случая в Цюрихе игрался крупный турнир; за первое место сражались Алехин, Флор и Эйве. Флор не был бы Флором, если б не «заколыцевал» по-своему, по-игроцки рассказ. Он обращает наше внимание на тринадцатый тур: «У меня был сложный эндшпиль с Бернштейном. Я задумался над ходом; в это время ко мне подошёл Алехин и показал мне бланк записи его партии с Ласкером. Он был ужасно взволнован. Я же ничего не понял. Тогда чемпион мира сказал: “Помнишь Монте-Карло?” — и пальцем показал на свой последний ход. Мне стало всё ясно: Ласкер сдался Алехину на 26-м ходу!! Чемпион по-прежнему верил в счастливые числа».

В «счастливые числа» верил и Сало Михайлович — о чём мы ещё поговорим...

Межирова по многим причинам в судьбе Флора интересовало всё. Но чаще всего задавал он вопрос: сумел бы Флор выиграть матч у Алехина? И сам же выкладывал свои версии — иногда парадоксальные. Впервые о Флоре мы заговорили в Тбилиси, когда я там служил в газете Закавказского военного округа. Пару раз мы ходили в театр на улице Руставели, переполненный фанатами, на всесоюзное первенство, и видели там не только Таля и Петросяна, но и Флора, в чемпионате не игравшего: он изредка, на минуту-другую, выходил на сцену и задерживался у какого-нибудь столика. Я издали разглядывал его — так, будто это редчайший экспонат истории, хотя в нём ещё сохранялось немало от прежней энергии. Он ни на кого

не был похож. Флор — не меньше, чем Керес, — чем-то завораживал и меня, и Межирова.

(«Просто очаровательным» называла Флора Салли Ландау, первая жена Михаила Таля. Ей однажды рассказывала Мишина мама, Ида Григорьевна, как зимой пятьдесят девятого, когда в Тбилиси игрался финал XXVI чемпионата страны, почувствовав, что сын прихворнул и нуждается в её срочной помощи, она вылетела в Грузию. В вестибюле театра имени Руставели — это был и театр шахматных сражений — её встретил Флор по просьбе Миши: вот кто был главным болельщиком у рижанина, беспримерного возмутителя спокойствия. Сало Михайлович поцеловал ей руку.

— Вы — самый красивый мужчина на свете! — сказала ему тогда Ида Григорьевна.

Флор ей тихо ответил, что такая патетика сейчас ни к чему: Таль в партии с Нежметдиновым попал в довольно затруднительное положение. А та возразила:

— Не беспокойтесь, ведь я уже здесь, и вы — с нами. Значит, Миша выкрутится!

И действительно: и выкрутился, и победил!

Салли часто вспоминала «моего любимого» Сало Флора, то, как он вёл её по московскому шахматному клубу, как подвёл к висевшим на стене портретам чемпионов мира: «Саллинька, посмотри на них. Они все — самые нормальные сумасшедшие люди...»)

Вполне возможно, что под влиянием наших тбилисских «шахматных бдений», разговоров и раздумий о Флоре Межиров написал одно из лучших стихотворений. Он сам был типичным игроком — и был уверен, что без этого качества художник теряет многое, едва ли не всё:

Вскоре сделался он игроком настоящим, а это
Многократно усиленный образ поэта,
Потому что великий игрок — это вовсе не тот,
Кто умеет шары заколачивать в лузы,
А мудрец и провидец, почти что пророк,
С ним во время удара беседуют музы.

Он боготворил *игрока*, который «идёт не по воле ферзя, а по воле свободного поля», ставил на первое место свободу выбора — и свободу вообще, славил мастеров — «особую поросль» («мы такое видели, поняли, прошли, — пусть молчат любители, выжиги, вральи»). Ему не по нраву «наш созерцающий взгляд», видящий «в суматохе житейской и спешке лишь поля, на которых стоят короли, королевые и пешки»,

зато преклоняется он перед теми, кто «видит поля и с полей на поля переходы, абсолютно пригодные для одинокой и гордой свободы», кто «исходит из этих полей, оккупации не претерпевших, ибо нету на них королей, королев и подопытных пешек...»

«Вы правы: война *загнала* Флора к нам, — писал мне Межиров, когда я служил в Будапеште, — иначе и не скажешь. Спасаясь от гетто, он всё равно претерпел оккупацию — только иного рода, но всё равно для него гибельную, и его превратили в подопытную пешку. Хорошая квартира? В самом центре Москвы? Это, конечно, здорово, но для Флора без большого шахматного мира это, по-моему, крайне мало. Когда-то, в Тбилиси, мне пришли в голову строчки: “В квадрате чёрном жизнь кипит чужая. Ад городит. Взыскует благодать...” Выделите курсивом “чужую жизнь” — и это будет относиться и к вашему Флору».

3

Сало Михайлович подъехал на такси к воротам Дома творчества с некоторым опозданием. Он был ещё впрямь хоть куда — никаких мешочков под глазами, взгляд замаскированно острый, наблюдательность — поразительная. Межиров, беспрестанно улыбавшийся, встречал его вместе со мной и Майей Луговской, которая много слышала о нём от покойного мужа, Владимира Александровича, побывавшего в 1933-м вместе с несколькими поэтами и художниками в Колонном зале Дома союзов на знаменитом матче Ботвинник — Флор.

Жарища в тот день стояла страшная — около тридцати градусов. Но Флор не изменил себе. Английский костюм, изящный галстук, запонки.

— Не тепло ли вы одеты? — спросил я.

— Ничего, — ответил он, — скоро вечер. Прохладней станет.

Я едва успел представить Сало Михайловича Луговской и Межирову — и мы чуть ли не бегом припустили в направлении к клубу. Межиров, почти не заикаясь, на ходу, успел одарить Флора несколькими комплиментами, ответа на которые не последовало. Честно говоря, Флор уже с некоторых пор не то что бегать — быстро ходить не любил и, скорее всего, уже не умел. У него сразу же начиналась одышка. Места, по счастью, заняли нам заранее — аж в самом последнем ряду, по соседству с демонстрационными окошками. Флор и здесь отличился — знакомясь, попытался, невзирая на тесноту, расшаркаться и поцеловать ручку кому-то из женщин.

Майя сказала:

— У вас чудный одеколон.

И ещё раз принялась.

— «Ван мэн шоу»? Или «Босс»?

Он неопределённо развёл руками — как всегда делал. Тем, кто общался с ним, понятно, как это у него получалось.

...Потом в клубе начался сеанс. Первые же кадры, как пишут романисты, *целиком захватили* Флора. Он видел за ними, по-моему, больше, чем многие сидящие в этом зале, чем даже Межиров, побывавший на фронте. Куда больше. Не сомневаюсь.

Корабль, вместивший — образным путём — всё человечество, пустился в плавание от мексиканского Веракруса. Он двигался навстречу неизбежному. Скоро мир будет с ужасом произносить: «*Nacht der langen Messer*» («Ночь длинных ножей»), затвердит наизусть дату — 30 июля 1934 года, — дату полного утверждения власти фюрера, гестапо, СС, поклявшихся беспощадно уничтожить «баццллоносителей».

Флор крепко схватил меня за руку, когда карлик Глюкен урезонивал наивного и упёртого еврея Лёвентала, который считал себя «немцем первого сорта» и хвастался своей боевой наградой — Железным крестом II степени, полученным в боях.

— Вы — самый большой дурак на этом корабле, — говорил доморощенный философ. — Зачем вы возвращаетесь в Германию?! Там — нацисты! Нет никаких ценностей в этой навозной куче!

И опять Флор хватает меня за руку: пошли кадры, где вожделем ждущий своего часа и прибытия в германский порт Бремерхафен пошляк-фашистик, мучающийся в приступах морской болезни, благодарит оказавшего ему помощь благодушного Лёвентала; не надо, увещевает он, не надо сердиться на нас, вот что вы должны взять в толк; евреи — наша беда; история сильнее нас.

Флор напряжён.

Он внезапно вздрагивает.

Все в зале дружно хохочут, услышав реплику фашистика: *мы будем бить евреев и велосипедистов*. Реплика эта уже стала основой ходячего анекдота («А велосипедистов-то за что?!»), хотя многие понятия не имели, откуда анекдот взялся. Флор по-детски, в недоумении озирается по сторонам. Чему смеяться?!

И вот последние кадры — карлик Глюкен с сарказмом обращается к зрительному залу:

— Вы, наверное, спрашиваете себя: а какое это всё имеет отношение лично к нам? — И сам же, раскуривая кубинскую сигару, издевательски отвечает: — Никакого!

Глюкен зло посмеивается над обывателем: тому «всё — до лампочки».

А Флора трясло. Не заметить этого было нельзя.

Мы вышли вчетвером из клуба на свежий воздух, и я заметил, что у Сало Михайловича под глазами — мешочки и тёмные круги. И порозовели щёки. Не только из-за того, что в зале было душно. Минут пятнадцать мы посидели на скамейке напротив Старого корпуса. Было ещё светло. Некий развязный, входивший в моду белобрысый драматург приблизился к нам. Он был явно в подпитии.

— О, кого я вижу у нас! Да это же сам гроссмейстер Флор! Разрешите притащить шахматшки? Залепите мне матильду! Буду хвастаться везде и всюду, что сражался с вами.

Майя враз отшила наглеца:

— Ну-ка брысь отседа. А то я тебе... залеплю.

И тот, подхихикнув, безропотно подчинился ей.

— Извините, — попросила она гостя. — Тут таких — хоть пруд пруди.

В основном Сало Михайлович отмалчивался, отказался от лёгкого ужина, арбуза, дыни и вина. Мы вывели его за ворота Дома творчества, и тут же, секунда в секунду, подкатил какой-то частник, направлявшийся в сторону Минского шоссе:

— Карета подана, господа-товарищи. Поедем?

— Отвезёте гроссмейстера, — сказал я. — На Комсомольский, на 2-ю Фрунзенскую.

— Будет сделано!

Флор на прощанье сказал:

— Спасибо за фильм. Он как будто обо мне.

Глава вторая

«АГЕНТЫ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ» И Т. П.

1

По вторникам в музее Центрального дома шахматистов (Гоголевский бульвар, 14) по давней традиции за «круглым столом», за чашкой чая собираются историки шахмат, гроссмейстеры, литераторы. Зашёл разговор о Сало Флоре. Сошлись на мнении: фигура — крупная, историческая, да вот почему-то почти «непроявленная».

Кое-что, конечно, наличествует. В 1985 году вышла книга «Гроссмейстер Флор», составитель которой большой шахматный начальник прежних времён В. Д. Батуринский по понятным причинам (время!) даже и не собирался показать читателю драму человека, называвшегося в довоенном мире не иначе как «конкурент Алехина», и охотно ссылаясь на самооговор (иначе не скажешь!) сломленного судьбой

знаменитого маэстро: «После войны по всему шахматному фронту повели наступление советские мастера. Они оттеснили не только меня, но и остальных ведущих мастеров Запада. И всё-таки главная причина моих послевоенных неуспехов — в другом. Борьба за шахматный трон требует фантастического трудолюбия, а у меня его не было. Я не проливал пота над шахматами».

Это похоже на протокол допроса. Тот же самый стиль. Батурицкий пообещал «немного смягчить» флоровскую самооценку, но это у него, к сожалению, не совсем получилось.

Через год вышла ещё одна книга — «Сквозь призму полувека», составленная второй женой Флора, Татьяной Ильиной (потом — Флор-Есениной), и Владимиром Дворковичем. Её ждали (в ту пору не могли не ждать) любители шахмат, надеявшиеся, что она будет хоть в какой-то мере автобиографической, что здесь должен появиться *незнакомый* Флор, говорящий «о времени и о себе». Но — нет: сюда вошли эссе, статьи и очерки Сало Михайловича, опубликованные в разное время и в разных журналах и газетах. Ничего нового! Автор предисловия к этой книге — писатель Юрий Нагибин, чьё перо, в отличие от батурицкого, куда сердечнее и художественнее. Однако, как ни странно, это предисловие ещё больше подчеркнуло отсутствие здесь флоровских будней, протекавших в Стране Советов: ни одно из «миллиона терзаний», мучивших Флора, так и не воплотилось в его слове!

Нагибин настаивает на том, что Флор прожил в Советском Союзе долгую и вполне счастливую жизнь. Уместно вспомнить афоризм Тартаковера по поводу того, что всегда лучше жертвовать фигуры... партнёра. Подумаешь, жалко ли! А ещё Тартаковер говорил, что нежелательная, обидная ничья случается не только в результате одного слабого хода, но и по причине *повторения* трёх ходов. Нагибин в этом случае был согласен на «ничью», на соблазн повторения официальных штампов. Он далеко не оригинален, он шёл вослед за многими *знатоками-специалистами*. Ну, например, за Котовым и за Юдовичем, которые *проинтервьюировали* бывшего чеха и привели в солидной книге «Советская шахматная школа» его слова, поющие гимн новому Отечеству, обществу победившего социализма, государству, поддерживающему шахматное движение (что не может не восприниматься «как чудо» и не производить «громадное впечатление»). Нагибин пишет о Флоре лихо, с каждым словом набирая темп.

Но и тут вновь хорош Тартаковер: «Иной конь не скачет, а хромает».

«Лирика», эмоциональность умелого Нагибина в состоянии сбить с толку читателя: он говорит, что ушедший от нас Флор «под-

писывал свои материалы, когда они шли в периодике, но не мог подписать последней страницы без него возникшей рукописи. Разумеется, сборник посвящён шахматам и шахматистам, он односторонний, но цельности только этим не создашь. Словно опавшую листву осени, воедино собрали писания самых разных лет, относящиеся к разным периодам шахматной жизни мира, очень разным шахматистам; нет тут и жанровой цельности: вполне завершённые сюжеты соседствуют с эскизами, психологические этюды — с газетными репортажами о давно отгремевших шахматных битвах, воспоминания — с размышлениями о тайнах капризной богини Каиссы. И всё же перед нами — книга, ибо всё разнообразие имеет прочную связь с очаровательной и на редкость цельной личностью автора, отчётливо встающей с легкостью, словно без усилий написанных страниц. Является ли это плодом сознательного, неосязаемого со стороны отбора или просто так уж получилось, не берусь судить, но чудо состоялось, и разговор пойдёт о книге гроссмейстера Сало Флора, а не о посмертном сборнике».

Увы, насчёт очаровательной личности автора — верно, да вот чудо не состоялось, потому что это и в самом деле *сборник* и удачных, и, прямо скажем, не очень удачных журналистских работ Флора, — главное, что *это не книга его жизни*, и в ней не докопаться до откровений, до истоков его драмы, до «цельной личности автора», прошедшего через погромы, через две войны, утрату родины.

«Сквозь призму» — это, пожалуй, «выстрел на воздух», как говорили дуэлянты в лермонтовские времена. А в общем, и выстрела-то никакого не было.

2

А бывает, как некогда писали критики, в «раскрытии образа» Сало Флора и нечто вовсе несуразное. Ну к примеру..

То из архива вдруг изымается неизвестное публике письмо от советского дипломата в Праге — как и положено, с «товарищеским приветом», датированное аж 1 октября 1933 года и опубликованное журналом «64—Шахматное обозрение» уже в наше время (!!!), в годах двухтысячных, под сенсационнейшим заголовком: «ФЛОР МЕНЯ РАЗОЧАРОВАЛ». Молодой, взлетевший наподобие ракеты Флор — и разочаровал?! И с чего бы это?

То гуляет по всему миру сногшибательная история, похожая на захватывающие ребячьи души страницы «Острова сокровищ». И рассказана она якобы не кем-нибудь, а гроссмейстером Арнольдом Денкером в его книге воспоминаний, чтобы с помощью (и в переводе на русский язык) Льва Харитона (из Нью-Йорка, автора немалого коли-

чества интересных и острых публикаций) затрепетать в интернетовской паутине. Никто никому здесь чёрной метки не присылал, но... И без этого триллер получился.

Сценарий таков. В 1946 году Денкеру звонит некий мистер Кобак — аптекарь из Хартфорда, штат Коннектикут — и предлагает встретиться в ресторане на 14-й улице в Нью-Йорке. Всё тут, как полагается, *по законам жанра*: в руках Кобака — толстенная папка, а в ней — карты и прочие важные документы. Он примчался со своей дочерью — «брюнеткой с зажигательным взглядом» — и сообщил гроссмейстеру, что его, Кобака, почтенное семейство, когда проживало в городе Туапсе, у Чёрного моря, тридцать лет переправляло за приличное вознаграждение в Турцию множество русских аристократов, спасавшихся от большевиков. Да вот пришлось и им самим спастись, когда их изобличили чекисты.

Сокровища они спрятали в надёжном месте. Где?! Старик знал — где. Вот это место — оно помечено на карте. Остаётся одно — добраться до него. «Раздобудете клад, — говорит Кобак, — полмиллиона долларов — ваши!» Вот это сюжет!

В том же году в Гронингене играется международный турнир. Денкеру, конечно, не до шахмат. На уме — полмиллиона баксов. Кто ему может помочь? Ответ приходит сам собой: Сало Флор — кто ж ещё! В Гронинген прилетает жена американца и привозит из Нью-Йорка подарки для жены Флора — Раисы. Ну и что Флор? Отреагировал вполне спокойно, как настоящий авантюрист: эка невидаль! Этот *фрагмент* украшен афоризмом: «"Поройся в моём кошельке, а я пороюсь в твоём" — такова была философия советской диктатуры».

Сделаем вид, что мы поверили в эту «философию», и читаем дальше:

«В первый же мой день в Москве (куда приехал Денкер. — *В.М.*) Флор позвонил мне и сказал, что всё устроено и что он заедет за мной утром на следующий день. Мы встретились в гостинице "Москва", и я был представлен двум людям, которые выглядели именно так, как, по моему представлению, должны выглядеть агенты тайной полиции. Мы немного поговорили, и они согласились организовать всё так, как я даже и не мечтал. Делёж денег — никаких проблем (и всё это — на полном серьёзе! — *В.М.*). Поездка в Туапсе — и опять никаких проблем. Мне будет предоставлен частный самолёт (! — *В.М.*). Единственная проблема состояла в том, как объяснить, что я остаюсь в Москве после отъезда американской команды. На следующий день Сало с женой приехали рано в нашу гостиницу — у них уже было решение. Нина, моя жена, притворится больной и отправится на несколько дней в больницу. Я, как верный муж, останусь в Москве. План казался разумным, но моя жена не хотела о нём слышать.

— Они отравят меня, — сказала она, — а тебя выбросят из самолёта, и всё будет выглядеть как естественная смерть.

Такое случилось всё время, пока царствовал Сталин, и Нина настаивала на том, что мы вернёмся в США со всей командой. Что было делать? Проговорив всю ночь, мы решили довериться Сало. Мы вынули наши карты и предложили ему половину нашей доли. Если всё получится, думали мы, мы всё равно останемся в таком денежном выигрыше, о котором и не мечтали. В свою очередь Сало обещал нам телеграмму, когда клад будет (или не будет) найден: «Встретил Вашего отца в Туапсе» (или наоборот) — таков был наш пароль...

Ах, dear Лев Харитон, неужто вы поверили этому скверному анекдоту?.. Неужели вы, такой опытный, известный автор, действительно можете представить себе Флора в роли заговорщика и кладовщика! Зря взялись вы за это дело: вольно или невольно приходится вам распространять нелепейшие рассказы. Право, зря. Я теперь вынужден согласиться с тем, что сказал в ваш адрес гроссмейстер Юрий Авербах: иной раз ваши материалы не отличаются ни выверенными фактами, ни глубокими знаниями, а иным из них место — в сборнике баек.

Впрочем, вновь — к «триллеру». Читаем: «Вернувшись в Нью-Йорк, в ожидании телеграммы я позвонил Кобаку и рассказал ему обо всём. (...) Затем пришла телеграмма: «Не встретил Вашего отца в Туапсе». (...) Много лет спустя кто-то сказал мне, что Сало развёлся (*по правде, его первая жена умерла*) и что он живёт с женщиной много моложе его — и в этом не было ничего удивительного, если учесть, что развод в СССР всегда был простой процедурой. Но моё любопытство пробудилось, когда я узнал, что Сало и его новая пассия постоянно ездят в Прагу. Заграничные путешествия всегда были накладными для советских граждан. Надо платить не только за проезд, самое главное — нужно давать большие взятки, чтобы получить визы. Много позже до меня дошёл слух, что Флор и его дама поженились и переехали жить в шикарный номер гостиницы «Украина» среди номенклатурщиков...»

Герою этого повествования один еврейский отказник сказал, будто Сало развезжает по Москве в машине марки «Нова-Цейс». «Меня взбесило двурушничество Сало и его жены. Я потерял сон». И якобы Денкер прилетел («это было в начале 80-х годов») в Москву. Оказалось, что жена Флора... — это Елена Кобак (!), а сам «мошенник», весивший не более тридцати килограммов, просто скелет, седой, с пустым взглядом, валялся в неряшливой постели, похожей на люльку, при зарешённых окнах, стонал, кричал от боли. А потом во Флориде нашему герою стало известно, что «Сало неожиданно поправился и что они с Еленой переехали в Прагу, где он умер несколько месяцев спустя...»

Трудно выдумать что-нибудь более вздорное! Не было ни клада, ни Елены, ни проживания в гостинице «Украина» рядом с номенклатур-

щиками, ни всего остального. Вторая жена Флора, Татьяна, родная племянница Сергея Есенина, с которой гроссмейстер жил в трёхкомнатной квартире рядом с Комсомольским проспектом и которая была составительницей книги «Сквозь призму полувека», прочитав такую несусветную чушь, наверное, упала бы в обморок.

3

Ещё один из анекдотов, связанный с трезвенником Флором, родился у меня на глазах. Мы были с ним тогда в Юрмале. Его позвали любители шахмат в Саласпилс, чтобы он провёл сеанс одновременной игры. Флор там заночевал в местной гостинице. Вечером позвонил в Москву кому-то из близких.

— Вы откуда? — спросили его.

— Из Саласпилса, — ответил он.

А через пару деньков ему по телефону сказали:

— Что стряслось?! А что — до вас не доходило? Везде же говорят: Сало спился!

Это его больше огорчило, чем позабавило. Я его утешал: да что вы, мол, трите к носу — это же ваша популярность, она не убавляется у нас в стране с тридцатых годов! Он на меня рассердился: какая ещё популярность, это насмешка — и не больше!

Ну а писателя Юрия Нагибина уж никак не причислишь к злопыхателям или к «легковесам». Но и он, предваряя книгу «Сквозь призму полувека» и признавшись, что и виделся с гроссмейстером всего-то два-три раза, радостно сообщает, какую долгую и счастливую жизнь прожил Флор в нашей стране. Ну впрямь — тут и сказке конец.

И всё же давайте попробуем разобраться, кем был в этой жизни гроссмейстер Сало Михайлович Флор.

Глава третья

«НАДО НА ЭТО ВРЕМЯ КУДА-НИБУДЬ СМИРЬСЯ»

1

Читатель (прежде всего слышавший самого Флора) наверняка обратит внимание, что в этих записках не так уж много истинной «прямой» речи, принадлежащей, присущей Сало Михайловичу. Она мною «адаптирована». Каюсь: это так. И это вовсе не оттого,

что автор утратил способность передавать колорит речи действующих лиц. Надеюсь — не утратил. В одной из недавних рецензий на мою последнюю книгу (простите за невольную нескромность, не тот у меня ныне возраст, чтобы бахвалиться, — и не про то разговор: «для пользы дела»!) было сказано: «Язык, обороты речи, интонация — это и есть то, из чего лепится неповторимое пространство, пейзаж, создаётся атмосфера...» И далее рецензент приводит примеры решающей роли речи героев в обрисовке их характеров. А вот с речевой характеристикой Сало Флора — ни в какую, ничего у меня не получалось. Невозможно целиком, без правки дать *на странице* его «изустную» фразу — столько в ней стилистических и фонетических несуразностей, непривычных для нашего уха. А какие у него бывали ударения!

...Неимоверно рано, взорвавшись, будто на противопехотной mine, кончилось его городенковское детство, исподволь и напрямую озвученное улицей и домочадцами — носителями сентиментального, напевного идиша, готического, полнокровного немецкого, озорного, грубовато-ласкового польского, — и всё рухнуло, всё изменилось, когда ему пришлось, чтобы уберечься от гибели, бежать по горящим дорогам Галиции и наконец осесть в обогрившей его Моравии, давшей ему кров в гостеприимном приюте в Липнике, возможность снова жить детскими радостями и в придачу к этой возможности — постичь великий язык Карела Чапека, Ярослава Гашека и Гавличека Боровского.

Читать он начал рано — лет уже с шести-семи. И не сказочки читал он, а кое-что посерьёзнее. Больше всего ему сразу же пришлось по душе книги определённого свойства — в первую очередь, как говорил он, Альфонс Доде за его лукавую улыбку, народную прибаутку, прирождённую доброту и сердечность; великий провансалец пленил его тем, что, по словам Анатоля Франса, поднимал униженных, воодушевлял слабых, любил маленьких людей. Библиотекарша знала вкусы мальчика, пережившего погромы и чудом уцелевшего, и охотно доставала для него с полки Франсуа Рабле, Марка Твена, Джерома К. Джерома, Бернарда Шоу... Все эти книги были прекрасно переведены на чешский язык и сохраняли аромат оригинала.

Сало в ноябре 1918 года посчастливилось стать свидетелем событий, когда по всей стране ликующие толпы выкрикивали «Нет!» абсолютизму австрийских Габсбургов, срывая ненавистные гербы и знамёна угнетателей. Он по-мальчишески старался быть в центре круговерти, ничего не пропускать — и увидел щит с таким объявлением:

«Да здравствует император Франц-Иосиф Первый!» —
воскликнул
бравый солдат Швейк,
похождения которого во время мировой войны описывает
ЯРОСЛАВ ГАШЕК

в своей книге
ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА
во время Мировой и гражд. войн у нас и в России.

Переводы книги на правах оригинала выходят
одновременно с чешским изданием
во Франции, Англии, Америке.

Первая чешская книга, переведённая на важнейшие языки мира!
Лучшая юмористически-сатирическая книга мировой литературы!
Триумф чешской книги за границей!

На русском языке, говорит Флор, Ярослав Гашек, конечно, издавался (может быть, с какими-то купюрами — мне трудно судить), но не каждому русскому читателю, жившему во времена строительства социализма, дано было постичь, сколько яда заключалось хотя бы вот в такой сцене: «Писарь уселся за списки, за груды бланков, в которую вносились фамилия, происхождение, подданство пленного, и тут произошёл забавный разговор по-немецки: “Ты еврей? Так?” — спросил он Швейка. Швейк отрицательно покачал головой. “Не запирайся! Каждый из вас, пленных, знающих по-немецки, — еврей, — уверенно продолжал писарь-переводчик. — И баста! Как твоя фамилия? Швейх? Ну, видишь, чего же ты запираешься, когда у тебя такая еврейская фамилия? У нас тебе бояться нечего: можешь признаться в этом. У нас, в Австрии, еврейских погромов не устраивают”». И в таком же шутовском духе, весело, с огоньком этот старший писарь и зобатый штириец с плаксивым лицом кретина заставляют Швейка бегать на четвереньках вокруг стола и по-собачьи лаять. «Ну, что я говорил? Видишь, еврейчик, какая у нас дисциплина!»

Уже в детстве понял Флор, как полнее всего раскрывается правда жизни. Тут слёзы и сопли не помогут. Без убийственной иронии и сарказма не обойтись.

И, попав в СССР, он заметил, что предугаданный Оруэллом «новояз» сталинской эпохи противопоставлен его манере вести устный разговор, а тем более — стилю его зарисовок. Ну как смогло бы сочетаться с «новоязом» то, что было ещё в юности сформировано в нём, в частности, сатирическими стихами Гавличека Боровского, которые заставили Сало по-новому относиться к собеседникам, переосмыслить поведение окружавших его людей, а вместе с ними — и своё собственное, научили иронии и самоиронии.

Разрази их громом! Дай им
Околеть от сглазу!
Плохо козочка доится —
К Богу лезут сразу.
Хоть бы сами порадели
О своей удаче!
Словно Бог на побегушки
Дан им, не иначе!
Чтоб не мокло, чтоб не гнило,
Чтобы не посохло,
Чтоб сперва поздоровело,
А потом подохло.
Та нудит и дни и ночи —
Дай ей кавалера;
Этот молит, чтоб супругу
Унесла холера;
Тот, на выигрыш надеясь,
Тащит мне подарок;
Те, надеясь на страховку,
Молят о пожарах!
Ах вы шельмы, ах вы стервы!
Быть бы только живу,
Я пушу вас на повидло,
Как гнилую сливу!

2

Флор не просто слишком поздно начал осваивать русский язык, не по доброй воле и отнюдь не в юные годы переселившись в нашу страну. Он окунулся в совершенно иную среду и языковую стихию, *отредактированную* и *«обогащённую»* годами советской власти, «диктатуры пролетариата». Уже с 1933 года он стал приезжать в СССР и пытался без страха и сомнения «пускать в ход» кое-какие словечки и выражения, услышанные от гостеприимных хозяев. Случались — что немудрено — недоразумения и конфузы, о которых (десятилетия спустя) говорил Сало Флор, потешаясь над самим собой.

Не иначе как хрестоматийным можно назвать эпизод, описанный Ботвинником, который в одной из своих книг вспомнил те далёкие времена. Н.В.Крыленко организовал матч, причём с большим размахом. Естественно, в честь приезда гостя был организован «торжественный ужин». За столом, как говорит Михаил Моисеевич, сидела незнакомая дама. «Крыленко потихоньку сказал мне: “Это супруга Каменева, родная сестра Троцкого; но она сейчас председатель ВОКСа, и пришлось её пригласить...” (...) Флор всему этому удивлялся. Он, видимо, думал, что советские шахматисты всегда так

живут. “У вас красный живот”, — сказал он к ужасу своей собеседницы Клавды Кирсановой (по-чешски — прекрасная жизнь!). Примерно теми же словами говорит об этом же случае и Флор. «Мне легко давались иностранные языки, — писал он, — я владел чешским, английским, немецким, русским, но как раз из-за этого знания и попадал в пикантные ситуации...»

Поздравляя Лилиенталья с семидесятилетием, он подсмеивался над другом Андрэ: «Трудно сказать, что сложнее: для русского человека научиться говорить по-венгерски или же для венгра — по-русски. Первые годы Лилиенталь не был с богатым русским “на ты”. Бывало, на лекции он извещал присутствующих, что “такой ход в защите Нимцовича — мой любовный ход”. А пишет Лилиенталь лучше, чем говорит. (...) И неудивительно, что он — член Союза журналистов». Это ведь, надо признать, и над собой подтрунивание. Особенно — по поводу членства в Союзе журналистов.

«И Времени станок печатает слова»...

Но дело, как мы уже говорили, — не в одном словарном запасе. Его не так трудно пополнить, особенно такому безмерно талантливому человеку, как Флор. Через короткое время вряд ли назвал бы Сало хорошую жизнь «красным животом» — тем более обращаясь к женщине. Суть в другом. «Новояз» сказывался *на образе жизни*, на нравственности, на психике. Со страниц всех газет и журналов, из радиопередач, с трибун партийных и комсомольских съездов, пленумов и собраний этот монстр беспощадно, каждодневно облучал людские души. Булгаковский Филипп Филиппович не напрасно наказывает близким не говорить за обедом о большевизме: «И, Боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет! (...) Вы знаете, я произвёл тридцать наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствовали себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать “Правду”, теряли в весе».

У поэта Владимира Соколова есть такие строчки: «Я сам таким пытался быть, да только плохо выходило». Не скажу, что добросовестный, мягкосердечный Флор не «пытался соответствовать». Часто пытался — не получалось. Требовалась не такая, как у Флора, душевная организация, именуемая подноготной. Когда Ботвинник поступал на ФИЗ (факультет индустриального земледелия) и сдавал экзамены — что он делал? Вот его слова: «Не моюсь (тогда, кажется, все так поступали — примета)». У Флора для этого и слов не было, и примет не было таких. Он «мился» и брился несколько раз в день — в любом случае. И они с Ботвинником поэтому далеко не всегда понимали друг друга, даже говоря на одном, на русском, языке.

Сало Михайлович однажды купил двухтомник пословиц русского народа, чтобы обогащать, расцвечивать свои статьи и эссе. Внимательно штудировал их, но часто звонил и жаловался:

— Не всё понимаю!

— Например?

— Ну, вот... «Богаты — так здравствуйте, а убоги — так прощайте!» Это как же?! По-человечески?

— Я вас понимаю... А ещё?

— «Не кланяюсь бабушке Варваре — своё есть в кармане». Или вот: «Зови гостей поглотать костей!»

Больше всего Флора приводили в недоумение пословицы не только с чуждой для него моралью, но и лексикой: «Нужда рукавицу с варьгой сроднила», «Каятни много, да обращенья нет», «Одна остуда — виски отстукать» и т. д.

— Гиблое дело, — сказал он в конце концов. — Подарю двухтомник Вите Васильеву, он ведь писатель, художник слова, — ему нужней.

3

Сало Михайлович, уже будучи гражданином Советского Союза, объездил всю страну с сеансами и лекциями, не понаслышке знал, что это такое — жара Ашхабада и нефтяное дыхание Баку, что такое северное сияние и уютное тепло очага в яранге оленеводов («к зырянам Тютчев не придёт», зато гроссмейстер Флор по командировкам шахматной федерации пришёл), — но так окончательно и не справился с языковым барьером. Иные чукчи, по его признанию, по-русски говорили пошустрее, чем их знаменитый гость. Шли годы — акцент оставался прежним. Не представляю Флора без этого акцента! И признаюсь: я очень огорчился бы, если б вдруг гроссмейстер заговорил, как все остальные...

Непреренно нужно было находиться рядом с Сало Михайловичем, чтобы во всей полноте, исчерпывающе понять глубину и смысл сказанного им. Помогали слушающему его мимика и жесты, а больше всего — весь облик маэстро, слепленный из благородства и внутренней — чисто флоровской — красоты, его блистательное знание предмета, его честность, его умение сдерживать отрицательные эмоции, не демонстрировать их. Мы с Аркадием Аркановым пригласили его в ЦДЛ, в наш шахматный клуб; он охотно согласился («на него» пришло в Малый зал человек полтора, не меньше), он выступал перед писателями — и никто не пожаловался потом, что было неинтересно и что чего-то недопоняли. Наоборот, все были очень довольны. Такого нигде ни за что не прочтёшь (вот бы увидеть всё это на печатной

странице)! Единственное, что было подмечено едва ли не всей пишущей братией после лекции и общения:

— Гроссмейстер-то так и остался иностранцем!

Одни говорили это с симпатией, другие — брюзжа. Но присягаю в том, что он старался стать *нашим*, советским, был более чем на сто процентов добросовестным в этом старании (прежде всего по *форме*), да вот добиться своего не сумел. А уж превратиться в *русского* (со всеми отсюда вытекающими филологическими и идеологическими последствиями) — не сумел тем паче.

Иногда, в крайних случаях, он, что таить, срывался, мог обидеться, хотя быстро остывал и просил прощения:

— Не сдержался... бочку на вас покати... — И тут же: — Сами напросились.

И когда срывался, то и здесь слова его были какие-то обходительные, упакованные в подобие самоиронии и юмора, — таким образом у нас никто никогда не выражал недовольства или негодования.

— Ну что, *Володишка*, — мир? — спрашивал он.

Мир — вот то, чего, наверно, больше всего он хотел, в чём нуждался, без чего его существование превращалось в крошечный мрак и ужас. И это желание составляло основу флоровских речевых интонаций.

Однажды на 2-й Фрунзенской мы втроем перекидывались в картишки — Флор, я и Виктор Васильев. В «комнате Флора» (чуть ли не музее — со всеми его кубками, выпелами, медалями разного достоинства, уникальными книгами и т. д.) «телефонировал» в Будапешт объявившийся в Москве Лилиенталь. Андрэ Арнольдович зачем-то позвал к телефону Флора. Воспользовавшись паузой, я спросил у Виктора Лазаревича, не собирается ли он сделать книжку о Сало Михайловиче. О загадках Таля и Петросяна он написал, по-моему, весьма недурно. Васильев ответил: дескать, я вот уж сколько десятилетий *люблю* Флора — и боюсь, как бы не получился панегирик; но главная причина моих колебаний, добавил он, заключается в огромной, почти непреодолимой трудности...

— Какой, если не секрет? Что за трудность такая?

— А сам не догадываешься? Я должен буду придумывать за него фразы. *Строить* их. Не стану же я переделывать его чешские финтифлюшки на русский макар. Зачем обижать дорогого мне человека с больным сердцем? У него же нет ни одной нормальной русской фразы, не зря с ним редакторы работают — ты что, не понимаешь? Как будто прибыл он в наше отечество из-за бугра месяц-два назад и не успел акклиматизироваться. А если я буду «сочинять за него»... сам подумай — пропадёт аромат.

Уже в 1986 году в «Интервью с самим собой», где Виктор Васильев признался, что лишь после смерти Сало Михайловича по-настоящему понял, что значил для него этот человек, было сказано о Флоре как о неподражаемом рассказчике, на выступлениях которого в зале всегда царила тишина, перемежавшаяся взрывами хохота. Разве можно было не засмеяться, узнав от Флора, что Керес, «вииграв» у голландца Лодевейка Принса, «сделал из Принса нищего»! Вот за что ему не просто охотно прощали словесные «финтифлюшки» (вроде «вииграл») — в них находили особую, щемящую прелесть.

Виктор Лазаревич в «Интервью с самим собой» упомянул следующую горькую (но всё-таки характерную) подробность: «Из-за своей скромности Флор не любил юбилеев. За несколько месяцев до своего семидесятипятилетия (21 ноября 1983 года) и за полтора часа до своей внезапной кончины он сказал мне со своим неистребимым чешским акцентом: “Надо на это время куда-нибудь *смыться*”. Сало, как всегда, остался верен себе...»

И ещё вот такие наблюдения.

Флор неоднократно бывал в Голландии и там познакомился с гроссмейстером Генной Сосонко, эмигрировавшим из СССР в 1972 году, автором таких талантливых книг, как «Мои показания» и «Диалоги с шахматным Нострадамусом». Его эссе «Эсиг флейш» посвящено Сало Флору — человеку, который в молодости благодаря резко очерченным, глубоким глазам, бровям вразлёт, маленькому росту и тёмному, почти чёрному цвету приглаженных волос с узкой ниточкой пробора был поразительно похож на Чарли Чаплина. Сосонко встречался с Сало Михайловичем — сначала в сентябре 1965 года в Сухуми, на всесоюзном студенческом первенстве, затем на турнире в Тилбурге и в офисе ФИДЕ, расположенном в ту пору в Амстердаме, а последний раз — ранней весной 1983 года (за несколько месяцев до его смерти), когда Флору уже не был похож на Чарли Чаплина («...кругленький, седые, сильно поредевшие волосы, мешочки под слезящимися глазами, выпцветшие зрачки, фазаньи складки кожи на подбородке, старомодный костюм, классический галстук, манжеты...»). И Сосонко в тот раз подумал, что Флора «скорее можно было бы принять за рантье или служащего банка, наслаждающегося заслуженным отдыхом последнего периода жизни». Общаясь с ним, Сосонко пришёл к выводу, что в Советском Союзе Флор пользовался *не родным языком*! Да пожалуй, и был ли у него такой — родной?! Вся жизнь Флора, от местечка Городенки, где он появился на свет Божий, до квартиры на 2-й Фрунзенской, где он рухнул на пол, чтобы никогда больше не подняться, была одной из характернейших драм XX века.

Кем приходился Флор этому веку? Пасынком? Сыном? Он жил — как все и не как все. А впрочем, кто живёт иначе? После него осталось немало загадок, и в том, что у нас, даже близких ему, больше догадок, чем разгадок, *виноват*, пожалуй, он сам, не оставивший «в столе» заветных дневников, на которые я надеялся «до последнего». Печально, что никто из окружавших его не ведал, какой же язык для него — родной.

Сосонко справедливо заметил, что в чешском языке Флора «слышались перепевы польского, немецкого. По-русски он говорил очень хорошо, хотя тоже не без акцента. Флор, как почти все, для кого русский язык не является родным, был не в ладу с буквой “ы”, злоупотреблял в речи и при письме мягким знаком. Возможно, это неполное владение грамматикой и лексикой давало ему ту свободу обращения с языком, при которой иногда достигается бо́льшая выразительность речи; но редакторская правка была совершенно необходима для всего, что он писал».

Вот что я хотел донести до сведения читателя, прежде чем приступить к своему основному повествованию.

Глава четвёртая

«ФРОЛ? ОН И ВПРАВДУ НАШ?»

1

Как я попал в Ивано-Франковск, а оттуда — в Городенку? Случайно.

Всё — благодаря Антону Бреусу.

Началось с пустяка — с того, что «Литературная газета» напечатала мои стихи. Член редколлегии «ЛГ» Георгий Гулия позвонил: заезжайте к нам. К удивлению, в редакцию поступили кое-какие отклики на подборку, среди которых был и пакет, присланный неким Бреусом — электриком при каком-то ЖЭКе, к тому ж шахматистом-второразрядником и собирателем редких шахматных изданий (среди них — даже и дореволюционных). Впоследствии, будучи у него дома, я поразился тому, что у Антона ещё хватило сил и времени собрать все книги Ивана Франко — романы «Воа Constrictor», «К свету!», повести из жизни воров и «бывших людей», произведения из быта ищущих правды евреев. Шахматы он любил беззаветно. Я поломал голову над его задачами и этюдами, которые кое-когда

печатались. Он получил сочувственный отзыв о своих композициях из «Шахмат в СССР».

Ответил я ему вовсе не потому, что он спрашивал: стоит ли и дальше посвящать себя «сочинительству». Таких советов я никому никогда не давал. Важно другое: три его стихотворения были посвящены... Флору. Одно из них называлось «Детство Флора — в пламени погрома». В нём говорилось: «Открестились, открестились мы от Вас!» А вот строки из другого:

Забыли Вас, маэстро, земляки.
Вы никогда им не были близки.

Над Городенкой — трёхэтажный мат.
Мне говорят: никто не виноват!

А вспомнить Вас — погрома вспомнить час.
А это ведь, конечно, — не про нас.

И это — ни к чему и нелегко.
Не только Вы — не нужен им Франко!

«Вы — счастливый человек, — писал он мне, — потому что вы можете видеть Саломона Михайловича, бывать у него и принимать его у себя. Но прошу, не говорите то, что я вам сообщу. Он огорчится, если узнает, что в центре нашего города люди обнаруживают в кладке тротуара каменные плиты, которые были нагло похищены с еврейского кладбища. Я сам, своими глазами их видел. На них — надписи на идише (так говорят). Приезжайте — покажу. Осень стоит — просто загляденье! Настоящее лето. Такого не бывало. И вправду, приезжайте к нам, хоть ненадолго. Места — сами понимаете! Чудные у нас места. Буду очень рад. У меня свой “Запорожец” имеется, не ахти какой кабриолет, но в полном порядке. Съездим на родину нашего гроссмейстера, в Городенку, — это не так уж и далеко от областного центра. По пути предлагаю заехать к моим родственникам, в Коломыю, тётка моя работает на сыродельном заводе, а её муж — на мебельной фабрике. Только скорей приезжайте, пока погода не испортилась. Повторяю: сейчас у нас не хуже, чем в конце лета...»

В ту пору мне, полковнику, совсем нетрудно было взять командировку и мчаться хоть на край света.

О Бреусе я ничего не сказал Флору, тем более о стихах. Он не любил вспоминать о своём детстве, о местечке, где родился. Из него прямо клещами приходилось вытаскивать хоть какие-нибудь детали далёкого прошлого. Я лишь сообщил, что поеду в служебную командировку в Ивано-Франковск.

— В Городенку, значит, собираетесь?! — усмехнулся он. Догадался.

— Обязательно. А что? Вы — против?

Он пожал плечами.

Ему не хотелось отвечать на мой вопрос.

Антон встретил меня на своём «Запорожце».

— Ну что, — похвастался он, — не обманул я вас с погодой? Лето! Двадцать пять градусов. — И уточнил: — Вы Флору, надеюсь, не показывали мои стихи?

— Не показывал.

— Ну и правильно. Как бы он отреагировал на такие строчки о своих земляках? «Вы никогда им не были близки...» Расстроился бы — это уж как пить дать. Хорошо, что он сюда не приезжает. Много испортило бы ему настроение. Допустим, те же самые плиты с еврейского кладбища — просто кадры из ужасика...

— А насчёт этих плит — неужто правда?

— Чистая правда!

(В журнале «Лехаим» — уже в другое, более позднее, время — Леонид Говзман говорил, что в *такое* в самом деле поверить трудно. Но — пришлось. «...Я решил вернуться сюда с фотоаппаратом. (...) Прихватив жену, обоих сыновей и два фотоаппарата, приехал в Коломыю. Долго ходили по старому кладбищу, разглядывая рисунки и гадая, сколько же лет надгробиям? Отсняли две плёнки, выбрав, на наш взгляд, самые уникальные плиты. (...) Через месяц вновь приехал в Коломыю. И на месте кладбища нашёл... строительную площадку. Надгробные плиты снесли бульдозером... Кости, по словам очевидцев, растаскивали вороны... Здесь же я услышал, будто бы во время войны в лесу близ Коломыи фашисты расстреляли около пятидесяти тысяч евреев. (...) Потом мне показали ещё одно скорбное место: в центре Ивано-Франковска часть тротуара была вымощена каменными плитами, на которых, если всмотреться, можно было разглядеть текст на иврите.

— Плиты с еврейского кладбища, — мрачно прокомментировал мой «экскурсовод», местный раввин Виктор (Мойше) Колесник.

Затем он отвёл меня на ивано-франковское еврейское кладбище. Показал обогнутую стелу, на которой по-украински было написано, что тут во время войны фашисты уничтожили свыше 128 тысяч советских людей».)

Уже через пару дней после моего прилёта мы с Антоном направились в Коломыю к его родичам, а оттуда — в Городенку, бывшее

галицийское местечко. Не из лучших были мои предчувствия, несмотря на не по-осеннему залитую солнцем полыхающую природу предгорья синих и зелёных Карпат с островками первого багрянца и первой охры, на разливы буковых, дубовых, грабовых морей и озёр. И предчувствия не обманули меня. В этих живописных местах никто не слышал о гроссмейстере Сало Флоре, хлебнувшем лиха в детстве вместе с роднёй. И никому из встреченных нами — и молодым, и пожилым — и в голову не приходило, что есть у них такой земляк — Сало Флор.

Я слышал:

— Карпова знаем. Толю. Симпатичный паренёк. Он телеграмму Брежневу Леониду Ильичу посылал. Лично. Так, мол, и так, одержал победу. Доложил по форме. А этот... как его... *Фрол*? Он и вправду наш? Имя у него смешное — *Сало*.

Эти люди жили в обстановке духовной и культурной разрухи.

В Городенке многое поразило меня, но особенно — костёл Непорочного Зачатия Девы Марии, возведённый в середине XVIII века итальянским зодчим Бернардо Меретином и скульптором Иоганном Пинзелем. Красота фантастическая! Она была отчётливо видна, ошеломляла, хотя церковь эта находилась в самом плачевном состоянии. Ей срочно требовался серьёзнейший ремонт, да нет — реставрация. Это чудо вопияло о помощи, о спасении. Показательно, что элементы декора храма Бернардо использовал потом при строительстве собора Святого Юра во Львове и ратуши в Бучаче.

(По мнению некоторых местных специалистов, за годы советской власти на Украине было загублено около восьмидесяти процентов культурного наследия!)

А тут — «*Фрол*». Подумаешь!

Ну Фрол. Ну и что?

Кстати, в «Записках шахматиста» Александр Котов вспомнил нечто подобное:

«Изба-читальня одного из подмосковных колхозов... Объявление: “Сегодня состоится лекция международного гроссмейстера А. А. Котова о поездке в Южную Америку. И сеанс одновременной игры международного гроссмейстера С. М. Флора. Просьба, у кого имеются, захватить с собой шахматы”...»

Председатель, коренастый мужчина с большими мозолистыми руками, объявил:

— Товарищи! К нам приехали международные гроссмейстеры Котов и Фрол. Они покажут нам своё шахматное искусство...»

Так ведь это же Подмосковье. Всего каких-нибудь двадцать — двадцать пять минут до площади Трёх вокзалов.

Что же толковать о милом Городенке, о захолустном, местечковом, но о котором, впрочем, один тамошний симпатичный начитанный старожил Иван Фёдорович (явно ровесник Флору) с гордостью заявлял:

— А про Городенку в «Слове о полку Игореве» сказано. Так-то вот! И действительно — сказано:

«Один Изяслав, сын Васильков, позвенел клинками острыми о шеломы литвинов, да опозорил только честь деда своего Всеслава, под червлёными щитами на кровавой траве рассечён мечами литовскими. И молвил на смертном ложе: “Дружину твою, княже, ворон крыльями запахнул, звери кровь её излизали”. Не было тут ни брата Брячеслава, ни другого — Всеволода: так одинёшенек изронил он свою жемчужную душу из тела храброго сквозь ожерелье златое. Уняли голоса, поникло веселье, трубы трубят Городенские...»

Трубите же, трубы городенские, о жемчужных душах людских!

Глава пятая

ДОРОГА ИЗ ГОРОДЕНКИ В ЛИПНИК

1

Жаль, что не переведена на русский язык книга чешского исследователя Яна Календовского «Молодой Флор», изданная в 1985 году в Брно. Этому автору следовало бы сказать спасибо за его энтузиазм. Трудновато было ему добывать материал — особенно в той части, где речь шла о раннем детстве будущего претендента на звание чемпиона мира, бросившего перчатку Алехину.

Сало Михайлович — известное дело — на тему своего детства распространяться не любил. А земляки, городенцы? Давайте заглянем хотя бы в одну из ивано-франковских газет, в которой помещён материал, приуроченный к 95-летию Флора (спасибо, что отозвались, не забыли, не прошли мимо даты, — это я говорю совершенно серьёзно, без ёрничества). Начинается статья со слов о том, что у взрослого Флора появилось необычайно «украинское» имя (*Сало*), хотя на самом деле он — *Соломон*. И — далее (перевод мой): «О пребывании многодетной семьи Михаила Флора, занимавшегося барышничеством (*гендлярством — так в оригинале*), в Городенке известно мало».

(Что вообще могло быть известно о неприметной еврейской семье в зауряднейшем местечке в Галичине?)

Сало Михайлович — о чём мы ещё поговорим — по-особому трепетно относился к книгам Франца Кафки, чей отец, Герман, происходивший из семьи полунищего резника, сумел выбиться в люди — стал оптовым торговцем галантерейных товаров.

— Почему-то, — говорила мне в Голицыне уже в семидесятых годах Райт-Ковалёва, блистательная переводчица Кафки, — думая о вашем Флоре, я сразу же думаю именно о Кафке. Странно... А может, тут ничего странного и нет...

Я пытался возразить:

— Но ведь у этого писателя отец был настоящим тираном, измывался над детьми, подавлял волю Франца. А отец Флора совсем не такой, он — жертва погрома, он был, по словам Сало Михайловича, добрейшим, мягким человеком и слишком рано ушёл на тот свет разорённым, уничтоженным.

— Не в отца дело, — сказала Рита Яковлевна. И пояснила: — В страданиях! У Кафки они — явные. У Флора — скрытые, за шуточками. Но они у него всё равно видны. Он мог бы ответить своей Жизни словами Кафки из «Письма отцу». Вы догадываетесь о том, что стоит за этим словом — «Жизнь», не сомневаюсь.

Разумеется, я понял.

Я нашёл у Кафки то место, которое имела в виду Райт-Ковалёва: «Дорогой отец. Ты недавно спросил меня, почему я говорю, что боюсь Тебя. Как обычно, я ничего не смог Тебе ответить, отчасти именно из страха перед Тобой, отчасти потому, что для объяснения этого страха требуется слишком много подробностей, которые трудно было бы привести в разговоре. И если я сейчас пытаюсь ответить Тебе письменно, то ответ всё равно будет очень неполным, потому что и теперь, когда я пишу, мне мешает страх перед Тобой и его последствия, и потому количество материала намного превосходит возможности моей памяти и моего рассудка».)

Продолжим, однако, чтение газеты: «Семейство Флоров жило в доме, где теперь общеобразовательная школа № 2, — рассказал по телефону главный редактор городенковской газеты “Край” Владимир Приймак. — Дом во время войны (имеется в виду Великая Отечественная. — *В.М.*) разрушили. (...) Когда Соломону не было и года, его семья эмигрировала в Моравию. Вскоре родители умерли, и в два года мальчик остался сиротой...»

«Родители умерли...» Как в сказке: жили счастливо и умерли в один день?! В этой маленькой заметке много неточностей, недоговорённостей. Ведь совсем нетрудно было бы навести справки. Семья

не эмигрировала! Какая же тут эмиграция, скажите на милость? Она снялась с места, бросив абсолютно всё нажитое, в том числе дом, потому что начались еврейские погромы. Михаилу Флору, «барышнику», припомнили, что тот занимался торговлей и, чтобы прокормить семью, перепродавал всякую мелочишку — «наживался», по мнению взбесившихся громил. В заметке, во всяком случае, ехидное «гендлярство» звучит двусмысленно.

По свидетельству самого Сало Флора, его родители едва сводили концы с концами, и всё походило на живую картинку, нарисованную поэтессой Эльмирой Котляр в её стихотворении «Торговец Аврум» (из книжки «Роскошное местечко»):

...Он брался то за одно, то за другое дело,
голова у него,
как вечный двигатель, гудела!
Но, как назло,
ни в чём ему не везло.
А он мечтал
накопить небольшой капитал,
открыть свою лавочку,
торговать солью, крупой, мукой,
жениться, иметь дома покой...
Может, у него был гениальный ум,
но выходил один шурум-бурум!

(В Городенке мне рассказали анекдот: «Абрашу укоряют: что ж это ты азбуки не выучил? Абраша и говорит: мол, как это — не выучил, вы, Израша, не правы, наизусть её знаю — АБЫВЫГИДНО». И добавили, что анекдот старый, с бородой, дореволюционный. Вполне возможно. Так оно, скорее всего, и есть. Правда, мало что меняется.)

2

Не совсем ясно, почему же ивано-франковским журналистам почти ничего не было известно о пребывании семьи Флоров в Городенке? Почему, однако, они в то же время не преминули подчеркнуть свою *осведомлённость*, упомянув, что молодой Сало добивался успехов во многих турнирах, «не имея фундаментальной теоретической подготовки»? Откуда это им, газетчикам, известно? Неужто вычитали? Может, у М. М. Ботвинника: «Дебютный его репертуар был ограничен...»? Или у В. Д. Батуринского, который говорит, что Флор не имел в юности учителей, был почти незнаком с шахматной литературой?

И почему в статейке не говорится о причинах того, что заставило семейство Флоров, пустившись в бегство, покинуть родные края,

бросить всё — и имущество, и дом? Для Яна Календовского, тем не менее, это не такая уж тайна. С началом Первой мировой войны десятки тысяч евреев бежали из Галиции в Венгрию, Богемию и Вену. Оставшиеся подверглись нещадному унижению, а то и уничтожению. Польские войска, занявшие Львов 21 ноября 1918 года, и не подумали выступить против этих кровавых расправ. Вот что навсегда осталось в памяти Флора закодированным кошмаром, который впечатляюще передан той же Котляр, любившей «издалека» Сало Михайловича и писавшей об ужасах тех же самых мест:

И грянул над еврейским местечком гром —
погром!
На этот раз местечко громили белополяки.
Евреи прятались по погребам —
живые по гробам!
Ханка в доме была одна,
металась в тифозном бреду на постели.
Спрятать, что ли, её не успели?
...Ханка пришла в себя, видит —
ни матери, ни отца, ни живого лица...
Очнулась на лавке у бабки Ульяны под божницей.
От слабости не могла шевельнуть ресницей.
Чуть не месяц пролежала в тифозном жару.
Однажды пьяный казак на коне прискакал ко двору.
Стал спрашивать бабку Ульяну:
«Нет ли в хате большевиков або жидов?»
Ханке было шестнадцать годов.
Бабка стала говорить казаку:
«Не знаю, кто воны таки,
Большовики.
И жидов у мене в хати нэма...
Чоловик хороший!
Возьми соби гроши!
Возьми горилку,
возьми сала шматок,
поезжай, браток!»
Казак выругался, поводом тронул коня,
погрозил бабке наганом: «Смотри у меня!»

Вот в какую именно годину Флора оставили Городенку. Иного выхода не было у них. Иначе — гибель.

Был тогда Сало совсем маленький.

Галиция... Память о ней впечаталась шрамом на сердце, и выстав-
лять её напоказ Флор всячески воздерживался. Галиция его детст-

ва — это и голод, и холод, и разрушенные, сожжённые дотла дома, и трупы, сотни трупов, и скрип тележных колёс (хорошо ещё, если те колёса не отваливались, и хорошо, если вообще телега попадалась, а то и пешком шли и по раскисшим, и по заснеженным дорогам).

Старший брат, Мозес, чувствуя, как устал Саломончик, брал его за руку, и они с ним, иногда обгоняя родителей, иногда отставая от них, летели во весь опор, чтобы спрятаться в каком-нибудь подвале или овраге от измывательства, от снарядов и пуль. Флоры перебирались из местечка в местечко, а война и ненависть шли по их пятам. Из восьми детей осталось лишь двое.

Наконец хорошим людям удалось переправить Флоров в Липник. Этот моравский городок, расположенный в долине Моравских ворот при реке Бечва, показался Сало сушим раем. Он поразился совершенно иному укладу жизни, спокойному течению реки Бечвы, воркующим голубям на просторной площади у ратуши, построенной в ренессансном стиле. Сало ходил сюда, на эту площадь, чтобы слушать бой часов и наблюдать за мужчинами и женщинами, которых считал знатными особами. Они были хорошо одеты, на их лицах он не находил и тени тревоги. Его поразила и красота домов (сплошь поздняя готика и ампир), колокольни при костёле Святого Якуба. Городок гордился братством всех проживавших в нём (а среди них — и еврейской диаспорой), и не зря липникский собор нарекли Единством Братства. Флоров окружили заботой, стали звать в синагогу. Но, увы, хождение по мукам не завершилось; беды, выпавшие на долю родителей, обернулись горем: в течение двух лет друг за другом скончались мать и отец...

(А теперь вспомним публикацию нью-йоркского журналиста г-на Харитона. Там говорится, как Елена Кобак, якобы ставшая женой Сало Флора, оправдывается перед американским гроссмейстером, когда тот спросил: «Откуда же у вас столько денег, что вы так хорошо живёте?» — «Елена подошла к небольшому комоду и выдвинула один ящик. Она достала из него какой-то весьма официально выглядящий документ и дала мне его в руки. “Это последняя воля и завещание отца Сало, — сказала она. — Он был одним из самых богатых людей в Чехословакии (!!! — *В.М.*). Он оставил нам все деньги — поэтому-то мы постоянно ездили в Прагу. Я подозревала, что вы будете чувствовать себя обманутым, но я также знала, что бессмысленно доказывать нашу невиновность. Вам необходимо было приехать и самому узнать правду. Только представьте ваши подозрения, если бы я дала вам телеграмму с просьбой не беспокоиться, потому что Сало слишком болен, чтобы встретиться с вами...»

Отец Сало, мелкий торговец из Городенки, жертва погрома, — «один из самых богатых людей в Чехословакии»!.. Каково?!)

...Слава богу, нашлись люди, которые не оставили сирот. Сало не стал верующим, просто заходил он в синагогу с Мозесом; вот только молиться не научился. Он до самой смерти остался атеистом — и лишь однажды пожалел об этом. Несмотря на малолетство, он по достоинству оценил то, что строгое здание синагоги сохранилось с XV века. Не разрушалось. Много, слишком много будет разрушено в его жизни.

Десятилетний Сало после смерти «барышника» Михаила Флора несколько дней не мог вымолвить ни слова. И плакать не мог. А когда к нему вернулась речь, сказал старшему брату:

— Пожалуйста, Мозес, прошу тебя — ты должен заменить мне родителей. Отец просил тебя стать моим поводырём. Будешь?

И Мозес ответил:

— Буду. Не сомневайся...

Глава шестая

«МОЗЕС, ЭТО ДРУГИЕ ШАХМАТЫ!»

1

А затем Сало, о котором говорили как об умном, не по годам развитом мальчишке, находчивом, кристально честном, перебрался в Литомержице. Его приняли на воспитание в одну дружную, заботливую семью, которую возглавлял раввин и где он ни разу не ощутил себя чужаком, ненужным, дармоедом. Здесь он чувствовал себя как дома, ходил в гимназию; там ему всё очень нравилось — и большой двор, обрамлённый малорослыми ухоженными деревцами, и живописные портреты Яна Гуса, Стефана II, Яна Люксембургского, Карла IV, Антонина Дворжака, Бедржиха Сметаны — в коридорах и в классах, обилие географических карт, запах осенних цветов, дымчатость и изящество богемского стекла, выставленного в специальных стеклянных ящиках.

Сало с упоением гонял со сверстниками в футбол. Домашние не препятствовали этому увлечению, но приучали его сизмальства черпать знания отовсюду — на это у него была *привилегия отрочества*; ему приводили исторический пример: все проплывавшие по Лабе мимо Литомержице — краевого центра доминиканского и францисканского монашеских орденов — торговые суда и все проезжавшие

через город купцы были обязаны остановиться и выставить на продажу свои товары местным жителям. А для Саломончика это означало: всё со всего света — для тебя, не сиди без дела и набирайся ума-разума, всё лишь от тебя зависит.

Боль утраты у него притуплялась, и он всё полнее принимал в сердце этот старейший и знаменитейший город Богемии, расположенный в долине рек Лабы и Огрже. К нему из Праги, находившейся отсюда всего километрах в семидесяти, наезжал Мозес, вполне уже столичный житель, мастеровой, работающий. Прогулки были их любимым занятием. Перед ними символами готики и барокко высились собор Святого Стефана, костёлы святых Войтеха и Вацлава, костёл Всех Святых, иезуитский и доминиканский соборы, костёл Капуцинов.

— Первый раз в жизни, — рассказывал Флор, — меня потянуло сочинить стихи о романтическом доме «У чёрного орла», о его волшебных сграффито на библейские сюжеты. Я потратил на поиски рифм, на это абсолютно безнадёжное дело несколько ночей, но у меня, конечно, ничего не вышло. Кое-что я, рискнув, прочитал Мозесу, и он назвал меня жалким подражателем: ты, говорит, совсем не о том и не так пишешь — и, хоть я не критик, вижу, что ты подражаешь Гавличеку Боровскому, зачем-то смешишь читателя, и что это ты, говорит, тут потешного нашёл — ничего ведь смешного... Стихи свои я порвал, клочки бумаги даже хотел сжечь и поклялся — никогда больше не браться за поэзию.

Тут ещё такая история вышла. Мозесу пожаловались, что Сало увлёкся дворовым футболом, разбил мячом окно сварливому соседу. Ругани было много. Старший брат не стал укорять своего Саломончика, обнял его за плечи и пошёл с ним в спортивный магазин, чтобы купить ему шахматы.

— Ты в них уже играл? — спросил он.

— А как же, — ответил Сало. — Мне в гимназии показали, как ходят фигуры.

— Теперь поиграй со мной, — предложил Мозес.

Он делал ходы и объяснял значение каждого из них, показал киндер-мат, спёртый мат, вечный шах и превращение проходной пешки в коня, который тут же, в один ход, матует вражеского короля.

— Ну и как? — полюбопытствовал он.

Сало поглядел на него из-под густой тёмно-каштановой чёлочки:

— Это как будто другая игра, Мозес. Это другие шахматы. В такие я не играл. Это мне нравится. Покажи ещё раз, как ставится спёртый мат. Здорово! Ещё что-нибудь покажи...

— Я пришлю тебе учебник, — пообещал Мозес. — Там ты возьмёшь для себя куда больше, чем от меня, и от всей гимназии, и от всего города.

И он, воспользовавшись оказией, прислал «Мою систему» Арона Нимцовича, а к ней в придачу — «Современный учебник шахматной игры» Рихарда Рети, восхищение которым осталось на всю жизнь. Сало обрадовался учебникам. Оказалось, ему и доска не требуется. На уроках он восстанавливал в памяти диаграммы — и фигуры вдруг приходили в действие; это было похлеще любого театра: страдания связанной фигуры, коварство открытого шаха, «таинственные» ходы ладьёй, фокусы сдвоенных пешек, «постройка моста», «пломбирование», чудеса «выжидательных» ходов и «приманок»...

На уроке же, неожиданно для самого себя, нашёл он решение гениального этюда Рети, где король белых либо догоняет вражескую проходную, либо помогает вступить на восьмую горизонталь своей пешке. Сало чуть было не закричал от восторга, прямо остолбенел, будто громом поражённый. Его в тот миг просто ослепила красота этого «невозможного», легендарного задачного механизма. Он напишет в другое время и в другой жизни в статье «Памяти Рихарда Рети» о том, что ему пришлось пережить, раскусив труднейшую загадку: «...Один из первых этюдов Рети произвёл (...) ошеломляющее впечатление. Каждый с улыбкой спрашивал: “Что за первоапрельские шутки? В какую сторону идут пешки?”».

Забегая вперёд, скажу, что Флор впервые увидел Рети, выходца из предместья Братиславы, довольно полноватого, но подвижного, на чемпионате Чехословакии: «Это было в 1925 году, когда я играл в одном из побочных турниров (занял 4-е место. — *В.М.*). Я был огорчён, когда испортил один интересный эндшпиль. Рети показал, каким образом я мог бы его выиграть. (...) Постоянной квартиры у него не было нигде. Мама и брат жили по-прежнему в Вене. (...) В 1925 году Рети женился на 17-летней дочери известного русского поэта Сергея Городецкого — Рогнеде...»

А тогда, на уроке, Флор даже не сообразил, торжествуя и безмерно радуясь, что для всего этого ему понадобилось лишь включить воображение! Это и было вступление в игру вслепую. Так появился на свет феномен по имени САЛО ФЛОР. (Как подметил Сосонко, «...его имя и фамилия, произносившиеся обычно на одном дыхании: *Салолор*, сразу создавали аромат чего-то необыкновенного...»)

В гимназии отныне в шахматах ему не было равных. Он прогрессировал с каждой сыгранной партией. Ему проигрывали сверстники и преподаватели. Он стал тосковать о партнёрах, равных ему или превосходящих его по силе. Пробудившийся талант требовал развития! И — критического отношения к самому себе! Бесценно свидетельство

самого Флора, которое можно отыскать в рижском журнале «Шахматы» (№ 17, 1968):

«...Я жил и учился в небольшом городке около Праги. Было мне тогда тринадцать лет. (...) В газете появилось сообщение о том, что в Литомержице приезжает немецкий мастер Ф. Земиш и будет играть на десяти досках... вслепую. Я не понял: как это можно играть в шахматы вслепую. Может быть, какой-то цирковой номер? Меня это дело заинтриговало. Очень хотелось посмотреть на этот “фокус”. Но как попасть в шахматный клуб? Препятствий было много. Как школьник я не имел права вечером ходить в кафе (днём, правда, тоже нет, но это можно было как-нибудь обойти). Надо было получить разрешение в школе. Я его и получил. Аппетит приходит во время еды. Теперь — решил я — стоит попросить в шахматном клубе, чтобы меня допустили к участию в сеансе. Это было труднее, но настойчивость и детские глаза преодолели сопротивление президента клуба, симпатичного дядечки с бородкой.

— Держись, Сало, ты защищаешь честь нашего клуба!

— Ничего, не боюсь я этого “слепого” мастера из Германии.

Разумеется, я всё же волновался. Хорошо помню, что больше всего меня беспокоил “отчёт” школьным товарищам в случае, если дело кончится неудачей. Но какая может быть неудача?

Сеанс начался... Десять шахматистов заняли свои места. “Фокусник” сидел на небольшой сцене. Он курил одну папиросу за другой. “Это ему не поможет!” С самого начала сеанса меня удивил один факт: почему ему не завязали глаза? Земиш сидел к нам всем спиной. На немецком языке ему объявляли наши ходы, и он довольно быстро сообщал свои, ответные. Я играл за восьмой доской. Игра развивалась, как мне казалось, нормально. Я следил за поведением Земиша. Вроде бы всё хорошо, никакого фокуса нет. Земиш только курит очень много и пьёт чёрный кофе — чашку за чашкой. За это время я успел освежиться стаканом лимонада. И вдруг... только закончилась дебютная стадия... голос Земиша громко объявляет: “Доска номер восемь: тринадцатый ход — Фе2:е6 шах и... мат в три хода!” Я побледнел. Чего-чего, мат? Мне мат? — Да, да, этот “фокусник” прав. Я уже заметил, что получаю мат, и сдался, весь красный от стыда.

— Эх ты! — сказал президент клуба. Но, пожалев меня, похлопал по плечу. — Не расстраивайся, всё бывает. Ты же проиграл мастеру, хорошему мастеру.

В тринадцать лет, впервые (и почти в последний раз) в моей жизни, я провёл бессонную ночь. Что я завтра скажу учителям? Что я скажу товарищам??!! Как быть? Что я им скажу? Они ведь будут смеяться. Зачем ты играешь в шахматы? Оставайся при футболе. Я решил, что скажу всем правду, а именно: мне казалось, что я прилично играю в

шахматы, но, оказывается, я понятия не имею о них. Однако поражение от “слепого” в тринадцать ходов очень задело меня. Я должен реабилитироваться, я должен “отомстить”!* Но как это сделать? Ведь Земиш на следующее утро покидает город. Ничего... я его где-нибудь поймаю! Нет хуже без добра. Я стал более серьезно заниматься шахматами. Изучал теорию. Вскоре переехал в Прагу, а там, конечно, было больше возможностей для тренировки...»

2

...Слушал я неторопливые рассказы Флора — и втихомолку от него задумывался у меня роман. К сожалению, не о нём, не о Флоре. До каждой темы, как известно, нужно дорасти. «Большое видится на расстоянии» — так сказал великий русский поэт, которому Сало Михайловичу в каком-то смысле придётся уже в пожилом возрасте стать родичем.

(После того как мы похоронили Флора, я вернулся домой и схватил с полки книгу Иоганна Петера Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» и несколько раз перечитал предисловие: «Сие собрание бесед и разговоров с Гёте возникло уже в силу моей врождённой потребности запечатлевать на бумаге важное и ценное из того, что мне довелось пережить, закреплять это в памяти. К тому же я всегда жаждал поучения, как в первые дни моего знакомства с великим человеком, так и позднее, когда я прожил подле него долгие годы. Жадно впитывая смысл его слов, я записывал их, чтобы и в будущем не утратить своего достояния. Однако теперь, думая об изобилии и полноте его высказываний, которые на протяжении девяти лет дарили меня счастьем, и глядя на то небольшое, что мне удалось сохранить, я кажусь себе ребёнком, старающимся удержать в ладонях весенний ливень, тогда как живительная влага протекает у него меж пальцев».

Жалящие мою душу слова! Вспомним, что говорил сам Гёте: «Даже ставя себе целью самое широкое обобщение, мы должны неустанно вдаваться в мельчайшие подробности». Утекает, утекает меж пальцев «живительная влага» флоровского бытия, зафиксированного в

* И Флор «отомстил», реванш состоялся — правда, через восемь лет, на международном турнире в югославской Рогашка-Слатине. Тут не было никаких «фокусов»: играли они с Фридрихом Земишем один на один, и тот не догадывался, отчего его так яростно и беспощадно атакует молодой чех. Одержав победу, Сало спросил старейшего гроссмейстера: помнит ли он Литомержице и тот сеанс? С тех самых пор и началась их дружба...

фактах, в деталях, и усиливается горькое сожаление об утраченном, о потере того самого, что следовало «хранить вечно». Тем с большей укоризной звучат слова долголетнего гётевского секретаря для меня, не обладавшего «врождённой потребностью» сохранять — наподобие Эккермана — каждый час, каждый миг жизни выдающегося человека и любимого друга. Разговаривая с Флором, я испытывал стыд, «мучая» его, уставшего, нахмуренного, «лишними» вопросами. Глупо было оставлять их «на потом». Захлопывал с облегчением то блокнот, то тетрадь, хотя сознавал, что до чего-то, до самого существенного, не докопался, упустил нечто важное. Надеялся — уж в следующий раз обязательно вернусь к *этому*, устраню пробелы, ни единого не останется.

Если Флор не писал о себе, то на рассказы о своём прошлом в разговорах со мной не скупился! Он находил всё новые и новые краски для минувшего. Не мог он, как и любой смертный, найти лишь одного — способа оттянуть день ухода, «чтобы раскрыться до конца»...)

Нет, не о гроссмейстере задумывал я книгу — о мальчишке Мите из приазовских степей, который по странному стечению обстоятельств был разбужен запретным джазом и сумел стать талантливым гитаристом. И одним из действующих лиц там должен быть, думал я, Иосиф Иоффе, внешне похожий на... Флора — и характером, и судьбой. Правда, будет мой Оська происходить из очень бедной, но тоже очень большой семьи, где перебивались с хлеба на воду; и ходить он будет в обносках, и бегать будет босиком по улочкам своей Белой Церкви до самых заморозков, зато петь будет Оська, будто ангел:

Камень упал на кувшин —
Горе кувшину.
Кувшин на камень упал —
Горе кувшину..

Если заботливый Мозес подарил Саломончику шахматы, чтобы тот не гонял до ночи в футбол с мальчишками и не бил соседям стёкла в окнах, то белоцерковский раввин подарит Оське кларнет. Оське, как и юному Флору, удалось быстро истребить в себе всякую никчёмную, показную сентиментальность. Сало, никогда не забывавший стоны раненых и умиравших, то, как он выжил в огне погромов, пожаров и перестрелок, чего натерпелся и скольких потерял, — если его спрашивали, о чём он мечтает, немедленно отвечал:

— Выбиться в люди!

Господи, давно ли его преследовали и днём, и ночью лютее зверя? Давно ли его жизнь не стоила и ломаного гроша?

Давно ли его дом в Городенке перестал быть *его* домом?

Он твердил про себя одно и то же: устоять на ногах!

Удержаться!

Выбиться в люди!

И Оська мой отвечал точно так же.

Когда Оська станет Иосифом Исааковичем и кандидатом медицинских наук, мама главного героя романа, Мити Чурсина, женщина наблюдательная, заметит, что Иоффе, приятно, не занудливо брезгливый и застёгнутый на все пуговицы, — это педант из педантов, с древней неразгаданной тайной чёрных глаз, подчеркнутых белым накрахмаленным халатом, с холёными пальцами и кистями рук, привычкой бриться утром и перед ужином, человек, равнодушный к деньгам и антиквариату, лишённый слезливости и слабости. Для уточнения: глаза у Сало Михайловича были не чёрные, а голубые (с годами быстро выпцветающие). Но это дела не меняет. Тем паче что в них тоже скрывалась древняя неразгаданная тайна. Эту самую тайну он всячески оберегал. Он не хотел, особенно оказавшись на чужбине, в СССР, посвящать в неё окружающих. Очень не хотел — и менялся, лишь приезжая в Прагу к Мозесу, Нине Грушковой-Бельской и её Алоису...

По этой причине он взял за правило отшучиваться. И научился делать это так виртуозно, что покорял окружающих. Всё началось с того, что его шутки принимали за чистую монету и голодраная шпана, и дяди с тётями, угощавшие сироту иногда кнедликами, иногда — гороховой пучалкой, иногда — картофельными шкубанками. В гимназии он считался хохмачом номер один. И когда он попадёт на короткий срок на военную службу — тоже так будет. Впрочем, далеко не все улавливали перемены, которые мгновенно и часто происходили с ним. Все хохотали — а по его лицу вдруг пробежала тень горечи.

Глава седьмая

«ЭТУ ФАМИЛИЮ ПРИДЁТСЯ ЗАПОМНИТЬ!»

1

Не ускользало это лишь от Мозеса, к которому нагрянул Сало, распрощавшись с гимназией-восьмилеткой. Старший брат обосновался в Праге, на улице Польской в районе «Винограды», плотничал и столярничал. Как всегда, был тихим, мягким, внимательным. Мозес видел в своём младшем брате огромный талант. Об этом даре

он догадывался и прежде, навещая братишку-непоседу в Литомержице, где опекуны жаловались, что Саломончик ночи просиживает над шахматной доской и шахматными книжками. Не думал Мозес, что так повернётся дело, когда учил брата этой игре. Тот схватывал всё на лету. А вскоре Мозес догадался, что Сало нужны партнёры высокого класса. Он уже подумывал свести его с Рихардом Рети и возлагал на это знакомство большие надежды.

И куда бы в стремлении заработать ни попадал впоследствии Флор-младший — на бумажную фабрику, в торговую компанию, в редакции пражских газет (как поставщик новостей), — всюду ему предрекали большое будущее. «Этот цели добьётся!» — говорили о нём. К примеру, журнал «Ceskoslovensky Sach» уже с 1925 года находит самые лестные слова для игры этого юноши, чьим девизом было: не жалеть ни пешек, ни фигур для победы! Да здравствуют острота, агрессивность замыслов, да здравствует атака — во что бы то ни стало! Максимумы Нимцовича вызывали теперь у него ещё больший восторг, потому что они были подтверждены его собственными — сильными и не очень сильными — ходами.

Он, кстати, мечтал научиться писать когда-нибудь об особенной жизни фигур, наделённых шахматными страстями, как Нимцович. Каждый абзац «Моей системы» хотелось ему перечитывать и перечитывать. Ну вот, например: «Активная ладья испытывает (...) истинное удовлетворение, подобно примадонне, которая, исполняя главную роль, видит в той же пьесе свою соперницу изнывающей в какой-нибудь незначительной роли. Но в этом случае не приходится удивляться, если “униженная” соперница... сказывается больной и срывает спектакль...» Красивые правила, усвоенные юным Флором, трансформировались в красивые победы. Многие издания обошла партия Флора с Лустигом, сыгранная в Праге: она по-настоящему эффектна и до сих пор ещё появляется в учебниках для начинающих.

В 1927 году он — уже третий на традиционном Мемориале Вацлава Каутского, и там признают его ровней известным мастера Карел Громадка и Карел Опоченский, хотя и понимают они, что совсем скоро он обойдёт их по всем показателям. И точно: после этого Сало трижды выходил победителем таких мемориалов. Его имя уже было на слуху!

Мозес, разумеется, знал обо всех этих хвалебных отзывах, соглашался с ними, хотя не мог так убедительно и красочно формулиро-

вать свои мысли, как эти образованные, расположенные к его брату люди. Сало «был замечен» в шахматных кругах сразу же, как только появился там. А «появился» не совсем обычным образом. Прибегнем к его собственному свидетельству:

«В Праге до сих пор есть кафе “Новак”, где встречаются шахматисты. Было также известное шахматное кафе “Континенталь” в самом центре Праги. Вот в этом кафе ежедневно с двенадцати часов дня до двенадцати часов ночи дежурил старик, шахматный профессионал. Он играл с посетителями на маленькую ставку — две кроны. Сыграть партию с “профессором Оос”, как его называли, было не так просто, ибо желающих всегда толпилось слишком много. Мне тогда было тринадцать или четырнадцать лет, и в один из воскресных дней старший брат взял меня в “Континенталь”. И вот я дождался очереди, и профессор дал согласие сыграть со мной. К ужасу профессора и особенно тех зрителей, которые всегда следили за его игрой (для профессора было забронировано постоянное место), я выиграл две партии. Профессор понял, что я для него невыгодный клиент, и, решив не терять напрасно времени, сказал:

— Хватит!

С этими словами он предложил мне четыре кроны. А я широким жестом отстранил деньги: не надо мне, мол, денег, я хотел только с вами поиграть. Профессор рассвирепел.

— Кто пустил сюда этого нахального мальчишку? — закричал он.

Появился испуганный хозяин кафе. Испуганный потому, что профессор грозил больше не посещать этого заведения из-за нанесённого ему оскорбления. Для хозяина кафе профессор был желанным посетителем, ибо привлекал народ. Меня попросили покинуть помещение — детям до шестнадцати лет не полагалось посещать кафе и рестораны. Так закончилась моя первая встреча с шахматным профессионалом, в которой я первый и последний раз в жизни выступал в роли “мецената».

Навсегда, на всю жизнь, сохранилось у Сало Флора трепетное чувство к таким прибежищам, как кафе «Новак», к тем, кто проходил там шахматные университеты. Он сам говорит об этом, повествуя о рижанине Мовше Фейгине. Почему о нём? Не гигант ведь. Мало кому известен, звёзд с неба не хватал, сведений о нём в шахматной литературе — кот наплакал. О Фейгине сообщалось лишь то, что он играл за Латвию на VIII Олимпиаде в Буэнос-Айресе; так же, как многие другие шахматисты-евреи, когда в Европе разразилась Вторая мировая война, вместе с Найдорфом, Элисказесом, Штальбергом, Фридманом, Соней Граф, Паулеттой Шварцман и ещё с не-

сколькими беднягами застрял в Аргентине, где бедствовал и умер от туберкулёза.

Флор описал Мовшу Фейгина так: «Это был маленький, хрупкий, болезненного вида человек, скромный и молчаливый. Да и откуда ему было иметь здоровый цвет лица, если он целыми днями просиживал в кафе!»

В этих словах Сало Флора звучат и сострадание, и участие, и расположенность к людям невеликим, но талантливым. Он принимал и увенчанных славой, и тех, кого она обошла стороной, обиженных, изуродованных эпохой. Все ему были близки. Никого он не забывал. Ему даже не приходилось стараться — само собой получалось.

Я, пожалуй, не встречал у него строк столь проникновенных и сердечных, как строки, посвящённые Фейгину, которого в 1937-м пригласили на турнир в прибалтийский Кемери (об этом событии рассказ — впереди), скорее всего, не из-за выдающихся успехов этого шахматиста, а потому, что тот был из Риги.

Но, говоря о нём, о шахматном кафе «Рейнер», где того чаще всего можно было встретить («Не всегда у шахматистов был и сейчас есть, так сказать, свой дом»), Флор в один ряд с ним поставил и Пола Морфи, дававшего в парижском «Режансе» сеансы, не глядя на доску, и Вильгельма Стейница, добывавшего себе побочный заработок в венской «Централи» и лондонском «Гамбите».

Флору ли, с раннего детства хлебнувшего лиха, не была знакома гнетущая тяжесть нужды — постоянной спутницы тогдашних шахматных профессионалов, а точнее, «полупрофессионалов».

3

У Флора были свои «святые места». Прославленный «Режанс» — одно из них. Котов рассказывает, как весной пятьдесят четвёртого года советские шахматисты в часы досуга бродили по Парижу: Булонскому лесу, площади Звезды, Тюильри. И неожиданно Флор стал укорять своих товарищей:

— Вы уже дважды в Париже, осмотрели весь город, а ещё ни разу не зашли в кафе «Режанс». Эх вы, шахматисты!

Никто, как замечает Котов, не стал возражать.

«Мы дошли до оперного театра и направились по авеню “Опера”.

— Где-то здесь, направо, — уверенно вёл нас Флор, бывавший много раз в кафе “Режанс” в дни своей молодости.

И он подробно расписывал нам устройство кафе, говорил об огромном портрете Алехина, вывешенном на самом видном месте, о множестве гравюр с изображением играющих в шахматы великих

людей... Однако нашли мы кафе не скоро. Несколько раз проходили туда и обратно мимо места, где, по расчётам Флора, оно должно было быть. Мы уже было пошутили насчёт того, что у “старого” гроссмейстера не то “понимание позиции”. Наконец вход был найден...»

Флора волновали люди «простые», не Робеспьеры и Наполеоны, не Руссо и Дидро, забегавшие сюда (да и в другие подобные кафе) попить кофейку и сгонять партийку-другую, а подобные Фейгину «полупрофессионалы», которые, как писал он в статье «Одна моя памятная партия», не каждый день зарабатывали себе на хлеб. Вот его слова: «Иногда им приходилось обращаться к официанту: завтра, мол, рассчитаюсь за кофе и яичницу».

После разгрома, которому подвергся «профессор Оос», Сало кое-что намотал себе на ус, он быстро вырослел и научился ориентироваться в любой обстановке. В шахматном клубе Прокеша он уже считался завсегдатаем. Иногда ему удавалось уговорить Мозеса пойти туда вместе с ним. Тот надевал свой лучший костюм, чистил туфли, и они отправлялись в центр Праги. Мозес гордился совсем юным братом, и его несказанно радовало, что их встречали в клубе приветливо, что Саломончик добивается огромных успехов, что его непрерывно хвалят, считаются с ним, жаждут с ним познакомиться и пишут о нём. Только и слышалось:

— Сало Флор! Как, вы не слыхали про нашего Сало Флора?!

И ещё:

— Какой стиль! Какие у него головокружительные комбинации! Это настоящий атакёр!

В статье Ганса Кмоха сообщались подробности появления Флора на шахматном небосклоне: «Берлин, 1928 год (Сало тогда ещё не исполнилось и двадцати. — *В.М.*). Турнир газеты “*Berliner Tageblatt*”. Поздняя осень, когда шахматная жизнь в полном разгаре. Кафе “Кёниг” переполнено. В большом зале проходит турнир. Молча сидят мастера, кругом вытягивают шеи шахматные любители и любопытствующие всех сортов, напускают на себя важность деловитые корреспонденты. В других помещениях, оставленных для обычной шахматной жизни, царит необыкновенный шум. Здесь появились некоторые лица, расправляющиеся с кофе в турнирном темпе и с партнёрами — в молниеносном. Особенно обращает на себя внимание корреспондент из Праги, по внешнему виду которого хочется сострадательно предложить ему ладью вперёд. Он, однако, этой предупредительности никакого значения не придаёт, наоборот, очень охотно идёт на повышение ставки и выигрывает с прямо-таки раздражающей систематичностью. Сто раз ему уже говорили, кри-

чали, что он несчастный пижон, что он во всех партиях стоял на проигрыш и выигрывает только благодаря везению. Но этот корреспондент глух, он улыбается, продолжает неумоимо играть и побеждает даже самых постоянных посетителей... Ему сажают более сильных партнёров — он продолжает выигрывать. Тогда хотят, чтобы он сразился с кем-либо из мастеров, но мастера стараются уклониться от игры. Храбрецы же должны вскоре убедиться, что имеют дело с неприятно крепким орешком. Некоторые были ужасно избиты, другие с большим трудом держались, но никто ничего не мог доказать этому незнакомому малышу. Как же его фамилия? Да, действительно — Флор! Эту фамилию придётся запомнить».

4

Мозес терялся. Он привык всё делать своими руками — и делать отменно. А что такое шахматный талант? Это — как певческий голос, наверно. А что ежели он пропадёт?! Кажется, у Карузо пропал голос. Так говорят. Жаль: ведь какой тенор! Самому Сало тоже приходили мысли о чём-то подобном; с каждым разом он всё настойчивее размышлял о своей игре, стал подумывать о своём стиле — если он есть. Может, его и нету... Сегодня вновь пронесло, сегодня жертва фигуры дала победу, желанное очко, — но партнёр «промазал», его подвело самообладание, и он не сумел найти правильной защиты. Ну а нашёл бы? Не было б этого очка.

Неплохо бы стать осторожнее, надо кончать с безрассудством, молодечеством, с «авантюрным полётом мысли» (как выразится позже Пётр Романовский — не о нём). Он не имеет права проигрывать. Отзвуки этих метаний и поисков истины легко найти в ответе Флора на критику того же самого Романовского в его адрес (статья «Ещё о творческих тенденциях современности» — в «64», 1937). К статье мы ещё вернёмся, а пока что обратим внимание на такое признание Флора: «Мастер нашего времени должен уметь прежде всего комбинировать (но не быть безудержным авантюристом! — *В.М.*), то есть разгадывать планы противника, находить возникающие комбинации, использовать малейшее преимущество, глубоко понимать динамику шахматной партии. Это далеко не голая профессиональная техника. Для меня сосчитать форсированную комбинацию на десять ходов значительно легче, чем найти в стратегически простом положении один, но единственно лучший ход». Далее он приводит в пример партию с Ловигом, сыгранную в Праге в 1926 году. И говорит: «Эту партию я играл в молодости. Партия показывает, что мне удалось создать комбинацию только потому, что мой противник помогал мне. (...) Молодой мастер часто начинает свой путь с бурных комбинаций.

Затем под влиянием опыта жизни он эволюционирует в сторону современной игры. Этот процесс неизбежен. В противном случае молодой “комбинатор” не поднимется выше среднего уровня и будет отеснён более совершенными шахматистами». Убежденность Флора перекликалась с утверждениями учёных мужей (вроде д-ра Йозефа Ханнака), которые сравнивали времена юного маэстро с временами Борджиа и конкистадоров, даже больше того — были уверены, что наступившая эпоха куда страшнее, что Европа мчится навстречу катастрофе и что «земной шар будет спасён только в том случае, если выпущенных демонов укротит холодный рассудок, ясный интеллект и сильная воля», а это, мол, означает осторожность, умение ждать, не поддаваться на провокации.

Проницательный Тартаковер (чем-то, как и Шпильман, похожий на некоторых героев Ремарка, мечущихся и терзающихся в жерновах немилосердной, сатанинской эпохи, породившей фашизм) догадался об особенностях характера Флора. Савелий Григорьевич, которого Сало смолodu обожал и у которого перенимал литературные приёмы, был точен в оценках: «Юный Флор начинает свои выступления в международных турнирах, сделавшись шахматистом-профессионалом и оставив работу журналиста в чешской печати. Первые выступления Флора приносят ему шумный успех и выдвигают его в ряды сильнейших молодых мастеров Европы. Вместе со всей многообещающей молодёжью принимает участие Флор в известном турнире в Блехе, где старая гвардия гроссмейстеров в лице Алехина, Боголюбова, Нимцовича, Видмара оказывается во главе турнира и где Флор терпит несколько жестоких, но многому его научивших поражений».

И верно: из этих поражений он извлёк кое-какие уроки.

Чтобы удержаться в седле, нужно не проигрывать!

Нужно быть застёгнутым на все пуговицы.

Тартаковеру, не сговариваясь с ним, вторил и Йозеф Ханнак, биограф Ласкера, автор многих неустаревающих афоризмов, который предвидел многое в шахматной и человеческой судьбе Файна и Флора. Стоит ли удивляться, что уже в будущем, в пятидесятых годах, именно Флор взял *под защиту* «расчётливого, осторожного» Тиграна Петросяна, напомнив, что редко приходится играть в таком турнире, где можно по-настоящему творить, как угодно твоей шахматной душе, не боясь того, что какой-то проигрыш рискует стать решающим для дальнейшей шахматной карьеры...

Глава восьмая

ФОЛКСТОН ДАРИТ ВЕРУ

1

Но однажды ему, знающему тонкости сицилианской защиты, защиты Нимцовича, защиты Каро-Канн и всех других проверенных временем и битвами защит, всё-таки пришлось почувствовать прелесть беззащитности. Он встретил свою первую любовь. Звали её Вера.

Она сама подошла к Флору.

Она и понятия не имела, что в те «баснословные года» Сало не был святошей, а проходил по разряду ветреников. Что уж греха таить. Не донжуан, но всё-таки... О своём друге Андрэ (Лили, Андрюше) он когда-нибудь ностальгически напишет: «В молодые годы гроссмейстер Лилиенталь был международным сердцееедом. Но окончательно он оставил сердце в Москве — в сильной конкуренции победила москвичка! После турнира Андрэ отправил домой телеграмму: “Не вернусь, люблю другую. Андрэ”. Свою жену, Евгению Михайловну, ставшую колоритной фигурой в зрительном зале московских шахматных соревнований, он называл Женна. В переводе на русский язык, должно быть, Женя. Лилиенталь провёл “рокировку” из Будапешта в Москву. Много позже при встрече Янош Кадар, первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, сказал гроссмейстеру: “Это был ваш лучший ход в жизни”».

Фолкстоном (или Судьбой!) Флору тоже был предоставлен шанс сделать самый лучший ход в жизни...

(Посмотрите нашу шахматную литературу — говорил Сало Михайлович, — вы нигде не найдёте большинства моих партий, сыгранных до войны на десятках турниров; смею заверить вас, что среди них отыщется кое-что достойное внимания; бывая за границей, я иногда находил случайно в каких-нибудь редакциях или библиотеках запечатлённые нотацией «следы моего пребывания» в Кралике, Свинуойсце, Билине, Цвиккау, Липтовски-Свата-Яне, Брно, Гамбурге, Гётеборге; сразу по диаграммам узнавал свой «почерк», перечитывал комментарии — и мои, и чужие; бумага этих изданий, шрифт, вёрстка, иллюстрации, реклама — на всём этом лежала печать своего времени; по правде сказать, чувствую досаду, что не могу собрать вместе все мои партии, все до единой, откладываю это дело «на потом»; так, наверно, и поэт печалится, если ему не удаётся отыскать все свои стихи, и опубликованные, и те, что в рукописях, даже черновики, наброски;

меня часто преследует это чувство, чувство досады, хуже — утраты; но это ничто по сравнению с самой большой моей потерей — я говорю о письмах Веры; она писала их не так уж и долго — год-полтора, зато чуть ли не каждый день, иногда по два-три в день, писала по-чешски и по-английски, и я замечал, что она всё глубже и глубже познаёт язык Шекспира, которого знала наизусть — особенно «Венецианского купца»: «все ваши мысли — там, на океане, где ваши величавые суда, как важные купцы, вельможи моря, проносятся на крыльях из холста, всеобщее внимание привлекая, едва глядя на мелкий люд торговый, почтительно приветствующий их...»; я просто не понимал, как добывала она столь романтические восторги в своём Фолкстоне, маленьком коммерческом городке, состоявшем сплошь из гостиниц, пансионатов, торговых домов и домов престарелых; то вдруг она затевала рассказ о «Мраморе Кастора» — античных скульптурах, воровато вывезенных из Турции на борту корабля, затонувшего в водах Ла-Манша, совсем неподалёку от фолкстонского порта; то переходила к впечатлениям о поездке их группы в Лондон — о, Парламент, «Альберт-Холл», Ковент-Гарден, Тауэр, Гринвич и, видимо, чьё-то изречение: «Если вы устали от Лондона, значит, вы устали жить»; то вдруг воспевала небывалый шторм, который три дня бушевал на море, отчего в классе тряслись стёкла в окнах; то живописала хозяев квартиры, где хозяйка требовала одного — при входе тщательно вытирать туфли о половичок, где жила Вера в одной комнате с подругой: «Мы завтракаем и ужинаем в этой семье — так уж тут заведено, а в дни занятий нам дают обед, упакованный с большим искусством»; и в каждом письме — забота обо мне, о том, чтобы я не питался всухомятку, больше ел фруктов и овощей и не налегал на торты, укутывался в шарф, когда холодно и дуют ветры; она знала, в какую страну я поеду, в каких городах остановлюсь, сообщала о музеях, театрах, филармониях, которые я обязан посетить, а затем — сразу, по горячим следам — поделиться с нею своими чувствами; да, может, может быть, мои партии в конце концов я разыщу, но Верины письма, которые я хранил в Праге, пропали навсегда...)

2

...Она сказала:

— Добрый вечер.

Он приподнял шляпу, худенький, элегантный, лучистоглазый, и поклонился:

— Добрый вечер.

— Я заходила в зал — туда, где проходит Олимпиада, — сказала она. — Смотрела, как вы играете. — И сочувственно вздохнула: — Проиграли?

— Проиграл. Бывает и такое. Это, кажется, не зазорно, правда? Завтра постараюсь выиграть. А вы что, шахматистка?

— Конечно нет. Так, передвигаю фигуры. Знаю, что конь ходит буквой «Г», а офицеры передвигаются по белым и по чёрным диагоналям, — на этом и кончаются мои познания. В Фолкстоне я изучаю английский. Со мной немало наших землячек. У нас, в Чехословакии, всюду объявления — чтобы ехали сюда: «Нигде не изучишь язык лучше, чем в этом городе». Традиция!* А в зал заглянула, чтобы посмотреть, какое положение у нашей команды. В общем, «поболела». И за вас — тоже.

— Вы, значит, чешка?

— Ну, догадаться об этом не так уж трудно.

Она засмеялась.

Сало тоже засмеялся. Так, как он умел! (Представляю, как это у него получалось в молодости...) Ему нравилась девушка. Даже очень, очень нравилась. Таких ему прежде встречать не доводилось.

— Давайте зайдём куда-нибудь, — предложила она. — Прохладно стало, дождиком пахнет. Чаю попью. А в ресторанчике — уютный камин. Там вообще всегда уютно. Вы пробовали хэмпширский пудинг и лондонские хрустящие шоколадные пирожные?

— Нет, не пробовал! — Сало искренне обрадовался. — И с удовольствием принимаю ваше приглашение. Я, если признаться, — лакомка. Это как раз для меня.

— Ну тогда идёте. Тут, за углом.

Они уселись за столик, и перед ними зажгли две свечи.

— Что это за книга у вас? — спросил Флор, когда им подали чай и сладости.

— Это? Это Герберт Уэллс. Пытаюсь читать на английском. Видите — закладка? Как будто я догадывалась о нашей сегодняшней встрече. Хотите убедиться? Несколько строк прочитать?

— Пожалуйста!

— Ну, тогда... слушайте: «Он рассматривал её, глядя поверх чашки с чаем. Вот она перед ним, не во сне, а наяву. Это ли не чудо!..»

— Вы надо мной посмеиваетесь? — воскликнул смущённый Флор. — На ходу, что ли, сочиняете?

— Сочиняю?! Посмеиваюсь?! Да Бог с вами. Убедитесь сами, что вам стоит!

Он взял книгу у неё из рук, пожал плечами.

* Традиция эта продолжается. Реклама даётся в чём-то, внешне похожем на стихи: «По свету странствовал немало. В Англии язык учил. Там я прямо в “Language Center” обучение проходил. Впечатлений была масса! Фолкстон — славный городок. И, уверен, его школа мне пошла, конечно, впрок!»

— Точно. Так и сказано. А вот что дальше: «Он отметил уже не в первый раз, как легко и свободно ложатся её тёмные волосы, отброшенные с красиво очерченного лба назад, на уши, как хороши белые руки, схваченные у запястий простыми белыми манжетами. — Они опять захотали (надо же, надо же!), и он продолжил: — Немного погода она вдруг посмотрела на него и улыбнулась легко, спокойно, дружески. “Вы ведь тоже пойдёте, правда? — спросила она и пояснила: — На концерт”. — “Если ещё буду в Фолкстоне, пойду, — ответил Киппс, деликатно откашлявшись, — от волнения он даже охрип. — Я не больно разбираюсь в музыке...”».

Флор тоже перевёл дыхание:

— Это про меня. И я ведь не больно в музыке разбираюсь. Слон на ухо наступил. Дворжака от Сметаны не отличу*.

— Очень жаль, — откликнулась Вера. — Будем в Праге — я вас вытаску в оперный театр. Вы там были? Нет?! Кошмар! Но почему? Это один из самых красивых театров в Европе! Потрясающее неорокко, золото, бархат, необыкновенные люстры... Мы пойдём туда на «Русалку» Дворжака. Вам понравится — ручаюсь. И ещё мы с вами послушаем его Девятую симфонию, «Славянские танцы» и «Библиейские песни». Это... это...

— Это уж как выйдет, — деликатно прервал поток её красноречия Флор. И, чтобы перейти к другой теме, спросил: — Ты уже давно в Фолкстоне?

— Месяца три. А ты здесь сколько пробудешь?

Как пишут романисты, *они незаметно перешли на «ты»*.

На следующий день они опять гуляли по городу.

— Ты, оказывается, здорово знаешь английский, — сказала она.

— Ну, не совсем здорово. Главное — писать по-английски научилась. Заметки, статьи, что придётся. Партии для лондонских, нью-йоркских изданий комментирую, информацию кое-какую даю. А ты про Рихарда Рети слыхала?

— Это тот, что в сорок лет умер в Праге от детской болезни — от скарлатины?

— Да. Вот он знал несколько языков, но не владел ни чешским, ни словацким, хотя был чехословацким гражданином.

— Правда? Почему?

* Флор действительно не был страстным меломаном. Что правда, то правда. Симфоническую музыку «терпел». Особенно преклонялся перед певцом Михаилом Александровичем, с которым сблизился в Тбилиси во время войны и несколько пластинок которого у него были, и Карелом Готтом — «золотым голосом из Праги». Флор радовался каждому новому диску Готта, подаренному ему.

— Своё детство и юность он провёл в Вене. Потому и пришлось ему навёрстывать упущенное, да вот... не успел. Он был приятелем моего старшего приятеля — Макса Эйве. А вообще-то все гроссмейстеры — полиглоты. Ведь у них так: с турнира — на турнир, из одной страны — в другую.

...Спустя годы Флор напишет об одном гроссмейстере: «Кем можно считать тогда шахматного профессионала? Вечным странником. Хлеб — это хорошо. Но человеку хочется хлеба с маслом. И он начинает путешествовать с одного турнира на другой. Какие были призы? Не спрашивайте! Не то что сегодня. Кроме того, приз ещё надо выиграть, а (...) это не всегда удавалось...»

— Ты совсем молод, — сказала Вера. — Чуть больше двадцати, а ты уже среди самых сильных... И человек известный. Я о тебе слышала.

— Да что ты, Вера, мне ещё расти и расти.

3

Он ничуть не кривил душой. Ведь это лишь начало пути.

И он вспомнил вслух о том, кем восторгался, и поведал ей о НЁМ — Мыслителе с сигарой в зубах, Искателе Новых Идей, Художнике, который прежде всего добывал красоту, а затем уже — очки, которому аплодировали не только за победы, но и за способ, каким он добивался их.

— А на этом турнире ты победишь?

— Но это же не турнир. Ты ведь знаешь: это Олимпиада. Главное — команда, а не ты сам по себе. — И спросил: — Тебе тут не бывает страшно? Одна в восемнадцать лет!

— Ну что ты, — воскликнула она, — как поётся в детской песенке: «Нет, не страшно в графстве Кент! В графстве Кент — кругом веселье!» Родители обо мне позаботились. Я им благодарна. Это всё, что вокруг нас, — знаешь, как называется? «Сады Англии». Гляди: отели на вершинах утёсов! А какие замки, какие парки, какой скалистый берег! Нужно перо Артура Конан Дойла, чтобы достойно описать графство Кент — холмы, дубовые рощи, болота Ромни, друидические памятники. А тебе известно, что на этих самых берегах высаживался Цезарь?

— Цезарь?

— Ну да. Одна из дорог, по которой он проезжал, сохранилась до сих пор.

— Я смотрю, ты времени зря здесь не теряла!

Их чешская речь была ничуть не чужда духу романтики, носившей имя короля Эдварда, который, как знал весь мир, отказался от трона ради Уоллис Симпсон. Love Story Эдварда и Уоллис произвела на всех огромное впечатление! Эта история заполонила первые страницы газет и журналов.

— Ты такая юная, — сказал Сало, — и такая взрослая. Ты мудрее меня. Честное слово!

И действительно, Вера во всё (если не брать в расчёт шахматы) оказалась вровень Флору, а кое в чём по-житейски превосходила его.

— Взрослой я не сразу стала, меня звали малышкой, — призналась она. — И в детстве я этим пользовалась... А где прошло твоё детство? Расскажешь?

Сало ответил ей не сразу. Он помрачнел.

Погромы. Дороги Галиции. Огонь. Смерть. Всё разом навалилось на него...

— В другой раз расскажу. Идёт?

Она мгновенно почувствовала, что растревожила незаживающую его рану, что-то неладное почуяла. И поцеловала его в щёку. Вот так оно всё и произошло. Вера вмиг привязалась к нему, сумела разглядеть в нём самое потаённое — то, что могут увидеть глаза юности, если в них — первая любовь.

Она позвала его на экскурсию в Кантерберри.

— Это всего в тридцати минутах езды отсюда, ты успеешь подготовиться к следующему туру. Разработаешь какой-нибудь дебют.

— Ты слишком многого хочешь от меня, Вера, — сказал он нарочито сурово. — На разработку дебюта уходит порой не один год.

Олимпиада шла к концу. Впереди — Москва, Ленинград, Гастингс, Будапешт, Цюрих, Либерде, Розас, Барселона... От него многие ждали побед. Надеялись на него. Он должен быть в форме, чтобы оправдать эти ожидания. Он должен быть сильным, и он не имеет права тратить свои силы на ерунду. И его озарило: такая женщина, как Вера, никогда не подведёт его, она будет его опорой. Они двигались вместе с потоком шумных туристов, нахлынувших в живописный Кантерберри, и остановились у роскошной гробницы Чёрного Принца, павшего в Столетней войне с Францией. Сало, неожиданно погрузивший и поникший, будто им предстояло расстаться навсегда, любовался Верой, её иссиня-чёрными волосами, исходившим от неё обаянием молодости. Забыв о том, где они находятся, он вдруг спросил:

— Ты из *тех самых* Мейснеровых?

Она с удивлением посмотрела на него.

— Ну да, из них, — не вникая в суть этих слов, ответила Вера.

— Значит, ты самая богатая женщина в Бенешове?..

— Да, наша семья и вправду богатая. Раньше я об этом просто не думала, да и не была в этом уверена, а теперь, когда появился ты, я действительно стала самой богатой!

Он чуть было не спросил: «А что, если в моих турнирных клеточках будет много нулей и мало единичек?», но заранее знал, что с легкомыслием юности она мгновенно скажет: «Нет, нет, такого не произойдёт, ты всех положишь на лопатки; да мне, в общем, всё равно, проиграйся хоть в пух и в прах — ты мне будешь нужен!»

Её легко принимали в любой компании, она всем без исключения нравилась своей непосредственностью, своим обликом, изяществом, покладистым нравом, лёгкой, летящей походкой, очаровательным акцентом. Сало страдал, когда покидал Веру, уезжая на всё новые и новые турниры, мчался сломя голову за её письмами, написанными на адрес почты до востребования, и строчки её были прекрасны, в них угадывались ум и доброта, а самое главное — тайна её женственности, которую он должен был разгадать до самого доньшка.

Она писала: «Предполагаю, что ты не откажешься от своего шахматного трона, как Эдвард — от королевского. Я ведь угадала? И всё равно я на тебя несколько не обижаюсь — и благодарна за всё!»

Непродолжительных встреч в Праге (если Вера там появлялась) для них уже было мало, они их не устраивали, это вызывало беспокойство, неудовлетворённость; и у неё, и у него оставалось множество вопросов, ответы на которые можно было получить только в устной форме. И этих вопросов становилось всё больше и больше...

Глава девятая

АХ, ДЗИНТАРИ! АХ, ЖАСМИН!

1

Мозес, как никто другой, знал, насколько его Саломончик ранним, как он был контужен в раннем детстве людской жестокостью. Я, думал он, дал ему клятву быть его поводырём, но он уходит от меня всё дальше и дальше, скоро у него будет свой дом, появится подруга, а то и жена (он знал о Вере Мейснеровой и виделся с нею), его ждут другие страны, новые турниры, противоборство с такими же гениями, как он сам (а может, и посильнее, чем он), и радость будет, и огорчения будут, и разочарования — а как же, как же, без них не обходится, — а меня с ним рядом не будет, вот откуда мои тревоги...

И наступил день, когда Мозеса Флора совсем не стало. Об этом я узнал в Ивано-Франковске. Мы с Антоном Бреусом вернулись в областной центр, и я сказал ему:

— Давайте заедем на главпочтамт. Я хочу позвонить в Москву. Надо спросить у Сало Михайловича, как он там. Что-то я беспокоюсь. Когда я улетал из Москвы, у него было очень скверное настроение.

Антон тут же согласился:

— Заедем, это ж по пути.

Я сделал несколько попыток связаться с Флором.

Он не отвечал.

Мы с Бреусом зашли в ресторан «Карпаты», пообедали, угостились борщом с чесночными пампушками. Через пару часов опять пошли на почту.

Флор и тут не ответил.

Вечером я связался с Владимиром Дворковичем, который и во сне мог сказать всё и обо всех на свете турнирах и матчах, о гроссмейстерах и мастерах, как будто итоговые таблицы и другой многочисленный справочный материал находились перед его глазами. Сало Михайлович нередко пользовался его услугами.

— Володя, — спросил я, — вы не в курсе: что случилось? Почему Флор не отвечает? Уехал куда-нибудь?

— Уехал, — вздохнув, ответил Дворкович. — В Прагу. Брат его умер.

— Значит, Мозес...

— Да. Скончался.

Мозеса Михайловича похоронили на старом пражском еврейском кладбище. Павел, его сын, поддерживал, обнимал своего знаменитого московского родственника. Ведь тот нуждался в помощи. С другой стороны Флора поддерживала за руку его давняя подруга Нина Грушкова-Бельска, которая и сказала мне, как всё это происходило. Для неё не было секретом, что обличье смерти убивает Флора, надолго выводит его из строя. Но он, сказала Нина, не плакал. Он молчал.

Не стало его поводиря.

Вернувшись в конце ноября 1976-го в Москву, Сало Михайлович приехал ко мне. Моя собака, немецкий пудель-пойнтер, сразу нутром почуяла, что с ним стряслось что-то нехорошее. Кличка у неё была Фелица, но он её почему-то величал Феллини. Она хорошо разбиралась в людях — и особо выделяла Флора. И в тот день, когда Флор уселся в кресло, Фелица оставила все свои дежурные собачьи фокусы, налегла на его колени выпуклой грудью и, не мигая, в упор глядела на дорогого гостя очень честными, страдающими, чернящими глазами. Она уже знала (по секрету от Флора), что у него были две

собачки — капризная красотка Берри, которая требовала, чтобы ей повязывали бантики и чтобы её носили на руках, а также застенчивая Пешка-найдёныш, чьи прежние хозяева (очевидно, картёжники) научили её вытаскивать из карманов азартных гостей бумажные деньги.

— Как ты живёшь, Феллини? — спросил Флор.

Она в ответ взволнованно чихнула. Нет, она не ждала, что он поведёт её гулять в Измайловский парк, или даст ей шоколадную зальцбургскую конфету, сняв фантик с весёлым портретом Моцарта, или вытащит из кармана пиджака — специально для неё! — американские собачьи витамины, или неумело пропоёт (ей на ушко) кое-что из романса Вертинского: «В нашу комнату вы часто приходили, где нас двое — я и пёс Дуглас, и кого-то из двоих любили, только я не знал, кого из нас», или потихоньку расскажет о местечке Городенке, о дворняжке своего детства по имени Дорка, о том, как погромщики поймали её (а она не кусалась, она лизала им руки), привязали к её хвосту консервные банки и стали швырять в неё камнями. Сегодня Фелице надо было просто прижаться к Флору и лизнуть ему руку.

2

Собаку мне подарили в Юрмале, когда она была щенком. Флор это знал, и для нас обоих это имело немаловажное значение. Мы с ним в Юрмале и познакомились, а именно — в Дзинтари. Вот как это произошло.

...Полыхает жасмин. Играем в преферанс. Я сказал «пас», посмотрел в сторонку — и увидел... гроссмейстера Флора. Батюшки-светы! И где? В военном санатории. Какими судьбами?! Последний раз я лицезрел Флора давным-давно, в пору моей юности, в Киеве, в 1954 году на XXI первенстве Союза (такое непривычное, обидное 12–13-е место), когда он в компании Ефима Геллера, быстро закончив партию вничью, стоял возле столика Пауля Кереса. Почему именно у этого столика? Я узнал ответ на этот и на многие другие вопросы много лет спустя.

А тогда, в Дзинтари, в военном санатории... Я подумал, что обознался. Да нет же: это был действительно он, Флор. Таинственный (для меня) Сало Флор, человек из другого мира. Попробуй-ка перепутай его с кем-нибудь. Вспомнился мгновенно дружеский шарж художника Николая Радлова (из какого-то довоенного турнирного бюллетеня): аккуратненький Флорик задумался над ходом, углублённый в позицию, большеголовый, с тщательнейшим пробором от виска до затылка (этот пробор — постоянная, очень важная деталь!) и крошечными ножками, не достающими до пола...

Обливаясь потом, Сало Михайлович тащил два тяжелых чемодана. Боже, да что за чепуха! Как это такое? Совсем уже немолодой (честное слово: мне тогда так казалось) гроссмейстер был застигнут в момент своей беспомощности...

К неудовольствию преферансистов, я быстро выскочил из беседки и побежал к нему, выхватил у него из рук оба чемодана, из-за чего он вздрогнул. Флор запыхался, побагровел; вытащил из нагрудного кармашка безукоризненно чистый, тщательно сложенный носовой платок и вытер им потное лицо. Мой поступок шокировал его. И несмотря ни на что, мне почудилось, будто минуту назад Флор, благоухавший дорогим одеколоном, побывал в руках у высококлассного парикмахера.

Сало Михайлович, врасплох застигнутый налётчиком, быстро пришёл в себя.

— Вы что — пижончик? — выпалил он прищурясь и с сильнейшим акцентом, который обворожил меня.

— Какой там пижончик, — ответил я, — просто помогаю прибывающим на отдых гроссмейстерам: разношу багаж по их комнатам. Особенно по нечётным дням. Ведь сегодня как раз седьмое число. — И в свою очередь задал вопрос: — А как это вы сюда попали?

— По обмену. Не ясно? Это... ну, как размен пешек. Шахматная федерация договорилась с вашим министерством. Путёвка за путёвку. Им — Кисловодск, мне — Юрмалу.

— Вы захотели именно в Юрмалу?

— Ну да. Ностальгия. Расскажу... потом.

— А почему вас никто не встретил?!

Я совсем не собирался огорчать его. Получилось нечаянно.

— Каждый сверчок знай свой шесток, — выпалил Флор, будто хвастаясь знанием поговорок и пословиц.

И вдруг, окончательно придя в себя, посмотрел на меня озорно, с вызовом и сразу преобразился, помолодел лет на пятнадцать, не меньше.

— Я что — старая развалина?!

И всё равно мой вопрос оказался для него болезненным, угодив, видимо, в самое незащищённое место. За вызовом в его глазах пряталась привычка скрывать свои печали. Протестовать против моей помощи, однако, он не стал.

— Минутку передохнём на скамейке, раз уж такое дело, — попросил он.

В комнате Флора (она находилась аккуратно рядом с моей) стало понятно, почему были так тяжелы его чемоданы: в них находились две портативные пишущие машинки с латинским и русским шрифтами.

Он их вынул и водрузил на стол. (Через неделю я назвал его «Мистер Ни Дня Без Строчки». За время пребывания в санатории он успел написать около десяти статей, которых ждали в Австрии, Голландии, Англии и Германии.)

— Никуда не денешься, — вздохнул он. — Нужно срочно прокомментировать четыре партии. Прямо сегодня. И на почту нужно попасть, чтобы позвонить в Москву и дать телеграмму в Амстердам. А вы (раз вы помогаете *престарелым* гроссмейстерам) пойдёте со мной?

В его негромком голосе звучало нечто вроде укора. А слово «престарелым» было преисполнено иронии. Разница в двадцать четыре года сыграла со мной злую шутку.

И всё равно я обрадовался:

— С вами — куда угодно.

Он быстро справился с мимолётным недовольством и... захохотал:

— Нет, правда, вы — пижончик. А почта где?

— Недалеко. В Майори. Минут двадцать ходу.

— Как кому, — сказал он, — вам — да, двадцать, а мне — наверняка все сорок. — И погрузился. — Майори... Когда-то, тыщу лет назад, я там бывал. В ресторане «Лидо». Пил кофе и ел пирожные. Я — выдающийся сладкоежка. Один раз я был там с Кересом — в тридцать седьмом. А второй — с Володиёвым Петровым и его женой, Галей. Это было уже в тридцать девятом. В эти годы проходили турниры в Кемери. Может, съездим туда вдвоём? Кстати, вы о Петрове что-нибудь знаете? Нет? Ну, ничего, я вам расскажу. У него присказка была: «Мы пойдём с тобой в “Лидо” — только *после*, а не *до*». Галя распекала Петрова за неё. А он всё хохотал. Полнокровный мужчина был... Мечтал хоть разочек побывать в Гастингсе. И всё расспрашивал, расспрашивал меня о нём.

Глава десятая

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОГНИ ГАСТИНГСА

1

Гастингс — родина традиционных рождественских турниров.
Как в песне поётся (в изложении Флора)?

Приезжайте в Гастингс: здесь останки
Замка — не найти древней руин!
Заходите в «фиш-н-чипс» кафешку —
Самых юных поищите там!

Первый раз Флор появился здесь в январе 1929-го. Но перед тем была Рогашска-Слатина — первый международный турнир, куда Сало попал по рекомендации Нимцовича, которого уважал безмерно. Часто повторял Флор, что если он стал шахматистом, то, несомненно, «виноват» в этом Нимцович. Подопечный не подвёл своего «крёстного отца» и занял второе место.

И вот он — в прибрежном красивейшем Гастингсе, окружённом высоченными утёсами. Менялась погода, и было беспокойство, что на центральной площади не состоится парадное представление-балет «Живые шахматы», которое обычно собирало сотни зевак. Чувствовалось приближение снега, в протёртых до блеска окнах засверкали убранные ёлки, а над дверями домов зазеленели венки из омелы и гирлянды разноцветных электролампочек.

На следующее утро — как у Агаты Кристи: «Картина, представшая перед ним, была типичным английским пейзажем, как его изображают на рождественских открытках или в старомодных мелодрамах. Повсюду лежал снег — глубокие сугробы, не просто снежок в дюйм-два толщины. Снег шёл по всей Англии (...) покров его достигал нескольких футов».

Сало Флора, чьё имя ещё не гремело повсюду, пригласили сюда, на «побочный» турнир. Father Christmas сфотографировался с ним в обнимку и вручил ему подарок — детскую железную дорогу и приуроченную к празднику книгу Диккенса, в которой звучал гимн этим праздничным дням, единственным в календаре, когда люди в необъяснимом порыве открывают души друг другу, когда видят они в «ближних своих» — пусть обездоленных, пусть нищих — таких же людей, как они сами, «бредущих одной с ними дорогой к могиле, а не каких-то существ иной породы...» Флор, понимавший шутки, не обиделся, что его «обогрели, как дитя» и за детскую железную дорогу: нам всем, говорит он, уделяли знаки внимания, другие шахматисты тоже не остались без подарков и... подначек.

Этот замечательный, чисто английский городок стал для Сало местом, где он странным образом ощущал непередаваемый душевный комфорт, подъём и прилив сил. Ему чудилось, по его словам, что он здесь уже бывал — и не раз — задолго до своего рождения. Гастингс ассоциировался у него с рождественской музыкой, нимбами над головами святого семейства — младенца Иисуса, Девы Марии и плотника Иосифа из рода Давидова в многочисленных вертепах, с весельем отдыхающих и горожан, а ещё с захватывающими шахматными приключениями.

Сыграл он превосходно: пять партий выиграл, три свёл вничью и только одну проиграл, но в итоге... лишь поделил третье-четвёртое место.

Это Рождество стало для него отметиной в судьбе. Он навсегда запомнил густые туманы с запахами свежееиспечённых булочек и угольного дыма из высоких труб на крышах домов, заснеженные парходы, огромный подвальный зал дансинга, выделенный Гастингским конгрессом для игры. Кое-кому и зал не нравился, и то, что любители сюда редко заходили, но Флор, слегка простудившийся, не привередничал. Ему открывался мир больших, неповторимых шахмат (слышишь ли, XXI век?). Он испытывал в те дни непередаваемое счастье. Тому была особая причина. Впоследствии он писал: «Зимой 1929 года я участвовал в одном турнире с Капабланкой, точнее, в одном городе — Гастингсе. Я был допущен в побочный турнир, но внимательно следил за игрой Капабланки. Уже тогда я понимал, что его творчество оказывает громадное влияние на развитие шахмат. (...) Я никогда не видел, чтобы Капа играл с кем-то “блиц”. Но за анализом он, как правило, играл первую скрипку, и к его авторитетной оценке большинство внимательно прислушивалось...» Молодому Флору и в голову не приходило, что настанет срок — и он схлестнётся с великим Капой не в одном турнире за самые первые места!

Знакомство с кубинцем, его аристократические манеры и облик, не единожды воспетый журналистами и литераторами, потрясли Флора. Об этом он говорил рижанину Александру Кобленцу («капабланкисту» — по собственному признанию нового знакомого), лёгкому на подъём молодому человеку, которому тоже пришлось начинать здесь с побочного турнира. Кобленца неудержимо потянуло к жизнелюбучеху — то бесшабашно-весёлому, изобретательному на неожиданные, остроумные проделки, общительному, почти всегда открытому для всех, то вдруг уходившему в себя, внезапно укрывавшемуся за броней неприятия того, что выдавало в поведении людей хамство и чёрствость, зависть и откровенную, надменную бестактность.

Дебютант Гастингса признался Флору, что многим, очень многим обязан ему. Тот искренне поразился:

— Мне?!

— Да, да!

Недаром же потом, спустя годы, Кобленц напишет в одной из своих книжек, что в начале тридцатых, когда на шахматном небосклоне возшла яркая звезда Сало Флора, чьи партии даже любители знали наизусть, Александр понял: завтрашний день для него уже определился окончательно. И пусть отец настаивал на том, что «так нельзя», что только глупые мальчишки связывают судьбу с профессиональными шахматами, сын стоял на своём:

— А как же Флор? Как, ты не знаешь Флора?! Он вырос сиротой, а стал знаменитым маэстро! И гонорары у него немаленькие...

Тут (насчёт гонораров) он нисколько не сомневался.

Дороги пражанина и рижанина, освящённые добрыми отношениями, будут не раз пересекаться. Впереди их ждали встречи в Лондоне, где Кобленцу пришлось пожить некоторое время и, как было принято, играть там в кафе «Гамбит», чтобы водились хоть какие-нибудь «лишние» денежки, а также в Риге и в Кемери в 1937-м и 1939-м (здесь он был *прикреплён* к иностранным гроссмейстерам в качестве переводчика и чаще, чем с другими, общался с Решевским и Файном). Флор оставался всё тем же — неистощимым юмористом и оптимистом, озорником, умевшим подтрунивать над человеческими слабостями таких небожителей, как Капабланка, Алехин, Нимцович, обладая при этом умением держать удар при неудачах и владеть собой в самых сложных ситуациях. Шутки в свой адрес принимал без всякой обиды. И конечно, больше всего сроднит Кобленца и Флора участие в судьбе Михаила Таля, чьё имя засверкает уже в начале пятидесятых. (Но это когда ещё будет...)

Второй раз Флор побывал в Гастингсе на турнире, начавшемся в декабре 1930-го. Об этом он написал трогательные воспоминания: «Я тогда ещё был “маленьким” и участвовал в побочном турнире. А главный — выиграл Эйве, и, возможно, поэтому его сенсационное поражение от Менчик было воспринято как случайность. Эйве слишком резко играл на выигрыш, ему “неудобно” было сделать ничью с женщиной. Но и через год на турнире в Гастингсе Эйве снова проиграл Менчик. Это второе поражение вызвало подозрение у... жены Эйве. Она срочно пересекла Ла-Манш, чтобы лично посмотреть, что творится в Гастингсе. Но когда она увидела пухленькую Менчик, то поняла, что для худого, высокого Макса эта женщина не пара, и поверила, что причина поражений мужа — чисто шахматная». У великана Макса и миниатюрного Сало уже тогда возникла взаимная симпатия. Эйве стал внимательно присматриваться к Флору, к его дерзкому карабканию на недоступные вершины, — ведь это голландцу принадлежит высказывание о том, что чех анализирует даже самые запутанные позиции в три-четыре раза быстрее, нежели другие мастера. И добавил к тому же, что у него нечто вроде иммунитета против ошибок.

Сало Флор, познакомившись с Верой Менчик, был рад этому — и она приняла его «как земляка», хотя выглядела типичной англичанкой; он признался, что её игра ему нравится. В душе она была миролюбивой, мягкой, слегка романтической — не то что за доской, когда наводила страх не только на шахматисток, но и на иных гроссмейстеров. Она проводила в Гастингсе, знаменитом ещё с девятнадцатого века шахматном городе, много времени — у своей бабушки. Менчик, услышав, какой подарок вручили Флору, стала говорить, как популярны в

Англии диккенсовские «Рождественские повести» — и особенно та из них, где жадина Скрудж превращается в добрейшего, милейшего человека. Это мой любимый писатель, сказала она, его повести разошлись мгновенно, но получил он за них всего-навсего двести тридцать фунтов — потому-то так и не смог отдать долг своему поверенному.

— Поучительная история и для нас, шахматных профессионалов, не правда ли? — спросила она Флора.

Ни Сало, ни Вера, которая с гордостью считала себя профессионалом, конечно, не догадывались, что судьба сведёт их за доской в далёкой Москве уже через три года и что по поводу их партии поднимется страшный шум...

Вера получила от Флора презент — он преподнёс ей редкий для зимы букет цветов. Денег, как всегда, он не жалел: главное — одарить близких ему людей. И себя Сало не обделил: занял первое место в своём «побочном». Первенствовал Флор и в таких же турнирах в 1932-м и 1933-м.

2

В очередной раз он отправился на этот турнир после расставания с Ленинградом, закончив легендарный матч с Ботвинником (рассказ о событиях, связанных с тем матчем, — ниже). С ним отправился и Лилиенталь — вдвоём было веселее. «В Гастингс я ехал уже в пятый раз, — сообщает он в газете “Narodni listy”*, — почти как домой. Ат-

* «64» в № 1—2 за 1934 год называет «Narodni listy» «газетой враждебного нам направления». О самом Флоре, перепечатывая его статью, говорится тоже не очень-то лестно: «Мы не сомневаемся, что и в настоящем своём виде статья представляет для читателя немалый интерес, как отражение впечатлений о советской действительности со стороны буржуазного мастера-профессионала. Автор ограничивает свои наблюдения узкими шахматными рамками и не всегда точен в передаче фактов...» Характерно, что Батурицкий, составляя книгу «Гроссмейстер Флор» (уже в 1985 году!), дал статью Флора «Из Москвы в Гастингс» в усечённом виде, удалив из неё всё для него «сомнительное»! Виктор Корчной (как всегда — резко и в упор): «Разговор о Батурицком — это разговор об историческом прошлом, далеко выходящий за рамки шахмат; это история фашизма и коммунизма, и начинать здесь следует с разницы между этими двумя формациями. Фашизм был уничтожен во время последней войны, а коммунизм остался в живых и был разбит только несколько десятилетий спустя. И к осколкам этого разбитого прошлого и относится Батурицкий. Хотя он был только полковником, чин, может быть, и не такой высокий, но в своё время он занимал пост заместителя главного прокурора армии. Что это значит — объяснять не надо: на его счету — тысячи жизней, конечно. Хотя лично своими руками он никого, разумеется, не убил».

мосфера этих британских рождественских турниров явилась для меня прекрасным успокоением после волнующих предыдущих дней. Впрочем, не только я приехал на турнир в таком утомлённом состоянии. Алехин, который перед тем совершил турне по Чехословакии, давая сеансы одновременной игры, находился в ещё худшем состоянии. Когда мы с ним в восьмом туре встретились в решающей партии, я шёл на очко впереди Алехина, поэтому он должен был играть на выигрыш. Каждую партию Алехин проводил с чрезвычайной серьёзностью и энергией, но на этот раз ему пришлось играть с полным напряжением сил. Ему удалось достичь выигранного положения, но в цейтноте, в котором мы оба оказались, он стал играть слабее. К перерыву положение Алехина выглядело весьма опасным, так что он даже не пошёл обедать. С подавленным видом сидел он над карманными шахматами и всё анализировал, анализировал. Когда после обеда мы с ним встретились, он сказал: «Хорошо, я согласен на ничью и поздравляю тебя с первым призом». Этот жест весьма мало отвечал положению, которое было на восемьдесят процентов выгоднее для меня. Но, поскольку ничья действительно обеспечивала мне первый приз, я не имел основания отвергнуть предложение Алехина».

Мой партнёр, говорит Флор, был вполне удовлетворён, он пригласил меня и Андрэ Лилиентала на ужин в приморский рестораник, и за чашкой чая я напомнил ему, как я в Праге, когда был школьником и зевнул ему в сеансе одновременной игры качество, запросил пардона, а он ответил: ну, насчёт пардона, юноша, потолкуем в следующий раз.

— Нет, это я что-то позабыл, — сказал Алехин. — Не обижайся. Теперь твоя очередь учить юнцов уму-разуму.

Он выпил пару рюмок джина — но не больше. Флору не предлагал: знал, что это бесполезно.

Этот турнир и эту партию не обошли стороной и в «64» — с одной основной целью: чтобы лишний раз воздать хвалу... Ботвиннику, добившемуся ничьей в матче с Флором. «В традиционном Гастингском турнире этого года из иностранцев приняли участие чемпион мира Алехин, три представителя молодого поколения — Флор, Лилиентал, Элисказес и шесть национальных мастеров. Монопольный победитель всех последних турниров, в которых он принимал участие, — Алехин, казалось, должен был легко занять первое место и здесь. Однако Флору, игравшему с большим подъёмом, удалось сделать одной ничьей меньше. Этот блестящий успех молодого гроссмейстера ещё больше подчёркивает достижение Ботвинника и указывает на высокий уровень развития шахматного искусства в СССР (курсив мой. — В.М.). Интересно отметить, что в партии с Алехиным

Флор согласился на ничью, имея несомненно лучшее положение, так как и ничья гарантировала ему первое место. Не удалось Алехину занять и чистое второе место, а пришлось его разделить с Лилиенталем, для которого такой результат, конечно, следует расценивать как большой успех. Четвёртое и пятое места разделили Элисказес и англичанин Александер. Чемпион Англии Султан-Хан участия в турнире не принял ввиду его отъезда в Индию».

3

В декабре 1934 года в Гастингс для «боевого крещения» пожаловал и Михаил Ботвинник, от которого ждали немало. Его талант был уже хорошо известен во всём шахматном мире. Многие газеты в Москве вышли с его фотографией (симпатичный, сосредоточенный юноша в очках, естественно — за шахматной доской) и сообщением о том, что для советского чемпиона это первое выступление за границей. Тогда Ботвинник был ещё неопытным шахматным «кочевником». Он и в самом деле устал, прибыв на турнир «через всю Европу» в «сидячем» вагоне, к тому же сделав несколько пересадок...

Спустя пару месяцев в бюллетене, посвящённом Второму международному московскому турниру, в качестве крыленковского, официального *представителя* (любимое словечко советских чиновников, которое произносилось с особым выражением) Самуил Вайнштейн написал довольно живую зарисовку:

«Гастингс — морской курорт на берегу Ла-Манша, в ста километрах от Лондона и столько же от Дувра — гавани, куда прибывают пароходы с материка. Мы приехали в Гастингс в день открытия турнира. Ла-Манш бушевал, море вздымало огромные волны и бросало на набережную; дождь лил как из ведра, а ветер срывал наши новые английские шляпы. Мы быстро устроились в указанном нам отеле и поспешили разыскать турнирное помещение. Гастингский шахматный клуб, существующий уже шестой десяток лет, имеет свой собственный трёхэтажный коттедж, но два он сдаёт внаём, а в третьем вряд ли смогут разместиться и пятьдесят играющих. Поэтому свой рождественский конгресс клуб проводит в специальном помещении, предоставленном ему городским самоуправлением. “Белый павильон” — здание, в котором проходил гастингский турнир, выстроенное несколько лет тому назад. В верхнем двухъярусном зале проходят оперные спектакли, в нижнем, подвальном, отведённом для турнира, обычно устраиваются тансинги. Зал рассчитан приблизительно на двести пятьдесят — триста человек и имеет эстраду, на которой расположатся турнирный комитет и представители прессы. Каждая

английская газета имела своего специального корреспондента, а иностранные обслуживались участниками турнира. Чемпион СССР Ботвинник был “сенсацией” турнира. О нём писали, что он похож на студента Оксфордского университета, что у него изысканные манеры, что держит он себя как “джентльмен”. Мы были представителями той Великой страны, которая уже давно за границей считается “шахматным Эльдorado”. Мы единственные были командированы своим правительством, мы представляли, наконец, организацию, которая подготавливала крупнейший международный турнир. Но наибольшее впечатление производила на иностранцев наша ежедневная полуторачасовая телефонная связь с Москвой. И только Советский Союз проявлял исключительный интерес к событиям в Гастингсе и выступлению там своего представителя. И когда случайно (так ли уж случайно? — В.М.) в руки представителей прессы попала ободряющая Ботвинника телеграмма тов. Крыленко, она обошла всю английскую прессу, докатилась даже до Мадрида.

15 января мы уже снова переехали советскую границу. Первый выезд советского чемпиона за границу окончился не так, как мы этого ожидали, но всё же вполне удовлетворительно. Ботвинник в этом турнире разделил пятое-шестое место с Лилиенталем. Сыграл вничью с Капабланкой, от которого отстал на пол-очка. Первые три места разделили Эйве, Томас и Флор. Голландец, избрав чёрными защиту Каро-Канн, выиграл у советского чемпиона на 58-м ходу».

Ботвинник потом рассказывал, что они с Вайнштейном поехали в Лондон, где можно было забыть о своей неудаче. Их ждали советский посол И.М. Майский и его жена — это замечательные люди, Флор был знаком с ними; они обогрели гостя, поддержали. Находился в посольстве и Ласкер, отругавший Ботвинника за то, что тот легкомысленно ехал в Гастингс «на перекладных», забыв о необходимости акклиматизации. Именно тогда Вайнштейн, получивший «добро» от Крыленко, помог Ласкеру, который успел покинуть фашистскую Германию, составить прошение о принятии его в советское гражданство.

Флор вспоминал, что никаких разговоров о предстоящем московском турнире они с Ботвинником в Гастингсе не вели, хотя, конечно, эта тема должна была его интересовать.

— Он держался на некотором удалении от меня, будто и не было нашего матча, и находился почти всё время в компании Вайнштейна; а когда — уже в Москве — в феврале, на жеребьёвке, нам пришлось таки пожать друг другу руки, я догадался, что вести с ним беседы о недавних событиях в Гастингсе не стоит: вряд ли ему это будет по душе, — и он, кажется, был мне благодарен за мою догадливость.

Каждый раз, когда в Англию приезжал Флор, здесь вспоминали забавный анекдот, который требует небольшого вступления. Суть в том, что по-английски «флор» — это этаж. Во всех отелях можно встретить надписи «1-й флор», «2-й флор» и т. д. После гастингского турнира 1934/35 года (где, напомним, Сало Михайлович разделит первое-третье место) он, придя в гостиницу, пожелал подняться на лифте к себе в номер. На вопрос: «Какой этаж?» — гроссмейстер, не задумываясь, ответил:

— Первый, второй и третий — вместе с Эйве и Томасом!

Глава одиннадцатая

ФИГУРЫ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОСТЕЙ?!

1

Историю о том, как я впервые узнал о существовании гроссмейстера Флора, я рассказал Сало Михайловичу вскоре после нашего знакомства. Он живо реагировал на неё, кое-что переспрашивал, уточнял. Ему было интересно. Может быть, и читателю это будет интересно.

Началась эта история в мае 1945-го — не сомневаюсь, самого солнечного из всех годов моей молодости. Мимо взорванных или разбомблённых домов (на многих чудом сохранившихся стенах красовались толстозадые, розовощёкие рождественские ангелочки, намалёванные сентиментальными немцами) я вместе с другими мальчишками чуть ли не каждый день бежал на Александровскую улицу — в Дом пионеров. Там и зимой мы, бахмутские пацаны, не замерзали: пахло теплом, калёным углём и трескавшимися дровами. И радовались разномастным шахматным фигуркам, в основном склеенным и покрашенным нами же самими, дешёвым черно-белым картонкам, которыми заменялись солидные деревянные доски, большим черно-белым портретам Стейница, Чигорина, Ласкера, Капабланки и Ботвинника. До чего же тянуло меня туда! Шахматный кружок стал моим вторым домом. Две страсти у меня было — шахматы и трофейные фильмы.

Я совершенно убеждён, что шахматы как *таинственное искусство* открываются во всей полноте только юным сердцам. В детском и отроческом возрасте они (не меньше, чем «Граф Монте-Кристо» и романы Джека Лондона) захватывают нас, полны особого, интимного смысла, неотделимы от самых первых дерзаний, от незамутнённой

романтики бытия, в них немало, если хотите, даже оттенков чувственности. Это дверь в дразнящее неизведанное. За каждой деревянной фигурой — звёздное пространство. Горизонтали, вертикали и диагонали — это пересечение сиюминутности и вечности. По-моему, совсем не прав был Владимир Маяковский, сказавший, что «шахматы — они вождям полезней». Они полезней всего тем, кто делает первые шаги в жизни, кто не боится ошибаться и не умеет скрывать слёз (вспомните 1959-й, турнир претендентов, всхлипы огорчённого шестнадцатилетнего Фишера и торжествующее «Бобби, ку-ку!» его победителя Миши Таля).

Суть даже не в том лишь, что выигрыши заставляют тебя куда острее воспринимать и людей, идущих по Соборной площади, и вагонетки, бегущие от каменного карьера по насыпи над Бахмуткой, и подснежники мартовского Чаплинского леса, и музыку Леопольда Стоковски в трофейном фильме «Сто мужчин и одна девушка» с очаровательной Диной Дурбин. Они пробуждают смутную догадку, что в этой игре содержится некий космический шифр, некое космическое послание, оттого и полон ты ликования — ничуть не меньше, чем взрослый Майкл Дроснин, который обнаружил библейский код, названный его почитателями важнейшим открытием минувшего тысячелетия, а возможно, и всей мировой истории.

У меня есть буквально несколько строк, которые читатель отыщет ниже, где я говорю об Ильине-Женевском в не слишком высоком штиле, но именно на него хочется мне сослаться сейчас, потому что он был человеком многогранно талантливым и никакие должности не были в состоянии до конца истребить в нём ребёнка, увлечённого романтика: «Доска и фигуры — это простые условности, играющие не большую роль, чем ноты для музыканта или буквы для поэта. Важно то, что за этими условностями скрывается. И у настоящего художника результатом его творчества является подлинное произведение искусства, доставляющее всем, кто знакомится с ним, не меньше эстетического наслаждения, чем при ознакомлении с каким-нибудь классическим музыкальным или драматическим произведением». Флору очень нравились эти слова, и он неоднократно собирался использовать их в эссе или в статье. Тогда же он согласился со мной, что в отрочестве острее всего воспринимается художественная, образная сторона шахматного творчества и что каждый начинающий жизнь — в той или иной степени художник.

2

Опекал нас, заморышей, Роман Степанович Плюшнин, перво-категорник довоенной ещё закалки, человек загадочный, худющий,

никому ни разу не показавший своего обиталища. Мы и понятия не имели, есть ли у него вообще квартира и где он ночует. В тридцать пять лет, десять лет назад, он, инженер треста «Артёмуглегеология», ездил в Москву в командировку, и ему чудом, с помощью родственника, работавшего в наркомате, удалось побывать в Музее изящных искусств на Волхонке — на знаменитейшем международном турнире. Впрямь как в одесском анекдоте: такой шанс выпадает один на миллион!

— Народу, — сказал нам Роман Степанович, — было под завязку — тысяч пять, не меньше! Организаторам, помню, пришлось оборудовать на здании со стороны улицы демонстрационные доски: такой дикий был ажиотаж.

Плюшнин воочию увидел Ласкера, Капабланку, Шпильмана, Флора, чемпионку мира Веру Менчик, всех наших мастеров во главе с Ботвинником. Он рассказывал — у нас дух захватывало.

Мы привязались к Роману Степановичу, свыклись с тем, что у него подёргивалась щека. Правый рукав его гимнастёрки был тщательно заправлен под офицерский ремень. Между собой мы его называли или Рома, или Плюха, или Степаныч. Но это — нежно, не со зла вовсе. Он если и покашливал, то обязательно в сторонку, стеснительно, в кулак. Придурка, назвавшего его «туберкулёзником», мы прогнали и пригрозили, чтобы он здесь никогда больше не появлялся. Плюшнин обучил нас шахматной нотации и заставлял анализировать партии — и свои, при нём сыгранные, и чужие, из книжек. В те дни я узнал, что такое сеанс одновременной игры. Волшебник Плюха довольно легко обыгрывал нас и, опрокидывая поверженного неприятельского короля, смотрел в какую-то неведомую даль — и ещё глубже уходил в себя. Однажды я, потеряв уже в дебюте пешку, тем не менее выиграл у него! Сам был поражён. Все кругом изумлялись: ну ты, мол, даёшь! Роман Степанович вроде бы как удивился и впервые внимательно разглядел меня. И протянул мне левую руку. То есть позддравил. От гордости я чуть не лопнул.

— Молодец, — сказал он, — у тебя есть интуиция и воображение, а это самое главное; только не зазнавайся, надо заниматься. — И добавил: — Давай-ка расставляй фигуры, сейчас я закончу сеанс, и мы с тобой сразимся один на один. Разберёмся, кто ты.

От волнения я сразу же «зевнул» коня. Он кашлянул (в сторону) и предупредил:

— Ход возвращать не буду, и не надейся. Не будь рассеянным. Тоже мне Ленский. «Пешкою ладью берёт в рассеянье свою». Не зевай, Хомка, — на то и ярмарка. Да не расстраивайся. Даже Чигорин «зевал» иногда. Не «зевал» бы — стал бы чемпионом мира.

Плюшнин заметил, как я расстроился. И постарался утешить:

— Не кисни. Завтра я тебе принесу подарок.

Я не утерпел:

— Какой подарок?

— Ишь, любопытный, — упрекнул меня Плюха. — Увидишь — какой.

И действительно: на следующий же день он вручил мне книжку о матче Флор — Ботвинник с предисловием, подписанным «Н.Крыленко».

— А как же... как же вы? — растерянно спросил я.

— Бери, — последовал ответ. — Найди ещё одну книжку — о Втором московском. Большая такая книжища. У меня её нет, а то бы я тебе её дал. Простудируй все партии. Ума набирайся. Про меня не думай. — И помрачнел: — Думай не думай — что толку...

В его словах я уловил что-то неладное.

А он зашёлся в кашле.

Через месяц или полтора Плюшнина не стало.

Когда я слышал в Доме пионеров чей-то взрослый кашель, мне долго ещё казалось, что это наш замечательный Плюха вернулся. Его задание я выполнил — достал-таки сборник партий, о котором он говорил.

3

...Потом, в канун Нового года, в семидесятых, я видел эту книгу в руках у Сало Михайловича с его пометками и закладками — может быть, она сейчас находится в музее ЦШК — среди других его книг. Одет он был не по-домашнему — будто собрался на приём к английской королеве. Именно в тот вечер я рассказал ему о том, как мы, мальчишки, колядовали в послевоенном Бахмуте, как нам нет-нет да и выносили на крылечки хат всего понемногу — кольцо колбаски собственного изготовления, кулебяку с капустой, леденцовых петушков, — и, конечно, я взахлёб говорил о Плюшнине. Жалко, сказал Флор, что вы поподробнее не разузнали о нём, в каких он турнирах играл, надо было найти его родственников или знакомых, ведь где-то же он жил, не правда ли; такие люди украшают нашу жизнь; это *ваш* профессор Оос — только он неизмеримо человечней *моего* старика, который выгнал меня из кафе.

Флор достал из шкафа сборник партий Второго московского. Значит, ваш Плюха, сказал он, ходил на турнир, на Волхонку; верно говорят — мир тесен. И продолжил: здесь, в книге, бóльшая часть — идеология, пропаганда, *Крыленкой пахнет* (помните: как у Пушкина); мне кто-то предлагал поставить этот сборник рядом с другим изданием — архивными материалами бухаринско-троцкистского процесса; я намёк понял, и он не понравился мне, я чуть было не обиделся, во

всяком случае, не принял то, что хотели мне вручить, — «Судебный отчёт» с горящей свечой, опутанной колючей проволокой, на супер-обложке. Погорячился. Да, сказал Флор, на сборнике — печать «переломного» 1935 года, это факт, но ведь в нём — десятки партий, которые пережили своё время и вошли в историю мировых шахмат.

А в юности, сказал я, мне бросилось в глаза, когда я читал эту книгу, что вся страна дружно болела против вас.

— Ясное дело, — ответил Флор. — Я только улыбался, ещё не хватало мне сердиться.

Звонили в оргкомитет и с заводов, и с фабрик, и из учреждений, слали телеграммы альпинисты — участники экспедиции на Эльбрус, и зимовщики из Заполярья, и наша спортивная делегация из Осло — все они, переживая перипетии турнирной борьбы, слали свои приветствия своему любимцу — Михаилу Ботвиннику, желали ему победы, а Флору — поражений.

4

— А вот это вы читали? — спросил Сало Михайлович.

Его руки дрожали. Незаметно — но всё-таки.

Он достал с полки книгу стихотворений и поэм Николая Тихонова, стоявшую рядом с голубеньким есенинским пятитомником. На титульном листе — автограф: «Сало Флору — гроссмейстеру, от поэта-подмастерья Ник. Т.».

— Эту книгу, — сказал Флор, — я получил от Николая Семёновича в Грузии.

Сало Михайлович спросил, не жалко ли ему дарить такую библиографическую редкость (издание-то 1935-го!), но тот решительно настоял на своём: берите, берите, я преклоняюсь перед вами, маэстро, — вы играли с Алехиным и даже, бывало, обходили его, и сами чуть было не стали чемпионом мира...

— Он попросил меня лишь об одном — не читать его поэму «Шахматы» — и даже предложил выдрать вот прямо сейчас, немедленно страницы с этим произведением; я, разумеется, был в недоумении, стал протестовать: ну что вы, что вы! На меня с завистью взглянул сопровождавший нас всюду мой друг, международный мастер и ответработник грузинского ЦК партии Виктор Гоглидзе: ему такого подарка от сановного гостя не досталось — только обещано было, что и для него авиапочтой придёт точно такой же томик стихотворений и поэм. Тихонов произвёл на меня впечатление человека мудрого и благородного; ещё довольно моложавый, но седовласый, он очень хорошо вписывался в грузинский пейзаж — вспомните: горы вокруг

с заснеженными вершинами, гремящие реки, ущелья, руины крепостей...

Когда Флор вернулся в гостиницу, тут же подумал: почему Тихонов настаивал на том, чтобы он не читал поэмы?

— И вы, разумеется, её сразу и открыли?

— А как же!

— Ну и как она вам?

— Сказать по правде? Сначала я просто ничего не понял. Какая-то абракадабра! Я ведь в стихах не смыслю почти ничего — мягко говоря, не литературовед. Но потом...

Представляю, что было — потом. За образными, запутанными ходами этой поэмы-страшилки улавливается простецкая, в общем-то, идея: нам не нужны «изношенные», традиционные шахматы, фигуры должны быть выточены из молодой человеческой кости! То же самое, что — «гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». Какие же эти тихоновские шахматы тридцатых годов? Они, если отбросить напускное молодечество и захлёбы революционной романтики, мертвы — да так мертвы, будто тот самый диккенсовский *«гвоздь в притолоке»* из «Рождественской повести» (сердечный привет из Гастингса!). Гениальный образ!

Недаром Диккенс говорит, что в этой поговорке сказалась мудрость предков, «и если бы мой нечестивый язык посмел переиначить её, вы были бы вправе сказать, что страна наша катится в пропасть».

Тихонов не видит, не желает видеть, из-за чего наша страна катится в пропасть, из-за чего бушует пожар расправ, — и заливает огонь бензином. Он хочет видеть в живом мёртвое, чтобы оно было лишено и страха, и сомнений. А гастингский Диккенс поднимал к жизни из мертвечины того, чьи черты изнутри заморозил душевный холод, кто умел лишь вколачивать в гроб, выжимать соки, заставляя подчиняться и всё принимать на веру.

Флор не раз порывался поговорить по душам с Тихоновым. Его, пережившего две войны, погромы и утрату родины, не сыгравшего матча с Алехиным, эта поэма задела, что называется, за живое. Удобный случай выдался, когда их повезли в Мцхету, но Николай Семёнович, словно догадываясь, о чём пойдёт речь, очень ловко уходил от разговора и со знанием дела объяснял, почему это место зовётся «Вторым Иерусалимом», читал стихи об окружающих Мцхету величавых горных вершинах, о слиянии Арагвы и Куры. Он читал и свои переводы из грузинских поэтов.

О лирике Паоло Яшвили, с которым пил и целовался и «Дебедачайскую ночь» которого включил в свой сборник, даже не вспомнил: ведь

этот поэт подвергся на X республиканском съезде писателей нападкам Лаврентия Берии за *декаданс*, его хотели превратить в провокатора, а затем казнить, но поэт опередил палачей и покончил с собой, выстрелив в себя из ружья. Бог с ним, с Паоло, — зато, подняв рог с вином, Тихонов оглашал строки, созданные во славу Новой Жизни:

...На гору всадник поднялся неспешен,
С ним председатель совета; заране
В колокол били, что к липе привешен,
К церкви деревянной собрались крестьяне.
И с любопытством к ограде теснится
Сельский народ, громыхая как дома,
Из Кутаиси приехал Сванидзе,
Тот, что инструктором исполкома.
Сам партизан открывает собрание,
Севериан — голова в сельсовете,
Дальше — Сванидзе гремит на поляне:
«Нужно колхозу быть в Алисмерети»...

Гостеприимные хозяева горячо аплодировали ему: он был не только поэтом, он был Героем Соцтруда, депутатом Верховного Совета СССР, лауреатом Сталинских премий и т. д. и т. п. Хлопал в ладоши и Гоглидзе. Был ли он счастлив, оставив большие шахматы и по протекции старшего брата, Сергея Арсентьевича, первого заместителя Берии, перейдя на партийную работу? Вряд ли. Что-то не похоже. Короче, не удалось Флору объяснить с Тихоновым. Может быть, оно и к лучшему, говорил он мне, всё равно не смог бы я высказаться до самого конца, тут я не мастак, дуэлянтом давным-давно перестал быть, да и «забил» бы меня такой златоуст, как Николай Семёнович.

— О, Тихонов — это... гвоздь, — заулыбался Флор. — Крепче не найти гвоздя!

Ау меня в памяти — гвоздь, забитый в притолоку Чарльзом Диккенсом. Это — во славу жизни. А Тихонов после блистательных «Орды», «Браги» и «Юрги» запел о смерти:

Всё потому, что мы не то,
Что предков племя редкое,
Не на кресте, не под крестом,
С другою в памяти отметкою:
Чтоб ямы кидать на дыбы,
Чтоб выси разбились у ног,
Чтоб, с гончими выгнав, обычай и быт
В упор расстрелять у берлог.

Новые тихоновские шахматы — это приказ: расстрелять в упор «у берлог» прежний обычай и прежний быт. Вот Флору и хотелось узнать у Николая Семёновича, что же это за шахматы такие, где в игру вступает «бойни мастер»! Кого он имел в виду? Один ответ, говорит Флор, напрашивался. Флор, который всегда оповещал, что он — не литературный критик, схватил самое главное. И неплохо понял всё. Тихоновскими шахматами, его игрой руководил сам вождь, лучший друг советских физкультурников, «ставивший сроки» и задачи.

Оттого —

В квадраты крови и молвы
Игра сама выносятся (...)
Игре теперь нужна доска,
Сухая — не суше, чем порох,
Большая — не больше мира,
Чтоб видели мы, играя,
Как страстью и сытым узором
Напряжена до края.

И «...если Запад хвалит меч и гневом роет берега, чтоб королевской лапой лечь на горячую печень врага», то Северу дан приказ: «Клыки отточи и стой».

У Тихонова никакого сомнения нет, что «игра» вождя — «не жалость, не спор». Это безжалостная игра, которая в конце концов сломила Сало Флора и в огромной степени деформировала его душу.

Надо бы снова открыть страницы диккенсовской «Рождественской повести», чтобы ощутить адский холод, исходящий от тихоновского вождя: «...Он был холоден и твёрд, как кремь, и ещё никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания. (...) Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу».

Какая там жалость! Какой там спор!

Тут свой закон.

Не по этому ли же самому закону по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР был расстрелян (горькая ирония судьбы!) Сергей Арсентьевич Гоглидзе, первый заместитель министра госбезопасности СССР..

Отовсюду торчали *отточенные клыки*.

5

Но куда значительней (надеюсь, по вполне понятным причинам) представляется мне трагедия первого латвийского гроссмейстера Владимира Петрова, к которому по-братски относился Флор, разде-

ливший с ним и Решевским первое-третье место в Кемери в 1937 году (рассказ об этом турнире — впереди). Петров был арестован органами НКВД.

В одной камере с Петровым на Лубянке сидел Альфред Мирек, ставший впоследствии профессором, доктором искусствоведения. В «Записках заключённого», принадлежащих перу Альфреда Мартино-вича, немало леденящих душу подробностей.

Разве не слышится этот ужас в тихоновских строчках: здесь не стук деревянных фигурок, а «жёсткий времени стук»? Неужели не ясна причина?!

На картах повисли земля и вода,
По ним дорога рук.
Если река — в бунте река —
Идёт не туда — правей, —
Река зажимается в кулак,
Плотина — на горло ей.

Эти стихотворные строки наилучшим образом рифмовались с предписаниями Н.В.Крыленко: «На органах юстиции лежит задача предвидеть все возможные вылазки классового врага, умело распознавать их и направить против врага мощное оружие репрессий...» Такие вот шахматы получались и у Крыленко, и у поэта Николая Тихонова, того самого — взрывного, непредсказуемого Тихонова, прежде совсем иначе видевшего суть игры в стихах о Гулливере, который возмущался: «Опять плутовать, мелюзга!» Что оставалось делать великану?

И, плюнув на стол, где угрюмо толпятся
Дрянной мелкоконой земли шулера,
Шагнув через город, уходит шататься,
Чтоб завтра вернуться и вновь проиграть.

...Флор в те годы только-только начинал понимать, что означает игра шулеров, которые и были отъявленными «мастерами бойни».

Это они орали молодому рижскому гроссмейстеру Владимиру Петрову:

— Застрелю гада!

...И чем больше догадывался довоенный Флор о сути трагедийных событий в СССР, тем больше радовался, что он — не с теми, «кто вышел строить и месть в сплошной лихорадке буден».

Слава богу, не с теми!

Он — человек мира.

В этой радости (*мой дом — в Праге, а не в Москве!*) утвердили его два огромных события: матч с Ботвинником в 1933-м и Второй московский международный турнир в 1935-м, о которых нам и предстоит сейчас поговорить. Они для него действительно были в каком-то смысле эпохальными.

В пражской газете «*Narodni listy*» о первом из них он сказал: «Из всех турниров и матчей, в которых я до сих пор играл под чехословацким флагом, значительнейшим я считаю матч с чемпионом СССР М.Ботвинником, который я сыграл в декабре (матч начался 28 ноября и закончился 19 декабря и проходил в Москве и Ленинграде. — *В.М.*)...» Об итогах Второго московского Сало Флор написал с тем же нескрываемым удовлетворением: «Я участвовал в тридцати — сорока турнирах, но самым значительным из них, безусловно, нужно считать турнир в Москве. Поэтому свой успех выше двух чемпионов мира я расцениваю очень высоко».

Глава двенадцатая

ЧЕМ РАЗОЧАРОВАЛ ФЛОР ИЛЬИНА-ЖЕНЕВСКОГО?

1

В журнале «64» (много лет спустя после смерти Флора!!) мне попало письмо советника советского полпредства в Чехословакии Ильина-Женевского, направленное им из Праги С.Вайнштейну — влиятельному шахматному функционеру, который, как прекрасно знал Ильин, находился в довольно близких отношениях с Ботвинником.

Автор публикации под ошеломляющим заголовком «*Флор меня разочаровал*» сообщает, что это послание (от 1 октября 1933 года) хранилось в архиве Ботвинника, который упомянул о нём в книге «У цели» и, как я понимаю, по какой-то причине (спасибо Михаилу Моисеевичу за такой поступок) не счёл нужным довести до сведения читателей текст целиком, без сокращений. Может быть, он посчитал это излишним. Негативный, несколько скандальный оттенок этой публикации очевиден.

Для чего же вдруг понадобилось тревожить мир теней?!

Что касается Ильина-Женевского — здесь у меня неясностей нет. Он был тогда «при исполнении служебных обязанностей»: советник полпредства всё-таки. 1933-й — время-то какое. Мало ли что? Не

всегда молчание — золото. «Лучше перебдеть, чем недобдеть» — такая мудрость тогда существовала. (Это — во-первых; а во-вторых... Впрочем, о «во-вторых» мы поговорим отдельно, чуть ниже.) Но... сама публикация! В двадцать первом веке уже! Такое создаётся впечатление, будто давнее противостояние Ботвинник — Флор не исчерпано, что кому-то снова нужны «разборки», чтобы дополнить многочисленные характеристики товарища Крыленко, которые тот щедро и с большевистской прямоотой давал *буржуазному представителю* Сало Флору.

Ильин-Женевский, выступив с инициативой матча Ботвинник — Флор, доносил «по инстанции», что же именно так разочаровало его при личных встречах в «молодом и даровитом» чешском шахматисте. Он знал, на какие педали жать. К неудовольствию (кто знает — искреннему или надуманному) Александра Фёдоровича, Флор не хотел брать в толк наши внутренние сложности и то, что «главным препятствием здесь, конечно, является валютный вопрос, так как мой зондаж о возможности свести все наши расходы к расходам в советской валюте, к сожалению, окончился неудачей». Валютный вопрос — эка новость! И — далее: «Он сказал, что если призы в турнире будут такие же, как были в Карлсбаде, т. е. 1-й приз — 25 000 чешск. крон, 2-й приз — 20 000, 3-й — 15 000, то он согласен поехать за одну оплату проезда с предоставлением ему помещения и питания». Надо признать: требования эти весьма и весьма скромны.

И что вообще удивило Ильина? И удивило ли? Он не мог не знать подноготную мира профессиональных шахмат. Откройте хотя бы книгу Алехина «На пути к высшим шахматным достижениям» — и вы увидите всю остроту финансовых коллизий в долгих переговорах Капабланки и Алехина. И вот заключительный аккорд этих битв — на исходе 1926 года шахматный мир облетела долгожданная весть: «Во время южноамериканских гастролей Алехина правительство Аргентины по инициативе президента страны М. Альвеара, кстати большого любителя шахмат, обратилось к нему с предложением сыграть в Буэнос-Айресе матч с Капабланкой за мировое первенство и ассигновало для этой цели установленную сумму в 10 000 долларов. Алехин, конечно, дал согласие и тут же послал чемпиону мира вызов, третий в истории их взаимоотношений...»

Московский журнал «Шахматы» (в отличие от Ильина-Женевского!) удивляться не стал и сообщил: «Так как эта сумма удовлетворяет давно уже выставленным Капабланкой требованиям за участие его в таком матче, то, по-видимому, есть все основания надеяться, что теперь действительно осуществится это единоборство двух великих шахматистов, замечательнейшее в истории шахматного искусства».

Как же деликатны, скромны на фоне такой громкой финансовой баталии условия, выставленные Флором! Но всё равно это даёт «повод сыграть на лире» (по выражению Нерона, который услышал от подчинённых, что горит священный Рим), и мотив здесь таков: рвач Флор — и бессребреник Ботвинник.

Автор публикации, Игорь Ботвинник (видимо, подспудно), сопротивляясь снятию позолоты с образа великого Михаила Моисеевича, говорит, что послание Ильина-Женевского «даёт яркую картину шахматной жизни того времени» и, вероятно, будет любопытно для наших читателей. Но письмо это внушает некоторые сомнения. Неужто Александр Фёдорович, петербуржец по рождению, из дворянской семьи, сын адмирала флота (или, как указано в БСЭ, сын протодьякона), и в самом деле настолько разочаровался во Флоре?! Или прав мужичок у Василия Васильевича Розанова: *«А время было такое»*? Невольно на память вечный Салтыков-Щедрин приходит: «Многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче сделался ход человека; ловчее стало подставлять ближнему ногу (...) обманывать, наушничать и клеветать. Всякую б о л е с т ь вдруг как рукой сняло, люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — всё, казалось, так и отдавалось им в руки — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести».

2

Остановимся на оценках, свидетельствующих о «неприязни» Ильина-Женевского к «объекту наблюдения», возникшей, так сказать, по *внешним признакам*. Как нечто весьма важное было доложено: «Флор — *маленького роста, незначительной наружности* (курсив мой. — В.М.) и, по-видимому, интересуется только шахматами...» А приёмчик-то грубоватый был допущен. Будто бывший дворянин Ильин-Женевский не знал поговорки: «Мал золотник, да дорог», будто не читал популярной есенинской поэмы о Владимире Ильиче:

Суровый гений! Он меня
Влечёт не по своей фигуре.

Очевидно, для «осведомителя» (ох, как же не поднимается рука, чтобы применить это словечко к великолепному Александру Фёдоровичу — и видному шахматному мастеру, и большевику, скрывавшемуся не в погребе с прокисшей капустой, а в швейцарском подполье)... так вот, неужто для него «все средства» были хороши?! Но, как бы там ни было, по сообщению из Праги выходило, что будущий конкурент

Ботвинника и до денег жаден, и малосимпатичен. А в качестве «довеска» — чисто советская деталь: Флор — почти что тунец; кроме шахмат, он «совершенно свободен» и «очень удивился, когда узнал от меня, что Ботвинник является инженером».

Характеристика, данная не кем-нибудь, а самим Ильиным-Женевским, оказалась бы сюрпризом для Флора — я уверен. Как воспринимали Сало Михайловича коллеги? Совершенно иначе! Виктор Васильев однажды размышлял, что хорошо было бы собрать книгу воспоминаний выдающихся шахматистов разных поколений о Сало Флоре.

— О, это был бы увесистый том! — добавил он.

А эпиграфом к такой книге, сказал я, поддержав его идею, могли бы стать слова американца Ройбна Файна, который, восторгаясь гроссмейстером из Праги, превозносил «маленького, но большого Флора»!

Представляю, как Флор приходил к *милому* Александру Фёдоровичу в посольство, хоть уже прославленный, но расплывавшийся в вежливой, типично флоровской улыбке, по-юношески доверчивый, ещё не издёрганный жизнью, понятия не имевший о том, что ожидает его в конце тридцатых годов, о хитросплетениях и удачках сталинской империи, и заводил, по мнению нашего дипломата, «довольно *любопытные* разговоры». На языке работников МИДа эпитет «*любопытные*» был не таким уж и безобидным.

А глаза Сало Флора светились, как свидетельствовали многие его современники, и умом, и иронией, и расположенностью ко всем людям (исключая хамов и негодяев). Александр Котов в «Белых и чёрных» рассказывает о том, как Алехин, объявленный врагом народа, просил Флора похлопотать за него, попросить, чтобы Ильин-Женевский принял его — чемпиона-«отщепенца». Установка же кремлёвского руководства была однозначна: «С гражданином Алехиным у нас теперь покончено — он наш враг, и только как врага мы отныне можем его трактовать. (...) Тот, кто сейчас с ним хоть в малой степени, — тот против нас. Это мы должны сказать ясно, и это должен каждый понять и осознать. Талант талантом, а политика политикой, и с ренегатами, будь то Алехин, будь то Боголюбов, поддерживать отношения нельзя». По словам Котова, Алехин всё-таки питал робкую надежду получить приглашение на какие-нибудь турниры в СССР: «Ему вспомнились далёкие годы революции, голодовка в Москве, первый чемпионат Советской России. Мысленно представил он себе Ильина-Женевского. Какой он теперь, как изменили его прошедшие двенадцать лет? Тогда был молодой, решительный... Как любили его шахматисты, каким авторитетом пользовался он!»

Двенадцать этих лет никак не могли пройти даром — в том числе, разумеется, и для дипломата Ильина-Женевского.

По сравнению с ним — кем был Сало Флор, его «разочаровавший»? Наивным юнцом — вот кем! Что ему было известно об СССР? Очень мало, почти ничего. Основное, как признавался он, это то, что Миша Ботвинник — «очень хороший шахматист, много знает, отлично понимает позицию», «особенно страшен в дебютах», «у них там есть ещё один интересный шахматист — Рюмин, Николай Рюмин (...) смелый, темпераментный; только он очень болен; туберкулёз» (свидетельство Котова). Ну а всё остальное Флора тогда ничуть не занимало: на себя *такое* и в голову бы не пришло «примерить». Ведь новости *оттуда* казались маловероятными, фантастическими. Мозес, брат Сало, правда, в них верил.

Сало же, фатовый молодой человек, не разучился ещё витать в облаках.

Александр Фёдорович в свою очередь не дремал. Он-то твёрдо усвоил, кто такой Сталин и что такое расправы, которые вершились «особыми совещаниями», «тройками», «двойками» и т. п., и т. д., прекрасно наслышан был о крестьянах, репрессированных по политическим мотивам, об административно высланных из родных деревень и сёл в ходе кампании «по уничтожению кулачества как класса», о «спецпоселенцах» в необжитых районах Европейского Севера, Урала, Сибири, о массовом голоде и в Украине, и в Казахстане, унёсшем жизни по меньшей мере шести или семи миллионов человек... Маяковский, понимая, что ему приходится «вылизывать чахоткины плевики шершавым языком плаката», мог о себе сказать без боязни: «С хвостом годов я становлюсь подобием чудовищ ископаемо-хвостатых».

Ильин-Женевский — не мог. Он ведь был дипломатом.

3

Сало направился в посольство замолвить словечко за своего гениального друга. Спустя годы он поведал Котову (Сан Санычу, Коту, Котику), с которым, в общем, был в добрых, доверительных отношениях, с какой болезненной тоской и с каким нетерпением Алехин ждал его возвращения в кафе. Именно от Ильина-Женевского, пишет Котов, «зависело, удастся Алехину поехать в Москву или нет. Несколько лет уже работает Женевский посланником Советского Союза в Праге. (...) Женевский сейчас важная фигура, он много может сделать, если, конечно, захочет. “А почему бы ему не захотеть? — спрашивал сам себя Алехин. — Что он может иметь против меня?” И всё-таки ему казался странным один факт: шахматный мастер, столь

любящий шахматы, ни разу не был в Праге ни на одном выступлении чемпиона мира. Флор задерживался, и это заставляло Алехина нервничать. Он даже заказал двойную порцию сливовицы. “Пригодится чешская водка, — с горькой усмешкой сказал он сам себе. — Если всё будет хорошо — выпью с радостью, если плохо — выпью с горя”. Почему-то Алехин был уверен в успехе похода Флора; *очень уж умеет очаровывать людей этот маленький посланник, природное остроумие и мягкость невольно располагают к нему...* (курсив мой. — В.М.)».

Но вот Ильина-Женевского, автора, так сказать, докладной, опубликованной в «64», Флор не расположил к себе. Или это была некая уловка, игра? Не будем спешить с ответом.

Алехина воодушевляло то, что Сало Флор — в отличнейшем настроении, что жизнь улыбается ему (увы, пока!), что слава украшает его. Сало «был молод, здоров, в самом расцвете шахматных сил. (...) Был изысканно одет: тёмно-серый костюм из тяжёлого английского материала складно сидел на его маленькой фигурке, искусно завязанный красный галстук выделялся на фоне белоснежной крахмальной сорочки...»

Говорит Котов и о том, что Ильин-Женевский (вполне возможно — со *своими* планами) приехал на вокзал проводить Флора, который отправлялся в Москву, на матч с Ботвинником, был молодцом, не отставал в остротах от всей честной чешской компании и даже выказывал расположенность к Флорику.

Дипломат, дипломат...

Но — вот это письмо? В шахматном журнале? О *покойном* гроссмейстере?

Зачем?! После того, как было сломано столько копий...

«Грустно, *девочки*», — как часто повторял Флор. Хотя и улыбался при этом. Всегда изящный и излучающий желание верить в лучшее в человеке.

Глава тринадцатая

КОМУ БЫЛ НУЖЕН МАТЧ?

1

Историки шахмат спорили: от кого исходил вызов — от Флора или от Ботвинника? Для Флора матч, дескать, был не так уж нужен; скорее, пожалуй, в нём была заинтересована советская сторона.

Юрий Авербах, соглашаясь с такой точкой зрения, замечает, что возникает вопрос: зачем Флору, тогда уже считавшемуся одним из самых сильных гроссмейстеров мира, вдруг потребовался этот матч? По мнению Авербаха, всё в ту пору было *«несколько иначе»* — не всё было так очевидно...

«Иначе» — верное слово! Действительно, матчевый проект пришёл на ум не кому-нибудь, а Ильину-Женевскому — именно ему! — и, судя по всему, «не просто так». Идея возникла вовсе не на ровном месте. В чём заковыка? Обратим внимание, как Михаил Моисеевич, проявив рыцарское благородство, в порыве самокритичности и откровенности признался, что однажды он сделал полному надежд и романтических мечтаний Александру Фёдоровичу «превеликую гадость» — то есть возразил против его участия в полуфинале чемпионата СССР 1929 года (маститого Ильина-Женевского поделившего третье-четвёртое место, «подвёл» глупый коэффициент: в финал выходило лишь трое): регламент, заявил принципиальный молодой Ботвинник, — закон, и нарушать закон нельзя.

И ещё одна по этому поводу самокритичная реплика Ботвинника: «Никогда он меня не упрекал за этот поступок; *видимо, понимал мой характер*» (курсив мой. — *В.М.*). Да, характер у Михаила Моисеевича был, как известно, вовсе не сахар: что правда, то правда. Да он это и не особо скрывал. Вот как раз потому в основе инициативы Ильина-Женевского не исключена была некая... каверза. Доказать это, разумеется, на сто процентов нельзя, но уж больно правдоподобно это!

Вернёмся к письму Ильина-Женевского, о котором мы уже говорили.

На Флора он произвёл приятное впечатление: советника полпредства в Чехословакии уважали как известного шахматного мастера, литератора, журналиста и просто как весьма образованного человека, его именем назвали один из пражских шахматных клубов. Сало Михайлович спрашивал меня, знаю ли я, что в сентябре сорок первого Ильин-Женевский, эвакуируясь из Ленинграда, попал на каком-то пароходе под бомбёжку в Новой Ладоге и погиб. И ещё спрашивал, известно ли мне, что у Александра Фёдоровича была молодая, красивая, обаятельная жена — Таисия Вязовская, блиставшая в балете Ленинградского мюзик-холла, хорошо рисовавшая и слывшая талантливейшей шахматисткой (она встречалась за доской с самим Рихардом Рети и даже оказывала ему упорное сопротивление!).

Вспоминая Ильина-Женевского, Сало Михайлович высказал неожиданную мысль: «Как я понимаю, Александру Фёдоровичу непременно хотелось свести меня и Ботвинника в матче; он прямо загорел-

ся этой идеей, уверял, что валюта в советской казне на это дело отыщется; напрямик свою мысль А. Ф. не высказывал, но я-то видел: он был убеждён, что я обязательно выйду победителем, и я догадывался, что у него из-за чего-то на Михаила Моисеевича зуб имеется...»

А рассчитывать на успех Флора можно было, потому что с 1927 по 1933 год он завоевал в турнирах восемнадцать первых и шестнадцать вторых мест, да притом ещё и прогрессировал. И если Флор нанесёт Ботвиннику удар, то удар этот будет весьма и весьма чувствительным!

Умевший владеть пером, как немногие шахматисты, Ильин-Женевский однажды сказал: «Одно дело — оказаться побеждённым в области, скажем, поднятия тяжестей: с мыслью, что кто-то поднял на несколько кило больше, чем ты, не так трудно примириться. Другое дело — сознавать, что при всём напряжении твоего ума построения твоей мысли оказались разбитыми железной логикой твоего противника. И из шахматной истории мы знаем, как тяжело отражались на отдельных сильных шахматистах обрушивавшиеся на них неудачи».

Вот так, дорогой Михаил Моисеевич!

2

Вайнштейн и сам, без Ильина-Женевского, как настоящий знаток, превосходно понимал, кем был тогда Сало Флор. В журнале «Шахматы в СССР» (в 1933-м) он со всей определённой писал: «Из всех выдвинувшихся за последние годы молодых мастеров С. Флор представляет собой исключительное явление. В продолжение двух-трёх лет он показывал такие незаурядные результаты, что его нельзя не считать одним из будущих кандидатов на борьбу за мировое первенство. (...) Стихия Флора — миттельшпиль. В этой стадии он безусловно сильнее всего, и здесь он наиболее опасен. Флор не боится острой игры, охотно идёт на самые запутанные обострения, в которых разбирается быстро и точно. (...) Перед нами — огромный шахматный талант, мастер большого класса: академичность дебюта, глубоко-идейный, комбинационно насыщенный миттельшпиль и эндшпиль, высокая техника».

Многие ведущие мастера в СССР поддерживали это мнение и — прямо скажем — сомневались в успехе Ботвинника, отмеченного высоким талантом, но пока недостаточно опытного.

Это конечно же должен был иметь в виду Ильин-Женевский — так что следовало выдвинуть некий «противовес». И в его послании просматриваются явные, так сказать, «приманки». Обращаясь к Вайнштейну, он писал: «Дорогой Самуил Осипович! Не успел ещё

получить Ваш ответ на моё письмо от 17 сентября с. г., а уже пишу Вам опять. Дело в том, что за это время произошли некоторые факты, о которых мне хочется поставить в известность Вас, *а через Вас и Мишу Ботвинника* (курсив мой. — В.М.). На днях ко мне зашёл Флор, и мы имели с ним довольно любопытный разговор. Для того, чтобы не повторять Вам наиболее существенную часть нашего разговора, я нарочно сохранил для Вас копию моего письма к Валериану Евгеньевичу (Еремееву. — *Ред.*), которую при сём прилагаю. Прошу Вас *показать её, равно как и это моё письмо к Вам, Мише для того, чтобы он был в курсе дела* (курсив мой. — В.М.).» Здесь же рисуется заманчивая перспектива грядущего сражения: «Встреча в матче двух наиболее молодых и даровитых шахматистов мира представляла бы собой, несомненно, *прямо сенсационный интерес* (курсив мой. — В.М.), не говоря уже о культурном и шахматном значении».

Великолепная, как говорят, «информация к размышлению». Вот это, восклицал Ильин-Женевский, будет «мероприятие»! Подумайте, мой дорогой, сами! Начальство обожает такие инициативы. Ещё до начала матча все западноевропейские шахматные журналы и газеты назовут матч наиболее крупным и интересным событием современной мировой шахматной жизни и посвятят целые номера достижениям шахматного искусства в СССР и анализам партий советских мастеров.

Ильину-Женевскому очень важно было показать в письме, что игра эта стоит свеч! «Принципиальных возражений против такого матча со стороны ВСФК, я думаю, не будет, если принять во внимание, что на будущий год намечена организация международного турнира». И ещё, по его мнению, следует намекнуть, что Флор — не такая уж крупная шишка, чтобы заламывать перед ним шапку. «Флор, по его заявлению, готов поехать в любую минуту. (...) Говорил я с Флором и о его возможности участия в проектируемом в СССР международном турнире. Конечно, я ни в какой степени не ангажировался и обсуждал с ним вопрос только теоретически. Он заявил, что с удовольствием поедет. Таким образом, в случае нужды принципиальное согласие его я имею».

Одним словом, запрягай сани да езжай.

3

Есть в послании и строки (их нетрудно углядеть), будто специально адресованные Ботвиннику, и смысл их таков: не так уж страшен чёрт, как его малюют. Вот они, эти строки: «Сыграл я с Флором шесть лёгких партий, которые он, по его словам, играет великолепно».

но, и из них три проиграл, одну выиграл, а две окончились вничью». Вполне пристойный, согласитесь, результат для Александра Фёдоровича, отошедшего от практических соревнований и молотившего свою копну на дипломатической ниве. Ну а те места из письма, где говорилось о невзрачной внешности и нравственных изъянах Флора, читателю уже знакомы. Чтобы подстегнуть вершителей судеб в Стране Советов, прилагался перевод заметки, помещённой 30 сентября в газете «Rude vesernik», где сказано, что знаменитый чехословацкий шахматный мастер Флор вступил с Ильиным-Женевским в переговоры. Была и примечательная приписка: «Мне кажется, что Миша может только гордиться этим обстоятельством. Он достиг уже такого положения, что шахматист с мировым именем *домогается* (курсив мой. — В.М.) встречи с ним...»

Надо же: «домогается»...

Короче говоря, Ильин-Женевский был лицом весьма и весьма заинтересованным. У него действительно «имелся зуб» на Ботвинника. И никто об этом тогда не догадывался, в том числе, конечно, и Флор. Александр Фёдорович, кажется, «обыграл» всех. Вполне устраивало его то, что Флор считал именно себя инициатором матча! Сало очень хотел побывать и в Москве, и в Ленинграде — поэтому (после двухнедельных переговоров) и дал согласие Ильину-Женевскому. Советский Союз был притчей во языцех; всё, что там происходило, вызывало у шахматистов (и не только!) жгучий интерес. В газете «Narodni listy» Флор писал: «Этот матч состоялся на основе моего вызова». Что и требовалось доказать.

Об отъезде Сало Флора рассказал Александр Котов. Они не были закадычными друзьями, но и никогда не враждовали. Сало Михайлович, сочувственно относившийся к замыслу *Котика* написать роман об Алехине, снабдил его большим количеством добротного материала, деталей, подробностей. Их беседы длились часами. Без них книги «Белые и чёрные» просто не было бы — я уверен!

Итак...

«Вся шахматная Прага была на вокзале. Как не прийти, когда уезжает Сало Флор, да не куда-нибудь, а в Москву, о которой пражанам так много и увлекательно рассказывал покойный Рихард Рети. Приехал на вокзал коренастый большоголовый Опоченский с вечно тоненькой длинной сигарой во рту. Провожал гроссмейстера и секретарь шахматной федерации Лоума. Даже на вокзале он удивлял всех своей феноменальной памятью. В любую минуту Лоума мог сообщить, кто из известных мастеров какое занял место в турнире, игранном десять лет назад, и сколько набрал очков. Был среди при-

сутствующих брат Флора — Мозес Флор. Многочисленные пражские поклонники любимого шахматного кумира.

Минут за двадцать до отхода поезда пришёл Ильин-Женевский. Провожаящие вначале приумолкли, *отдавая дань уважения советскому дипломату* (курсив мой. — *В.М.*), но вскоре возобновились прежние разговоры и шутки. Сам Женевский не отставал в остротах, хотя контузия и затрудняла его речь.

Неожиданно один из провожающих протянул Флору серебряную монету:

— Возьмите, Сало, это на счастье.

— Спасибо, — посмотрел Флор на подарок. — Что за монета? Русская?

— Русская, но уже негодная, — сообщил Ильин-Женевский. — Дореволюционный гривенник, царский.

— Конечно, — охотно подтвердил чех, сделавший подарок. — Она осталась у меня в память о России. Я был в плену в Сибири. Три года.

Возникла неловкая пауза. Как-то воспримет эти слова советский дипломат?

— А потом я ещё раз попал там в плен, — засмеялся чех, обняв смущающуюся женщину лет сорока с широким русским лицом. — Это уже плен навечно. Из Сибири привёз.

— Смотри и ты не попадись в плен в Москве, — дотронулся до руки Флора Опоченский. — Очутишься в капкане у какого-нибудь чернобрового русского ферзя.

Предсказание оказалось впоследствии пророческим, но Флор не знал этого и заразительно смеялся вместе со всеми удачной шутке. Вдруг он заметил в толпе на перроне Алехина. Тот стоял шагах в десяти от вагона, стараясь, чтобы его не увидел никто из провожающих Флора...»

Отчего же? Может быть, оттого, что не хотел оказаться лицом к лицу с Ильиным-Женевским и пожать ему руку. У Алехина, говорит Флор, рукопожатие было энергичным, поистине мужским — и он не решился бы на такое рукопожатие, встретившись с тем, чьи недобрые слова засели в памяти: «Мечта (алехинская. — *В.М.*) о том, чтобы как-нибудь уехать за границу и там показать свою подлинную выдающуюся шахматную силу, постоянно преследовала его. Для осуществления этой заветной мечты он готов был пойти на всё. И вот здесь-то и сказалась непрочность его политических взглядов. Шахматист в нём задавил человека и гражданина».

Котов, увы, сгладил эту ситуацию в романе, «по-своему» интерпретировал её. У него Флор перед походом в советское посольство недоумевает, беседуя с Александром Александровичем: а почему бы тебе, дескать, самому не пойти туда, тебе и карты в руки, поскольку

ты с Ильиным-Женевским хорошо знаком, играл с ним в Москве; но Алехин отнекивается — потому-то, мол, и неловко просить: «Может создаться впечатление, что я использую своё шахматное знакомство с Женевским. Лучше попроси ты».

Подобный оборот по поводу «знакомства», то есть блата, говорит Флор, оборот чисто советский — уж никак не из алехинского обихода, да и не вытекает он из ситуации; впрочем, в романе такое, может, и позволительно, хотя... это всё-таки пошло во вред лепке характера Александра Александровича.

А затем Котов излагает мысли Алехина, глядевшего вослед уходящему поезду: вот едет чешский гроссмейстер в Россию, и в Москву он прибудет, и пройдет по Охотному ряду, по Смоленской площади, и зайдет в Плотников переулок — и для него это будет обычная поездка, ничем не отличающаяся от гастролей в Амстердам, Лондон или Париж...

Но — нет, заметим мы, не прав был Алехин: это будет для Флора совсем необычная поездка.

Такая вот примерно была диспозиция.

...И всё же (а иначе и быть не могло!) истинным инициатором матча считал себя Николай Васильевич Крыленко. Он тотчас в день приезда Флора в Москву пригласил его к себе. Как рассказывал Флор чехословацкому читателю, Крыленко встретил его «очень сердечно, а вскоре вслед за тем в нём обнаружился страстный шахматист. “Это, знаете ли, такой проклятуший ладейный конец. Я имею пешкой больше, но не знаю, смогу ли выиграть. Полюбуйтесь-ка на позицию”. Это была моя первая шахматная работа и анализ в России».

Флору ещё до поездки внушали, что Крыленко — большевик по призванию, следует опасаться его, потому что этот большевистский чиновник — один из авторов доктрины «революционной необходимости», которая заменила закон, а также формулы: органы суда и следствия — это «органы политической борьбы рабочих». Я смутно понимал смысл этих предупреждений, признавался Флор, и Крыленко казался мне умным, энергичным, самобытным мужчиной, он крепко пожимал мне руку, обнимал даже — не панибратски, а как старший товарищ, смыслящий в жизни побольше моего и в шахматах разбирающийся; в Москве я и думать позабыл, что передо мной — недавний председатель Верховного трибунала, и прокурор РСФСР, и организатор процесса Промпартии и Шахтинского дела.

И тем не менее я понимаю Сало Флора, окунувшегося в атмосферу шахматного праздника. Философы и художники покрупнее, чем он,

сходились на том, что таков уж был, по выражению сына полкового казначея, есаула Войска Донского и пролетарского писателя Серафимовича, «железный поток», уничтоживший всю прежнюю жизнь! Мог ли тогдашний маэстро разобраться в «апокалипсисе нашего времени», по определению Василия Розанова, который «мужество» Ленина и социалистов основывал на том факте, «что они знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены».

...Это потом, гораздо позже, Сало Флор начнёт разбираться в том, что сотворил Крыленко и что сотворили по его же законам с ним, в той правде, которой нельзя было отыскать в «Правде».

4

Флор называл Крыленко не иначе как азартным и противоречивым человеком («Ему бы другое время и другое место...»); в его словах у порой с удивлением улавливал даже какую-то симпатию к нему — покорителю снежных вершин в Альпах и памирских ледников, заядлому спортсмену, шахматисту, искателю приключений. Я видел, что Флор в восприятии нашей истории впадает из крайности в крайность, что он так и остался где-то там, в довоенной Чехословакии; и я иронизировал: ну, Сало Михайлович, давайте-ка памятник поставим Крыленке! И принёс солженицынский «Архипелаг».

— Вы это читали?

— Сами знаете: не читал. Не успел.

— Тогда слушайте.

И я открыл главу «Закон — ребёнок»:

«Вот попал к нам от доброхотов неуничтоженный экземпляр книги обвинительных речей неистового революционера, первого рабоче-крестьянского наркомвоенна, Главковерха, потом — зачинателя Отдела Исключительных Судов Наркомюста (готовился ему персональный пост Трибуна, но Ленин этот термин отменил), славного обвинителя величайших процессов, а потом разоблачённого лютого врага народа Н.В.Крыленко. И если всё-таки хотим мы провести наш краткий обзор гласных процессов, если затягивает нас искус глотнуть судебного воздуха первых послереволюционных лет — нам надо суметь прочесть эту книгу. Другого не дано».

Да, говорил Сало Флор, меня шокировало, что в 1938-м Николай Васильевич сам окажется «съеденным», как пешка! Точно, подхватил я, и не о нём ли сказано: «Всё было на моём веку. Рубил я шашкой на скаку, как будто бы Чапай, с оттяжкой. Представь себе: той самой шашкой теперь снесут мою башку». Кто бы мог предположить, что

Крыленко будет подвергнут ЦК убийственной критике за «увлечение» альпинизмом и экспедициями («когда другие работают»), что его арестуют и расстреляют!

...Михаил Ботвинник подтверждает подлинность сценария, по которому без Николая Васильевича его матч с Флором никак не состоялся бы. Заодно сводя счёты со своими недоброжелателями-москвичами, убеждавшими Крыленко отказаться от матча с Флором, он пишет, что тот с ходу отверг их лукавый совет и откровенно удивился: почему?! И, мол, Николая Васильевича стали хором убеждать, что неопытный Ботвинник в матче обречён, что нужно бы турнир провести: турнир — это, дескать, другое дело, здесь «всё возможно»... Смысл: если вдруг что — ребята *на помощь* придут. Как говорит Ботвинник, выражение лица у великого Н.В. «стало жёстким». «Славный обвинитель» умел настоять на своём; ему важно было, по мнению Михаила Моисеевича, знать нашу «подлинную силу».

И Крыленко постановил: матч будет!

Добавим от себя: может быть, больше всех этому радовался Ильин-Женевский. Но и Флор от него не отставал: ему не терпелось побывать в обеих советских столицах; он, заводной и увлекающийся, считал эту поездку чем-то вроде поощрительного приза, а ещё ему обещали какие-то сногшибательные подарки.

Глава четырнадцатая

ФЛОР — В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛОЖЕ

1

Ильин-Женевский обещал Флору, что ему окажут шикарный приём. Он оказался прав: молодого чехословацкого чемпиона встречали торжественно и пышно. «Уже на границе в Негорелом, — сообщает Сало Флор в «*Narodni listy*», — меня ожидал сопровождающий с переводчиком, который передал мне привет от имени миллионов организованных русских шахматистов. На вокзале в Москве меня весьма горячо встретили представители советской шахматной организации и журналисты».

Разместили Флора в интуристовском отеле «Националь». Там же, по соседству с ним, проживали Ботвинник с секундантами — Вайнштейном и Рохлиным, а также арбитр матча мастер Николай Зубарев, которому, честно говоря, нечего было делать. Для гостя организовали

большую «круговую поездку» по городу. Восторгов она не вызвала, потому что советская столица не произвела на гостя впечатления современного города.

— В момент моего посещения, — говорил он, — там усердно катились на коньках. Народ без усталости сновал взад и вперёд, трамваи были переполнены; зато автомобилей было маловато...

Стояла поздняя осень. Приближалась зима. Флора это ничуть не огорчало. Ноябрь был его месяцем! Не потому, что он принимал на веру метафизику знаков Зодиака, на которую опирался алхимик, врач и оккультист Парацельс («Всё, что интеллект может воспринять, происходит из Зодиакального круга»). Скорпиону, любил говорить он, присущи ненасытная жажда обладания, ревность, тяга к насилию, презрение к слабостям окружающих людей, он не знает жалости — а вы у меня что-нибудь подобное находили? Ничего этого, продолжал он, у меня не было и нет (конечно, шахматная борьба — совсем другое дело, но ведь на то и игра); просто я люблю этот месяц, который у нас называли сентябрёв внук; у меня в это время случается много неожиданных радостей, и я не забываю, что ноябрьские ночи темны лишь до снега.

Не было у Флора и хвалёной скорпионовой проницательности — тем более такой, как у Лиона Фейхтвангера, автора поистине шумевшей книги «Москва 1937». Приняв приглашение и пересекая границу Советского Союза, писатель, «полный любопытства, сомнений и симпатий», уже заранее почему-то вызвал в своём воображении «потёмкинские деревни».

«Почётная встреча, оказанная мне в Москве, — пишет Фейхтвангер, — увеличила мою неуверенность. Мои хорошие знакомые, люди обычно вполне разумные, совершенно теряли здравый ум, когда оказывались среди немецких фашистов, осыпавших их почестями, и я спрашивал себя: неужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей? Кроме того, я говорил себе, что мне, несомненно, будут показывать только положительное и что мне, человеку, не знакомому с языком, трудно будет разглядеть то, что скрыто под прикрашенной внешностью...»

Проницательность, впрочем, не помешала умудрённому житейским опытом писателю-аналитику и впрямь «вдруг» изменить «взгляд на вещи и людей». И жестоко, очень жестоко промахнуться!

И удивительно ли, что КПРФ на своём сайте в Интернете даёт возможность всем желающим «скачать» книгу «Москва 1937». Бесплатно!

Фейхтвангера, в отличие от Флора, принимал Сталин и долго беседовал с ним.

Но и Флору оказали нерядовые знаки внимания, достойные знатной особы. Флор, когда мы разговорились о матче, признался:

— Я был на седьмом небе, мне это нравилось. А у кого, да ещё в молодые годы, от этого не закружилась бы голова! В гостинице «Националь» сказали, чтобы я ходил в ресторан и ни в чём себя не стеснял, поскольку у меня открытый счёт*. Я пришёл в полный восторг!

2

Интересно, какое впечатление произвёл Флор на Ботвинника? Может, будущий чемпион мира вспомнил слова Ганса Кмоха, писавшего, что по внешнему субтильному виду Сало Флора хочется сострадательно предложить ему ладью вперёд? Ботвинник и сам видел, что перед ним — далеко не богатырь. Конечно, он читал «докладные» Ильина-Женевского и нисколько не сомневался в прозорливости Александра Фёдоровича. Но, несмотря на молодые годы, он был из тех, кто подвергает всё не ясное для себя сомнению и полагается лишь на факты, на увиденное и осмысленное им самим. Иначе он не был бы Ботвинником...

Флор на первый взгляд никак не казался нестигаемым бойцом; в нём не было ни внешней, ни внутренней жёсткости и волевой собранности, отличавших, скажем, Алехина и Капабланку. Вёл себя Флор, будто приехал не на матч, а на карнавал, раздаривал улыбки и автографы, не держал, как заядлый драчун, камня за пазухой.

Он нисколько не кривил душой, когда сказал, что Ботвинник — чрезвычайно симпатичный юноша, всегда улыбающийся и постоянно дружелюбный. Но сам Ботвинник не спешил доверяться тому, что было на поверхности, он изучил более сотни флоровских партий. Он понял, *как* играет этот маленький, ртутный чех, как необычен его талант, — и ему пришлось-таки признать со временем, что в тридцатые годы перед Флором трепетали, что его сравнивали с Наполеоном. Стилль игры Сало Флора он называл весьма оригинальным. А позже, спустя десятилетия, придёт к выводу, что из шахматистов последующих поколений в творческом отношении ближе всех к Флору стояли такие гиганты, как Петросян и Карпов. Не на ровном месте появилась эта оценка. И сравнения лестные: Ботвинник не зря вспомнил двух чемпионов мира!

* В ту пору в стране существовала карточная система, был установлен лимит на расходование продуктов.

Сало Михайлович вспоминал, что уже на второй день после его приезда матч с Ботвинником начался.

«...Играли мы в огромном Колонном зале профессиональных организаций на сцене. Зрители сидели в партере и на трёх галереях зала. По обеим сторонам сцены были прикреплены две большие демонстрационные доски размером четыре на четыре метра, на которых играющаяся партия демонстрировалась зрителям. Во всех прилегающих залах и комнатах было помещено пятнадцать-двадцать демонстрационных досок несколько меньшего размера.

В соседних залах, кроме того, ежедневно проводились ещё другие шахматные мероприятия, как, например, сеансы одновременной игры русских мастеров, викторины, а также каждый день кто-нибудь из мастеров делал доклад о происходящей в данный момент партии между мной и Ботвинником.

Перед дворцом были выставлены огромные светящиеся неоновые рекламы с нашими именами высотой в тридцать метров. (...)

Зал и прилегающие к нему комнаты всегда были переполнены публикой, ежедневная посещаемость достигала около 2000 человек. Дипломатическая ложа и ложа для представителей правительства были также всегда заняты. Наш представитель — посланник Сметана и его жена (оба играют в шахматы) являлись постоянными посетителями матча».

3

Все газеты и журналы тех лет посвящали много места матчу, кинохроника тоже не могла обойти его стороной. Ажиотаж под лозунгом «Мы и в шахматах не уступаем буржуазному Западу!» был невероятным. Повсюду в стране распевалась песенка, которую приберёт в памяти организатор первого в стране легендарного клуба любителей джазовой музыки Алексей Баташёв:

Курят, курят все на свете,
Курят женщины и дети,
Курят плотник и шофёр,
Курит сам гроссмейстер Флор...

Поэт Семён Кирсанов в тридцать третьем тоже оказался в центре шахматных событий. Вот его, полное экспрессии, стихотворение «Шах-болезнь»*:

* Семён Кирсанов. Новое. Советский писатель, 1935.

Я никогда
и не игрывал в шахматы,
но в дни
ботвинникофлорного матча
хожу,
как доскою
по темени шваркнутый,
на всех турнирах и матчах
маяча.
В башке —
шипение ста сковородок.
Хожу на улице
ходом коня.
И лошади,
видя мои повороты,
ржут,
как родственники,
на меня.
Сестра
собирается
к Фане Ефремовне
к трём часам.
Я кричу:
— Смотри,
не теряй ни минуты
времени,
иди Эф-Е-три!
От партии
не могу оторваться...
Туман повис
над измученным лбом.
Пытаюсь рокироваться
газетной будкой
и фонарным столбом.
Решая задачу —
вконец изнемог.
У входа в квартиру
держу ферзя.
И вдруг оказывается,
ферзь — звонок,
и его никуда

передвинуть нельзя.
Работница
жалуется приятелям:
— Повлияйте на нашего:
спятил сполна —
не ест ни курятины,
ни телятины,
а только шепчет:
«Съесть бы слона!»
Не занимают
ни стихи,
ни еда —
ужас в квартире!
Держусь на ногах
едва-едва,
то есть Е-два Е-четыре.
В трамвае,
гонимый
цейтнотной спешкой,
рвусь вперёд
проходною пешкой.
Знакомые девушки
и те опешили:
— До чего
эти поэты хаят!
Был Кирсанов —
застенчивый,
вежливый,
а нынче —
что ни шаг,
то мат.
Ну, бой так бой,
на приступ полезли мы!
Всё клетки в глазах,
отступить нельзя!
И если
«надо дерзать!»
в поэзии —
тем более
в шахматах —
надо ферзять!

Имя Флора вмиг стало популярным во всей стране — и не только среди любителей шахмат.

В чешских словах он щедро делился своими впечатлениями с советскими радиослушателями. Он писал к себе на родину: «В Москве (...) после начала матча было образовано триста новых шахматных кружков. На следующий день организаторы матча объявили, что весь находящийся в Москве шахматный инвентарь, как то: шахматные доски, фигуры и шахматные книги целиком распроданы. Короче говоря, матч стал большим событием для России. За матчем следили как простые обыватели, так и *высокостоящие люди* (курсив мой. — В.М.). В канцелярии организационного комитета непрестанно трещал телефон. Запросы о положении в партии непрерывно следовали один за другим; на улицах группы зрителей дискуссировали о матче и о правильности игранный партии. За два дня своего пребывания в Москве я уже был так известен, что мальчишки бегали за мной по улицам, как за кинозвездой, а девушки и женщины гладили меня сзади по пиджаку — “на счастье”. В магазине и кино, когда я туда приходил, на меня всегда указывали и собирались вокруг на меня смотреть. Все эти события и проявленное ко мне внимание произвели на меня очень глубокое впечатление».

Флор был просто поражён. Такого интереса к себе Сало, которого обожали на родине, за её пределами больше нигде не замечал. Для него подготовили специальную «культурную программу»; на каждом шагу — овалы, улыбки, фоторепортеры, цветы, подарки. Хлопали пробки, из бутылок шампанского вырывалась пена. Флор смущённо отмахивался:

— Я не пью. И не курю!

И действительно: не пил и не курил.

«В один из вечеров, — пишет он в «Narodni listy», — меня пригласили в театр посмотреть русский балет. Сидели мы в правительственной (! — В.М.) ложе вместе с Ботвинником. После второго действия на сцену вышел директор театра и объявил, что в зале присутствуют чемпион Чехословакии Флор и чемпион СССР Ботвинник. Публика бурными аплодисментами приветствовала нас...»

Не упомянул в отчёте Флор лишь о том, что к театру из гостиницы направился он пешком и на подходе к Большому к нему уверенно приблизилась женщина («вполне в моём вкусе, в модной шубейке») и спросила лишний билетик. Всемогущему в тот момент Сало всё было по плечу.

— Ничего нет проще, — сказал он. — Идёмте со мной, мои друзья организуют это. Кстати, познакомлю вас с Мишей Ботвинником. И с другими тоже — очень интересными людьми.

— Вы — Сало Флор? — спросила она.

— Да, — ответил он. — А что, это плохо?

Разумеется, звучали его слова довольно диковато для русского уха.

— Плохо? Наоборот, — заулыбалась она. — Даже очень хорошо. А меня зовут Раей.

Сало галантно взял её под локоток и повёл ко входу и затем — к этой самой правительственной ложе. На них все с любопытством смотрели, кругом о чём-то шептались — это по их адресу. Флору, как он признался, чудилось в тот вечер, что они, как Жизель и Альберт, зависли в воздухе, в полёте. Но чудилось ли то же самое Раисе? Об этом мы никогда не узнаем.

...Спектакль захватил зрителей.

Ботвинник, говорит Флор, иногда с нескрываемым любопытством оборачивался в нашу сторону, поблескивая очками; мне было всё равно — нравится она ему или нет. Ну а Сало, будто бы невзначай, изучал Раису. «Изучение», по его признанию, перешло в восхищение. Она была, как выражались в то время, эффектна. Ну просто хорошенькой была. У него, ценителя красоты и изыска, быстро закружилась голова, из его памяти улетучились все красоты Фолкстона и все те площади, улицы и улочки Праги, по которым гуляли они с его Верочкой Мейснеровой, взявшись за руки. Раиса была ничуть не менее обаятельна, чем её племянница — будущая популярная певица Майя Кристаллинская, хотя сравнивать их — пустое занятие.

А вот про то, что кроме белых полей есть и чёрные, Флору думать не хотелось. С чего бы это?

Сидя в ложе, и Рая поглядывала на Флора — искоса, благодарно, многообещающе. Будто и впрямь не только что впервые увидела его, ни на кого не похожего, готового взорваться счастливым хохотом, пуститься на мальчишеское озорство, чтобы не было ни тревоги, ни угрызений совести... И незаметно кивала ему хорошенькой головкой — как человеку, который способен понять её без слов. Рая шепнула, что она не просто театралка — сама на сцене выступала.

— Так вы — актриса?

— Можно и так сказать...

Сало ощущал прилив молодой энергии: не напрасно он приехал сюда, в Москву, и вот он, самый главный его выигрыш! Опоченский, этот мудрец, был провидцем. Когда, держась за руки, они с Раисой покинули театр и подошли к фонтану, припорошенному белейшим снежком, она сказала (или спросила):

— Флор — это цветок? Это подарок мне?

Он всплеснул руками. Как всегда, когда у него не хватало слов (русских — тем более). Он окончательно простился с Верочкой Мейснеровой. Теперь Сало ожидал, что Рая станет его *раем*...

Им не было холодно тем поздним ноябрьским вечером.

— *Раишья*, — сказал он.

И услышал в ответ:

— Ну и акцент у тебя! Ничего. Будем исправлять.

Глава пятнадцатая
TEN DROBNĚ*

1

А Николаю Васильевичу Крыленко было совсем не до шуток, у него был свой прицел. Матч считают праздником? Ну и замечательно. Это зачтётся. Но ему не простят «проколов», сколько бы он ни утверждал, что ведёт постоянную, упорную «борьбу со старыми традициями, кастовую замкнутость шахматных мастеров, со взглядами на шахматы как на “искусство ради искусства”, с пренебрежительными отношениями к шахматным низам». Матчу, ожидая одобрения от самых верхов, придавал он первостепенное значение. Он не просто сказал, а *подчеркнул*, что встреча с Сало Флором — «молодым представителем современных шахматных течений буржуазной Европы» — представляет «для нас не меньший интерес, чем встреча с такими ветеранами, как, скажем, Капабланка или Нимцович. Наоборот, нам (...) особенно интересно организовать встречу с молодёжью — “надеждой” Запада».

Трудно сказать, почему «надежда» была взята в кавычки. Может быть, тут — ирония? Не исключено. Тем более что Крыленко добавляет: «Правда, не мы вызвали Флора на матч, а он послал нам вызов». Как видим, идея Ильина-Женевского стала идеей крыленковской.

И Николай Васильевич держал руку «на пульсе». Ботвинник в книге «У цели» отдаёт должное его организующей роли; например, он вспоминает, что Крыленко и не пытался скрыть своего огорчения в Москве, когда дела в Колонном зале Дома союзов шли далеко не блестяще. Сало Флор, в свою очередь, говорил, что лишь близорукий мог не заметить, как переживал Крыленко по ходу матча, как реагировал на проигрыш Ботвинника, угодившего в замаскированную ловушку уже в первой партии. Когда матч закончится вничью, крыленковский зычный голос вновь приобретёт самоуверенный, победительный тон: зря, мол, радуется Флор, эта «надежда» Запада! Крыленко скажет, что первая партия «*была проиграна случайно*».

А на следующий день после этой партии Флору стало известно, что из Ленинграда был вызван на подмогу Ботвиннику мастер Модель.

— Я был знаком с ним; это милый, а главное — глубокий и оригинальнейший человек, — так о нём сказал Флор.

* Это мелочь (чешск.).

Добавим: это и неподражаемый аналитик, оказавший несомненное влияние на творчество Ботвинника, стихотворец, умевший и над собой посмеяться, и над другими. О себе самом в 1931 году он высказался в журнале «Ленинградский динамовец» таким вот образом: «Модель Абрам. Известный шахматист. Выступает с 1899 года и по отзывам специалистов начинает подавать некоторые надежды. Пока играет редко, но скверно. В международных турнирах не имел ни одного поражения, так как к ним не допускался. Известен также как поэт, но, к счастью, пишет мало. Обладает ещё целым рядом специальностей, как то: виртуоз-пианист, коллекционер анекдотов, фокусник и т. д.».

А что же Сало Флор? Он писал, что Колонный зал Дома союзов стал для него счастливым местом. «Очко — с первой попытки. Потом — четыре ничьих, и игра в них, уверен, была полнокровной». И тут Крыленко «ставит всё на место», не даёт Флору «разгуляться»: «Во второй и третьей партиях он (Ботвинник. — В.М.) стоял несколько лучше. В пятой на стороне Ботвинника было определённое и весьма длительное преимущество». А Флор продолжает:

— Я был на подъёме. Я просто наслаждался жизнью! В репортажах не забывали упомянуть, будто я — обстрелянный вояка, умудрённый опытом, и можно было подумать, что я — ровесник Ласкера. А на самом деле я был старше партнёра на три года. Всего-то! Шестая партия — и снова победа (в эндшпиле, где два слона затоптали двух коней). Я гордился ею. Она обошла мировую шахматную прессу. Ботвинник признал, что я провёл её блестяще. Для него первая половина матча закончилась плачевно.

Теперь слово — Крыленко: «И даже в шестой партии, прекрасно проведённой Флором, Ботвинник упускал несколько раз серьёзные ничейные шансы». Он успокаивал: «Однако первая половина матча не могла быть ничем иным, как пробой сил и ознакомлением противников друг с другом...» Надо же: *проба сил!*

Но как же быть с признанием Ботвинника? Он писал: «Готовился к матчу я в старом Петергофе, в доме отдыха учёных. К тому времени было опубликовано свыше 100 партий Флора, которые я и систематизировал. Считалось, что Флор — шахматист комбинационного толка, блестяще ведёт атаку. Выяснилось, что всё это в прошлом. Флор уже тогда стал тончайшим позиционным мастером, отлично играл эндшпиль. Дебютный его репертуар был ограничен, это облегчало подготовку...» И — вывод: «1933 год и особенно матч с Флором — даты рождения нового метода подготовки». Может быть, об этом Крыленко не знал?

В общем, пришлось поэту Моделю сочинить частушки с подковыркой:

Флор доволен, как дитя,
Ходит именинником —
В первом туре он шутя
Справился с Ботвинником.
И безмерно упоён
Эдаким успехом,
Пишет письма Саломон
Всем знакомым чехам:
Так и так, мол, господа,
Победитель в драке я,
И Россию без труда
Бьёт Чехословакия...

2

Вторая половина матча проходила в Ленинграде. Ехали туда на «Красной стреле». Напомню, что Флор верил в магическую силу цифры «13». И надо ж такому было случиться: тринадцатое место в вагоне досталось именно Ботвиннику — не ему. Вот как об этом сказано в книге «У цели»:

«Флор беспокойно ходит около меня и наконец предлагает поменяться местами.

— Почему?

— У вас тринадцатое место, моё счастливое число...

А, так ты суеверен? Отлично!

— Нет, — отвечаю, — я тоже суеверен и никогда не уступаю своего места».

Ну что ж, говорит Сало Флор, он показал себя молодцом, блеснул чувством юмора и... по-бойцовски неуступчивым характером; со счётом 4:2 и с убеждением, что я победоносно закончу матч, выехал я с целой толпой наших секундантов и арбитром в Ленинград; русский скорый поезд довёз нас туда за девять часов; по окончании привычных уже приветствий и церемоний нас поместили в международном отеле «Астория»; Ботвинник позднее передумал и собирался жить дома у матери.

Ленинград произвёл на Флора куда более выгодное впечатление, нежели Москва: «Это огромный, красивый, современный город с широкими, бесконечными проспектами, большими строениями и ещё более живым темпом, чем в Москве».

Ботвинник и в самом деле уехал к себе домой (на Невский, 88), там его ждёт мать, там никто не будет его беспокоить, а прежде всего — Флор.

Продолжился матч в Большом зале консерватории. Здесь всё вроде бы поменялось. Крыленко взял реванш! Он расхвастался: «А что дала вторая половина матча? Флор не выиграл ни одной партии, а наоборот, потерпел два поражения, причём эти поражения в девятой и десятой партиях не носили случайного характера». То есть Флор играет случайно, а Ботвинник — неслучайно! Итак, счёт — 5:5.

По словам Ботвинника, овации и шум в зале не поддаются описанию.

В двух последних партиях — ничьи.

И опять — Ботвинник: «Николай Васильевич Крыленко, который не мог скрывать своих огорчений в Москве, приезжает на заключительный банкет. Ресторан “Астория” переполнен. Шахматисты, артисты, учёные, юристы (влияние Крыленко) и просто знакомые... Утошение отличное. Николай Васильевич доволен — не зря девять лет назад он стал во главе советских шахмат! С обычным красноречием он высказал то, что у него было на душе. Затем взглянул на меня и продолжал: “Ботвинник в этом матче проявил качества настоящего большевика...”»

И Ботвинник не спорил с ним — ни тогда, ни после.

Какова же реакция на всё это Флора? Он рассказывал (не без ухмылки!):

— Да, радость в Ленинграде, и в Москве, и во всей стране была беспредельная. И никто и не заикнулся о том, что я с самого начала предлагал матч совершенно иного формата. Двенадцать партий — слишком короткая дистанция! Попробуй прибегнуть на такой дистанции к риску — очень опасно. Я предлагал и Ильину-Женевскому, и Крыленко, чтобы матч игрался до шести выигранных партий. Естественно, потребовались бы ещё как минимум партий пятнадцать-двадцать. Но оно того стоило. Неизмеримо повысилось бы качество игры. Я даже написал, что в этом случае для шахматного мира положительной ценностью матча была возможность сравнения сил русского и западноевропейского шахматного искусства. И всё-таки, поверьте, я разделял всеобщую радость. Я был молод — почти такой же, как Ботвинник, у меня было будущее, везде ждали моего слова, и в моей жизни появилась Раиса, красивая, женственная. Лилиенталь, неожиданно для меня, одобрил мой выбор. «Женись!» — сказал он. Я написал Вере Мейснеровой о переменах, которые произошли со мной. Ответа не последовало. Я думал, что Раиса будет для меня, как фрау Марта для Ласкера. Я забыл, какой непростой путь проделали они друг к другу. Я искал Раю глазами среди зрителей (она говорила: буду что-нибудь вязать). Нам нравилось встречаться у служебного выхода, когда кончался тур... Перед одиннадцатой партией со спокойной совестью я

давал сеанс одновременной игры (это шокировало моих земляков), со мной допоздна сражались настоящие волкодавы — не рядовые любители (тут меня обмануть было нельзя*). Не менее тридцати из моих тогдашних противников сами давали сеансы одновременной игры! Ленинградский сеанс продолжался около тринадцати часов! Я, помимо этого, позволил себе принять участие сразу в двух блицтурнирах. В первом я пропустил вперёд Рюмина, во втором реваншировался и обошёл преследователей на три с половиной очка. А ещё мы с Раисой Ильиничной в гости ходили к кому-то. Хозяева говорили: вам же играть завтра, неужели вы не боитесь засиживаться? — а я... я отмахивался: а, *ten drobne!* Я уже знал, что дело закончится миром, рыпаться я не стану, — и ни у кого нет причин для волнений. Я написал тогда в Прагу.. вот, смотрите: «Оставшиеся две партии матча уже ничего не изменили в отношении конечного результата. Ни я об этом особенно не старался, так как победа с перевесом в одно очко была бы малоубедительна, ни Ботвинник, достигнув такого положения, не хотел рисковать. Он был чрезвычайно рад, что матч окончился вничью...». В общем, так скажу: я *отблагодарил* хозяев за гостеприимство.

Ну, каково — «отблагодарил»?!

— Вы же писали, что десятая партия — одна из самых слабых во всей вашей шахматной карьере...

— Писал. И что?

— И ещё писали, что на вас подействовало состояние депрессии после поражения в девятой партии. При чём же здесь «благодарность»?

Флор ответил следующим образом:

— Какая там депрессия! Знаете, чему я научился у мудрого Ильина-Женевского? Дипломатии! Понятно? С психологией, между прочим, на тот момент у меня всё было в полном порядке, и, думаю, напрасно Михаил Моисеевич что-то такое сказал о моей психологической неустойчивости, даже растиражировал это *открытие*. Депрессия ко мне придёт в конце тридцатых годов, в пору Амстердама, на АВРО-турнире, когда мне от безысходности выть захотелось! Повторяю: тогда, и в Москве, и в Ленинграде, у меня всё было нормально. Никаких особых срывов — так, рабочие моменты. И я хотел, чтобы действительно был праздник. У всех, не только у меня — и у Ботвинника, и у Моделя с Рагозиным, и у товарища Крыленко — шефа советских шахмат. Я сказал Раисе, что жду новых приглашений в Москву! Ей это понравилось. Мне — не стану скрывать — тоже. А кому бы не понравилось?

* Среди тех, с кем сражался Флор в сеансах одновременной игры, мы находим имена Батуева, Равинского, Ровнера, Сокольского, Толуша, Новотельнова, Батурина, Шамаева, Чистякова, Рубцовой, Чудовой и т. п.

Это отнюдь не бахвальство. Сосонко заметил, что Бронштейн, Спасский и Корчной «вообще скептически относятся к проигрышу Флором двух партий подряд». Мы говорили по этому поводу со смысловым — у него был тот же скепсис. Василий Васильевич даже посмеивался. Известно его высказывание, где всё пронизано юмором: «Сало рассказывал мне, что тогда, в Ленинграде, получил в конце матча *роскошный* подарок — соболиную шубу. Правда, когда он в Праге пошёл к меховщику, оказалось, что шуба совсем не соболиная, а из хорька...» Тайманов слово в слово повторил эту забавную историю.

3

Вряд ли стоит сомневаться в искренности слов Флора об «уступке» хозяевам. Было, было на матче «закулисье». Этого не отрицает и Ботвинник, который, говоря о Втором московском международном турнире, вольно или невольно признаётся, что оно проявилось самым очевидным образом *и там* — перед последним туром. Он шёл тогда с Флором «ноздря в ноздрю». Ему предстояло играть (чёрными!) с Рабиновичем, Флору — с Алаторцевым. Кремлёвское руководство напугалось. Появился обеспокоенный Николай Васильевич Крыленко. Ведь нельзя было уступать Западу: вся страна смотрит, все ждут только победы. Значит — что? И Крыленко без обиняков предложил гарантированный вариант: сделаем так, чтобы Рабинович проиграл. Ну что вы об этом думаете?

Как говорит Ботвинник, его «передёрнуло» от негодования: ни за что, дескать, чуть что замечу — фигуру подставлю! Зачем ему дармовое очко?! Крыленко, однако, калач тёртый, знает, что почём. Наш чемпион — парень боевой, этого у него не отнимешь, но нельзя оплошать. Переговоры с Флором и так уже ведутся. И тут у Ботвинника вырвалось: «Думаю, что Флор сам предложит обе партии закончить миром». И добавляет: «К тому же он может бояться, что Рабинович мне “сплавит” партию (а такие основания для боязни имелись! — В.М.)». В общем, не станет, мол, рисковать Флор. Откуда такая уверенность?! И Ботвинник успокоил Николая Васильевича: «*Нечто подобное он сделал во время нашего матча...*» Ботвинник и Крыленко хитровато перемигнулись. А тут и зашёл в номер Ботвинника один из подчинённых Крыленко и доложил: всё в ажуре, Флор согласен на мирный исход! А как Рабинович? Естественно, не возражает. Одна заваyka: Алаторцев — ни в какую, буду драться, хочу выиграть! Стали советоваться с Флором: как быть? Сало не волновался. Бог с ним, с Алаторцевым, пусть себе играет — всё равно будет ничья! И снова — свидетельство Ботвинника: «Началась игра. Несмотря на запрещение

Крыленко, я первый предложил ничью. Задача Флора была сложнее, так как Алаторцев всё же умудрился попасть в трудное положение, но *честный Флор* (курсив мой. — В.М.) сделал ничью».

Итак, в 1933-м на матче случилось *«ничто подобное»!* А иначе стал бы Флор тратить силы на сеансы одновременной игры и на хождение в гости! Так ведь и сам Крыленко в отчётной статье о матче без обиняков говорит о двенадцатой партии, что её противники сознательно играли на ничью.

Флор в той же статье «Из Москвы в Гастингс» *оправдывался*: «Отвечая на упрёки, что я не должен был во время такого ответственного матча брать на себя другие утомительные обязательства, хочу объяснить, что я считал своей прямой обязанностью не уклоняться от сеансов одновременной игры, о которых меня просили. Выступал я также по радио». Да и сеансы в СССР были отнюдь не рядовыми! Любопытна такая подробность: «Здесь всё же немислимо играть против пятидесяти противников с надеждой на успех — не менее тридцати из них сами дают сеансы одновременной игры. Ни один из них не сделал такой ошибки, которая, по крайней мере, стоила бы ему пешки. Все они в техническом отношении являлись вполне зрелыми шахматистами. В течение первых восьми часов сеанс протекал для меня вполне благоприятно, но потом *наступила физическая усталость* (курсив мой. — В.М.)...»

Отчего же Ботвинник, анализируя итоги матча, столь высокомерен по отношению к «честному Флору»? Он не раз пускал в ход вряд ли достойные дефиниции, причинявшие боль (сколько раз я был свидетелем этому!) его — тогда уже поседевшему — партнёру, которого он не единожды брал себе в помощники, на которого мог положиться: «ФЛОР — НЕ ГЕНИЙ!» Вот с какой лёгкостью Ботвинник бросается такими ко многому обязывающему словами!

Обратимся к книге Алехина «На пути к высшим шахматным достижениям», к тем страницам, где идёт речь о приезде Александра Александровича в Нью-Йорк в 1924 году. Там (как и, пожалуй, потом, когда он сокрушил Капабланку) так и не смогли до конца выяснить, что такое шахматный гений: «Это всё равно что пытаться установить, что делает человека Хейфецом, Эйштейном, Уолтом Уитменом, Толстым. Если бы гений поддавался анализу, то его можно было бы изготавливать на заказ. Но, увы, это невозможно: либо гений есть, либо его нет». Ботвинник же вообще ставит на Флоре жирную точку: «(...) Позднее шахматисты *знали Флора как остроумного журналиста — и только* (курсив мой. — В.М.)». «И только»! Неужто речь идёт о ЗНАЮЩИХ?! Или — о знающих лишь то, что о Флоре было сказано самим Ботвинником?

Как не вспомнить здесь знаменитые слова Сало Флора о взаимоотношениях между Алехиным и Капабланкой: «Если оба чемпиона мира друг другу, мягко говоря, не симпатизировали, то в душе они понимали, что каждый из них представлял собой в шахматном отношении. Поэтому и понятны слова, которые написал великий русский шахматист о великом кубинском феномене: “В шахматной истории нет и не было шахматиста, равного по таланту великому Капабланке”. Если бы Алехин умер раньше Капабланки, то не сомневаюсь, что и Капабланка написал бы о нём такие же лестные и справедливые слова».

Я не исключаю, что в конце концов Сало Флор не стал бы чемпионом мира; но не исключаю и того, что он смог бы стать чемпионом мира, — мы ещё поговорим о такой возможности. Впрочем, нельзя не согласиться и с тем, что в те годы, о которых мы ведём речь, он давал повод для критических стрел в свой адрес. Разве повёл бы себя таким образом, окажись на месте Флора, Алехин? Эти частые хождения в гости, затяжные, до глубокой ночи сеансы одновременной игры с «волкодавами», сомнительные переговоры с противной стороной, это сибаритство... Да никогда бы Алехин не допустил ничего подобного! Он был жёсток прежде всего по отношению к самому себе. Он вечно ставил перед собой непростые вопросы: «Плодотворна ли была моя многолетняя работа над усовершенствованием своего стиля? Принял ли он окончательную форму, хорошо ли я усвоил все мои выводы?» Даже одержав верх над Капабланкой, он сказал: «Его мысль работает быстрее моей; моя же, быть может, глубже, но мне всегда не хватает времени». Куда уж самокритичней!

4

Крыленко, вослед за Ботвинником, тоже сделал *свои* выводы, причём сделал с большевистской прямоотой. Предваряя сборничек сыгранных партий (помимо портретов гроссмейстеров там был и его портрет — а как же?), он пишет: «Что же дал нам матч? Уже самый его ничейный исход (+6—6) характеризует итог. Флор *не мог победить* Ботвинника. Нам могут возразить, что Ботвинник не мог победить Флора. Это не совсем так». И приводит в пример первую партию, проигранную Ботвинником якобы *случайно*. Крыленко, впрочем, был опровергнут самим Ботвинником, который честно признался: «В первой же партии я не сумел использовать подготовленный дебютный вариант, так как не составил при подготовке верного плана игры в дальнейшем...»

Крыленко был вынужден «оправдываться», говоря и о шестой партии, проигранной Ботвинником. По его убеждению, у советского

чемпиона были «серьёзные ничейные шансы», но он их, мол, «несколько раз упускал». Выходило так: ничего особенного не произошло, «шахматист-профессионал», «более искушённый в тактике матчевой борьбы», не мытьём так катаньем добыл очко.

Но в 1937 году, когда Флор, пока ещё не гражданин Страны Советов, мог позволить себе быть и независимым, и свободным, в газете «64», сославшись на шестую партию матча и споря с Петром Романовским, не преминул резко возразить тем самым высокопоставленному советскому чиновнику: «Лет двадцать-двадцать пять назад случившийся эндшпиль никто бы не играл, признав партию ничьей. Я же, пользуясь достижениями современного искусства, доказал, что этот трудный эндшпиль выигран, несмотря на отсутствие “помощи” со стороны противника. Для любителя “бессмертных” партий это окончание является пустым звуком или скучнейшим шахматным этюдом. Между тем Александр Алехин, ознакомившись с этим эндшпилем, признал его чуть ли не вершиной современной практической игры».

Да ведь что Алехин для Крыленко!

Николай Васильевич показал себя молодцом; его, в отличие от Ботвинника, нельзя было заманить ни в какие «ловушки». Если первая половина матча — *проба сил*, то «Флор во второй половине матча играл слабее Ботвинника. Но спросят: а где же знаменитый комбинационный талант Флора? Его виртуозность, блеск его игры? Мы не видим их в партиях матча. Почему? Потому, что Ботвинник не давал ему возможности проявить их в этом матче, потому, что Ботвинник не допускал ни одного шанса для построения какой-нибудь хитроумной комбинации, в которой Флор мог бы проявить эту сторону своего творчества. Он держал его в клещах своей строгой позиционной осторожной игры и каждым ходом грозил использовать малейший промах Флора».

Когда-то и побеждённый Капабланка «упрекал» своего оппонента за то, что тот сумел использовать «все преимущества, какие были на его стороне», и ещё за то, что тот «не показал комбинационного дарования в середине игры — может быть, потому, что в этой части я всегда был наиболее силен...» Но то ведь Капабланка — кто как не он приветствовал в конце концов «блестящую победу Алехина, осуществившего горячую мечту Чигорина, прямым наследником которого он является как по пылкой своей гениальности, так и по темпераменту своей игры».

Крыленко, как ему и положено, не уступал ни пяди, он указал и на другое, не творческое, значение поединка, который послужил стимулом «втягивания» шахматистов «через шахматы в нашу социалистическую стройку. Бригады рабочих-шахматистов на ударных стройках,

заводах, предприятиях стремятся проявить себя как шахматные бригады лучшим выполнением промфинплана, ударничеством и соцсоревнованием». И Николай Васильевич выдвигает партийный лозунг:

**Шахматы — орудие культуры,
а тем самым шахматы —
орудие политики.**

...Ну а излучающего оптимизм Сало Флора провожали, на минутку забыв о его «буржуазности», вполне прилично, весело даже (ничья всё-таки!), и говорили ему на прощанье довольно приятные слова. Кто-то, сказал он, открыл прямо на перроне бутылки с шампанским, стал разливать вино по фужерам, и я еле-еле отбился. Ботвинник пишет, что он тоже простился на вокзале с Флором, который «поездом через всю Европу едет на турнир в Гастингс» (где, кстати сказать, Флор займёт первое место и опередит Алехина на пол-очка). Едет, ещё не зная о том, что Алехин, в основном критически относившийся к «подающей надежды» шахматной молодёжи (не всегда, правда, справедливо — как показало время), на исходе 1933-го будет всё же вынужден признать в парижских «Последних новостях», что пятилетний стаж пражанина, который принял участие за этот срок в более чем пятнадцати серьёзных турнирах и сыграл ряд ответственных матчей и бесчисленное количество сеансов, должен быть «в смысле опытности» признан равноценным двенадцатилетнему стажу Эйве. Это кое-что значило!

А московский поезд, набирая скорость, мчался в будущее. Некоторые чины из хозяев (по обязанности) провожали гостя до самой границы. Сало Михайлович не забыл, как охотно подписал он советскому пограничнику свой последний автограф; все эти события и столь бурно проявленное к нему внимание произвели на него «очень глубокое впечатление».

С ним теперь была *Раишья*: он действительно угодил в капкан чернобрового ферзя. Все заговские формальности им удалось уладить моментально, без каких бы то ни было проволочек. Им во всём шли навстречу! Не потому ли с азартом молодости он строит планы на повторение только что закончившейся феерии и выдвигает новые головокружительные проекты. Ну вот хотя бы такой: «Советское шахматное искусство с 1925 года, то есть со времени Первого московского международного турнира, сделало чрезвычайно большой шаг вперёд. Я убеждён, что большой международный турнир с участием западноевропейских шахматистов, который, возможно, будет устроен в СССР, полностью подтвердит правильность моего мнения». Его, естественно, поддержали.

Он не сомневался, что с ним в Москву придут все звёзды. Вот только Алехина не обещал он, этот ходатай, «маленький посланник» к Ильину-Женевскому, тому самому, который тогда, на пражском вокзале, стоя рядом с Опоченским, сделал вид, будто не заметил чемпиона мира.

Ах, какое будущее вырисовывалось Флору!

Глава шестнадцатая

И СНОВА: БОТВИННИК ИЛИ ФЛОР?

1

Второй московский международный турнир — из флоровского *проекта*, о котором уже говорилось, оказался не таким уж воздушным замком. Тем более что его идея пришлась по душе самому Крыленко, которому единогласно «откликнулось» заседание президиума ВСФК при ЦИК СССР. О Первом московском 1925 года распространяться было не особо принято: ведь сенсационную победу на нём одержал Боголюбов, опередивший Ласкера, Капабланку, Тартаковера, Рети, Рубинштейна, Грюнфельда, Шпильмана, Земиша, а затем — «ради собственных выгод» — вышедший «из советского гражданства». Флор говорил, что Карел Опоченский прозвал этого «изменника» — Бого; и если в СССР Боголюбова изображали самыми чёрными красками, то за рубежом — ничего подобного не происходило.

Рижская «Jaunakas Zinas» в конце тридцатых сообщала из Кемери: «Посетителям турнира прежде всего бросается в глаза импозантная фигура господина с проседью в волосах. Это представитель Германии Ефим Боголюбов. (...) В списке успехов Боголюбова — немало ценных побед впереди Алехина, Капабланки, Ласкера и других силачей. Этот приятный, любезный господин, шахматный педагог в частной жизни, не смотрит на мир только через шахматные очки. Он не прочь посидеть с друзьями за бокалом пива в “Римском погребке”, при этом чувствует себя не хуже, чем в шахматном бою. И это, кажется, даёт ему то спокойствие и самоуверенность, с которыми он идёт в бой. Исчезает вежливый господин, и вместо него мы видим полководца, который в борьбе не знает жалости...» Правда, Бого тогда, в тридцать девятом, пропустил вперёд Флора, который, оказавшись в милом для себя райском уголке, отводил душу после кошмара на АВРО-турнире: девять побед, шесть ничьих и ни одного поражения.

Но вернёмся в 1935-й. Прибыл Флор в Москву на турнир во всеоружии и в блеске признания. Триумф в Гастингсе! Второе-третье место на турнире в Цюрихе (1934), где ему удалось опередить Ласкера, Нимцовича, Боголюбова!

Эйве (с которым Сало оказался там рядом — по двенадцать очков), хоть и знал о его дружбе с Алехиным, на похвалу не поспешил — тем более что они перешли на «ты» и у них установились тёплые, доверительные отношения.

Вместе они поднялись на вершину Утлиберга, и оттуда со смотровой вышки им открылась головокружительная панорама: старинный Цюрих, горы и карабкающиеся на них леса.

Макс, прозванный мною «вечной жертвой Веры Менчик», говорит Флор, был старше меня совсем ненамного, но он вдруг установил надо мной «шефство», учил меня уму-разуму, показал мне (подмигнув при этом) Фраумюнстер — женское аббатство, прославившееся витражами Марка Шагала, квартал Красных фонарей, церковь Святого Петра с самыми большими в мире часами, а ещё университет, связанный с именем Альберта Эйнштейна, и университетскую библиотеку, возле которой стал с серьёзнейшим видом спрашивать, какие книги, кроме шахматных, я читаю; он считал, что ему, доктору математики, позволительно задавать такие вопросы — по-моему, весьма деликатные. Но если без шуток, то Флор (это я видел) преклонялся перед авторитетом Макса Эйве; он был по-настоящему тронут, когда тот дал очень высокую оценку его достижениям в Цюрихе.

Шахматный мир, писал Эйве, с большим напряжением ожидал, чем закончится борьба на этом турнире между Алехиным и Флором. Если на югославском озере Блед (никогда не выветривалась из памяти и Флора, и Эйве эта жемчужина Словении) в двухкруговом турнире 1931 года у Сало только-только зарождался свой, обративший на себя внимание знатоков, стиль, то теперь, когда он впервые выступил на столь сильном по составу турнире, его творческий почерк обрёл полную завершённость. Флора, продолжает Эйве, считают одним из сильнейших шахматистов мира; кое-кто из высокоавторитетных участников даже утверждает, что он имеет большие шансы в матче с Алехиным; пока же его боятся и даже белыми не рискуют играть с ним на выигрыш. «Ожидания, — говорит Эйве, — оправдались: после пяти туров Флор стоял впереди Алехина на очко, после десяти туров — на пол-очка, и только на финише чемпион мира его обогнал. Флор — единственный из участников, не проигравший ни одной партии...»

Вот какого Сало Флора на этот раз встречала февральская Москва.

2

Открытие Второго московского было праздничным, бравурным, говорит Флор, звучала даже джазовая музыка — да, да, в самом чистом виде, — как на Западе; Лилиенталь сказал мне: вот молодцы! Музей изобразительных искусств (бывший Музей изящных искусств имени Александра III), расположенный неподалёку от того места, где был разрушен Храм Христа Спасителя, преобразился: он принимал «западных светил» — Ласкера, Капабланку, Флора, Лилиенталья, Шпильмана, Штальберга, Пирца, Веру Менчик.

Пожалуйста, дорогие гости, любуйтесь! Пусть вас вдохновляют на создание шедевров Боттичелли, Рембрандт, ван Дейк, Пуссен, Мурильо, Каналетто! Зачем вам знать, что возник Музей благодаря щедрым пожертвованиям всех сословий — и царской фамилии, и дворянства, и купечества, и интеллигенции, что не остались в стороне и православные, и протестанты, и иудеи? Зачем вам знать строки из писем и дневника подвижника Цветаева, отца Марины Цветаевой, о том, что не было бы Музея, если б не было в российском обществе уважения к частной собственности и к инакомыслию?

Мы устали для вас полы роскошнейшими коврами, чтобы вы чувствовали заботу нашей Партии и нашего Правительства о процветании нашей культуры. Не зря почётным председателем оргкомитета утверждён ближайший друг товарища Сталина, секретарь президиума ЦИК СССР Амель Сафронович Енукидзе (это потом, потом — в тридцать восьмом — его казнят как врага народа, как руководителя кремлёвской группы заговорщиков), а председателем назначен Крыленко, который заявил, что Второй московский — это *крупнейшее политическое явление*. Николай Васильевич получит возможность рапортовать о победе СССР над буржуазной шахматной культурой!

И всё же этот идеологический натиск был не в состоянии испортить атмосферу праздника. Смыслов, с которым мы встречались в семидесятых и восьмидесятых годах у Флора, с ностальгией говорил, что не забывает ту «шахматную лихорадку» и то, как ходил он в тридцать пятом со своим отцом, Василием Осиповичем, в Музей изящных искусств, как наблюдал, зачарованный, за игрой великанов — совершенно недостижимых, овеванных славой Ласкера и Капабланки. Я не мог, продолжал Смыслов, отвести глаз от Ласкера, чей облик был достоин роденовского вдохновения — так он был выразителен; Ласкер не вставал со стула, ему подавали чашечку только что сваренного, дымящегося кофе, он медленно глотал его, ни на секунду не отрывая взгляда от позиции, в которую (это чувствовалось!) проникал до самой глубины — так, как никто бы не сумел: постижение шахмат-

ных тайн этим патриархом достойно восхищения; и, кстати сказать, он не проиграл ни одной партии, отстал от победителей всего лишь на пол-очка. Если Ласкер, продолжал Василий Васильевич, — неподражаемый шахматный борец, то Капабланка — это артистизм, это удивительная лёгкость в игре и быстрота мышления: он — шахматный Моцарт.

Но наибольшее внимание публики, по мнению Смыслова, привлекал всё-таки Флор — герой многих шаржей (дружеских и — не совсем): матч 1933-го ничуть не забылся. В нём видели основного оппонента всех наших мастеров, и в первую очередь Ботвинника — лучшего знатока «маленького чеха». Отсюда — и такое обострённое, не очень, прямо скажем, доброе отношение болельщиков к Флору. Меня, говорит Василий Васильевич, это удивляло: Флор производил впечатление человека открытого, искреннего, у которого не бывает камня за пазухой. А на его прекрасных партиях мы, молодые, учились. Мы видели в нём самый современный мост из шахматного прошлого в будущее. И не ошибались!

И вот что ещё вспомнилось Смыслову. Как-то на турнире был двухчасовой перерыв; советские шахматисты анализировали отложенную партию, они упорно искали пути к победе над Сало Флором. Капабланка шёл мимо, и его спросили: «Маэстро, ваше мнение: как здесь нужно играть?» Тогда был поистине золотой век в шахматах (или серебряный — как хотите), и до вторжения компьютеров-всезнаек было далеко; человеческий фактор определял всё. Капабланка бегло посмотрел позицию, но не захотел вмешиваться в такого рода споры, поскольку был настоящим джентльменом, и, чарующе улыбаясь, обратил внимание на манёвр, связанный с переводом короля с одного фланга на другой, что привело бы, как выяснилось, к ничьей. Наши мастера переглянулись — и всё-таки дружно продолжили искать выигрыш: уж больно хотелось побить Флора — конкурента Ботвинника. И что же? В результате, увы, мастер, которому предстояло доигрывать партию, проиграл! А план Капабланки, найденный им, так сказать, на лету, мимоходом, был абсолютно верным, даже единственным. Смыслов улыбнулся: с тех пор имя Флора засело у меня в памяти и в сердце; и я рад, что судьбе было угодно, чтобы мы с ним стали близкими людьми!

Так вот... В день открытия Флора подозвал к себе Ласкер. Он как-то не вписывался в эту обстановку веселья и торжественности, говорил Сало Михайлович; увидев меня, он устало кивнул головой; выглядел он неважно, я тут же с легкомыслием молодости решил: постарел, постарел, сдал, уголки его губ опустились; я подошёл к нему, мы обменялись малозначащими фразами; я ведь понимал, какие тяжелей-

шие годы он пережил, — а тут ещё случилось самое ужасное: к власти в его Германии пришли фашисты, которые поставили перед собой цель — окончательно решить еврейский вопрос; экс-чемпион вынужден был покинуть родину; к нему из Гастингса в Лондон (может быть, с Ботвинником — точно не знаю — и, очевидно, по поручению самого Крыленко) выезжал Вайнштейн, чтобы пригласить его на Второй московский и помочь ему в составлении текста официального письма советскому руководству, где выражалось желание Ласкера в связи со сложившейся международной обстановкой переехать на местожительство в СССР; он вынужден был прозябать в одном из самых дешёвых пансионатов, потеряв в Германии всё, что было ему дорого, — прежде всего свою библиотеку, не говоря уже о квартире и даче, да и сбережения пропали.

Для Флора этот человек значил много; вслед Алехину Сало мог бы сказать, что всему, чему он научился и чего добился, он обязан Ласкеру. Молодой Флор уже был избалован вниманием к нему шахматной прессы, но мнение Ласкера было особенно дорого ему. Именно он, Ласкер, кстати, написал: «За последнее время, начиная приблизительно с 1932 года, среди шахматной молодёжи сложилось направление, которое проявляет интерес к индивидуальным, неповторимым особенностям каждой позиции и держится в стороне от всякого рода легковесных, поверхностных обобщений. Пионером этого направления был Флор». Эти слова дорогого стоили!

Экс-чемпион мира сказал, что он не забыл, как доброжелательный, отзывчивый Сало в начале тридцатых провожал его в пражский отель «Палас» после затянувшегося до самого утра сеанса одновременной игры. («Он не торопился в жизни, не торопился и в шахматах. Даже во время сеанса любил поразмышлять. В Праге он вдруг попросил кресло: это интересная позиция, надо подумать! Неудивительно, что этот сеанс против сильных пражских шахматистов так затянулся...»)

— А помните, как мы с вами встретились в самый первый раз? — спросил Флор.

— На турнире? — уточнил Ласкер.

— Какой там турнир! — усмехнулся Флор. — До *таких* турниров, доктор, я тогда ещё не дорос...

Пришлось напомнить, как это было. А было — вот как (этому и посвящён очерк, написанный Флором уже в шестидесятых):

«Молодым корреспондентом пражских газет я впервые попал в Берлин осенью 1928 года. Пульс мой сильно бился, когда я приближался к столице Германии. Ещё бы! Вот-вот я увижу участников турнира: живых Капабланку, Нимцовича, Шпильмана, Рубинштейна, Рети, Маршалла, Тартаковера! А если мне особенно повезёт, может быть, в качестве зрителя на турнир зайдёт доктор Эмануил Ласкер,

житель Берлина. Не теряя времени, я поспешил в кафе “Кёниг” на Унтер ден Линден и узнал всех гроссмейстеров по их фотографиям. Вот они, о которых я столько читал! Я был предельно счастлив и полон впечатлениями о первом вечере в Берлине. Но среди зрителей Ласкера не было. Говорили, что он меньше стал интересоваться шахматами, увлекается бриджем и что обычно он посещает другое берлинское кафе. Поздно вечером, если хотите — ночью, я нашёл это кафе (кажется, “Триумф”), где и в самом деле был Ласкер. Он играл в бридж. Очень поздно игра кончилась, и мне каким-то образом удалось примкнуть к небольшой группе людей, которые пешком провожали гроссмейстера до его дома. Про шахматы говорили совсем мало, больше — про бридж, скат и го. Я молчал и даже не беспокоил Ласкера вопросами, которые, вообще-то, как корреспондент обязан был задавать. Был просто счастлив, что иду по Берлину рядом с великим человеком».

Семь лет прошло с тех пор. Ласкер не скрывал, что собирается остаться в Москве, что для них с фрау Мартой это, пожалуй, единственный выход.

— А как вы? — поинтересовался он. — Вас не беспокоит то, что творится? Мир сошёл с ума!

Я ответил ему, говорит Флор, что пока нет никаких поводов для беспокойства, что у нас, в Чехословакии, слава богу, всё более или менее спокойно — ведь не даром же из Германии к нам прибыло множество евреев-иммигрантов; мол, надеюсь, на самое лучшее.

Ласкер хмыкнул и, покачивая головой, спросил:

— Знаете, что говорил о надежде Фрэнсис Бэкон?

— Нет. А что?

— Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин.

Он отклонялся и, достав сигару, пошёл в курительную комнату.

А как сыграл Ласкер тогда в Москве? Для ответа на этот вопрос Флор впоследствии нашёл самые сердечные слова: «Подумайте только, человек в шестьдесят семь (!) лет сражается в турнире с двадцатью участниками, с гроссмейстерами Запада и с новым поколением советских шахматистов во главе с Ботвинником. (...) Никому не удаётся победить Ласкера. Хорошо, что турнир был только из девятнадцати туров, а то старый чемпион ещё обогнал бы и Ботвинника, и Флора, о котором тогда говорили, что он хорошо играет в шахматы». А в турнирном бюллетене были и такие его строки: «Из отдельных участников меня прежде всего поразил доктор Ласкер. Несмотря на его глубокую старость, от игры его веет свежестью и молодостью. Мне казалось, что он не выдержит такой напряжённой и длительной борьбы и к концу турнира сдаст свои позиции. Так, в сущности, рассчитывали многие. На самом деле Ласкер не только не почувствовал утомления

на финише турнира, а наоборот, стал навёрстывать упущенное и в последних турах оказался грозным конкурентом за первый приз».

Стоит обратить внимание на слова «глубокая старость». Точка отсчёта возраста и времени у человека вечно меняется...

3

В общем, 1935-й был для Флора годом удач. И на московском турнире он не снизил темпов. Между тем нашим участникам напомнили, что они — не только мастера Кан, Алаторцев, Лисицын и т. д., они — представители советского искусства. Турнирный бюллетень призывал их, вступая в бой, не забывать, что они борются не только вообще, за честь быть победителями, но и за честь советской культуры, нашей советской социалистической Родины. Этот бюллетень ещё не мог стать «итоговым» документом, и потому в нём, помимо лозунгов и призывов, находилось место даже и для шутки, для «размышлизмов». Привлекают внимание, например, «Комментарии профана», принадлежавшие перу Михаила Левидова (автора книжки в серии «ЖЗЛ» о Стейнице и Ласкере): «А пожелание Флору, который и на 13-м, и на 23-м, и на 33-м ходу всегда с одинаковым бесстрашием ищет выигрыша? Именно — ищет. Доска для него — охотничье поле. Но как осторожен и хладнокровен этот охотник! Стрелять? Иногда и стрелять, а чаще — вскинуть ружьё и лишь прицелиться — может, подействует. И во всяком случае, не стрелять до тех пор, пока нет абсолютной уверенности, что пуля найдёт цель. Пожелание? Это очень субъективно, но хотелось бы мне ассоциировать с молодостью, пусть изредка, пусть в порядке исключения, но лучше — промах по далёкой цели, чем постоянные успехи при стрельбе в упор. Не нужно со мной спорить: это только пожелание профана».

Флор отзывался на шутку, был коммуникабелен, но оставался серьёзным. Когда его спросили, что он думает об особенностях своего стиля, он ответил, что не может говорить о собственном стиле и о собственных вкусах, так как должен всегда играть «наилучшим образом». Это соответствовало его установке.

В дневнике бюллетеня нет — и слава богу! — крыленковских определений (они появятся потом — но всё «поставят на место»). Аналитики не принижают флоровских достижений. О первой партии сказано, что Флор дал *красивую* партию, быстро и эффектно разгромил с жертвой фигуры Гоглидзе. О второй: «Флор *красиво* разбил — опять, как и в первом туре, энергичной атакой королевского фланга — Лисицына, использовав небольшие неточности в его игре». О четвёртой: «Флор применил теоретическую новинку в партии с Пирцем. Как это бывает весьма часто в таких случаях, последний ответил неудачно:

начал преждевременную и ничего не давшую контратаку на королевском фланге. Флор точно провёл атаку позиции длинной рокировки противника и *в хорошем стиле* выиграл». О десятой: «В своём лучшем стиле — *изящно и энергично* — играл Флор против Штальберга. Точно используя упущения противника, он уже в ранней стадии партии предпринял энергичное наступление в центре, получил защищённую проходную пешку, вторгся в расположение противника и форсировал мат». И дальше — в таком духе.

И тем не менее успехи Флора не оставляли равнодушными злословов. Александр Безыменский, комсомольский поэт и автор строк: «Прежде всего я — член партии, / А стихотворец — потом», написал вирши под заголовком «Сало Флор»:

Как бургеры в дому,
он жить в игре привык.
Расчётлив. Скопидом.
Не верит чувствам шалым.
Прижимист,
но не прочь
довольствоваться малым...
Как странно:
юным быть —
а жаться, как старик,
безмерно быть сухим —
а называться Салом.

Литературный критик Корнелий Зелинский охотно «приобщился» к лихой атаке на «жмущегося старика». Он подбросил дровишек в огонь, «к штыку приравняв перо»: «Почему Александр Безыменский столь дружелюбно обэпиграммил Шпильмана и столь зло — Флора? Ведь Флор лучше играет Шпильмана — это надо признать. Флор идёт очень точно, сильно и цепко. И всё же симпатии *нашей общественности* (курсив мой. — В.М.) скорее склоняются к игре Ласкера. Почему? Потому что на игре Флора лежит глубокий, резкий отпечаток материальной заинтересованности в очке, когда идейность и смелость замыслов контролируются деньгой». Бедному Корнелию Люциановичу «повезло» — он не читал воспоминаний Шпильмана о международном турнире в Нью-Йорке, о переезде через океан на борту «Вестфалии» в обществе Нимцовича и Видмара (об этом у нас речь уже шла выше), о роли материальной заинтересованности в жизни шахматного профессионала, об игре лёгких партий в течение четырнадцати дней на ставку в полдоллара или в один доллар. «Нимцович, вступая на американскую почву, — пишет любезный сердцу Безыменского и Зелинского Шпильман, — заработал около двадцати пяти долларов».

Не погнушались наши гроссмейстеры, сойдя на берег, тут же принять участие в организованном Манхэттенским шахматным клубом блиц-турнире, чтобы подзаработать денег!

Но ведь Шпильман не был конкурентом Ботвинника! А был бы — нет никаких сомнений, что Зелинский удосужился бы ознакомиться с «саморазоблачением» этого гроссмейстера.

И всё вот такие нападки — в то время, когда уже после трети дистанции редколлегия бюллетеня увидела в энергичном Флоре огромную уверенность в себе, *напряжённую волю к победе* и нисколько не сомневалась, что из числа иностранцев он не просто достиг наилучших результатов — одержанные им победы *полновесны*.

В фельетоне «Муки творчества» его называют турнирным львом, с ловкостью тигра жертвующим пешки и леопардовым скоком прорывающимся на позиции противника.

Флор не скрывал своего удовлетворения — и не только спортивным итогом, но и содержанием партий (в частности, против Романовского — своего всегдашнего хулителя), он был счастлив, что прошёл всю дистанцию без поражений и играл значительно острее и рискованнее, чем до этого!

Виктор Гоглидзе написал в бюллетене, что ему импонирует больше всего Флор, «играющий цепко, изобретательно и без малейшего напряжения». Сало Михайлович сохранил к нему самые добрые чувства. Месяцы, проведённые во время войны в Тбилиси, помогли ему кое-что понять в характере грузин, которых он любил самой искренней любовью. Гоглидзе был ему ровесником, и они без натуги перешли на «ты». В некрологе, посвящённом Виктору Арсентьевичу, он писал в шестьдесят девятом: «Немного — о нашей первой встрече на международном турнире в Москве в 1935-м. То, что Виктор был включён в состав такого турнира, — это признание его высокого мастерства. (...) Вспоминается партия Капабланка — Гоглидзе. Виктор играл чёрным цветом, что против Капабланки было крайне трудно. Капабланка всегда считался красивейшим шахматистом, но, я думаю, Виктор в этом компоненте не уступал Хосе, да и в самой партии Виктор проявил виртуозную защиту. В интервью Капабланка заявил: счастлива та страна (он имел в виду Грузию. — *В.М.*), которая смогла вырастить такого талантливое шахматиста...»

По-другому в некрологе Флор сказать и не мог.

На самом деле игра Гоглидзе на Втором московском отличалась отсутствием стабильности, срывами. Трижды (!) упускал он шансы на выигрыш в партии с Романовским, допустил грубый «зевок», играя против Ласкера, проявил элементарную несобранность во встречах

со Штальбергом и Лисицыным... А в партии с Флором, как было выявлено комментаторами, преследовал совершенно нереальный план атаки на ферзевом фланге: что-то ему померещилось. Юдович в примечании к манёвру коня, подчеркнувшего заблуждения Гоглидзе, не удержался от сарказма: «Бесславный конец несвоевременной экспедиции». Как бы там ни было, уже тогда у Флора с Гоглидзе возникли отношения, близкие к приятельским. Это сыграет в своё время немалую роль в судьбе Сало Михайловича.

Судьба ведь — она какая? Вспомним грузинскую песню:

Солнце сегодня —
И все цветы полыхают.
Завтра —
Лавина судьбу погребёт...

4

Секрет достижений Сало Флора, по мнению Крыленко, который подвёл итоги, — это флоровская «механизированная техника», да ещё помноженная на его «железную выдержку».

Я как-то, в самом начале нашей дружбы, признался Флору:

— Весной сорок пятого, когда я, мальчишкой, осваивал сборник с партиями Второго московского, я сразу же прочитал вступительные статьи к нему. И вы почему-то напомнили мне тогда цвейговского монстра из «Шахматной новеллы» — Мирко Чентовича. Это правда, не буду скрывать...

(Читатель, конечно, помнит, что железной, холодной логике этого югославского провинциала не могли противостоять даже лучшие игроки, превосходившие его умом, силой воображения и смелостью, — так сказано в новелле.)

Сало Михайлович погрузстнел. И почему-то произнёс:

— Ну вот, видите...

И продолжил: а чего вы хотите от Крыленко; он вообще на сей раз был со мной не столь любезен, как в тридцать третьем; и мог ли он, облечённый такой властью, не лягнуть меня, не напираться на какой-то бред; правда, вся эта тягомотина стала мне действовать на нервы; и когда Раиса Ильинична, ссылаясь на решение Ласкерова переехать в Москву, взяла меня в оборот: давай-ка не трать даром времени и начинай хлопотать о советском подданстве, — мы с ней поругались, да так, что долго не разговаривали, и я попросил её больше никогда не касаться этой шекотливой темы; надо было оказаться полным идиотом, чтобы пойти на такой шаг: ведь меня бы затёрли, прежнего Флора не стало бы; об этой ссоре вольно или невольно я рассказал уже

в Праге, помимо близких друзей, Мозесу, — и он вдруг замкнулся; я встревожился, тут-то он мне и выпалил, что ходит сплетня, будто моя Раечка — агент КГБ; конечно, она вряд ли была агентом, но в «странных компаниях», как мне говорили — и не раз, её видели...

И Флор повторил, усмехнувшись:

— «*Механизированная техника*» — здорово, да?

«Логика» Крыленко была элементарна. Для «буржуазных мастеров», оказывается, единицы, нули и половинки — «это вопрос их существования, материальной обеспеченности» (на этом строится и реплика Корнелия Зелинского). А коль так, коль для них, рвачей, прежде всего — «деньга», то им остаётся одно — избегать «новых путей», сопряжённых «с элементами риска».

В мрачноватой крыленковской «презентации» турнира — этой великой шахматной драмы — «буржуазный гроссмейстер» Сало Флор предстаёт как... ну, скажем, классовый чужак. Большевистский пыл статьи Н. В. Крыленко настолько агрессивен, что при переизданиях сборника предисловие это изымалось. В нём было заявлено, что Флор не завоевал по существу первого места, а «получил его в виде своеобразного подарка от советских мастеров Кана и Богатырчука, нанёсших поражение Ботвиннику» (курсив мой. — В.М.) и тем самым позволивших Флору сравняться со своим конкурентом». Это не только работа медвежатника, но и проговорочка это, Николай Васильевич! Ведь могли же Илья Кан и Фёдор Богатырчук «слить» (по выражению таких, как вы) эти партии, могли! Жаль, что Ботвинник не прокомментировал слова руководителя советских шахмат. Иногда он комментировал само собой разумеющееся, а здесь, когда требовалась полная ясность, в о з д е р ж а л с я.

Сосонко вскользь коснулся этой темы: «"Не было, не было и быть не могло, чтобы на Левенфиша могло быть оказано давление, дабы он проиграл мне партию", — сердился Ботвинник, когда заходила речь о Третьем московском турнире 1936 года. Видимо, позабыв, как на финише предыдущего турнира (Второго московского. — В.М.), когда они с Флором остро конкурировали, к нему в номер зашёл Крыленко и предложил: "Что скажете, если Рабинович вам проиграет?" На сей раз Капабланка, соперником которого был Элисказес, опережал Ботвинника на пол-очка, но тому предстояла партия с Левенфишем. "Положение ваше затруднительно. Все поклонники Ботвинника жаждут вашего поражения, — говорил Капабланка Левенфишу во время прогулки в саду у Кремлёвской стены в день тура. — Не беспокойтесь, я вас выручу и выиграю у Элисказеса". Он действительно выиграл, а партия Левенфиш — Ботвинник закончилась вничью. Рассказывая об этом эпизоде в книге, Ботвинник с плохо скрываемым раздражением употребляет странно звучащий по-русски оборот: "Ле-

венфиш позволил себе распустить слух, что его заставляют проиграть в последнем туре”. Но чем больше он сердился и говорил “не было”, тем становилось очевиднее: было, было».

Это — по поводу «своеобразных подарков», не считавшихся зазорными, если шла речь о престиже советских шахмат. Другое дело, утверждал Крыленко, *буржуазные мастера*, «которые своей игрой не раз давали повод для сомнений, играли ли они в полную силу (например, партия Шпильман — Флор), хотя, конечно, отлично сознавали всё значение пол-очка в этой напряжённой борьбе».

Прозрачней намёка не бывает! Ради удара под дых.

5

А о четырнадцатом туре Флор, как он говорил, собирался написать «смешную» статью. Но — не написал. А жаль. Он много чего не написал, о чём мы ещё поведём разговор. В этом самом туре возникла довольно щекотливая ситуация. В крыленковском сборнике сказано: «В напряжённой партии Ботвинник — Ласкер позиционное преимущество белых, вследствие их нескольких неудачных ходов, постепенно исчезло, и партия их повисла на волоске. Вторичное поражение чемпиона СССР казалось неизбежным (накануне он проиграл Кану. — *В.М.*). Однако в решительный момент Ласкер не нашёл сильнеешего продолжения, и точной игрой Ботвиннику удалось обеспечить себе ничью. Между тем Флор, продолжая методический нажим на позицию Веры Менчик, *уже предвкушал* (курсив мой. — *В.М.*) возможность сравняться с Ботвинником...»

Сколько же яда в этом «уже предвкушал»! У нас умеют сказануть в сердцах.

К счастью, кое-что (спасибо и за это «кое-что») о том самом дне у Флора найти можно. Эпиграфом возьмём такие его слова: «Лично я “звонарём” никогда не был». Да никто в этом и не сомневался. Никогда! А вот пошутить — да, любил, но не более того. Он вспоминал, как его шутка относительно следующего чемпиона мира вызвала хохот в шахматном мире. Смех смехом, а споры были, кстати, яростными. С серьёзным видом Флор сказал: я, дескать, исхожу из того, что для Веры Менчик Эйве — всяма «удобный клиент», поскольку уступает ей в счёте (2:1 при одной ничьей не в его пользу!). Отсюда последовал парадоксальный вывод Флора: «Чемпионом мира буду я!» И он пояснил: «Это получится очень просто: Эйве победит Алехина, затем Менчик побеждает Эйве, и потом уж я запросто выиграю у Менчик».

Казалось бы, посмеялись — и поставили на этом точку. Ну кто в здравом уме мог бы подумать, будто Флор относится к Вере Менчик

снисходительно или пренебрежительно! Такого не было. Вспомним хотя бы его рассказ о гастингском турнире 1930 года. А в 1969-м в статье «Каисса — женщина» он напишет о своей поездке на родину Ноны Гаприндашвили, и у него невольно вырвется: «Мы с Андрэ Лилиенталем чувствуем, что кто-то на нас показывает пальцем (или нам это кажется?). Дескать, вот эта парочка в 1935 году в Москве сыграла вничью с неудачно выступавшей в том турнире Менчик. Сколько раз надо мной по этому поводу подшучивали: “Молодец, вы (так же, как и Андрэ Лилиенталь) настоящий джентльмен — с Менчик сыграли вничью”. Лилиенталь, может быть, действительно поступил по-джентльменски (повторяю: может быть!), но я никакой не джентльмен. Нет, нет. Мне тогда хотелось выиграть — так же, как, скажем, Паулю Кересу в Гастингсе у Ноны, но не получилось».

В словах Флора о соотечественнице Вере, «шахматной Валентине Терешковой», всегда присутствовали искреннее восхищение её игрой и сожаление по поводу того, что немецкая бомба в июне сорок четвёртого попала в её дом (в Лондоне) и она в возрасте тридцати восьми лет погибла вместе с матерью и сестрой. Флор через восемь лет после нашумевшей встречи с чемпионкой мира бесхитростно написал: «Как мне в тот момент нужно было целое очко! Эта партия игралась в одном из последних туров, когда шла борьба за лидерство между Ботвинником, Ласкером и Флором. Подозреваю, что кто-то мог рассказать Менчик про мой шуточный план: с помощью Веры Менчик стать чемпионом мира. Уж очень она старалась не проиграть мне!»

И верно: нет тут никакого «звона».

А что в крыленковском сборнике говорится? Какая патетика используется! «Игра чемпионессы мира на этот раз оказалась на высоте. Все попытки Флора играть на выигрыш были ею ликвидированы, и под бурные аплодисменты всего зала партия была признана ничьей!» Этот результат Менчик нашёл отклик у миллионов шахматистов по всему Советскому Союзу. Среди многочисленных полученных ею поздравлений отметим следующую телеграмму:

Москва Шахтурнир Вере Менчик
Ваша ничья с Флором — блестящая победа
Горячо поздравляем и крепко жмём руку
Инженеры Рутченковского завода № 2.

Радости по поводу этой ничьей не было предела — и радость протянулась на множество десятилетий и страниц шахматной литературы в нашей стране.

6

Конечно, говорил Флор, меня покорило, что мой успех пытались преуменьшить; что вы хотите, сказал мне однажды Савелий Григорьевич Тартаковер, это идеология — так у *Советов* принято, не обращайтесь внимания, смиритесь с этим, как с тем, что на смену июлю приходит август, а вслед за августом — сентябрь. Флора поразило, что попытки подобного рода предпринимались порой до смешного наивные. Нет чтобы поздравить победителей — и того, и другого (они впоследствии по-человечески более или менее сблизятся, будут пытаться найти общий язык). Да не тут-то было. Успех Сало Флора по тем же самым идеологическим причинам всячески умалялся. И порой — очень неуклюже. Их... противопоставили друг другу! Почему же? Флор и Ботвинник во многом разнятся. И что? Разве не так должно быть? Разве у каждого подлинного мастера — не своё лицо, не свой стиль?! Послушаем Ласкера: «Я считал бы непоправимым несчастьем, если бы все шахматные мастера принадлежали к одному и тому же типу. Поэтому шахматным маэстро вовсе не следует равняться друг на друга. На арене шахматного искусства найдётся место для многих».

Сколько было потрачено лучшими аналитиками остроумнейших страниц, необыкновенно живописных выражений на то, чтобы выявить богатство шахмат в разнообразии стилей ведущих гроссмейстеров! Не забудется вдохновение Рети, с которым он писал о противоположностях манеры игры Капабланки и Алехина (стало классикой: «В то время как Капабланка охотно ищет ясных положений, то есть таких, в которых имеется только одна тема борьбы, например какой-нибудь слабый пункт в лагере противника, Алехин любит положения, в которых взаимные преимущества и слабости приблизительно уравновешиваются»). У Владимира Набокова вызвал восторг «бодрый, крепкий» анализ Зноско-Боровского, который называл спокойного Капу классиком и техником, а взрывного Алехина — романтиком и тактиком.

Для чего нашим критикам понадобилось «открывать Америку»? Да, Ботвинник и Флор — разные! И тут не требуется знаменитый анализ Рихарда Рети. Он — ни к чему. Всё куда проще. Крыленко и его команда стоят на том, что Флор — порождение буржуазного образа жизни, прагматизма, сковывающего творческое начало. Именно это и дало повод Петру Романовскому в 1937 году (когда с чудовищным размахом раскрутился маховик репрессий) разразиться обвинениями в адрес Флора (и «файно-флоровского стиля»), противопоставив ему советских шахматистов, которые «могут творить и бороться свободно», так как «над ними не висит дамоклов

меч материальных соображений и расчётов, давление которого так хорошо знакомо буржуазному профессионалу». Вот и вся недолга. Знакомая песенка.

Не любопытно ли, что Батуринский, составитель книги «Гроссмейстер Флор», вышедшей в свет уже совсем в иные времена, когда отдел пропаганды горбачёвского ЦК возглавил «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев, не посмел дать отпор всем этим нападкам. Виктор Давыдович даже предоставил слово одному из авторов сборника — И. Рабиновичу, тому самому, кто пустил в оборот формулу: *Ботвинник и Флор значительно отличаются друг от друга*, и процитировал доказательство: «Флор — типичный представитель западноевропейских шахмат. Его знания приобретены им в процессе турнирной практики, из которой он умеет извлекать наибольшую для себя пользу. (Представляете, какой ужас! Пользу извлекает для себя из турнирной практики — хорош гусь. — В.М.) Он не обладает дебютной эрудицией Ботвинника и других советских мастеров...»

Что касается достижений Ботвинника, здесь всё — на «должной» высоте. Сборник «Второй международный...» воздаёт в полной мере нашему чемпиону, который всегда «тщательно подготавливается к каждому турниру, изучая не только новейшие дебютные новинки, но и индивидуальные особенности своих будущих противников. Его превозносят за то, что он самостоятельно разрабатывает новые дебютные схемы и варианты, (...) избегая таким образом проторённых путей и получая возможность на деле выявить свои выдающиеся шахматные способности».

Вопрос был поставлен ребром: «Кто же всё-таки сильнее — Ботвинник или Флор?» Читателю, словно в «правдинской» передовице, дают понять, что явное преимущество — разумеется, у Ботвинника. Есть смысл обратить внимание на бравурность тона этого высказывания: «Чемпион нашего Союза Михаил Моисеевич Ботвинник уверенно идёт от победы к победе. (...) При таких качествах и при том внимании, которое встречает каждое выступление Ботвинника среди широких масс трудящихся, несомненно, что ему обеспечены крупнейшие успехи в будущем». Флору оставалось лишь повторять слова мудрого Тартаковера: «Да плюйте на это!»

Но он *не плевал* — наоборот, извлекал уроки. Ведь именно ему принадлежат вот эти слова: «Только в 1935 году, когда мы встретились с вооружёнными до зубов советскими шахматистами и когда мы в сеансах одновременной игры испытали, как даже младенцы ловят нас на дебютных вариантах, только тогда мы почувствовали, что наши беззаботные дни кончились».

7

Между прочим, сам Ботвинник, подводя турнирные итоги, вынужден был снизить до некой объективности: ведь не мог же гроссмейстер из Праги, возглавивший *вместе с ним* таблицу, не показать высокого класса игры. Вот и последовало признание Михаила Моисеевича, что Сало Флор «сыграл великолепно», что он обладает «исключительной выдержкой и расчётливостью».

Флор, по его признанию, уже в тридцать пятом стал задумываться о причинах агрессивного тона, дружно взятого советскими идеологами от спорта по отношению к нему, ко всем «буржуазным мастерам». По его мнению, этот тон воспринимался мировой шахматной общественностью как нечто вполне естественное, органичное: «во главу угла» почему-то ставили «поразительный» подъём шахматного движения в СССР. Кое-кто, разумеется, возмущался методами принуждения, которые применялись Сталиным и его подручными, — например, протестовал Андрэ Жид. Полемизируя с братом, Лион Фейхтвангер соглашался, что и в самом деле «ещё кругом рассыпан мусор и грязные балки, но, — говорил он, — над ними уже отчётливо и ясно высятся контуры могучего здания. Это настоящая вавилонская башня, но башня, приближающая не людей к небу, а небо — к людям». Не в лоб, так по лбу.

Сало Флор не вдавался в пространные философские рассуждения. Он просто очень обострённо воспринимал всякую несправедливость, проявленную лично к нему. Тысячу раз был прав Мозес, видевший, какое ранимое сердце у младшего брата. Поэт утверждает: «Душа не может быть ранима. Она сама собой хранима. Достать её нельзя ни злобой, ни свистопляской узколобой...» Это — не о Флоре! Он не обладал грубой шкурой. Моё состояние, говорит Сало Михайлович, умел угадывать Лилиенталь — Лили, Андор, Андрэ, мой друг, сын певицы и автогонщика, он подначивал меня: ведь ты же — великий, гениальный, думай о будущем, а то, что тебя «цепляют», — чисто советские штучки, так что ты игнорируй их, тем более что к нам относятся здесь как к персонам высокого ранга.

И ещё — об Андрэ: «Я увидел его, девятнадцатилетнего, впервые в Штубнянске-Теплице накануне международного турнира. Он сразу же вызвал у меня симпатию — не потому, что был красавцем (не уступал даже Капабланке), а какой-то внутренней чистоплотностью и особенностью, которая подсказала: этот юноша одарён сверх меры. Он у всех вызвал восхищение...»

А вот что о тех днях написал сам Лилиенталь: «Из Парижа я поехал в Прагу (в 1930 году. — В.М.). На Венцель-плац я зашёл в одно

кафе (название забыл). Но мне повезло, я встретил одного великого шахматиста, его звали Саломон Флор. Потом я его звал Сало, а он дал мне прозвище — Лили, чуть-чуть короче моей фамилии. Мы с ним остались до конца его жизни самыми близкими друзьями. (...) А затем мы с Саломоном Флором поехали в Австрию, на курорт Штубен (Stuben), где должен был начаться очень сильный по составу турнир. Конечно, я тоже хотел участвовать. Но организаторы сказали, что моё имя совершенно неизвестно, поэтому они не могут включить меня в число участников турнира. Но, к счастью, Флор попросил их допустить меня к участию. Его авторитет оказался вполне весомой рекомендацией для того, чтобы мне разрешили участвовать наравне с остальными. И, всем на удивление, я занял первое место, а Флор — только второе. Когда он со мной встречался, то получил абсолютно выигрышную позицию на шахматной доске. Но, к моему счастью, прозевал фигуру, и я у него выиграл. Я извинился перед Флором».

Это извинение не утешило тогда Флора, но, потеряв слона, очко и с ними первое место, он обрёл на всю жизнь человека, которого любил, которому доверял и с которым был рад общаться и обсуждать всё, что наболело на душе. В Москве они поддерживали друг друга. Андрэ заражал Сало энтузиазмом, хвалил его выбор — Раечку, напоминал, что их поместили в самую лучшую гостиницу — в «Националь», из окон которой видны Красная площадь и Кремль. Жаловаться, вспоминал он, не приходилось, «условия были превосходными: блестящая кухня — кушайте икру красную и чёрную, вино пейте — сколько хотите, только надо было расписаться на счёте. Однажды шведский гроссмейстер (Гидеон Штальберг. — *В.М.*) попросил меня расписаться на его счёте. Попросил он потому, что должен был поститься, а на самом деле ел мясо и лакал вино и водку, и ему было неловко перед организаторами. Я, конечно, охотно расписывался, чтобы выручить моего коллегу...»

Манера этих заметок хорошо передаёт характер Андрэ Арнольдовича. Он упоённо рассказывал другу о своих походах вместе с Капабланкой в ресторан «Прага», где пели и плясали цыгане; запросто можно было заслушаться.

Флор смеялся:

— А спортивный режим вы с Капой не соблюдаете! У него это вообще в крови.

О Капабланке даже во время его матча с Алехиным ушлые репортеры писали, что он — любимец всех ночных клубов Буэнос-Айреса, ужинал в три часа пополудни в ресторане «Трапесон» и что в его особом распоряжении была театральная ложа в «Маипо» (подражавшем парижскому «Фоли Бержер»).

Лилиенталь кивал головой, соглашался с Флором: *на этот раз* я тебе соперником не стану, да и Капу, как видишь, на путь истинный не настаиваю!

Говоря о том времени, Лилиенталь пишет в своих заметках, как увидел однажды среди зрителей «красивую блондинку с прекрасной фигурой... Всё её внимание было сконцентрировано на столе, где играл Капабланка. Неудивительно (...). Капабланка был красивым мужчиной. Страшно разозлившись оттого, что блондинка никакого внимания не уделила мне, я сказал В.Е.Еремееву (помощнику Н.В.Крыленко по организации турнира): “Валериан Евгеньевич! Если вы меня не познакомите с этой женщиной, я отказываюсь дальше играть...” Еремеев помог мне. Так я познакомился со своей будущей женой, Евгенией Михайловной. Самым счастливым временем в моей жизни стали годы, проведённые рядом с Женечкой».

8

По итогам турнира Флор получил оговоренные премиальные в размере четырёхсот долларов (он опередил Ласкера на сто пятьдесят долларов, а Капабланку — на двести пятьдесят) и специальный приз «за лучший результат против советских мастеров». А вот ни одного из призов «за лучшую партию турнира» он, к удивлению многих, не удостоился. Лучшие, по убеждению жюри, — это партии, «отличающиеся цельностью и внутренней логической красотой, причём элементы внешнего эффекта не играют решающей роли, хотя и признаются желательными». Но как же, в самом деле, Флор одолевал своих соперников? Неужели в его игре отсутствовали и цельность, и внутренняя логическая красота, и элементы внешнего эффекта?!

Уже в первой партии с Гоглидзе он (чёрными) показал *красивую* игру, блеснул на девятнадцатом ходу именно *эффектной* жертвой коня, после чего белым удалось протянуть не более десяти ходов. Затем — Лисицын. И снова — «*красиво* разбил», и опять — жертва (на том же девятнадцатом ходу, на сей раз — пешки), заставившая соперника дрогнуть. В комментариях, помещённых в сборнике, проигравший резюмирует: «Вся партия — интересный образец сложной, обоюдострой игры». Любопытно, что Эйве нашёл иные, более яркие краски для рассказа об этой партии. Он посчитал необходимым написать об умении Флора находить *единственные* ходы и восторгался его *комбинацией*, которая была проведена на двадцать четвёртом ходу: если бы не она, нелегко было бы удержать преимущество! И — вывод: «*Одна из лучших...* партий на московском турнире». Жюри, однако, не посчитало её «одной из лучших». В четвёртом туре Сало Флор одолел закалённого в битвах практика и теоретика югослава Васю Пирца.

Комментатор партии мастер Богатырчук справедливо обращается *ко временам «вечнозелёных»* Андерсена и Морфи, справедливо замечая в критический момент: «Поучительная позиционная ошибка, безукоризненно использованная Флором». Воздав должное победителю, он назвал эту партию *прекрасным образцом* шахматного закона: короля своего следует держать не в месте пешечной атаки противника, а подальше от неё! Шестой тур должен был убедить всех, что Флор — отнюдь не машина, иначе он не оступился бы в противоборстве с Эмануилом Ласкером и не дал бы тому прекрасную возможность уйти от поражения. Вызвала восхищение и партия Флора с Лилиенталем, восемнадцатый ход которого увенчан (как блестящий) двумя восклицательными знаками; в ней Флору удалось избежать поражения благодаря поразительной находчивости, упорству и превосходной защите. Комментатор (будущий гроссмейстер Левенфиш) в заключение анализа сказал: «Изобретательная игра обоих противников делает настоящую партию одной из *интереснейших* в московском турнире». Жюри и с Левенфишем разошлось во мнениях. А можно ли забыть яркую победу Флора над Штальбергом? Его двадцать третий ход, позволивший коню проникнуть в лагерь белых и внедриться на третью горизонталь, вошёл в учебники и до сих пор впечатляет юных (и не только!) шахматистов. И учит, что *целесообразность неотделима от красоты*.

В журнале «Шахматы в СССР» я рассказал, как в благословенных пятидесятых вёл шахматный кружок в военном городке в Тбилиси (на Черноморской улице, в Авлабаре, недалеко от Навтлуги) и показывал ребятишкам лучшие образцы шахматного творчества, в том числе, конечно, и партии Сало Михайловича — и всё это из книги, подаренной мне Романом Степановичем Плюшным.

...У Флора одно время было просто нестерпимое желание создать серию зарисовок о Втором московском. И я понимаю — почему. Не для того, чтобы поговорить о партиях — своих и не своих. Они были добротнo прокомментированы и стали хрестоматийными. Ему хотелось воссоздать *атмосферу* баталии, которую он считал для себя самой главной, а возможно, и вернуться в молодость. Но это далеко не всё! Его волновали судьбы Виктора Гоглидзе, Фёдора Богатырчука, Григория Левенфиша, Михаила Ботвинника. К сожалению, «загорелся»-то он ярко — но уже вскоре «погас». Допытываюсь: в чём дело? Он отмахивается — отстаньте. Это была первая наша размолвка, связанная с тем, что он не хотел сознаться, будто *не имеет права распускать язык*, как Виктор Корчной или Гарри Каспаров. То был неприятный разговор, и Флор понимал, что хватил лишку. Этой «темы» нам не избежать, она важна в понимании драмы, произошедшей с Сало Михайловичем, и мы посвятим ей отдельную главу.

9

В тридцать пятом Сало Флор ещё раз в полной мере ощутил, что к нему пришла всемирная слава. Говоря о том времени, пражанин и не пытался скрывать, как велик был прилив вдохновения, которое он испытал, выйдя вместе с Ботвинником победителем грандиозного шахматного сражения. «С массой ярких впечатлений» (по его словам) уехал он 7 апреля из Советского Союза. В статье «Три месяца в Европе» (написанной для «Вечерней Москвы») Флор рассказывал:

«На следующий день я был уже гостем шахматного клуба в Варшаве. Немедленно по прибытии с меня был снят “допрос” о московском турнире. Меня засыпали вопросами. Неужели действительно всё, о чём сообщали газеты, это правда? Четыре-шесть тысяч зрителей, 250 журналистов, тысячи людей у входа, передачи с турнира по радио, огромный интерес советской печати к шахматам?! Всё это было для Западной Европы чем-то сказочно-невероятным. Разумеется, в Варшаве были известны почти все партии московского турнира. Мне в свою очередь пришлось лишь удивляться тому, до какой степени местные шахматисты знали каждую его деталь.

Затем я прибыл в Прагу, на мою родину. Здесь я также подвергся атаке вопросов. Объектом особого интереса были мои первые “достижения” в Москве, а именно ничья с мисс Менчик. Вокруг этой партии — накануне финиша! — разгорелись бурные споры. Мне не давали пощады. Вместо приветствия все мои друзья задавали ехидные вопросы:

- Скажите, неужели вам нравятся женщины типа Веры Менчик?
- Дело с Менчик нечисто?

И тому подобное...

Женщины оказались добрее мужчин. Они хлопали меня по плечу, дружелюбно заявляя:

- Флор, нам нравится, что вы такой джентльмен.

Надеюсь, москвичи-то поверят мне, что в партии с Верой Менчик я не играл роли “кавалера”, а просто случайно свёл на нет своё выигрышное положение из-за одного ошибочного хода. Интерес пражского населения к московскому турниру также оказался небывалым. Мне рассказывали, что в одном кафе специально установили радио для приёма радиопередач с турнира. Против своего обыкновения, и иностранные газеты отводили много места турниру в Москве. Было бы любопытно, если б турнирному оргкомитету удалось собрать все газетные вырезки о турнире. По моему подсчёту, бумаги набралось бы не менее железнодорожного вагона!

Пробыв семь недель в Праге, я отправился в Испанию. Когда слышишь или читаешь об Испании, вспоминается прежде всего бой

быков. Я не любитель спорта этого рода. Однако нельзя же уехать из Испании, не познакомившись с такой её особенностью! И я пошёл на бой быков. Около тридцати тысяч испанцев млели под солнцем в ожидании зрелища. (Флор здесь по восприятию происходившего близок к Хемингуэю, который в «Смерти после полудня» писал: «Солнце — это очень важно. Теория, практика и зрелище боя быков создавались в расчёте на солнце, и когда солнце не светит, коррида испорчена. Испанцы говорят: “El sol es el mayor togero” — солнце лучший тореро, и без солнца лучший тореро бессилён. Он — словно человек без тени». — В.М.) «Сегодня хорошая программа, — сказали мне, — будет убито восемь быков». Заиграл оркестр. На арену выбежал бык. Появился тореадор, размахивающий красным плащом. Избрав подходящий момент, тореадор наносит зверю удар. Публика ревёт от восторга, приветствуя «смелого бойца». Бык взбешён. Но он начинает уже шататься. Публика не удовлетворена. Больше крови! Она облегчённо вздыхает лишь тогда, когда испустившего дыхание, залитого кровью быка тащат с арены четыре лошади, к которым его привязывают. Публика счастлива. Женщины кидают на окрашенный кровью песок арены цветы и даже свои шляпки. За час при мне убили четырёх быков.

(Флор, как признавался он, ничего не мог поделать с собой, был угнетён — и перед ним вспыхивали безобразные картины погрома, созданные ненавистью и смертью. Он и тут был родствен Хемингуэю, признававшему бой быков упадочным, декадентским искусством, в котором плащ, бандерильи и мулета постепенно становятся самоцелью, когда «всё больше внимания уделяется приёмам выполнения разных движений тореро и всё меньше — конечной цели», когда превыше всего — эти приёмы. Флора страшила *эстетика гибели*. Один уже вид смерти отбирал у него много сил. На похоронах Котова он сказал: «Самое отвратительное в этом мире — смерть. Для меня нет ничего ужаснее!» — В.М.).

Перехожу к шахматному турниру в Барселоне (первое-второе место. — В.М.). Куда ему тягаться с боем быков! На нём не было тридцати тысяч зрителей, не было даже трёхсот. Всего лишь скромных тридцать человек. Избалованный московским турниром, я, разумеется, почувствовал себя не особенно хорошо. Известно, что присутствие большого количества зрителей воодушевляет шахматного чемпиона, как это бывает и с артистом в театре. О турнире в Барселоне испанская печать давала чрезвычайно скупые отчёты в небольших заметках. Прошли “золотые московские денёчки”, когда перед Музеем изящных искусств нас встречало за один день больше людей, чем за весь турнир в Испании! Что касается самой игры, то она была “приятнее” московской. Испанцы оказались

слишком слабыми противниками. Несомненно, что все московские игроки первой категории сильнее испанских мастеров. Я также дал в Испании несколько сеансов одновременной игры. По сравнению с сеансами в Советском Союзе они оказались для меня детской игрой. В одном городе я выиграл все пятьдесят партий. В Мадриде я играл против десяти человек. Семь партий выиграл и три свёл вничью. Общий итог всех моих выступлений: 284 выигрыша, тридцать ничьих и восемь проигрышей. (...)

18 августа в Варшаве начнётся так называемый Турнир наций. Если бы советские шахматисты участвовали в этом турнире, они были бы первыми фаворитами. Теперь же первое место займёт, очевидно, команда американцев, в которую входят Кэжден, Файн и, возможно, Решевский. Решевский — самая интересная шахматная фигура этого года. Он, как известно, “вундеркинд”, наделавший в 1919–1920 годах много шума в Европе. Ребёнком семи-восьми лет он уже давал сеансы одновременной игры в европейских столицах. Затем он эмигрировал в Америку, где начал учиться. Лишь года два назад мы вновь услышали о нём как о шахматисте. В турнире в Маргите (Англия) он выиграл у Капабланки и вышел на первое место. Однако неделю назад Решевский вновь удивил мир “чудом”, проиграв на небольшом турнире в Англии мисс Менчик! Между прочим, Решевский по субботам как набожный еврей в шахматы не играет. Поэтому на турнире в Англии в эти дни на его месте сидел секретарь, делавший ходы по его указаниям.

На Варшавский турнир наций поступили заявки от двадцати стран. Хорошие перспективы у австрийцев со Шпильманом, Беккером, Грюнфельдом, Элисказесом и Мюллером. Югославия представлена Видмаром, Пирцем, Костичем, Асталошем и Вуковичем. Чехословакия посылает Флора, Трейбала, Опоченского, Рейфиржа и Пеликана. Франция — Алехина, Бернштейна (недавно принявшего французское подданство), Мюффанга, Кана и Бетбедера. Мои предположения таковы: первое место займут США, второе — Австрия и третье — Чехословакия.

После турнира в Варшаве я уеду в Амстердам к доктору Эйве, который пригласил меня в качестве тренера перед своим матчем на первенство мира с Алехиным. Доктор Эйве готовится к матчу чрезвычайно добросовестно. У него всё время живёт Кмох; июнь и июль провели у него Шпильман и Элисказес. В августе он хочет отдохнуть. Я буду для него “последней инстанцией”, со мной будет проведена “генеральная репетиция” матча. Эйве покажет мне все шахматные новинки, которые он намерен применять в игре против Алехина. Я же должен быть “цензором вариантов”, выявляя, нет ли в них “дыр”.

Об Алехине я мало слышал за последнее время. По моим сведениям, за последние годы он перестал пить и курить. Если это соответствует действительности, то у Алехина хорошие шансы сохранить звание чемпиона мира. Вообще же думаю, что шансы у обоих претендентов равны. Из тридцати предстоящих партий матча большинство, очевидно, даст ничейный результат. Следует ожидать победы того или другого со счётом 6:4 или 7:5. Но, конечно, только будущее покажет, кто станет чемпионом мира — Алехин или Эйве. Не хочу быть плохим пророком!

Вне зависимости от того, кто выиграет матч, я намерен в 1937 году вызвать победителя на матч на первенство мира. В 1936 году мне придётся идти служить в армию, так что раньше 1937 года я этого сделать не могу...»

...В 1935-м у Флора было немало интересного: турниры в Розасе (I приз), VI Олимпиада в Варшаве (+9=7), Гастингс (II). В 1936-м: Маргит (I), снова международный турнир в Москве (III), Подебрады (I)... Экспресс бытия мчался по сверкающим рельсам — вокруг возникали всё новые и новые пейзажи.

А в Ноттингем мы отправимся прямо сейчас.

Глава семнадцатая

НОТТИНГЕМСКАЯ БАЛЛАДА

(Рассказ Сало Флора)

1

Не скажу, что я был круглым отличником в Литомержицкой гимназии. Случались приличные отметки — но не так чтобы часто, бывали и «троечки». Не стану хвастаться и по поводу того, что читал я в детстве запоем. Такой дикой страсти не было. И не всякие книги меня захватывали. Гашека, Сервантеса, Альфонса Додэ или Франсуа Рабле читал по нескольку раз и подряд — это правда. Иногда я ребят приводил в ужас, выкрикивая, как подобает смелому путешественнику:

— Спросите, кто я такой, у пантер Заккара и у львов Атласа!

Они знали, что я помешан на «Тартарене из Тараскона». Я ухаживался в одиночку, вечером, когда Тартарен превращался в Дон Кихота и требовал: «Топор! Дайте мне топор!», а Тартарен, вмиг ставший уже Санчо, звонил горничной: «Жаннета, шоколаду!» И я завидовал этому толстяку: Жаннета тащила ему дивный шоколад,

горячий, душистый, с пеночкой, и вкусные анисовые сухарики. Мне бы тоже кусочек!

Франца Кафку я открыл для себя позже.

Раввин, у которого я рос, баловал нас — и взрослых домочадцев, и детей — только по большим праздникам, а праздников было не так уж много — куда меньше, чем будней, занятий в гимназии, домашних уроков и всяких там обязанностей. А ещё я неожиданно полюбил повести и баллады про Робин Гуда, красочно изданные, очень яркие. Это был мой герой! Мне нравилось, как весёлые разбойники, сделав свои добрые дела, разводили в Шервудском лесу костёр, зажаривали на вертеле целого оленя, пили пиво и горланили песни.

Один раз раввин взял меня за ухо:

— Ты что это такое распеваешь, паршивец?

Он был незлой и очень любопытный.

И велел мне:

— Ну-ка повтори.

Я пробормотал, понуриив голову:

Когда узнает мой отец,
Что пояс тесен мне,
Меня запрет он, а тебя
Повесит на стене*.

— Где это ты нахватался? Ты хоть понимаешь, о каких делишках тут говорится?!

Я оторопел. Что за нападки?

— Да ведь это же про Робин Гуда!

Когда мы в гимназии на переменках жевали свой бутерброд и блицевали (без часов, конечно), я двигал фигуры и твердил:

— Тот не шериф, — сказал король, —
Кто упускает власть.
Не нападения надо ждать,
А первому напасть!**

А если я готовил ловушку своему партнёру и подставлял под удар «отравленную» пешку или фигуру, ожидая, что пижончик польстится на подарочек, я бубнил себе под нос: «Найди приманку похитрей, захлопни западню!»

* Перевод Самуила Маршака.

** Перевод Игн. Ивановского.

Вот вам литомержицкая картинка — как вступление, что ли, как пролог.

2

А сейчас я расскажу о 1936 годе и о Ноттингеме. То был турнир экстра-класса, который вошёл в историю. Четыре чемпиона мира! Ласкер, Капабланка, Алехин, Эйве. К этому перечню добавил и меня, скромнейшего из скромных, озорник Тартаковер, назвавший Флора «четвёртым экс-чемпионом»; а к тому ж учтите, что лично я в те дни с уверенностью пророка провозгласил: титул чемпиона мира Ботвиннику можно спокойно присудить уже сейчас! В отличие от Савелия Григорьевича, я, в общем-то, не ошибся.

В Англии (а прибавьте к этому чудный август!) я чувствовал себя как дома. Эта привязанность началась с Гастингса — и на всю мою жизнь. И три слова на её земле, как три пушкинские карты, сами собой возникали где-то там, в глубине моей легкомысленной души:

- *Вера!*
- *Фолкстон!*
- *Рождество!*

Перед открытием турнира ко мне подошёл Пётр Муссури, москвич, но греческий подданный. Я слышал, что он в хороших отношениях с великим Ласкером и даже бывает у него дома. Он водил Ласкера на юбилей шахматного композитора Алексея Троицкого, на детский шахматный праздник, который состоялся на Стадионе юных пионеров в мае тридцать шестого.

В нём была заметна творческая жилка, он, несомненно, был превосходным шахматным репортёром и горел желанием раздобыть самые свежие, самые «жареные» факты. Муссури очень рассчитывал на то, что ему как журналисту, командированному редакцией «б4», повезёт в Ноттингеме. А послал его сюда сам Крыленко (как говорили, неплохо знавший его).

Мы с Муссури, черноволосым, бойким, нигде не терявшимся молодым человеком, почти моим сверстником, разговаривали несколько раз во время Второго московского, он брал у меня интервью, задавал вопросы со знанием дела, расспрашивал о пражских шахматных клубах, больше всего — о Рихарде Рети и о моей дружбе с Алехиным; он был автором задач и этюдов — причём довольно интересных. Он заговорил со мной о турнире в Подебрадах, который предшествовал Ноттингему и где я занял первое место, опередив Александра Александровича.

— Как вы думаете, — спросил он меня, — Алехин будет стремиться к тому, чтобы «расквитаться» с вами, «припомнит» ли он вам свою обиду?

— Во-первых, — ответил я, — разве вы не в курсе, что я неважнецкий предсказатель? Все мои прогнозы не сбываются. Часто они — курам на смех. А во-вторых, Алехин — не из тех, кто из-за такой чепухи обижается, это боец, он всегда рвётся в бой. Кто-то пошутил, что он не страшится рубцов битвы*.

— По-моему, — продолжал Муссури, — вы в этом году сделали пятнадцать ничьих. Не многовато ли — как по-вашему?

Въедливый парень, подумал я, но что поделаешь, это его работа. Надо ответить. И я согласился с ним:

— Пожалуй, многовато.

Он предложил прогуляться: давайте, мол, пройдемся до набережной Трента. Мы с Раисой Ильиничной согласились — день стоял шикарный, у нас было ещё свободных часа два. С нами в качестве гида отправилась и Вера Менчик (у неё тогда был роман с турнирным казначеем, и вскоре она вышла за него замуж). Вера сказала Рае, что видела совсем недавно чуть ли не на первой странице журнала «Chess» её портрет:

— Вы просто красotka. Как же там сказано? «Очаровательная жена Флора». Я вас поздравляю.

А Муссури поцеловал Раису Ильиничну в щечку.

По пути, недалеко от старой рыночной площади, Вера показала нам памятник самому известному и благородному разбойнику в мире — Робину, который был в одеянии простолюдина, с капюшоном, с луком и колчаном, полным стрел, за спиной.

— Представляете, — сказала она, — рядом — Шервудский лес!

Я это хорошо представлял.

Тот самый, дремучий и таинственный лес, о котором я мечтал в детстве.

Я никогда не забывал, как подстрелил какой-то парень-бедняк оленя в этом лесу, чтобы накормить мясом свою мать-вдову, за что его полагалось повесить на первом же суку, и как стрелы отважного Робина Гуда заставили стражников разбежаться в страхе. Пётр Игнатьевич оказался просто молодец, он наизусть знал много баллад; вот, сказал он, самые актуальные на сегодняшний день строки:

Кто в цель вернее попадёт,
Сам стоя за чертой,

* О своей партии из первого тура в Подебрадах Флор писал: «Алехин играет в блестящем стиле, и временами я почти физически ощущал силу его игры».

Тому достанется стрела
С головкой золотой*.

Это он намекал на первый приз (и даже сказал, кому тот достанется, — Ботвиннику, разумеется). Произнёс уверенно; отправляя его сюда, ему сказали, что так оно и будет, да оно и было похоже на правду. Ботвинник продвигался вперёд семимильными шагами.

Полюбоваться красотой Каунти-холла и Уоллатон-холла мы тогда так и не успели: время бежало быстро, надо было спешить к открытию — было уже больше одиннадцати.

3

Мне предложили в издательстве «Физкультура и спорт» написать послесловие к русскому изданию замечательной книги Алехина «Ноттингем 1936» (она вышла в свет в шестьдесят втором). У меня были турнирные бюллетени, которые высылали из Москвы в Ноттингем, — и я разыскал в них и в «64» заметки моего знакомого Муссури, посвящённые этому событию. Читал их — и вспоминал, как около полудня 10 августа к подъезду отеля «Виктория Стэшн» был подан большущий зелёный автобус и его до отказа заполнили возбуждённые участники, турнирные распорядители, журналисты. Минут через десять мы подкатили к предместью Ноттингема — Бистону. Раздались аплодисменты и восхищённые возгласы:

— Здорово! Прекрасно!

Нам очень понравилось это место. Здесь находилось здание университета, в котором и должна была проходить игра и которое, расположившись на невысоком холме, всё утопало в зелени.

Раиса Ильинична не удержалась и спросила:

— А фотографировать нас будут?

За меня ответил информированный Муссури:

— Обязательно. Уже везут аппаратуру.

Шериф города и ректор университета стали проверять, все ли участники на месте. Они поздоровались с каждым из нас. А вот, пожалуйста — вырезка с заметкой Муссури: «После этой церемонии нас просят занять места. На сцене, задрапированной в зелёный цвет, расположились за маленьким столиком шериф города, председатель Британской шахматной федерации г-н Гордон Росс и г-н Дербишир (меценат. — В.М.), в полукруг столика сидят участники турнира. Во вступительном слове Гордон Росс рассказывает историю Ноттингемского шахматного клуба и приветствует участников, желая им — всем

* Перевод Игн. Ивановского.

сразу! — хорошо сыграть. Затем получает слово Дербишир, после него ещё говорит ректор университета. От имени участников выступает с ответным словом д-р Эм.Ласкер. Росс представляет всем присутствующим участников. Улыбаясь, приподнимается с места Ласкер; важно напыжившись, встаёт Боголюбов; как молодой герой американского фильма, раскланивается Решевский; во весь свой гигантский рост поднимается Эйве и т. д.». Помню, как по-свойски, весело приветствовали сэра Джорджа Томаса (похожего на диккенсовского благородного Скруджа, каким тот стал в конце «Рождественской повести»), Уинтера, Александра и Тэйлора. В общем, поздоровались со всеми. Не хватало лишь одного — Капабланки.

Я успокоил хозяев.

— Такое с ним бывает, — сказал я. — Наверно, этот англоман забрёл в какой-нибудь паб, чтобы, как всегда, в компании загулявших *йоменов* заправиться кружечкой доброго ноттингемского эля. Ничего страшного — доберётся самостоятельно, к началу партии успеет.

Я оказался прав — в том смысле, что Капа не опоздал.

Я не собираюсь анализировать все свои ноттингемские партии, но на самой первой из них — с Алехиным — мне всё-таки хочется остановиться подробнее, она мне и во сне иногда виделась. Тартаковёр не преминул написать о ней в чуть ёрническом тоне: «Даже между противниками, приучившими шахматный мир к добродушным, коротким ничьим, борьба идёт ожесточённая и приводит к результатам иногда сенсационным. Так, в первом туре Алехин уже в дебюте (французская партия) пожертвовал Флору две пешки. Флор принял только первую жертву, но всё же угодил под сильную атаку...» Выходило так, будто я попался на домашнюю заготовку. В действительности же было иначе. Тартаковёр не упомянул, что как раз в дебюте мой партнёр допустил две ошибки. Четвёртый ход Алехин сопровождал латинским изречением: «*Lapsus manus*». А следующий, пятый, пометил вопросительным знаком, потому что предложенная им жертва пешки была, на его взгляд, некорректной. Целых две ошибки подряд в дебюте! Редчайший случай! Я, как благородный вольный стрелок Шервудского леса... нет — как пижон, отказался от «приношения», не взял пешку b2; побрезговал, таким образом, двумя лишними пешками, реализовать которые у меня были все шансы, — вот и забрёл в обманно-романтические дебри, где на каждом шагу меня ждали капканы. Оценил я позицию совершенно неверно, что многих шокировало. Расточительность меня до добра не довела. Прагматичный Алехин зорко заметил, что в моей игре отсутствует осмотрительность, что я совершенно напрасно не попытался удержать как можно дольше своё материальное преимущество. Я зачем-то отступил ферзём, позволив

тем самым Алехину увести своего короля подальше, в безопасное убежище — да ещё с выигрышем темпа.

Проигрыш не отрезвил меня. Может, оно и к лучшему. В третьем туре белыми я одолел Капабланку. Меня бросало из крайности в крайность, я делал всё, чтобы избежать ничьей, — и, как сказал Алехин, я играл «без определённого плана». Так оно и было! Моего противника это в какой-то степени дезориентировало. Уже где-то на тридцатом ходу мы оба с Капой попали в цейтнот, и чёрные, к моему удивлению, необдуманно сделали слабый ход ферзём. Дальше пусть говорит Алехин:

«Ужасающий просмотр, в результате которого позиция, отнюдь не являющаяся безнадёжной и заметно улучшившаяся на протяжении последних двенадцати — пятнадцати ходов, сразу становится незащитимой. Объяснение зевка, допущенного Капабланкой, дал он сам в советской газете “64” (20 августа 1936 года). Вот что он пишет: “Последние ходы были сделаны в цейтноте. Когда осталось сделать ещё четыре хода, вокруг нашего стола собралась толпа журналистов, участников и прочих. В такой обстановке немислимо играть. Стоящий у стола Макс Эйве несколько раз вмешивается, указывая Флору количество оставшихся ходов, так как противники бросили записывать партию. На мою просьбу соблюдать тишину он вступает со мной в пререкания, стараясь мне доказать, что он может говорить. Вмешательство в игру Эйве совершенно недопустимо, а руководитель турнира сидит и пишет свои корреспонденции. В результате этого вмешательства я допускаю грубую ошибку, проигрывая качество”».

«Оправдания» возмущённого Капабланки и нападки на Эйве Алехин «вверстал» в свои комментарии, как мне кажется, с большим удовольствием. Я даже уверен в этом. Незадолго до Ноттингема он уступил звание чемпиона мира «нахалу» Максу Эйве, «не дававшему спокойно играть» кубинцу. А вообще-то, все, кто знал Макса, искренне уважали его, говорили о нём: это исключительно тактический, воспитанный человек, скромный, достойный во всех отношениях.

Что касается падкого на любые сенсации Тартаковера, то в «Летописи Ноттингема» у него об инциденте в той партии вы не найдёте *ни одного слова*: «В этом туре состоялась “капитальная партия” Флор — Капабланка (ортодоксальный ферзевый гамбит). Флор в дебюте захватил преимущество, но всё же его противнику удалось удержать равновесие. К моменту контроля у обоих осталось очень мало времени. Повторялись ходы. Наконец Капабланка ошибся, и Флор записал ход, выигрывающий качество. Капабланка тщетно старался создать себе шансы контратаки и спасти партию, как это с ним случилось в Москве (в 1936-м. — В.М.). Но на этот раз Флор бодрствовал и ото-

мстил за московскую неудачу». *И никаких обвинений в адрес Эйве.* Не было для этого причин!

Выиграл я и у Ласкера. Может, на него подействовало то, что я был не совсем «в своей тарелке». Тартаковёр игру альтмейстера назвал даже «несчастной». Алехин и здесь не обошёлся без подковырки по моему поводу: «Вообще говоря, настоящая партия (и не по вине Флора) является одной из самых слабейших в турнире». После игры к Ласкеру подошёл Муссури, попытался успокоить его, но тот не был склонен к разговорам. И всё-таки Ласкер, стеснявшийся своих «лысых» дёсен, был в Ноттингеме просто молодцом! Он заявил для «64», что старается поддержать честь Советского Союза и что самым приятным результатом для него стала победа над Боголюбовым, который представлял нацистскую Германию и выглядел в этой партии крайне неуверенно. Удалось Ласкеру одолеть и новоиспечённого чемпиона — Эйве. Вообще-то для Ласкера Ноттингем был, увы, лебединой песней, достойным «эндшпилем» его не имеющей равных шахматной карьеры.

Мне предстояло играть с Ботвинником — и на эту партию я «собрался»! То была принципиальная встреча. Играя чёрными (!), я быстро добился хорошей позиции: мне удалось на шестом ходу сыграть гораздо сильнее, нежели в нашей недавней встрече, в Москве, и уже после восьмого хода центральная пешка белых, ведомых признанным дебютным энциклопедистом и экспериментатором, оказалась мишенью для атаки. Я был очень доволен! А потом, как говорил Тартаковёр, ему показалось, что мой ферзь вот-вот попадёт под удар пешек и фигур Ботвинника, но чёрным, мол, всё же удалось выпутаться, «и получился интересный конец, где у Ботвинника была цепь пешек от h2 до e5 и от a3 до c5, а пешка Флора забралась на h3. Было бы очень любопытно посмотреть, как разыгрывается такой конец, но каждый из противников в перерыве убедился, что если у него и есть шансы, то ещё больше есть опасностей». Ничья! Такая ничья была мне дороже иной победы.

Самым невероятным на турнире было для меня то, что я проиграл две партии хозяевам — англичанам Тэйлору и Александру. Это было воспринято как большая сенсация. В «64» я объяснил эти проигрыши не каким-то *пристрастием к стилю*, а просто моими человеческими ошибками, и выразил твёрдую уверенность, что такими обидными ошибками каждый мастер часто портит свою игру и доказывает несовершенство техники шахматной мысли, — ведь не родился ещё мастер, чьи комбинации безупречны от начала до конца, который способен играть абсолютно безошибочно, наподобие идеального компьютера. Вот вы спрашиваете: а говорил ли я Ботвиннику, уезжая из Москвы на турнир, что у меня «в кармане» уже сейчас — четыре

очка против англичан? Если б говорил, я был бы не настоящим Нотстрадамусом, а «звонарём». Наверно, у Михаила Моисеевича память намного, намного лучше, чем у меня. Я такого «прогноза» что-то не припомню. Не в моём это характере. Я вообще все прогнозы, как известно, строил в форме шутки и всегда уходил от прямого ответа.

(Заметки на полях. Из послесловия Флора к книге Алехина «Ноттингем 1936»: «Давно известно, сколь шатка позиция шахматных, да и не только шахматных, пророков. Казалось бы, что может быть проще: припомни, кто вышел победителем в предыдущем крупном турнире, и смело называй его первым призёром будущего турнира. Логика здесь проста: поскольку, мол, так — значит... Но это "значит" сплошь и рядом ничего не значит. (...) В результате итоги турнира оказываются на первый взгляд неожиданными и для самого прорицателя, и для его почитателей. (...) Не буду называть примеров просчётов, в том числе собственных, — поверьте, их было не мало. Поэтому я давно взял за правило уклоняться от прямого ответа на вопрос, как закончится то или иное соревнование: поживём, мол, увидим...»)

Перед началом АВРО-турнира, например (в статье «Пока не пущены часы»), я сказал, что выявить шансы каждого из участников очень нелегко и всё же, если бы я решил поставить на одну из восьми «лошадок», я выбрал бы Алехина. Честно сказать, я не сомневался, что, уступив звание чемпиона мира, Алехин в Ноттингеме реваншируется. Это — да, было, а хвастовство насчёт «четырёх очков в кармане» — соцреализм. Но я не отрицаю своего легкомыслия при подготовке к партиям против англичан (впрочем, это уже дело другого рода). Алехин, комментируя партию с Тэйлором, задал мне, игравшему чёрными, неслыханную взбучку, сказав, что дело тут — *в измене собственным установкам*. Он осуждает мой девятый ход: «Слишком рано!» Не поспеши я, говорит он, белые уже теперь столкнулись бы с трудностями. После этого игра моя, по его словам, становится нудной, лишённой какого-либо стержня. Вот так он был сердит! В примечании к 77-му ходу Алехин говорит: «В печати раздавались отдельные голоса, приписывавшие неудачу Флора в Ноттингеме "невезению" и особенно тому факту, что он потерял два очка во встречах с английскими шахматистами, против которых он прежде добивался отличных результатов. Настоящая партия больше, чем всякая другая, доказывает полную несостоятельность подобной оценки, *ибо мастер, который, не сумев победить благодаря собственному умению, пытается завоевать очко, истощив физически менее закалённого противника, вполне заслуживает поражения*».

Всё это, по правде говоря, было для меня подлинным кошмаром. Ведь Теодор Тэйлор был почти полностью незряч, ему разрешалось пользоваться комплектом специальных шахмат (где он нащупывал каждую фигурку) и аппаратиком для подсчёта времени. Своё осуждение Алехин по-дружески выложил мне там же, в Ноттингеме. Я ему, тем не менее, возразил, я хотел, чтобы до него дошло моё убеждение: если бы в этом турнире не принимали участия Тэйлор, Александер, Томас и Уинтер, уступавшие в классе всем остальным, я выступил бы куда успешнее. Кстати говоря, Ботвинник об этом догадывался. Он, как и некоторые другие гроссмейстеры, сослался на моё невезение и сказал, что, мол, тактика *прежнего Флора* нам хорошо известна — «это исключительно выдержанная игра искусного турнирного бойца, избегающего рискованных продолжений. Поэтому Флор, играющий во что бы то ни стало на выигрыш, как-то не вяжется с обычным представлением о нём». И добавил, что, дескать, «не в том турнире» Флор начал «перестраиваться».

Александр же Александрович, выслушав мои «оправдания», ответил:

— Может быть, ты и прав...

Но возражения моего не принял и не учёл. В общем, так мне и надо! В конце книги он несколько смягчил тон: «Результаты Флора не соответствуют его возможностям. Я глубоко уверен, что этот относительный неуспех должен быть отнесён за счёт переутомлённости — он чересчур много играл в турнирах за последние годы и после нескольких месяцев отдыха, несомненно, добьётся вновь лучших успехов».

О проигранной партии с Александром сказать мне особо нечего. Главное — то, что Алехин (вряд ли с юмором!) написал в комментариях: «Флору мерещатся призраки, и в результате он упускает шансы на победу».

Но призраки Шервудского леса здесь, конечно, ни при чём.

Прогнозируя итоги турнира, Ильин-Женевский утверждал, что талант Ботвинника особенно ярко проявляется в партиях именно с сильнейшими противниками и полную противоположность ему в этом отношении представляет «выдающийся техник» Флор, который в турнире «слабого состава» может набрать «наивысшее количество» очков, превзойдя здесь и Капабланку, и Ботвинника. Ошибся Александр Фёдорович! Ошибся и Романовский, не испытывавший ко мне большой любви из-за моего якобы упования на «голую технику». Вот что он написал: «Даже Флор, несмотря на свою большую практическую силу, исключительную позиционную эрудицию, нередко является жертвой своих воззрений. Попытки в Ноттингеме изменить са-

мому себе, добиться победы против более слабых противников привели к двум поражениям»*.

Что я по этому поводу думал и думаю? В словах Алехина насчёт моей усталости, наверно, есть-таки доля правды. С тридцать четвёртого по тридцать шестой год я сыграл примерно в пятнадцати серьёзных турнирах, в которых или занимал первые места, или не опускался ниже третьего. Но не в одной усталости дело. Меня задевало за живое, когда обо мне порой говорили, в СССР прежде всего, как о шахматном «кустаре», который с трудом «выжимает» очко. А ведь и я умел «хватать за горло», как выразился Миша Таль, считался любителем «остренького», и гусаром, и дуэлянтом, жертвовавшим пешки и фигуры налево и направо, искал самый короткий путь к выигрышу, прибегая к «сильным средствам». Кто-то даже спрашивал, не слишком боясь меня обидеть: откуда в нём, таком миниатюрном, таком аккуратненьком, отыскивались и дерзость, и отчаянная отвага?! Мне казалось, что этому удалству не будет конца. Возле моего столика в клубе Прокеша, в кафе «У Новака» и везде, где я играл, всегда было больше всего болельщиков. Громадка и Опоченский, немало чего повидавшие на своём веку, — и те охали и ахали: нахал, нахал — однако же и молодец! Сыгранные мною партии нередко печатались в пражских газетах, становились моментально известными. Мне подражали. И не только в игре — даже в манере одеваться, держать себя. Котов, Сан Саныч, в романе не преминул упомянуть это — можете убедиться.

Но жизнь в очередной раз заставила меня пересматривать творческие установки. «Однава живём», но не «однова» вступаем в турнирные схватки. Нельзя быть Дон Кихотом и Санчо Пансой в одном лице слишком долго. Молодость уходит — и чем раньше выветрятся юношеские поиски ветряных мельниц, тем же лучше для сильного шахматиста. Сам Алехин говорил мне однажды, придя ко мне в гости в Праге: тебя моментально «простили», когда в чине ведущего гроссмейстера ты «вдруг» перестал быть бретёром, простили по той причине, что твой — флоровский — стиль послужил основой ещё более высоких результатов.

Но в Ноттингеме я стал «чудить», не мог взять в толк, «к какому берегу пристать». Во мне здесь отчего-то нет-нет да и вспыхивал пла-

* Надо отдать должное Батуринскому, который по поводу этого высказывания Романовского справедливо заметил: «Здесь у критика не совсем сходятся концы с концами. Ведь речь шла "об исключительной осторожности, особенно во встречах с сильным противником", а в Ноттингеме Флор, играя на обострение не только с аутсайдерами, но и с гроссмейстерами, добился против них хороших результатов».

мень прошлых «авантюр», упрямства забияки. Скорее всего, и поэтому мне не удалось «достать» Ботвинника и Капабланку, от которых я (вместе с Ласкером) отстал на *целых* полтора очка, что кое-кто посчитал событием едва ли не сенсационным. Но Тартаковер успокоил меня.

— Саломон, — сказал он, — вы выступили против гроссмейстеров не хуже, чем Ботвинник, вровень с ним, и набрали очков против них больше, чем второй победитель — Капабланка. Так что вам я присваиваю звание Робин Гуда: именно вы отдали из собственного кармана свои очки наиболее нуждающимся. Не казните себя за «баранку» с незрячим Тэйлором — он будет гордиться этим выигрышем до конца своей жизни!

Слова Тартаковера позабавили меня и тронули — не скрою.

Примерно то же самое сказала мне и Вера Менчик.

4

Давая интервью Муссури для «64», я сказал, что своим результатом, при *таком* составе участников турнира (и настаивал на этом), я в общем удовлетворён; не всем же брать первый приз; турнир, по моему мнению, дал гораздо меньше ценного, чем можно было предполагать, — и объяснил это необычайно жёстким контролем времени, из-за чего многие партии изобиловали ошибками и даже зевками.

В бюллетене была напечатана моя итоговая статейка «В ожидании следующего турнира». В ней сказано: «Начну с Ботвинника — героя этого турнира. Я не льстил Ботвиннику, когда в 1933 году предсказывал ему большую будущность. Однако должен сознаться: я не предполагал тогда, что уже через три года Ботвинник добьётся неофициального титула чемпиона мира (этот титул можно Ботвиннику уже сейчас спокойно присудить). (...) Несмотря на свои двадцать пять лет, Ботвинник обладает серьёзностью и рассудительностью прямо-таки алытмейстера. Он отказался от всяких развлечений во время турнира, каждые пять свободных минут он использовал для отдыха — никакой напрасной траты сил».

За эти *пять минут* Ботвинник на меня слегка обиделся. Наверно, они каким-то образом укололи его. Ему было известно, что я гонял в настольный теннис, а по вечерам, как и все почти, до поздней ночи резался в бридж. Пожалуй, никто так не соблюдал режим, как Михаил Моисеевич. Нашему времяпрепровождению Тартаковер посвятил строки в отчёте о седьмом туре: «Последний день недели принёс изобилие миролюбивых результатов. Можно было ждать, что после воскресного отдыха игра возобновится с прежним ожесточением. (...) Случилось наоборот. Образумились ли игроки? Решили ли, что не

должен в этом отношении нынешний турнир отличаться от других? Или просто слишком много пили английского пива, слишком много играли в бридж?»

Было и другое место в моей статейке, почему-то не понравившееся Ботвиннику, хотя ничего дурного сюда я, видит бог, не вкладывал. «Как Капабланке удалось разделить с Ботвинником первый приз, мне до сих пор совершенно не ясно. Капабланка похож на киногероя, который по ходу фильма постоянно встречает ряд затруднений и которому всё же удаётся добиться счастливой развязки. Так было в Москве, где ему сильно везло, да и в Ноттингеме он не имеет оснований жаловаться на судьбу». Может, Ботвинник подумал, что, на мой взгляд, Капа играючи взобрался на вершину — в то время как сам Михаил Моисеевич трудился в поте лица. Если так, то напрасно подумал. Я нисколько не хотел его обидеть.

И о себе я тоже написал: «Самому мне не удалось достигнуть большого успеха, хотя я был очень близок к этому. Меня очень часто упрекали в том, что я играю против своих конкурентов только на ничью, и вот я решил играть против всех на выигрыш». Главное внимание в Ноттингеме я обратил на своих коллег-гроссмейстеров. Результат не замедлил сказать: против одиннадцати мастеров (не англичан) я добился шести с половиной очков, так же как и Ботвинник, который разглядел во мне «помолодевшего» чеха и «искусного турнирного бойца», но не удержался от критики: не тот, сказал он, турнир, чтобы идти на «рискованные продолжения», «играть во что бы то ни стало на выигрыш». Я согласился с ним, но ещё долго чувствовал себя охотником, подёргавшим тигра за усы. Жаль, конечно, что против аутсайдера играл я не с обычной для меня уверенностью, и за это я был наказан. Я проиграл две партии англичанам! Из призёров такое несчастье не постигло никого. Зато, писал я, у меня есть утешение, что теперь больше не будут говорить, что Флор — «ничейщик».

Ну а теперь — так, сказать, эпилог. Первая часть его, как видите, — сплошной мажор.

Ботвинник сразу же после четырнадцатой партии получил массу поздравлений из СССР (в том числе, разумеется, от Крыленко). Он послал телеграмму Сталину*. Вот она, в бюллетене, смотрите: «До-

* Ботвинник: «Николай Васильевич принимал меня чрезвычайно довольный, подробно расспрашивал о турнире. “Ваше письмо товарищу Сталину мы направили на дачу, и сразу же была наложена резолюция: «В печать», — сказал Крыленко. Собственно, всё это он и организовал. Тогда все писали письма Сталину о своих достижениях. Крыленко меня изучил вполне и понимал, что по скромности сам я писать не буду, а отсутствие письма может

рогой, родной, любимый наш учитель и руководитель! (...) Я бесконечно рад тому, что могу доложить, что представитель советского шахматного искусства разделил в турнире первое место с бывшим чемпионом мира Капабланкой. (...) Это могло произойти лишь потому, что я чувствовал за собой поддержку всей моей страны, заботу нашего правительства и нашей партии, и прежде всего ту повседневную заботу, которую проявляли и проявляете Вы, наш великий руководитель и вождь, чтобы поднять на неслыханную высоту нашу великую родину и выпестовать из нас, представителей советской молодёжи, здоровую, радостную смену во всех областях нашего социалистического строительства».

У меня нет намерения задним числом укорять Ботвинника за такую телеграмму.

Это и был почерк эпохи тоталитаризма. Это — не ёрнический тон заметок Савелия Тартаковера, вроде: «Знаете ли вы тринадцатый тур? Нет, вы не знаете тринадцатого тура! (...) Кому же из них (Ботвиннику или Капабланке. — *В.М.*) удастся прорваться в Ледовитый океан первого приза, под завистливые взгляды вспыхивающего вулкана Алехина и уставшего гейзера Флора?...» Это — другой стиль, другой миропорядок. Отсюда и появляется минор в моём повествовании. Тоскливый и чёрный. На турнир Ботвинник ехал вместе с Муссури, был с ним в Париже, в Лондоне, и, наконец, они оказались в Ноттингеме.

Как говорит сам Михаил Моисеевич, работал Муссури без усталости, снабжал Москву множеством материалов прямо «с поля боя», сумел найти подход к Капабланке — и тот по его просьбе прокомментировал две партии. Ботвинник сообщил в книге своих мемуаров, в главе, посвящённой Ноттингему, что его наградили орденом «Знак Почёта», поскольку его успех способствует... «делу социалистической революции», но не упомянул о гибели Муссури. Жаль. Всё-таки немало времени провели вместе. Муссури арестовали не за то, конечно, что постоянно носил чёрные очки. Мне известно, что родился Пётр Степанович в 1911 году в Баку, в семье коммерсанта, бредил всю жизнь шахматами, мечтал освещать ход IV московского международного турнира, задуманного Крыленко. В марте тридцать седьмого Муссури был водворён в Бутырскую тюрьму, а уже 1 августа его расстре-

нанести ущерб шахматам. Ещё когда я был в Лондоне, меня вызвал к телефону Д. Гинзбург, сотрудник «64». «Мы получили ваше письмо, — сказал он. — Но всё же, может, у вас есть какие-либо исправления, и поэтому я вам его прочту...» Я, конечно, смекнул, в чём дело, выслушал письмо и сказал, что всё правильно, дополнять и изменять нечего. Тогда письмо и было направлено Сталину».

ляли — не только как «подлого контрабандиста и валютчика», но и как «участника контрреволюционной троцкистской организации» и «матёрого шпиона».

(Заметки на полях. Он знал на память множество баллад о Робин Гуде — и этим приводил в восторг Веру Менчик и Флора.

...И вот на воле храбрый Вилл,
Избавлен от петли.
— Навек запомню я, друзья,
Как вы меня спасли.

Мы будем в зарослях бродить,
В волнах густой травы
И слушать звонкий щебет птиц
Да пенье тетивы*.

От Москвы далеко до Шервудского леса. Никто не спас Петра Муссури. Даже и не заикнулись о том, что его казнили. Лишь в протоколе 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР указано: «В инкриминируемых преступлениях изобличён».

Вот и вся баллада.)

Глава восемнадцатая

«КОГДА-ТО Я БЫЛ СЧАСТЛИВ ЗДЕСЬ...»

1

Я просматриваю десятки, сотни старых и старинных фотографий; некоторые из них наклеены на картонки. Это Кемери — не нынешний, а тот, знаменитый, из былого. Это модный курорт, где можно было встретить даже коронованных особ и их приближённых. Я учусь дышать его воздухом, напоённым немислимыми запахами хвои, цветов и местных трав, воздухом не то что двадцатых-тридцатых годов, а и начала века, когда Николай II велел казне отпустить золотые рубли на создание там национального парка. Сам себе я напоминаю героя романа Джека Финнея «Меж двух времён», который, настроив себя, начитавшись газет и журналов, пахнувших тленом, ухитрился-таки уйти, улизнуть от вечных автомобильных

* Перевод Игн. Ивановского.

пробок, ревущих самолётов, кинотеатров, спектаклей, кабаре, радио, телевидения, вдруг очутился в далёком прошлом; шагнув к газовым рожкам, чиркнул спичкой; придвинулся к окну — и увидел «согнувшихся наперекор метели мужчин, придерживающих котелки за поля, и женщин, глубоко засунувших руки в тёплые муфты», и лошадей, шаркавших рядом с ними разъезжающимися копытами по скользкой мостовой. Владелец этой бесценной коллекции фотографий и открыток, пишущий на досуге бесхитростные стихи, ничуть не претендующие на бессмертие, предупреждал меня: «*Да не хватай всего, как нищий, — так ничего ты не отыщешь*». Он был настроен пессимистически:

К источникам народ хромал,
От них шёл прямиком на бал,
Вокруг кипело всё в познание,
А нынче всё ушло в предание.

Ушло, ушло, как жёлтый сероводород — в речушку Вершупите...

Я не следовал совету обладателя коллекции, да и не верил, что быстрое кануло в Лету безвозвратно. Мне хотелось *схватить* это «всё» — как можно глубже погрузиться в это очарование. Я мог убеждённо сказать о многом, о чём прежде никакого понятия не имел. Озорно бежит по одноэтажной, кукольной улочке нарядный трамвайчик. От деревянной русской церквушки Петра и Павла исходит сияние безоблачного июльского неба. А вот и ещё одно притягательное место — открытая эстрада: все скамьи заняты, публика слушает летнюю музыку из вивальдиевских «Сезонов».

Теперь давайте покинем меломанов, выйдем туда, где чинно прогуливаются (не нарисованные ли самим Альфредом Сислеем?) дамы, с импрессионистическими зонтиками, в шляпках и шляпах, в длинных, зауженных в талии платьях, и сопровождающие их господа, толстые и худые, с сигарами и тросточками. А вот это что? Купальня?! Ну, право же, настоящий дворец! А вот это? О, это Дуб любви! Легендарный, переведённый на десяток языков. Он опоясан винтовой лестницей. Именно — опоясан. Сколько страстных клятв он слышал! Сколько возле него, говорят, пролито было слёз раскаянья, перемешанного с восторгом: курорт есть курорт — не правда ли?

Сало Флор застал этот дуб целёхоньким ещё и вместе со своей Раисой стоял под его сенью. Было, было такое...

А какие же тут беседки — сколько в них изящества, какие воздушные мостики, пройти по ним — одно удовольствие! Спасибо вам, щедрый хозяин редчайшей коллекции! Спасибо и за душещипательные ваши и беспомощные (ну и что?) стихи:

Легко летит ночная птица.
Кустов мистическая сила.
Окно на башне золотится...
Всё здесь красиво и так мило...

Теперь — по совету классика мировой фантастики мудрого Джека Финнея, — чтобы попасть не просто в Кемери, а именно в год тридцать седьмой, надо постичь дух времени, приблизить его к себе, обложиться рижскими газетами той поры, снятыми с архивных полок. Это и «Сегодня вечером», и «Rīts», и «Sacha Maksla», и «Jaunakas Zinas». Нужно вникать, вникать, вникать. А что делать! В СССР не пожелали издать книги о международном турнире экстра-класса, проходившем здесь (год-то какой: 1937-й). Там не будет Ботвинника, но главное — там будет Алехин! (Кто же не знает, что даже родной брат чемпиона, Алексей, осудил антисоветские выступления Александра.) А ещё (о боже!) там в лидерах окажется завтрашний «враг народа» — предшественник Таля, молодой рижанин Володя Петров! Никто тогда об этом не догадывался, а прежде всего — потенциальная жертва.

Итак, книги о кемерском турнире появиться у нас не могло. Пусть себе латыши издают такой сборник, а *нам* это — ни к чему. Вот и остаётся одно — окунуться с головой в свидетельства очевидцев сражений на шахматных полях — в очерки, репортажи, заметки, фельетоны, в снимки и дружеские шаржи. В них всё — по самым горячим следам, в них — пульсация турнирных буден...

Ну и что? Действует? Ещё как. Стихнут за моими окнами сигнальные сирены то одной, то другой машины напротив подъезда, заткнётся за стеной русский рэп обкурившегося недоросля, прервётся жуткий рёв мотоцикла, приписанного к всероссийской ассоциации рокеров, — и вот мы вместе с вами, читатель, садимся в поезд и наконец-то выезжаем из Риги.

2

Волнением охвачены все, кто направляется в Кемери, на турнир, в первую очередь — женщины, боевые подруги шахматных гладиаторов. Газетчики — тут как тут. Мимо их внимания ничего не ускользает.

«Посмотрим, посмотрим, что это за море», — говорит госпожа Раиса Флор, которая, из окна поезда увидев Лиелупе, решила уже, что это море. Другие о море думают меньше. Решевский, бывший американский вундеркинд, очень интересуется латышским языком. Он слушает — и не может понять: нет ни одного сходства с ему из-

вестными языками. Оказывается, Решевский знает довольно много языков. Несмотря на то что с малых лет играет в шахматы, в школе он успел выучить латынь».

Решевский не один такой. Флор восхищался Алехиным, который ни в чём здесь не уступал американцу (Шмулику — по-флоровски), мог поспорить с ним — и успешно! С Решевским, с Файном, со своей женой Александр Александрович говорил по-английски. По-немецки — с Кмохом. По-русски — с Фейгиным, Петровым и Раисой Флор. При открытии турнира он обратился ко всем на французском языке. Газетчики информировали любознательных, что Алехин держал в запасе ещё несколько языков, на которых свободно изъяснялся.

...Ну вот мы и добрались до гостиницы.

Как и положено, разнаряженные зеваки жмутся к стенам, чтобы уступать дорогу гроссмейстерам и мастерам. Шахматисты из Риги — они, скажем так, поскромнее, чем их прославленные собратья. Мовша Фейгин — тот вообще вроде бы как потерялся, он и сам рад бы прижаться к стене. Его, растерявшегося, подхватывает за талию восходящая звезда Латвии — Петров, юноша спортивного типа: ну что вы, что вы, говорит он уважительно, выше голову, шире плечи, вы — пример для нас, молодых. Фейгин в ответ пытается приободриться. А тут к нему Сало Флор подходит. Извинился перед женой, на минуточку её оставил — и тоже приблизился к Фейгину. Пара сердечных слов:

— Ну, как вы, маэстро? Выглядите преотлично!

Напряжение у того спадает.

Пресса в своих отчётах не поспеет на эпитеты и на высокие слова. Понять журналистов нетрудно: такие события случаются раз в сто лет, а то и вовсе не случаются. Уже сообщили: к нам со всего света пожаловали «лучшие в мире рыцари королевской игры». Жаль, конечно, что не прибыли чемпион мира Эйве, экс-чемпион Капабланка и Ботвинник. Но и так, право, не на что жаловаться! Здесь — баловни шахматной богини. Кинохроникёры стараются вовсю, не отстают от них и фотокорреспонденты (их работу называют скорострельной). Ну как же можно пропустить такой вот кадр: изрядно соскучившиеся друг по другу гроссмейстеры, забыв о прежних обидах, обнимаются, а некоторые и целуются (или делают вид, что целуются). Ожесточённой атаке папарацци подверглись Алехин и Флор (которого пристрелочно начали именовать претендентом на шахматный трон).

Чеха, извинившись перед Раисой Ильиничной, отзывают в сторону:

— Простите, гроссмейстер, вы ведь считаетесь кандидатом на победу в турнире?

— Я где-то об этом случайно прочитал, — ответил он. — Может быть, мне и удастся отличиться... Но — при одном условии...

— При каком же, если это не секрет?

— В жеребьёвке мне должен достаться тринадцатый номер!

Он смеётся.

— Тринадцатый?! Вы не боитесь его?

— Напротив, это число сулит мне удачу. Я суверен.

— Вы это... серьёзно?

— Ещё как. Но этот номер мне точно достанется — я знаю!

— Почему?!

— А вот смотрите: на фасаде гостиницы — тринадцать флагов. Это же очень хорошее предзнаменование.

(Кстати, тринадцатый номер достанется приятелю Флора — Паулю Кересу, который даже не будет подозревать о своём «счастье»...)

— Скажите, пожалуйста, а есть ли шансы у Алехина победить в матче-реванше?

Репортёры — народ ушлый, знают, что к чему, для них не секрет, что чех в большой дружбе и с Алехиным, и с Эйве. Может быть, с Эйве — особенно: он был недавно в составе его команды (помощником, что ли), а это кое-что да значит.

Флор отшивает настырных своих коллег по журналистике нетерпеливым жестом, который был выработан им в многочисленных сеансах одновременной игры, когда, подходя к доске, поторапливал «пижонов»:

— Ход! Ход!

— На ваш вопрос, господа, — говорит он, — я отвечу после семи туров. Нет, лучше — после восьми. Договорились?

Но кое-какие догадки насчёт Алехина у него уже возникли. «Разведка доложила» о его впечатляющем преображении (о чём Сало Флор вспомнит в одном из ностальгических очерков: «Потерпев поражение, он твёрдо решил сделать всё, чтобы вернуть себе боевую форму и взять реванш. О режиме Алехина в 1935 году много говорили и писали. К сожалению, тогда он позволял себе перед некоторыми партиями “рюмку водки или виски”. Пристрастие к курению было другой вредной привычкой Алехина. О, как много он курил! Во время партий он выпивал несколько чашек чёрного кофе. Но в 1937 году (...) прибыл здоровый, некурящий, непьющий и уверенный в своих силах человек, решивший вернуть звание чемпиона мира. Некоторые газеты чуть ли не всерьёз сообщали, что Алехин привёз... собственную корову и пьёт только молоко»).

Репортёры, оценив находчивость гроссмейстера, закрывают свои блокноты. Ответ Флора им по душе. «Ждём семь-восемь туров». Тоже можно использовать!

Недоставало Кереса. Все искали его. И немудрено! Добирался Паульдо Риги из Пярну на автобусе...

Добавим к рижским изданиям — для полноты картины — и недавно закрывшуюся «Шахматную неделю» со статьёй гроссмейстера Алексея Кузьмина, объясняющей этот интерес: подлинный прорыв к головокружительным высотам у Кереса пришёлся именно на тридцать седьмой год. «Он начался с небольшого тематического турнира в Вене. Тенистые парки, аллеи, мощёные улочки, днём наполненные воздушной музыкой Штрауса, а к вечеру утопающие в игривых звуках кальмановских оперетт, и мрачный в своём готическом величии, устремлённый в вечность собор Святого Стефана. Потом английский курорт Маргит. Первое-второе место с американцем Р.Файном. В активе Пауля — победа над Александром Алехиным. “Король прибрежных городов” — Остенде, в котором располагалась летняя резиденция бельгийских монархов, помнил шахматных королей ещё XIX века: М.Чигорина, Дж.Блэкберна, З.Тарраша. Прохладные ветры Северного моря не могли смутить Пауля, скорее напротив — они напоминали знакомое дыхание балтийского бриза. Блестяще выиграв принципиальную партию, Керес вновь делит первый приз. На этот раз — с Файном и швейцарским мастером Генри Гробом. Небольшой майский турнир в Праге оказался для Кереса лёгкой прогулкой, как и променады по Старому городу с его неповторимой аурой Средних веков. Девять побед и всего две ничьи не оставили шансов соперникам — первое место. Позади остались П.Трифуневич, Э.Элисказес, К.Опоченский...»

А по Старому городу променады Паулем совершались, разумеется, с Флором. Они с варшавских времён «нашли друг друга», избавились от официальщины, это получилось незаметно; такие разные, непохожие, они сблизились, и их отношения переросли в трогательную заботу друг о друге, в нежность. Мозесу Керес понравился, и он старался залучить его в гости. Пауль ему сказал:

— Вы напоминаете мне кого-то из моих родственников.

А Раисе сделал тонкий комплимент:

— Я женюсь на такой же красавице, как вы.

Сало перевёл ей эти слова на русский язык. Она была польщена.

Алехин в Кемери дал высочайшую оценку соперникам — Решевскому, Флору, Файну и Кересу, добавив, что вот только у Кереса «более интересный стиль»...

Мы уже вскользь упомянули фигуру рижанина Петрова, фигуру, как выяснится, трагическую. Он смолоду выдвинулся у себя, в Латвии, стал сильным шахматистом. У него была уникальная память, сотни партий он знал наизусть. О его успехах уже сообщала мировая шахматная печать. Ко мне недавно попали написанные от руки заметки его вдовы, Галины Михайловны Петровой-Маттис (в 1990 году она сделала их по просьбе Сергея Воронкова, но случая опубликовать ему не представилось). Я буду использовать эти записи по ходу рассказа. Как раз перед турниром, весной, его призвали на военную службу, а в июне-июле — турнир. Рижанин, писала она, «играл, будучи совсем “солдатиком” с бритой головой, что ему совсем не шло и что, как он говорил, его нервировало и портило ему настроение. В то время я была уже официально его невеста...» Почти все, как вспоминал Сало Флор, звали его мистером Вольдемаром; особенно был расположен к нему Алехин.

— Самородок! — восхищался он, ведя речь о Петрове. — У него есть всё, чтобы стать ведущим гроссмейстером.

Когда Гаяля приехала в Кемери (не объявившись — хотела своему жениху сюрприз преподнести), он, как сказали ей, пошёл купаться на речку: Володя это делал в любую погоду, в любое время года.

Характером Петров обладал несокрушимым, несмотря на свой небольшой рост.

Газеты рассказывали, как Александр Александрович отбивался от назойливых фотографов и как разрядил обстановку находчивый Петров: он позвал Алехина сняться в обществе «будущих чемпионов» — с молодёжью. А тот ответил:

— Что ж вы, будущие чемпионы, от горшка два вершка? Подрасти бы вам!

Он указывал на Флора, Решевского и самого Петрова.

Ещё смешнее был рассказ одного из местных журналистов об «успехе, выпавшем на долю чудесной собачки четы Флоров, белого мохнатого пинчера Берри», воспользовавшегося суматохой, когда, чтобы с пользой занять свободный день, организаторы решили показать гостям Юрмалу. Раиса была в ужасе: эту собачонку она любила, наверно, больше всего на свете. Сало расстроился скорее из-за жены, чем из-за собачьих проказ.

— Да куда не денется она! — увещевал он жену.

Ему была, по правде сказать, чужда мистическая привязанность к домашним животным — такая, как у Алехина к коту по имени Чесс, с которым тот, бывало, даже советовался по поводу предстоящей партии, но к «братьям нашим меньшим» Флор привязывался и любил отдыхать с ними. В газетном отчёте о том происшествии было сказано:

«Пять дам и вдвое больше джентльменов да ещё дежурный по вокзалу в красной фуражке в полдень, накануне праздника Лиго, стояли на перроне станции Майори и все как один звали: “Берри! Берри! Берри!” А Берри в это время спокойно разгуливала по вокзалу и по берегу Лиелупе, не слушая ни своей хозяйки, госпожи Флор, ни законного хозяина, гроссмейстера Флора. Даже руководитель турнира Ганс Кмох не смог призвать собачку к порядку — а ведь все шахматисты прислушиваются к его словам».

Наконец шустрая Берри была изловлена, все её гладили и ласкали, а кто-то лукаво поинтересовался:

— Её зовут просто Берри или же Мильнер-Берри?

Он имел в виду известного английского шахматиста.

3

Об открытии турнира Флор говорил, что оно прошло без помпы — не так, как это бывает в СССР, когда «от стыда — ну хоть сквозь землю провались, всё идеологическим насосом накачано»; был привлекателен и остроумен «доктор» (так Флор называл Алехина), вызвала удивление своим приветствием барышня Милда Лауберте — первая чемпионка Латвии (она ещё не окончила гимназию — ну как вам это?). Милду фотографировали с немецким гроссмейстером Якобом Мизесом (год рождения — 1865!) — для контраста, наверно. Мизес был бодр, общителен, энергичен, не переставал улыбаться.

— Ну, — говорил он, — кто из нас кому даст сто очков вперёд — Ласкер или я?!

Ответ предполагался таков: что по сравнению со мною, стариной Якобом, этот «поглотитель сигар» — развалина, а вот я — командирован сюда как корреспондент агентства «Рейтер»! Смеялся Мизес, смеялась барышня Лауберте, даже сдержанный Керес не удержался. Заразительнее всех хохотал Флор: он вдруг понял, что его относят здесь к «старшему поколению»! Тридцатилетнего! Да нет же, ещё и тридцати не исполнилось. А что же *доктор*? Что же Алехин? Тот был погружён в себя: он жил предстоящим матчем-реваншем. Его можно было понять.

Флор чувствовал себя в Кемери превосходно. Ничуть не хуже, чем в Гастингсе.

«Когда-то я был счастлив здесь!» — это я слышал от него неоднократно.

Его ничего не беспокоило. Ему было всё под силу. Он словно бы включил автомат: семь выигрышей и десять ничьих. Отзвуки тех дней при желании можно отыскать в двух его зарисовках. Увы — лишь от-

звуки, но всей картины там не найти. А жаль. И всё же... Если Флор называет партию *памятной*, то, без сомнения, она была ему дорога. «Как известно, — пишет он, — Роберт Фишер выпустил книгу “Мои 60 памятных партий”. Почему же я озаглавил эти воспоминания “Одна моя памятная партия”?» Читатель должен прийти к выводу самостоятельно. И задача эта не такая уж сложная. Флор словно бы радуется, что «Фейгин не допустил заметных ошибок». Далее — текст самой партии. И — как занавес, означающий окончание спектакля: «Ничего особенного, — скажет читатель. Согласен». Но это — как кому. Мимоходом не пропустим флоровского ответа всем критикам, которые утверждали, анализируя итоги Второго московского, что «старые мастера во главе с Ласкером и Капабланкой и даже такие представители молодёжи, как Флор и Лилиенталь, своим взглядом на роль дебюта диаметрально отличаются от школы советских мастеров, придающей изучению дебюта исключительное значение и во главе с Михаилом Ботвинником неоднократно поражавшей своих иностранных противников острём изобретённых ими новинок. Ласкер, Капабланка, Флор значительно уступают советским мастерам в знании и изучении конкретных вариантов...»

Романовский не давал своему недругу пощады: «Флор, поднявший знамя рутины над всем шахматным миром, пытается доказать неизбежность завоевания им в будущем звания мирового чемпиона!» Удивительно, что Сало Михайлович ни разу не сказал о нём ни одного плохого, бранного слова...

В комментариях ко всё той же «памятной партии» по поводу не совсем удачного восьмого хода Фейгина говорится: «Что можно сказать об этом ходе? Партия игралась в 1937 году. В те времена советские шахматисты внесли немало новых идей в теорию дебютов, разработали целые системы. У меня перед Фейгиным было то преимущество, что я часто посещал Москву и мои советские коллеги мне кое-что показали и кое-чему меня научили (вот она, флоровская тактичность! Он учился, если только была возможность, у всех и беспрестанно, ни одна дебютная новинка, ставшая украшением какого-нибудь турнира, не проходила мимо его внимания! — В.М.), в частности и тому, что данный вариант для чёрных жизнеспособен. И я решил применить его на практике». Тем самым опровергается утверждение, будто ему с каждым турниром приходится всё более и более ощущать «недостаточность дебютного оружия». Он пытался, во-первых, не отставать от быстротекущей жизни, а во-вторых, во всём разбираться самостоятельно. Вот что рассказывал мне Смыслов о событиях в Багио на матче Карпов — Корчной: «Отложенная позиция была до крайности запутанной. Я подошёл к Флору. Он углубился в неё. “Сало, — спросил я, — а что специалисты говорят?” Он недоумевающе посмотрел

на меня: “Какие там специалисты, что за шутки! Вот мы с вами и есть специалисты. Я к этому с отрочества привык”».

Но это — так, к слову. Не будем отвлекаться.

4

Участники турнира разбились на «группы по интересам»: ведь надо же было не только за доской сражаться, но и как-то разнообразить свой досуг в этом райском Кемери. Все ладили друг с другом, вот только отношения Решевского и Файна были натянутыми. Чёрная кошка пробежала между ними, говорил Флор, и это мы не могли не заметить.

Обращаясь к той поре, Сало Михайлович сравнивал её с буднями АВРО-турнира, когда у шахматистов не было ни одного выходного дня и когда регламент принуждал их ежедневно проводить за доской пять часов; двадцать два дня — на четырнадцать туров, восемь дней — на доигрывание; кроме того — переезды: игра проходила в десяти городах.

То ли дело — Кемери! Алехин, отказавшийся от курева и выпивки, предпочитал всему карты — или пинакль, или бридж, партнёров у него было — хоть отбавляй. Я тоже туда *намиливался*, говорит Флор, но моя мадам — ни в какую, она себя «хорошо вела», не скандалила — и я ей «подчинялся», водил её к Дубу любви, где она читала вслух Вертинского, Блока (что-то про выжнюю маску) и Лермонтова («Уж не жду от жизни ничего я, и не жаль мне прошлого ничуть»). Однажды её чтение услышал Сэмми; он заинтересовался, подошёл, взял на руки Берри и сказал:

— Звучит очень красиво, и жалко, что я в русском — ни бум-бум.

Сало перевёл эту похвалу жене. По-русски Сэмми твёрдо выговаривал:

— Н-ну!! Хо-ро-шоу!

С шиком даже выговаривал.

Раиса Ильинична была польщена. Она спросила:

— А где это вы, Сэмми, пропадаете? Почему вас не видно среди гуляющих?

Решевский в своей кепочке, подчёркнуто грустный, поначалу держался особняком, просиживал целые часы в библиотеке, в кафе, расположенном на крыше отеля. Но потом, войдя во вкус, он, «чтобы освоить язык Пушкина», исходил с Флорами все кемерские окрестности, умолял Раечку читать стихи, невпопад повторяя:

— Н-ну! Хо-ро-шоу!

Они шли по пляжу аж до Дзинтари. Всё у меня тогда было прекрасно, говорит Флор, это был замечательный год, я тогда и понятия не имел об одышке и о расстройстве нервов.

Он спросил у Раисы, когда они были одни:

— Как, по-твоему, почему советская пресса не интересуется турниром, равнодушна ко всему, что здесь происходит?

Было так здорово здесь, в Кемери, кругом — такая красота, так вольно дышалось, что она избегала ссор и увещевала его *как маленького*.

— А с чего бы *им* интересоваться? *Оттуда* — никого, главное — нет Ботвинника. А *им* и нужен только Миша. Наверно, *они* по-своему правы.

— И всё? — спрашивал Сало.

Он замечал, что она всячески избегает касаться темы Алехина. Впрочем, Раечка внешне почтительно относилась к Александру Александровичу и кланялась ему, вступала в разговоры с ним и его супругой.

— Ладно, — примирительно произнёс Флор, — не будем больше об этом. Мне пора идти на встречу с журналистами.

За преобразившимся Алехиным он следил с нескрываемым любопытством. Тот уже мог шутить, говорить об Эйве и о голландцах без раздражения, отгонять от себя мрачные мысли, излучать оптимизм — почти всё как в прежние, хорошие времена. У Флора не единжды возникало желание (он ведь, помимо всего прочего, был литератором и журналистом) откровенно поговорить с ним об одном эпизоде, случившемся давно, десять лет назад. Париж, и триумф Алехина, и вот он, полный свежайших впечатлений о матче, — в окружении корреспондентов, и его яркие, великодушные слова: я, дескать, оказал Капабланке большую любезность — видя, что ему не хочется в последней партии сдаваться в присутствии огромной толпы, «запрудившей даже прилегающие улицы», нарочно растянул партию «и сознательно отказался» от явной и быстрой победы, «чтобы дать ему возможность отложить партию».

Так ли это было на самом деле? И что почувствовал он, узнав утром о заявлении Капы: «I believe, the game will be won by Alekhine»*? Радость или огорчение? Может ли он простить дону Хосе за то, что тот по традиции не провозгласил привселюдно: «Ура в честь нового чемпиона мира!»? Или прощения так и не будет? Но Флор всё же воздерживался от своих вопросов. Вполне возможно, что тот и сам не знал исчерпывающих ответов на них. Кроме того, была ведь ещё одна скрытая причина не проявлять любопытства: в глубине души у него таилась надежда самому сыграть матч с Алехиным: он ни на миг не сомневался, что Эйве недолго осталось почивать на чемпионских лаврах и матч-реванш будет не в пользу Макса.

И тогда...

* «Полагаю, что Алехин должен выиграть партию».

А что рассказывает нам настроенный подчёркнуто патриотически Котов? В романе его с печальным чувством говорится, что Алехин, потерявший родину, испытывал зависть к Флору, родину обретшему. И уточняется, чтобы никто ни в чём не ошибся и не сомневался: «Дело не только в шахматных успехах, хотя *маленький* (любит Котов прилагать этот эпитет к имени своего приятеля, будто сам был великаном. — В.М.) Флор в те годы достиг выдающихся результатов. Рядовые победы в международных турнирах принесли ему широкую известность. Энергичный чешский гроссмейстер вдоль и поперёк исколесил Европу, выступая в турнирах, сеансах, консультационных партиях. Его невозможно было обыграть — за два года он ни разу не произнёс в турнирах слова “сдаюсь”. “Непробиваемый Флорик” — именовали его шахматные ценители, и их восторга не могли умалить те, кто упрекал молодого гроссмейстера в сухости и осторожности. И всё же не успехи Флора вызывали зависть Алехина. Ему ли, чемпиону мира, гению шахматных комбинаций, победителю Сан-Ремо и Бледа, завидовать чьим-либо достижениям? Пусть другие ему завидуют! К тому же Алехин лучше, чем кто-либо другой, знал, что *Флор — совсем не конкурент ему в борьбе за шахматную корону* (курсив мой. — В.М.)».

Нельзя Котову допустить, чтобы белый снег России был бы хоть как-то запятнан!

Флор — *не конкурент*? Откуда это известно Котову? Может, из того факта, что, выступая в восьми турнирах вместе с Алехиным и (кстати!) трижды опережая его, Флор, тем не менее, уступил Александру Александровичу четыре партии при пяти ничьих? Был бы жив Опоченский, он спросил бы Котова: а не забыл ли тот, как обстояли дела у самого Алехина в партиях с Капабланкой до их встречи в матче? Прямо скажем: не слишком блестяще. И прозорливый Рети не зря писал: пусть большинство всё же считает победу Капабланки обеспеченной, и «это мнение больше всего основано на том, что во всех четырёх турнирах, где Капабланка и Алехин встречались, Капабланка становился выше своего соперника. Равным образом Капабланка до сих пор не проиграл ещё ни одной партии Алехину, хотя, правда, и сам не может похвастаться большим числом выигрывшей у него». «Однако, — продолжал Рети, — иногда цифры бывают обманчивы. Необходимо учитывать разницу между турнирной и матчевой игрой». С ним был полностью согласен Лилиенталь: да, цифры бывают очень обманчивы, и после феноменального результата Флора на VI Олимпиаде в Варшаве (девять побед, семь ничьих, ни одного поражения) Андрэ Арнольдович сказал, что считает маэстро Сало Флора единственным конкурентом Алехина в борьбе за мировое первенство!

Разницу, подмеченную Рети, и силу игры довоенного Флора хорошо вскоре поймёт большинство делегатов на стокгольмском кон-

грессе Международной шахматной федерации, обсуждавшем кандидатуру претендента, и восемью голосами против пяти отдал предпочтение именно чеху в предстоящем матче на первенство мира, и весной 1938 года Алехин сообщит, что готов такой матч играть *только с Флором*.

Хорошо известно, что в конце мая он приедет в Прагу, где в отеле «Алькрон» пройдут его переговоры с Флором и руководителями Чехословацкого шахматного союза. Переговоры продолжатся недолго, и уже 30 мая состоится подписание официального протокола о матче, который намечался на конец 1939-го. Примечательно, что Алехин возьмёт на себя обязательство на этот период не принимать никаких других вызовов. Даже Ботвинник придаст значение в своих воспоминаниях этому выдающемуся событию и, в частности, напишет: «Алехин вернул себе звание чемпиона мира и подписал с Флором контракт о матче (матч субсидировался знаменитым чехословацким обувным фабрикантом Батей)».

Как раз этот исторический момент, по сути, обойдён Котовым-романистом. У него была своя «линия».

(Флор в своё время обратит внимание Котова, что у того в книге концы с концами не сходятся. Сало Михайловича больше всего поразило утверждение, будто Алехин якобы и не думал считать его конкурентом в борьбе за шахматную корону!

Возражение Котова было коротким:

— Что ты, Сало! Иначе нельзя! Нас с тобой не поймут!

Эти слова: «Нас не поймут!» — Флору придётся часто слышать в СССР, когда он станет советским гражданином. И он к ним будет вынужден привыкнуть...)

Ну а тогда, в Кемери, Флор был доволен, что Алехин был щедр и на улыбку, и на шутку и что тень досады не пробежала по его лицу.

В «Далёком-близком» он вспомнит:

«В 1937 году в Кемери, когда Микенас сделал ход, Алехин тут же ему сказал:

— Вы могли сыграть ладья с2 — и я бы сдался.

Молодой Микенас ответил:

— Вы правы, доктор; но ничего, придётся мне выигрывать у вас второй раз...»

Интервью брали у всех, не забывали рижане и о земляке — Петрове, который, невзирая на теплынь, часто щеголял в костюме и при галстуке.

Флор сказал о нём:

— Уже с первых туров я понял, что Алехин прав и что Петров будет одним из тех, с кем необходимо считаться. И наше мнение оправдалось. Во всех партиях Володя играл солидно и упорно, показал и завидную изобретательность, и большую выносливость, и энергию...

А сам Петров говорил журналистам, что ход турнира становится всё напряжённее и у него такое чувство, будто даже воздух наэлектризован.

— Прошлой ночью, — сказал он в одном интервью, — я до четырёх утра анализировал свою якобы «ничейную» партию с Апшеником. Я должен был победить — так оно и получилось. Только что Апшеник позвонил директору турнира Кмоху и объявил, что партию эту он сдаёт. В свободные часы я иду купаться на море, загораю. Иногда брожу по лесу, ищу цветы ночной фиалки для своей дамы.

— Для какой дамы? — допытывались у него. — Шахматной или какой-то другой?

Глава девятнадцатая

«САЛО НЕ ХОЧЕТ ТУДА ПЕРЕЕЗЖАТЬ»

1

Дама у Петрова между тем была одна — его любимая Галочка, его Маскотта*.

«Володя умолял приехать к нему на турнир, — вспоминает Галина Михайловна Петрова-Маттис. — Но я могла это сделать только после экзаменационной сессии, поэтому пришлось пропустить торжественное открытие турнира и четыре тура. Вот тогда Петров и познакомил меня со всеми шахматистами... Многие имена я уже знала. По своей натуре я легко схожусь с людьми. В этом отношении у меня с мужем было много общего, хотя, пожалуй, у него дружеские, тёплые отношения с окружающими складывались не так скоро.

При первом же знакомстве мне сразу очень понравился Пауль Керес. Это был исключительно симпатичный молодой человек, высокий, стройный, худощавый, с серьёзным, умным, интеллигентным лицом**. Мы с ним были почти однолетки, оба — студенты. Пауль учился на математическом факультете.

* Маскотта — живой талисман.

** «Uus Eesti»: «Керес — словно стройная девушка, высокий, с длинными и удивительными руками; они у него в течение почти всей игры скрещены на груди».

На турнире свободное время он проводил всегда с каким-то тоже ещё молодым человеком. Позднее я узнала, что это был его секретарь*.

В Кемери за роскошной гостиницей, где проходил турнир, раскинулся великолепный огромный парк, переходящий в лес. Как-то, прогуливаясь по аллее (Петров в это время был занят анализом отложенной партии), я наткнулась на секретаря Кереса, который спросил меня, не видела ли я Паула. Узнав, что нет, он отправился, как всегда, его разыскивать, а я, зайдя далеко от гостиницы, вдруг увидела сидящего на скамейке в укромном месте Кереса и сообщила, что его разыскивает секретарь. Он, мило улыбнувшись, попросил меня не открывать его местонахождения. Мы немного с ним поговорили о турнире, о гостинице, оба повосхищались парком. Керес рассказал кое-что о себе, об университете, в котором учился, жаловался, что на занятия из-за шахмат и вечных разъездов совсем не остаётся времени, расспросил обо мне. Когда я опять его встретила вместе с секретарём, он приветливо, заговорщически мне подмигнул.

Так началось наше более близкое знакомство, перешедшее затем в дружбу. Муж тоже очень симпатизировал Кересу, отзывался о нём как о талантливейшем шахматисте с блестящим будущим. Керес не раз бывал у нас в Риге. И позже, когда случилась трагедия с Петровым, искренне и глубоко её переживал, высказывал мне своё возмущение и негодование случившимся, а также своё подозрение, кто мог оказаться виновным в судьбе моего мужа.

Петрова как шахматиста Керес ценил очень высоко и считал серьёзнейшим и опасным противником.

На турнире я обратила внимание на элегантную, красивую, с большим вкусом одетую молодую женщину. С ней рядом всегда бежала или находилась у неё на руках маленькая беленькая собачка. Дама была женой знаменитого шахматиста Сало Флора — Раиса.

— Она — как чеховская “дама с собачкой”, — сказала я Петрову.

Он рассмеялся и в дальнейшем в наших разговорах так её и называл. Например:

— Ну, что там тебе так оживлённо рассказывала дама с собачкой?

Знакомство с ней у меня произошло очень быстро, и к концу турнира, когда наши мужчины были заняты, мы уже были с ней неразлучны. Как ей, так и мне хотелось наших “женских” разговоров, хотелось посудачить, посплетничать, поговорить о “тряпочках”. У Раисы было очень много красивых и богатых туалетов, дорогих

* Имеется в виду, очевидно, Пауль Тамм, шахматный редактор газеты «Post-times».

украшений, бесконечное количество обуви. Я, как молодая студентка, не была всем этим избалована, хотя была неплохо и, мне говорили, изящно одета. Родители мои не обладали большим достатком. Отец был в провинциальном городе врачом.

Моё проживание в Риге, университет, занятия музыкой и иностранными языками — всё это требовало немалых средств, а тут ещё вот-вот предстояла моя свадьба.

Понятно, что мне было интересно рассматривать Раисины красивые вещи, спрашивать у неё советы насчёт туалетов. Она их охотно давала и даже рисовала фасоны для моего подвенечного платья. Мы часто с ней сидели в кафе на громадной террасе гостиницы, а рядом, за стёклами, находился зал, в котором происходил турнир. И мы с ней часто туда забегали, чтобы посмотреть и разузнать, как идут у *наших* дела.

Сохранились у меня две фотографии. Одна — мы с Раисой сидим на террасе и пьём кофе. Под фотографией рукой Петрова написано: «...а думают о другом». Вероятно, каждая из нас желала, чтобы выиграл её муж, так как в это время Петров сражался с Флором*, о чём свидетельствует вторая фотография.

(«*Jaunakas Zinas*»: «Госпожи Петрова и Флор, усердно следя за ходом турнира, уже подружились. И вдруг их мужьям предстоит встретиться в междоусобной важной партии.

— Не могут ли они разойтись мирно? Для чего им бороться?! — воскликнула г-жа Петрова.

И у госпожи Флор от волнения навернулись слёзы на глаза. Тем не менее она продолжала старательно переписывать партии мужа, чтобы их своевременно отправить в шахматные журналы. А затем обе перехватили барышню Лауберте и попросили её оценить позицию в партии мужей — у кого лучше? Сами они пока ещё не разбираются в таких тонкостях игры...»)

Тем не менее юная Галина отдаёт должное Раисе и уверена, что та «в шахматной игре разбиралась хорошо и не переставала удивляться, что я ничего не понимаю».

Продолжим, однако, читать записки Галины Михайловны.

«Раиса мне много рассказывала о себе, о том, что она — киноактриса, жила в Москве, теперь живёт с мужем в Праге, которая ей очень нравится, но по Москве она скучает. *Сало же не хочет туда переез-*

* Петров и Флор сыграли вничью.

жать (курсив мой; Флор рассказывал, что Раиса Ильинична пользовалась каждым удобным случаем, чтобы «третьи лица» поддержали её, «надавили» на упрямого Сало, убедили его, что не стоит держаться за Чехословакию и что надобно поскорее перебираться в СССР. — В.М.).

Свою собачку она обожает. Рассказала, что в Москве соответствующие органы предложили Флорам переменить кличку собачки “Берри” на другую. На мой вопрос: “Почему?” — Раиса объяснила, что это звучит, как *Берия*. Для меня же это был пустой звук, а она была удивлена, что я не знаю, кто такой Лаврентий Берия. Но на мои расспросы о его деятельности уклонилась от ответа. Тогда мне это, да и многое другое, казалось непонятным.

По рассказу Раисы, они свою любимицу “перекрестили” в Мери. Но когда были в Лондоне, сами переименовали собачку в Терри, так как посчитали неудобным упоминать королеву Мери таким образом.

Несмотря на то что мы с Раей очень подружились, мне её муж, Сало, нравился значительно больше, чем она. Петров Раису недолюбливал и считал её ограниченной, с большим сомнением, и, как он говорил, “в ней много показухи”. В искренность её дружбы он абсолютно не верил.

Помню, он как-то сказал:

— Поверь, ты в этом когда-нибудь убедишься. (...)

Отношения мои с Сало нельзя назвать дружбой, но он был мне очень симпатичен. По-моему, он ко мне относился хорошо. Был прост, искренен и сердечен. Ни важничанья, ни зазнайства в нём я не чувствовала, а он уже в то время был очень знаменит. Чехи его очень любили и им гордились.

Мне он говорил, что он — чех, и только значительно позже я узнала, что он — еврей, Саломон Флор.

В Кемери мы с Петровым часто прогуливались с Флорами по парку. Иногда присоединялся к нам Ландау. Он, видно, был с Флорами дружен. Сохранилась фотография — Ландау, Раиса, Сало и, конечно, собачка Берри. Флор тоже очень любил собачку и всегда брал её на турниры, считая своей маскоттой, на что Петров как-то ему сказал:

— У тебя маскотта — собачка, а у меня — птичка-галочка.

Так он меня называл.

Мне очень нравилась улыбка Флора. Какая-то она была детская, добрая, милая. Порой он заразительно смеялся, и в этом они с Петровым были чем-то схожи.

Во время Второго международного шахматного турнира в Кемери Флоры бывали у нас в гостях. Флор брал на руки мою дочурку, Мариночку, и с ней играл... Петров сделал несколько снимков у нас дома, но сохранился только один — Флор с Мариночкой на руках. Он, видно, любил детей. Когда я бестактно спросила (отношения с Флорами были достаточно близкими), почему своих не имеет, Сало промолчал.

Были мы с Володей и у них в гостях в Праге (в апреле 1938 года, сразу после турнира в Лодзи. — *В.М.*). Я как-то даже ночевала. Жили они в центре Праги в большой комнате или в однокомнатной квартире, хорошо и со вкусом обставленной. Раиса вообще обладала большим вкусом. Сало был всегда элегантно, хорошо одет. Хорошо подобранные галстуки, рубашки, обувь. Это, несомненно, заслуга Раисы.

Как-то зашёл разговор о Москве.

Зная от Раисы, что САЛО НЕ ХОЧЕТ ТУДА ПЕРЕЕЗЖАТЬ, я задала вопрос (не помню какой), касающийся этой темы. САЛО РЕЗКО ОТЗЫВАЛСЯ О ЖИЗНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. ГОВОРИЛ, ЧТО ТАМ НАДО БОЯТЬСЯ КАЖДОГО СВОЕГО СЛОВА, ЧТО ТАМ ВСЁ ПОДСЛУШИВАЮТ, ВСЁ ВЫВЕДЫВАЮТ, ЧТО НАДО БОЯТЬСЯ КАЖДОГО НОВОГО ЧЕЛОВЕКА, С КЕМ ВСТРЕТИШЬСЯ. РАЯ ЕМУ ВОЗРАЖАЛА, ОСПАРИВАЛА, НА ЭТО ОН ОТВЕЧАЛ ОЧЕНЬ РЕЗКО И РАЗДРАЖЁННО (выделено мной. — *В.М.*).

Наверное, такие разговоры между ними уже бывали.

Невольно я оказалась виноватой в этой “перепалке”.

Володя потом на меня сердился...»

2

Но такова уж была атмосфера летнего Кемери тридцать седьмого, что всё проходило тихо и мирно. Борьба бушевала только в партиях. Флор и Раиса Ильинична — в отношениях друг с другом — тоже старались держать себя «в рамках». А может быть (и скорее всего), конфликты их откладывались «на потом».

Сало Михайлович удивлялся, что в турнирном зале всегда было многолюдно: ведь добираться из Риги сюда не так-то уж просто — далекоовато. И всё равно ценителей «королевской» (как писали журналисты) игры не становилось меньше. Они знали толк в дебютах и мгновенно реагировали, если на их глазах рождалась какая-нибудь новинка. Эти зрители, по сообщениям газет, «не сидят, в отличие от остальных, а стоят или на цыпочках ходят вдоль красного барьера, отделяющего их от шахматных мастеров, не аплодируют, когда после

долгих раздумий мастер поднимает руку, на несколько сантиметров передвигает фигуру и записывает очередной ход».

Флор вспоминал, что больше всего фанатов собиралось у столика, за которым сидел Алехин, всеми признанный гений, ему дарили цветы, вручали какие-то письма и записки. В Кемери он был не один: обычно, как сообщали репортёры, «на балконе сидит госпожа Алехина с вязанием в руках. Пока её супруг думает, думает и она, посматривая через окно на столик Алехина. Когда ход за противником — она вяжет. Специалисты утверждают, что по мельканию спиц можно судить о позиции Алехина — чем быстрее и нервнее снуют спицы, тем труднее партия экс-чемпиона».

Писали и о молодой госпоже Раисе Флор, о том, что она «слишком нервозна, чтобы постоянно наблюдать за игрой мужа. Она только изредка заходит в зал и тихо спрашивает мнение руководителя турнира г-на Кмоха о ходе партии супруга. Самый спокойный на турнире — Флор. После очередного хода он встаёт, отходит на пару шагов от столика и издали наблюдает за своей позицией, потом медленно обходит столики других мастеров...»

...Победителей оказалось трое — Петров, Решевский и Флор. Все они набрали по двенадцать очков. Организаторы перед турниром предполагали, что победителем турнира будет один человек (думали об Алехине), и заготовили всего лишь один приз — массивную шка тулку со стилизованными шахматными фигурками (сразу видно — из Латвии!). Флор обратился к Решевскому: «Шмулик, ты ведь добрейший человек, я знаю, давай-ка Петрова “подставим”, пусть он за нас отдувается и берёт приз». Решевский не стал возражать. Это не всё: Петрову ещё вручили специальный приз — серебряный кубок, учреждённый в память Нимцовича, «за самую красивую партию, сыгранную представителем Латвии против зарубежного шахматиста», — за великолепную комбинацию против Рельштаба. Алехин поздравил его — не просто победителя, но и нового гроссмейстера, даже обнял рижанина.

Отвечая на вопросы корреспондентов, Флор меньше всего говорил о себе.

Он лишь сказал, что надеется в преддверии будущих сражений улучшить свою спортивную форму. Куда больше внимания он уделил коллегам. Он посожалел, что Решевский, потрясший всех победами в первой половине турнира, потом сбавил обороты и позволил сразу двоим соперникам догнать его. И объяснил это тем, что опытного гроссмейстера донимали какие-то «личные неурядицы», дурное расположение духа, какие-то заботы. Флор (исходя из общих рассуж-

дений) намекал на то, что шахматист столь высокого уровня обязан отрешаться от всяческих забот и сосредоточиваться на достижении поставленных перед собой целей. *Вспомнит ли он свои «наставления» на АВРО-турнире, когда его будут одолевать днём и ночью тревоги, страх за день завтрашний?! И Керес, само собой, не был забыт Флором.* Рижская газета «Сегодня» познакомила читателей со словами авторитетного чеха: «Молодому Паулю Кересу я предсказываю большую шахматную будущность. Он в одинаковой мере хороший позиционный и комбинационный игрок, стратег и блестяще владеет тактикой игры. Керес не потерялся после первых неудач в Кемери и поднялся на большую высоту. Он, несомненно, принадлежит к числу лучших шахматистов мира».

...На закрытии турнира самый информированный из всех шахматистов Тартаковер испортил настроение Флору.

— Вы слышали, Сало, — сказал он, — что у вас на родине вытворяют лидеры Словацкой народной партии?

— А что именно? — Флор помрачнел. — Думаю — ничего хорошего не происходит.

— Верно, — подтвердил Савелий Григорьевич. — Они предложили в парламенте — отправить всех евреев Словакии... в Биробиджан!

— В Биробиджан?! — Флор был поражён. — Какой ещё Биробиджан?! Может, это хулиганская выходка? Может, всё не настолько серьёзно?..

— Ну-ну, — отозвался Тартаковер. — Будем надеяться.

3

(P.S. к этой главе)

«Будем надеяться...» А что ещё оставалось делать? О плохом и думать не хотелось. Тем более — в Кемери, где «окно на башне золотилось» и действительно было «здесь всё красиво и так мило». Да и Керес, как мог, успокаивал Флора. Это он сказал ему: не надо накликивать беду, она легка на помине, — так его родители учили с детства. Сало вызывал у него неподдельное уважение — и как человек, и как выдающийся шахматист. Пауль по-своему дал отпор тем, кто почём зря поносил стиль Флора. Он полемически спрашивал: если этот метод, по-вашему, нехорош, если на него можно без труда найти укорот, тогда почему же он зачастую приносит великолепные результаты?! А ещё сказал в конце, что ему, игроку совершенно иного стиля, борьба с Флором всегда доставляет огромное удовольствие!

Он, правда, немного, совсем немного обиделся на приятеля (применив, конечно, тонкую иронию) за то, что тот в их поединке «давил» его 104 (!!) хода, «давил» безрезультатно, пытаясь выжать очко.

Пауль тут же, после игры, напомнил ему о нашумевшем ноттингемском конфузе — о партии с Тэйлором: не зря, мол, тебе Алехин попенял за то, что ты (тоже без малого сто ходов!) истощал физические силы своего противника, и даже радовался твоему проигрышу...

Но мы, говорит Флор, после этих слов Пауля не стали дуться, как индюки, а дружно расхохотались (его подначке было далеко до суровой отповеди в мой адрес Александра Александровича). Тогда же Керес, продолжает он, пригласил меня принять участие в Пярнуском международном турнире; он был в те дни в преотличнейшем настроении; ему сообщили, что в газете «Vaba Maa» появилось письмо шахматных фанатов с требованием назвать какую-нибудь пярнускую улицу именем Кереса; его это вдохновляло — я видел, хотя он тщательно скрывал свои чувства (характер!).

Флор вспоминает:

— Пауль спросил меня: ну как? Ты согласен? Поедешь? Тартаковер, Штальберг и Опоченский будут. Упрашивать меня не пришлось. Отказать Паулю я не мог. Но в газетах, падких на сенсацию, сообщили: якобы Керес, проявив всё своё красноречие, меня «уломал». Ничего подобного! Никто никого не «уламывал». И по поводу гонорара никаких особых условий я не ставил. А написали, что моя «такса», дескать, повергла организаторов в шок. Ничего сверхъестественного, честное слово, я не запрашивал, и мы быстро обо всём сговорились. С Кемери мы с Раисой Ильиничной расстались, испытав некоторую грусть, но уже в Пярну с его Рижским заливом грусть наша испарилась моментально. Я заметил, что моя Рая понравилась журналистам, её величали «изящной госпожой Флор», и ей опять было присвоено звание «дама с собачкой» (с Берри она не расставалась). Меня тоже не обошли вниманием. Репортёры почему-то ёрничали. Говорили, что Сало Флора нельзя принять за философа. Философом (и даже — о господи! — *почти коммерсантом*) они называли доктора Тартаковера. Может, по причине его очков, полноты, задумчивости и высокого лба, который, как считали газетчики, и есть главный *признак ума мыслителя*. Ну а Флора, писали они, можно скорее принять за танцевального аса и покорителя женских сердец! В доказательство привели высказывание какой-то девушки *с острым взглядом*: дескать, Флор — мальчик с шармом. Я был, признаюсь, на седьмом небе! Хотелось поцеловать эту славную девушку (наверняка с отменным вкусом и хорошенькую)...

О Пярну говорить много не приходится. Всем и так всё известно. Это был чудный курортный городок: тут и живописный порт, и тихая речная пристань, и уютные пляжи, и поразившие меня Таллинские ворота — старинное оборонительное сооружение, которое пощадило время. Тартаковер не забыл (а как же!) упомянуть обо всём этом в

своих репортажах. Что касается *самого юного гроссмейстера современности* — Пауля, то он вплоть до начала турнира где-то пропадал*. А 15 июля все мы собрались в Красном зале летнего казино на открытие и на банкет, где Савелий Григорьевич не поскупился на похвалы эстонской земле, подарившей миру Кереса. За словом в карман он никогда не лазил, даже Алехину тут не уступал. Зал еле вмещал желающих следить за игрой. Публика болела, разумеется, за своих — много и нельзя было ожидать. Во втором туре меня положил на лопатки Пауль Шмидт. Аплодисменты в его честь долго не смолкали. Его ведь вообще многие в Эстонии ставили чуть ли не рядом с Кересом...»

Об этой осечке чеха рассказала «Postimees»: «Над секретным ходом Флор уже долго не думал, а быстро записал его в протокол партии и сунул в конверт. Во время всех этих действий у гроссмейстера Флора было такое несчастное выражение лица, как будто он проиграл самое дорогое в своей жизни. Когда он отошёл от стола, то не глядел ни вверх, ни по сторонам, его взгляд был направлен прямо вниз...» Воодушевление автора заметки вполне понятно (*ура, мы ломим!*), но что-то не верится в «несчастное выражение лица», в такое откровенное отчаяние и столь малодушное поведение Флора. Он уже был закалённым бойцом и много чего повидал на своём веку. Та же газета рисует портрет победителя в таком вот шарже: «А чуть дальше (за Тартаковым. — *В.М.*) — человек в коричневом пиджаке, с почти квадратной головой, своеобразная фигура — он может почти часами смотреть в одну точку на столе. И почти не моргает. Не он ли автор “Заратустры”? — Нет, хотя он похож на Фр.Ницше, но всё же он — один из наших лучших шахматистов». «Uus Eesti» с полным правом предполагала, что шахматная гегемония в Эстонии находится в руках Паулей, вдохновлённых бессмертным Паулем Морфи.

Флор поделил в Пярну второе-четвёртое место. Да, первое место не выгорело. Но огорчаться по этому поводу он отнюдь не собирался. Он жил с надеждой в сердце, этот «мальчик с шармом». А 31 июля в Швеции началась VII Олимпиада. Лидировал на первой доске Флор (12,5 очка из 15), вторым был Керес (11 очков). Тогда члены ФИДЕ и решили: Флор — кандидат на титул чемпиона мира. За него было отдано восемь голосов, за Капу — пять.

* «Postimees»: «Кересу приходится вместо отдыха с утра до позднего вечера бегать и что-то устраивать. Ведь на его плечах лежит большая часть организационной работы. Вчера он должен был рано утром выехать на машине в Таллин, чтобы уладить кое-какие дела и прежде всего позаботиться о призовом фонде. Поздно вечером он вернулся в Пярну, где ему пришлось искать квартиру для шведа Штальберга, так как гостиница и летнее казино были заполнены до отказа».

Глава двадцатая

ЧАСЫ БЫЛИ ПУЩЕНЫ!

1

1938-й. 4 ноября. Амстердам. «Амстел-отель».

...Раиса Ильинична пришла с прогулки.

В волосах и бровях — капли дождя. Она была в некотором раздражении. Даже присутствие в их номере учтивого, элегантного Кереса, с которым она была на «ты», не заставило её стать радушной. Флора это огорчило, даже возмутило: ведь они вместе со своей собачкой Берри совсем недавно, в начале октября, гостили у Пауля в Эстонии — и принимали их «на высшем уровне». («Так только в Грузии умеют», — вспоминал потом Флор.)

С Паулем Кересом сблизилась она на Варшавской олимпиаде 1935 года, когда Сало обошёл с девятнадцатилетним эстонцем не очень-то дружелюбно и продемонстрировал ему всю мощь своей виртуозной, неподражаемой техники. А впрочем, они оба оказались в Варшаве триумфаторами: Флор лидировал на первой доске, набрав тринадцать очков из семнадцати, а Пауль оказался сразу же вслед за ним — с двенадцатью очками...

Поездка к Кересам перед АВРО-турниром очень много значила для Сало. Об этом счёл нужным упомянуть Вальтер Хеуэр, эстонский мастер и автор (увы, незаконченной!) книги о Пауле Петровиче: «Мюнхен разбил надежды и самого маленького гроссмейстера — кто бы в Чехословакии стал думать о каком-то матче на звание чемпиона мира? В начале октября Флор прибыл в Эстонию. Он старался выглядеть равнодушным — авось пронесёт! К шестому октября ему, пока ещё официальному соискателю шахматной короны, полагалось внести в банк предусмотренный задаток. Теперь осталось попросить у Алехина отсрочки на один месяц...»

От себя добавим: а что дал бы этот «один месяц»? Что изменилось бы? Никакими «отсрочками» уже нельзя было помочь Флору...

По-братски хотелось гостеприимному Паулю, чтобы у его приятеля хоть чуть-чуть улеглась на душе тревога. Тот, отдыхая летом в Советском Союзе, не мог не видеть, какая страшная трагедия надвинулась на Чехословакию, и написал: «Даже шахматистов, не обидевших и мухи, заставили испытать чувство страха. Как мне здесь довелось слышать, в Праге в критические дни сентября был проведён блиц-турнир, участники которого четыре часа находились в противогазах. В мире уже происходило немало странных вещей, но шахматный турнир в противогазах проходил явно впервые».

Да, вот такие наступили времена! А тут ещё в прессе вдруг появились некие «доброжелатели», посвятившие Флору нечто вроде «некрологов», где предвещали провал претендентских претензий чеха из-за его «неарийского» происхождения. Мать Пауля, Марие, добрейшая, рассудительная, энергичная, советовала расстроенному Сало: дескать, чихай ты на этих писак, на эту нечисть, всё ещё обойдётся. Ему и самому вслед за нею хотелось так думать. А что как и вправду обойдётся?!

...Неужели Раиса забыла обо всём этом?..

— Я, наверно, буду лишним? — сказал Пауль.

Ему было неловко.

И он вопросительно посмотрел на Флора.

Тому нисколько не хотелось отпускать его — особенно сейчас. Раиса Ильинична видела, что они нуждаются друг в друге. Они были будто сверстники, хотя элегантный, высокий, подтянутый красавец Пауль только-только поступил в Тартуский университет и был на целых восемь лет моложе. Флор и сам не мог объяснить, что их сблизило, выявило некую общность в их судьбах — казалось бы, таких разных, ни в чём внешне не схожих. Наверно, война и послевоенное время всё объяснят ему. После яркой победы Кереса в земмерингском турнире Сало Флор увидел в нём шахматиста первого ряда, настоящую звезду и с превеликой радостью принял его дружбу.

— А что, Лилиенталь — побоку? — поначалу спрашивала Раиса, и в её голосе слышались язвительные нотки.

Лилиенталь? Что касалось бесподобного, чудного Андрэ Арнольдовича — всё там лежало на поверхности. И озорство, и дерзость замысла, и кураж, и азарт. У Кереса же была своя — тайная, неразгаданная — глубина.

— Так я пойду? — снова подал голос Пауль.

Флор неопределённо пожал плечами. И не перевёл его вопрос для жены. Впрочем, она и так догадалась, но ей и в голову не пришло, что она вскоре будет вновь пользоваться гостеприимством Пауля.

Керес распроштался и ушёл.

— Он о себе стал много понимать, — язвительно сказала Раиса. — Ну и бог с ним. Ушёл так ушёл. Не до него.

Что ж, пожал плечами Флор, может, тебе и не до него, у каждого свои заботы. Ему смертельно не хотелось вести разговор, но тем не менее он поинтересовался:

— Довольна?

— Чем? Прогулкой? Так себе. Ничего. Но...

— А что ещё? Почему — *но*? С кем ты ходила? С Ольгой, как ты и собиралась?

— С кем же. Да, с Ольгой. Не ясно разве? — Она села за письменный стол. — Тебе с кем в первом туре играть? С Капой? Ольга сказала мне, что на завтрашнее открытие он *опоздает*.

Она произнесла это слово со значением.

— Почему? — спросил Флор, хотя ответ ему был известен заранее.

— Там твой Алехин выступит с большущей речью...

— Мой... А как ты раскланивалась с ним в Кемери? Да, он выступит. Ну и что?

— Ты же знаешь: Капа терпеть его не может.

— Можно подумать, что Алехин испытывает к нему нежность. Он даже в другой гостинице поселился, чтобы не сталкиваться с ним *face to face*.

— В другой?!

Раиса этого не знала.

— Да-да, в другой!

Флор через силу вёл разговор с ней, а сам думал: чушь какая, о чём это я, при чём тут эти прогулки и всякая другая чепуха, если я уже не вернусь в Прагу, если завтра-послезавтра там будут эсэсовцы, если за моё будущее нельзя дать и ломаного гроша...

Погода выдалась не ахти какая. И ветер с Северного моря набегал, холодный, сырой, и дождик срывался, иногда немаленький, — и тогда женщины заскакивали в кафе или в магазины.

За чашкой шоколада Ольга задала ужасный вопрос:

— Мой Капабланка мне сказал, что вы — актриса. Это правда?

Вот так — в лоб. Вопрос застал Раечку врасплох.

— В общем... да, кино, театр — моё призвание. Когда-то, *до Флора*, я играла в нескольких спектаклях... немного снималась...

— Ну, ну... Великолепно! А в каких именно?

Слава тебе господи, к столику тихо приблизился официант, и разговор прекратился сам собой. У Раисы Ильиничны создалось впечатление, что в глазах сеньоры Капабланка — торжество: я, мол, тебя, прелесть моя, раскусила, лезешь из кожи вон, чтобы казаться значительнее, чем ты есть на самом деле...

Ольгу все вокруг прекрасно понимали, ей переводчик не требовался: она владела и английским, и французским и почти уже выучила испанский. Она нагроулилась книгами, журналами, коробками с шоколадом и конфетами. На них обеих обращали внимание мужчины, особенно — на Ольгу, эффектную блондинку, которая излучала уверенность: мой муж — король, а я — королева*. А Раиса, когда надо

* «Когда... кубинец обдумывал свой ход (в партии с Земишем; Карлсбад 1929. — В.М.), в турнирном зале неожиданно для Капабланки появилась его жена

было объясниться, рта не раскрывала. Без Флора за границей она просто немела, её охватывала паника, если к ней по какой-то надобе обращались. Даже в Праге. Языки ей не давались — ни в какую. Ольга, демонстративно переполненная заботой о ближнем, уколола её:

— Ну почему бы вам, голубушка, не расширить свои горизонты? Нужно пару языков всё-таки выучить. Вы такая умница, всё быстро схватываете. Ваш Флор полиглот — он-то поможет вам.

Тусклое солнце прорвалось сквозь тяжёлые тучи — и Раиса с Ольгой продолжили своё путешествие. Они побывали на набережной Амстела, в музее Ван Гога и в музее восковых фигур. Ничто не подсказывало — да и не могло подсказать — Раисе, что здесь (среди такой роскоши!) появится не в таком уж отдалённом будущем и музей Анны Франк. (В семидесятых годах, уезжая в Сочи, она позвонила Флору, поскольку они жили отдельно, и попросила у него «какое-нибудь чтиво» — в дорогу. Сало Михайлович, недовольный этой поездкой (потому что с её болезнью нельзя было перегреваться и загорать на пляже), поручил это дело мне, и я отвёз Раисе Ильиничне десяток книг, в том числе «Дневник Анны Франк», до которого у неё — по её признанию — так и не дошли руки, а следовательно, не заметила она подчёркнутого мной маленького абзаца: «Всё тяжелее сознавать, что мы никогда не сможем выйти на улицу; и испытывать постоянный страх, что нас обнаружат и расстреляют; не очень весёлая перспектива!»)

Вместе с Ольгой они добрались до рынка Альберта Кёйпа, но силы оставили их, к тому же усилился дождь. Пришлось поскорее ретироваться в отель. Вернулись они, когда стало быстро темнеть. Повсюду зажигались огни реклам. В холле встретились с Ботвинником и его женой, стройной черноокой Гаянэ.

— Изумительный город! — обронила пустяшную фразу Раиса. — Правда?

Она во всём стремилась потрафить Михаилу Моисеевичу: рассчитывала на него, строя планы на будущее. Он такой авторитетный, солидный.

из Гаваны, красивая брюнетка. По-видимому, она хотела своим появлением преподнести мужу приятный сюрприз. Капабланка быстро сыграл 9... ♘а6 («зевок», редкий в практике кубинца, из-за которого он тут же потерял коня. — В.М.). “Тонкость” заключалась в том, что появление жены не очень обрадовало Хосе Рауля. Наоборот, скорее он растерялся: Капабланка увлёкся в то время “лишним ферзём” — красивой блондинкой. После развода она стала второй женой Капабланки. Её звали Ольга Чагодаева — русская княгиня с Кавказа. Однако Алехин не признавал аристократического происхождения Ольги, заявляя, что на Кавказе все женщины выдают себя за княгинь...» (Сало Флор «Родной язык Капабланки»).

— Вы абсолютно правы, — подхватил Ботвинник. — Мне по душе старинные города.

— А вы заметили, — вставила слово Гаянэ, — как мало на улицах пешеходов? Одни велосипедисты.

Ботвинник был в превосходном, приподнятом настроении. Ему долго не разрешали ехать в Амстердам вместе с женой — не давали на неё загранпаспорт. «Не положено!»

Михаил Моисеевич, впрочем, не терял надежды и времени тоже даром не терял, поскольку был знаком с зампредсовнаркома Булганиным, — и тот ему помог.

— Как вы добирались до Амстердама? — полюбопытствовала Раиса. — Самолётом вас сюда доставили?

— Это сейчас не так-то просто. Другие порядки теперь. Всё ужесточилось. Вы что, на себе не почувствовали?

(Позже, «подводя предварительные итоги», он напишет в воспоминаниях: «Путь опасный — через фашистскую Германию. При переезде немецкой границы какой-то тип в штатском проверяет паспорта у пассажиров и ставит штемпеля. Увидел наши ярко-красные книжицы — переполошился. Всё было почти по Маяковскому. Тип в штатском исчез. Момент был серьёзный: нордэкспресс не мог долго ждать. Но вот тип влетает в вагон, вручает мне паспорта и удирает, так и не закончив проверку паспортов у других пассажиров, поезд тронулся. В восемь вечера — Берлин, на перроне полпред Мекалов; НКВД просил его проверить, всё ли с нами благополучно...»)

— А как Сало? — спрашивает Ботвинник.

— Да ничего хорошего, — признаётся Раиса. — Психует. И Гитлер этот проклятый! И сплетни о том, что у нас в стране происходит...

— А что у нас происходит?

— Да не знаю, что Саломончик имеет в виду. Понятия не имею. Во всяком случае, это всё его нервирует.

О чём подумал Ботвинник? Остаётся лишь догадываться. Но по поводу «сплетен» немало чего могло прийти ему на ум. Одна из таких «сплетен» рождалась у него на глазах. Когда осенью тридцать седьмого играл он матч с Левенфишем, к нему неожиданно явился Сергей Каминер — замечательный шахматный композитор, его соавтор по знаменитому этюду, который завершается красивым диагональным матом на пятом ходу. Похоже было по всему, что неумолимая судьба уготовила мат самому Каминеру (скорее всего, в «Союзхиммонтаже», где он был инженером, обнаружилось ещё одно гнездо «врагов народа»). Ботвинник потом напишет, как Сергей отдал ему свои тетради и

сказал, что в них — все его этюды, и что некоторые из них ещё недо-работаны, и что он боится за их участь...

Перед самым АВРО-турниром Каминера расстреляли.

Но обсуждать всё это с Раисой Михаил Моисеевич, да ещё здесь, в Голландии, ни за что не стал бы. Ясное дело.

А та, как бы продолжая разговор о муже, выразила неудовольствие:

— К моему Сало на козе не подъедешь. Чехословакию вот-вот оккупируют...

— Ну что же, — сказал Ботвинник, — понять его, что и говорить, совсем нетрудно. Надо бы потолковать с ним. Как бы вот только минутку-другую улучшить...

— Спасибо! — откликнулась Раиса Ильинична. — Вы один можете его спасти.

Она растрогалась.

— Попробую, — пообещал Ботвинник. — Но потом... потом... не сейчас.

Раиса Ильинична оглянулась по сторонам. Ольги нигде не было видно.

— Ушла, — сказала она в номере о недавней спутнице Флору. — Не попрощалась. Кто я для неё, в самом деле...

Сообщила она и о своём разговоре с Ботвинником.

— Ты с ним говорила? Зачем?! — только и спросил он.

— Затем! — с вызовом ответила она. — Ты сейчас потише бы вёл себя. Куда ты без него денешься?

...И вот она удобно устроилась за письменным столом. Сочиняет поздравительные открытки и телеграммы, чтобы потом отправить их отсюда же, из отеля, в Советский Союз — своим друзьям и знакомым. Она помнит, как прихорашивается Москва златоглавая к очередной Октябрьской годовщине, как изо всех репродукторов льётся ликующая музыка; там, у нас, и ветер не такой, как здесь, он колет-ся первыми снежинками, остужает разгорячённые, счастливые лица людей.

— Надо будет и нам отметить праздник, — говорит она Саломончику, — сходим в какой-нибудь ресторан. Только без Ольги Капабланки — по-моему, эта фифочка чересчур высокомерна, тоже мне кавказская княгиня (ты слышал, откуда она?). И дружка твоего, Савелия Григорьевича, сироту казанскую, звать не будем: уж больно он падок на анекдоты. Пригласим Мишу Ботвинника и его Гаянэ. С ними надёжно. Может быть, — добавляет она, — ты хочешь ещё кого-нибудь позвать — ну, допустим, Кереса... или Макса...

И тут же сама себя останавливает: дескать, у Эйве многовато домочадцев.

И спрашивает:

— Как ты, *Михалыч*, на это смотришь — чтобы отметить нам двадцатую первую годовщину?

В приподнятом настроении Раиса порой кличет его *Михалычем*, хотя давно могла бы догадаться, что его это коробит, — он лишь руками нервозно разводил.

— У нас тут есть бутылочка вина? — спрашивает она. — Налей мне немного. Спасибо. Твоё здоровье. Жаль, что ты не пьёшь.

И замурлыкала Вертинского:

Пей, моя девочка, пей, моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастья нам не дано...

Флор сидит в кресле, его прямо трясёт; он отрицательно и энергично мотает в ответ головой. Какая ещё годовщина?! Какой праздник?! Он не привык к резкостям, избегает перепалок. Они выводят его надолго из строя. Он делал всё, чтобы никто вокруг не знал о неблагополучии в его «команде». Всё в себе держит. Он таился от Мозеса. И Нина Грушкова-Бельска никаких жалоб от него ни разу не слышала. «Я всегда считала, что Раечка была ему самым верным другом», — говорит она, возвращаясь в недавнем письме к прежним дням. Такого же мнения и Надежда Андреевна, жена Смыслова («О, Раиса Ильична умела очаровывать!»).

Ну а на самом деле?!

— Вы верите, — скажет мне Флор десятилетия спустя, — в тот момент я жалел, что не был в состоянии *намили́ть* ей шею; да — *намили́ть*; я ненавижу такие словечки, но другого ничего не подберу. Извините. Она называла себя неотразимой, обворожительной, куколкой (ну как это вам: *куколкой!*), куда более эффектной, чем Евгения Михайловна — то есть Женечка Лилиенталя («да-да, Андрэ это прекрасно знает, один ты этого знать не желаешь»). Она считала, что украшает мою жизнь, что она — предмет моей гордости, мой главный приз, источник моего вдохновения; она постоянно допытывалась: я ведь твоя муза?

Флор ей отвечал: ты — не моя муза, ты — муза Советского Союза!

Вдруг засмеётся? Вдруг отстанет? Покой — вот что дороже всего. С Женечкой-то она осмеливалась тягаться, зато с Ольгой Капабланкой — опасалась, ей это было не по душе. Но прогуливаться с ней по Амстердаму, вдоль каналов, по-прежнему не отказывалась.

Она писала и мурлыкала что-то себе под нос.

Ну да, это Вертинский. Может, он где-то совсем рядом, в Европе. Хорошо бы с ним встретиться, поговорить. Как он относится к тому, что происходит в мире?

Лилиенталь рассказывает о равнодушии своего друга, Сало, к этому певцу. Однажды, живя уже в Москве, Андрэ Арнольдovich давал сеанс одновременной игры в ЦДРИ; дирекция вручила ему билет почётного члена этого очага культуры — и у него появилась возможность едва ли не каждый вечер посещать концерты, которые проходили там. Он предложил Флору ходить на концерты вместе с ним. По правде говоря, тот не был расположен к таким походам. Моцарт и Россини не очень трогали его. Что там Дворжак и Сметана — отличить «Лунный свет» Дебюсси от «Лунной сонаты» Бетховена было выше его сил. Но когда Лилиенталь позвал приятеля «на Вертинского», Флор моментально согласился. По случаю выступления чуть-чуть постаревшего и по-прежнему милого Пьероши Дом работников искусств был взят в кольцо конной милиции. Лилиенталь пишет, что, как известно, голос у этого певца не был оперным, но его интонации, мимика, жесты окупали этот «недостаток». Вернулся он «из эмиграции, из Парижа, обратно на родину — тогда ещё СССР, с дочерьми, которые стали впоследствии киноактрисами». И вот, пишет Лилиенталь, — «одна из песен: “В бананово-лимонном Сингапуре, в бури...” — всех слов я уже не помню — заканчивалась на слове “бездна”. Флор сказал мне:

— Вы знаете, что Вертинского за эту песню в Париже оштрафовали на тысячу долларов?

Я удивился:

— Непонятно — за что?

Сало в ответ предложил:

— Поедем ко мне домой!

Мы пришли; он завёл патефон и поставил пластинку, зазвучала упомянутая выше песня в исполнении Вертинского. Только вместо слова “бездну” я услышал в конце “.....”! Извините, дорогие читатели, за мою пошлость. Вертинский выступал в Париже в разных ночных заведениях, среди них были и русские рестораны...»

(Эту пластинку, запиленную и поцарапанную, я видел среди нескольких дисков Сало Михайловича. Господи, когда это было!..)

...Раиса пишет и мурлычет: «Осень мы проводим с мамой в Туапсе...» Хорошо, что не «Широка страна моя родная». Вертинский безумно нравился Раечке. Ариетки Пьеро были очень модными среди советской продвинутой молодёжи, несмотря на (как бы это помягче сказать?) неодобрительное отношение к ним идеологических пасты-

рей. Флору он тоже пришёлся по душе, и он радовался встречам с ним, если бывала такая возможность в Париже.

Раиса Ильинична издевалась:

— Да тебе, Сало, медведь на ухо наступил, не запомнишь ни одной мелодии — а туда же, увлёкся *моим* Пьерошкой.

О меланхоличном Вертинском иногда писала пресса (разумеется, не советская, которая была способна лишь на фельетоны, направленные против мещанства и пошлости Белого Пьеро) и сообщала то, что Флору известно было и прежде: этот бард с удовольствием выступал перед русскими эмигрантами, сходящими с ума от «горестного хмеля» его ариеток. Раиса, выезжая из СССР, всюду покупала пластинки Вертинского, притом кокетливо и со значением (она ведь считала себя актрисой) повторяла, словно свои собственные, игристые слова из песенки, где говорилось, что «из-за нас страдают здесь очень-очень многие»:

...Девочка с привычками, девочка с капризами,
Девочка не «как-нибудь», а не так, как все.
Мы никем не поняты и разочарованы.
Нас считают маленькой и теснят во всём.
И хотя мы мамою не очень избалованы,
Всё же мы умеем поставить на своём.

— Это она — о себе, — горячится Флор, — уж кто-кто, а она считала самым главным — на своём поставить; я чуть было не сказал в тот момент этой «маленькой», «не такой, как все», что она — большая дура; она никак не могла взять в толк, что со мною творилось. А я почти не скрывал своего настроения — отнюдь.

Он замолчал — весь в мыслях о горестном тридцать восьмом.

— В том же году я писал на страницах «Огонька», что Прага ждёт большой беды: «Тяжёлые неприятельские “фигуры” заняли грозные позиции против столицы Чехословакии». Не забуду, как Карел Опоченский сказал мне: только и слышно вокруг — скоро, скоро уже нас оккупируют.

Вряд ли мог когда-нибудь предположить Опоченский, что именно в его квартире с приходом фашистов будет прятаться автор «Репортажа с петлёй на шее» Юлиус Фучик, который в те дни напишет знаменитые слова: «Оставив жизнь позади, каждый здесь ежедневно умирает у себя на глазах, но не каждый рождается вновь».

— И всё же, — обнадёживал Опоченский себя и Флора, — есть надежда: договорятся, найдут общий язык, не тронут нас; Геринг, эта свинья, заверил нашего посла Мастны, что Германия не имеет дурных намерений против Чехословакии, и ты, Сало, ещё сыграешь с Алехиным свой матч!

Как раз после разговора с Карелом, говорил Флор, я принялся за ту статью, и чувства мои были противоречивыми; я и верил, и не верил Карелу; но, кажется, больше всё-таки верил; наверно, очень хотелось верить.

2

Вместе с Сало Михайловичем мы смотрели кинокомедию «Мистер Питкин в тылу врага». Там была такая сцена: немцы выводят во двор Питкина, чтобы расстрелять его, и гестаповский полковник с моно-клем в руке издевательски спрашивает, каково последнее желание бедолаги, не выкурит ли тот перед казнью сигаретку, — на что мистер Питкин самым серьёзным образом отвечает, что он решил... бросить курить!

— Вот и я, как этот самый Питкин, — говорит Флор, — стремился, чтобы читатели «Огонька» не заподозрили во мне малодушного человека, утратившего чувство юмора и оптимизм.

Жаль, что Котов, автор «Белых и чёрных», не видел, с какой страстью внушал Опоченский уверенность Флору:

— У тебя с Алехиным отрицательный счёт? Плевать, это ровным счётом ничего не значит! А ты вспомни, — твердил он, — как Тарраш перед матчем того же Алехина с Капой звонил во все колокола: Капабланка непобедим, и его стилистическая простота, не признающая фокусов, возьмёт верх над тяготением к осложнениям славянского мастера, чтобы не произошёл *невероятный, сенсационный беспорядок!* А чем всё закончилось?!

Опоченский по обыкновению торжественно устремлял перст к небесным высям.

Флору, конечно, врезалось в память, как завершилась решающая, 34-я партия матча, как она дважды откладывалась, причём в последний раз это было вызывающе некрасиво — настолько безнадёжной была позиция кубинца; а эти жалкие его слова: «Я проанализирую положение и, если анализ подтвердит мою оценку, pošлю письмо в клуб с извещением о моей сдаче»!..

Сало простил бы Капу, но Алехин — человек иного склада, он за-таил обиду; даже не стал селиться в «Амстеле», чтобы не находиться рядом с кубинцем.

(Впрочем, не про то, не про то речь, сейчас это может показаться полной чепухой, детской забавой: не та обстановка, даже здесь, в благополучном, игрушечном Амстердаме нет-нет да и запахнет гарью — война полыхает где-то рядом...)

В общем, Флор так и не выдал читателям журнала всех своих сомнений! Чего это ему стоило? Кто знает. «Я не переоцениваю своих шансов в предстоящем матче (подумать только, он попытался выразить уверенность, что матч обязательно *состоится!* — В.М.): спортивные успехи и выдающееся дарование моего противника общеизвестны». К этому Флор добавил, что «Алехин продемонстрировал исключительную силу воли, радикально изменил свой образ жизни*. (...) Никто не сможет назвать другого шахматного гроссмейстера, борьба с которым сулила бы меньше надежд, чем встреча с Алехиным. Но... *плох был бы тот шахматный мастер, который вступил бы в борьбу лишённым всякой надежды на успех* (курсив мой. — В.М.)».

Ах, мистер Питкин, так вы, значит, решили бросить курить?

Мимоходом заметим, что житейский и психологический пресс, давивший на Флора, был ошутим. Сравним эти слова из статьи («лишённым всякой надежды на успех») с алехинским торжествующим предматчевым восклицанием (в интервью газете «Диа»): «Не представляю себе, как я смогу выиграть шесть партий у Капабланки, но столь же мало представляю себе, как он сможет выиграть шесть партий у меня!» Сравнение это явно не в пользу Флора. Не зря алехинское восклицание тут же пришло Флору на ум: «В шахматной истории известны случаи неожиданных исходов ответственных матчей. Напомним хотя бы о выигрыше Алехиным матча у Капабланки в 1927 году, когда победа Капабланки казалась предreshённой. Неожиданным было поражение Алехина в его первом матче с Эйве. Сенсацию произвёл ничейный исход матча Левенфиша с Ботвинником. *Этот экскурс в шахматную историю обязывает Алехина быть настороже...* (курсив мой. — В.М.)».

Последняя фраза (таящая в себе трогательно-наивную угрозу), когда Флору изменило чувство юмора и он не собирался шутить, может вызвать ухмылку — но нельзя забывать, что им было принято нелёгкое решение: предстать на журнальных страницах в аллертной позе!

Его ближайшие планы? Вот они, пожалуйста: «Превосходной тренировки к борьбе с Алехиным будет, конечно, крупнейшее шахматное событие текущего года — ноябрьский турнир в Амстердаме...»

* Флор: «В последнем матче с Эйве ему удалось, по существу, одержать две победы, причём одну из них — над самим собой — я считаю наиболее трудной. Давно уже никто не видел во рту Алехина папиросы. Из напитков он признаёт лишь молоко и яблочный сок. Он охотно занимается работами по сельскому хозяйству, вскапывает грядки на своём огороде и ведёт здоровый образ жизни».

И всё равно, несмотря на все усилия Флора и вопреки его желаниям, *тень от тяжёлых неприятельских «фигур», занявших грозные позиции против Праги, нависла над его статьёй* — это чувствовалось. Не случайно ведь, когда Алехин приехал в Прагу, чтобы заключить с Флором формальный договор о матче за мировое первенство, они «больше разговаривали о политической конъюнктуре, чем об условиях матча», хотя и Алехину, и даже Флору всё же показалось, что на горизонте чуть просветлело, тучи стали потихоньку расходиться и обстановка разрядилась (отсюда — и повод для натужной шутки по поводу того, что правительству Чехословакии якобы удалось задержать грозные «проходные пешки», готовые вторгнуться в пределы страны: «Положение, в котором отложена эта волнующая “партия” между двумя государствами, чрезвычайно остро — и тщательно анализируется обеими столицами»). А в конце публикации, увы, — отзвук той же самой надвигающейся грозы — и тревога: «Сейчас арена деятельности шахматистов на Западе сузилась, некоторые из них, как, например, известный москвичам гроссмейстер Шпильман, остался без родины, без дома и вынужден эмигрировать».

(Бедный, несчастный Шпильман. *Он первым из нас принял на себя удар.* Именно он, тот, чей лозунг никогда не забудется: «И особенно радостно, что теперь, после столь долгого периода упадка агрессивности, современные мастера вновь провозглашают: “Атака! Атака!”»)

Незадолго до АВРО-турнира (находясь то ли в Москве, то ли в Тарту, у Кереса, — Флор не запомнил, где именно) он позвонил в Прагу. Мозес смущённо сообщил, что у него сейчас находится (и кто бы ты подумал?) Рудольф Шпильман — пришёл на чашку чая.

— Он просит трубку, — сказал Мозес. — Будешь с ним разговаривать?

— Конечно! А как же!

Шпильман был в явном замешательстве.

— Меня никто не приглашал, — виновато признался он. — Ни в Прагу, ни к вашему брату, Мозесу. Я сам нагрянул. Видите, Саломон, какой я нахал. Незваный гость... — В его голосе явственно ощущалось волнение. — Вам уже говорили, что я драпанул из Австрии?

— Да, об этом все говорят, — отозвался Флор. — И все сочувствуют вам.

— Спасибо. — Шпильман примолк. — Я пытался давать сеансы одновременной игры — никто не приходит. Два-три человека, не больше. У меня, дорогой Саломон, подозрение, что в Праге я — ненадолго, совсем ненадолго. *Долго* — это уже не для меня. — У Флора от этих слов мороз по коже пошёл. — Может быть, мне больше

повезёт в Стокгольме? Как по-вашему? Да нет, никаких шансов! И никто здесь не разуверяет меня, никто не рассеивает моих тревог... Я — в капкане.

Любой разлад в порядке, к которому он привык, всегда раздражал Шпильмана. В своих сообщениях из Нью-Йорка, с международного турнира, он обращал внимание на то, на что другой гроссмейстер и не посмотрел бы (не до того!). Он рассказывал, почему так отвратителен ему Нью-Йорк: и мрачный, и бесстыльный, и неубранный как следует, его поражало, что ньюйоркец просто отбрасывает по прочтении свою газету, — всё равно, сидит ли он на вокзале подземки, идёт ли по улице или находится в учреждении.

А тут рушится весь его мир!

Они оба замолчали. И пожалуй, впервые в жизни, закончив разговор, Флор не сказал: «До свидания». Он лишь припомнил название замечательной книги Шпильмана — «Теория жертвы». Эпоха принесла в жертву самого Рудольфа Шпильмана.

В марте тридцать девятого немцы войдут в Прагу. Шпильман тщетно будет искать себе убежища. Каким-то чудом переберётся в Стокгольм. Всюду он будет чужим. Однажды, потеряв всякий интерес к жизни, запрётся в своей (в своей ли?) комнате, чтобы не выходить из неё. В августе сорок второго соседи обнаружат, что в эту квартиру никто не входит и никто из неё не выходит. Будут взломаны двери, за которыми найдут умершего и от голода, и от запущенных болезней гениального гроссмейстера...

3

Летом Флор отправил свою Раису в Москву, а сам поехал с Паулем в Тарту (она появится там позже, недели за две до начала турнира). Может быть, то было начало одиссеи, которая исподволь изменила, перекорёжила всю его жизнь. В Тарту позвонил земляк Шпильмана — Тартаковер.

— Возьми, это тебя, — сказал Керес. — Твой кумир. — И улыбнулся: — Гомер.

(Гомером шахматной игры называл Тартаковера Ласкер.)

— Савелий Григорьевич, как вы догадались, что я у Пауля?

— Макс подсказал. Он всё знает. Он же профессор. — И спросил: — Скажите, как вы, Саломон? Только честно. Я беспокоюсь. До вас случайно не доходили сведения о миссии Баруха Вуда?

Вот оно что!

— Доходили.

Флор испытал горячую благодарность к Тартаковеру (кстати, ростовчанину по месту рождения).

Тот, стало быть, и не намеревался советовать, чтобы Флор немедленно искал себе пристанище в СССР! Он рассматривал совершенно другие возможности: он знал, что такое — Сталин.

— Основное, Сало, — не стать *крайней пешкой*. Вы понимаете меня?

Крайнюю пешку Савелий Григорьевич называл «провинциалкой», у которой нет и не может быть надёжного будущего.

Этот полуночный звонок очень растрогал Флора, потому что он преклонялся перед Тартаковым (который, заметим в скобках, в годы Второй мировой войны станет лейтенантом Картэ и вступит под этим именем в ряды французского Сопротивления).

Да, разумеется, Флор прослышал, что редактор бирмингемского журнала «Chess» Барух Вуд, переполненный утопическими замыслами, старается помочь прославленным мастерам — евреям по национальности — избежать гибели в гитлеровских концлагерях, устроить их где-нибудь подальше от Европы, хотя бы и в Южном полушарии. В числе этих маэстро он первым (будто бы) назвал имя Сало Флора. Керес сказал: а что, вдруг это выход, попытайся; по-моему, этот Барух — личность серьёзная, вроде бы не трепач; ты же ничего не теряешь, напиши, тебя не убудет — верно?... Сало ухватился за эту возможность, как утопающий — за соломинку. Действительно: а вдруг?! Чем чёрт не шутит.

У него на тот момент была журналистская заготовка для корреспонденций из Амстердама, где он выглядит перед своим читателем прямо-таки артистично, где не найти и нотки отчаянья — наоборот, он ироничен и — что самое важное — самоироничен. Вот и отправилось из Тарту в Бирмингем письмо:

«21 октября 1938 г.

Глубокоуважаемый м-р Вуд!

Посылаю Вам короткую заметку “Маленькие секреты АВРО-турнира”. К великому сожалению, она написана по-немецки. Но, как Вы знаете, мой английский не слишком хорош. Надеюсь, Вы найдёте это письмо забавным. Будете ли Вы в Амстердаме?

С наилучшими пожеланиями,

Сало Флор».

В приложении, которое упомянул Сало, он выдавал «маленькие тайны» будущим своим читателям и любителям шахмат: Капабланка — самый старый участник турнира. Керес — самый молодой. Эйве и Керес — самые высокие участники. Решевский и Флор — самые маленькие. Ботвинник — представитель самой большой страны (170 млн жителей). Керес — представитель самой маленькой (1 млн. жителей). Алехин и Эйве — двое участников, сыгравших между собой наи-

большее количество партий (80). Ботвинник и Керес — единственные участники, не сыгравшие между собой ни одной партии. Алехин и Капабланка — единственные (пока?) участники, не разговаривающие друг с другом. Решевский — единственный курящий (Алехин — экс-курящий). Из восьми гроссмейстеров лишь Керес и Решевский — холостяки. Алехин — единственный блондин среди участников. Решевский — единственный, соблюдающий религиозные обряды. Алехин и Капабланка научились игре в возрасте четырёх-шести лет. Решевский, бывший вундеркинд, научился играть “гораздо” раньше. Шести лет от роду он играл уже с гроссмейстерами. Видмар, один из его тогдашних партнёров, утверждает, что Решевский играл в то время лучше, чем сейчас. Ботвинник и Эйве носят очки постоянно. Капабланка надевает их лишь тогда, когда его положение хуже. Кроме Капабланки и Эйве, все остальные участники родились либо в СССР, либо в областях, относившихся к бывшей “Российской империи”. Все участники в глубине души надеются “по меньшей мере” на первый приз».

Но, судя по всему, сам Флор о первом призе и не помышлял. Куда там! Пропал кураж, сбилась прицел! Вполне возможно — навсегда. Сейчас никто ни в чём не может быть уверен. В нём поселились пессимизм и мнительность, точнее всех подмеченные Кересом. Конечно, не его Раисой!

(Летом 1979-го Флор дал мне набоковский роман «Защита Лужина», мною же ему подаренный.

— Прочитайте вот это место, — сказал он и показал, какое именно.

Закладкой служила первомайская поздравительная открытка на имя Раисы Ильиничны. Строки были такие: «Оглядываясь на восемнадцать с лишним лет шахматной жизни, Лужин видел нагромождение побед вначале, а затем странное затишье, вспышки побед там и сям, но в общем — игру вничью, раздражительную и безнадёжную, благодаря которой он незаметно прослыл за осторожного, непроницаемого, сухого игрока. И это было странно. Чем смелее играло его воображение, чем ярче был вымысел во время тайной работы между турнирами, тем ужасней он чувствовал своё бессилие, когда начиналось состязание, тем боязливее и осмотнительнее он играл...»

Флор сказал:

— Ну, прочитали? Мне как будто кто-то намекает, что это про меня написано. Поначалу я с чем-то был согласен, но, поразмыслив, отверг такие намёки. Не было боязни, как у этого Лужина, о которой пишет Набоков. Была боязнь войны и оккупации. К АВРО-турниру я себя сознательно готовил. Тартаковер это увидел и написал об этом; он похвалил меня за трудоспособность, за упорную работу по

улучшению моей техники. Мне было приятно услышать от него, что мой стиль претерпел значительную эволюцию — но не в сторону лужинского осторожничанья и сухости, а совсем в другом направлении — в совершенствовании искусства использования минимального преимущества и в приближении к грандиозным достижениям Акибы Рубинштейна...)

Флор внезапно ощутил в тот трагичный период, что им стремительно утрачивается витальная сила. И с этим он ничего не мог поделать. Как признался Сало Михайлович, тогда он первый раз в жизни пожалел, что не верит в Бога, не умеет молиться. Преодолев прилив душевной слабости, он заставлял себя держаться на плаву. В той же «огоньковской» корреспонденции он с деланой беспечностью признался, что *не переоценивает своих шансов*. Каково? Мог бы сказать и покрепче и определённое — но перед ним стояла, как видим, иная задача.

Вряд ли мистер Вуд хохотал, прочитав послание. Забавного в нём ничего нет. Оно лишено присущей Сало Флору душевной полноты и неподражаемой искромётности; оно, можно сказать, драматично. И вызывало оно у бирмингемца очевидное сострадание. Но верно подметили фронтовики: если в бою трус притворяется храбрецом — значит, он и есть храбрец.

Важнее всего то, что Барух Вуд, кажется, понял смысл этого сигнала.

Флор элементарно боялся угодить в гетто, в концлагерь. Он был в смятении. Это не укрылось от мистера Вуда, читавшего между строк. Филантроп немедленно пообещал Флору организовать гроссмейстеру поездку в Австралию и Новую Зеландию — с показательными партиями и сеансами одновременной игры. Подтекст и цель поездки — по ходу действия «зацепиться», получить убежище.

Керес сказал:

— Вот видишь, Сало, это не трепач; может быть, у него выгорит дело.

Флор (уже из Амстердама) горячо поблагодарил Вуда за его усилия:

«Огромное спасибо. (...) Думаю, я мог бы согласиться на такое турне, если бы каждая из стран сумела гарантировать мне гонорар в 160 фунтов. Меньшая сумма не покроет моих транспортных расходов.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы смогли убедить организаторов моей поездки в обе страны гарантировать вышеупомянутую сумму. Я предпочёл бы, чтобы поездка состоялась в 1939 году* — как можно раньше.

* Дальше тянуть не было смысла. Флор это отчётливо сознавал!

Пожалуйста, пишите на адрес д-ра Эйве, Амстердам.
С наилучшими пожеланиями,
искренне Ваш
Сало Флор».

«Как можно раньше» — это ли не SOS, это ли не вопль!

Письмо Вуду Раиса читала, даже дважды; Флор рассказал ей о предполагавшейся поездке в Австралию и Новую Зеландию и о том, что, по чести говоря, надежд на такую спасительную поездку у него уже нет никаких.

— Ха-ха, — сказала Раечка в ответ, — это ерунда, не стоит расстраиваться. Миша Ботвинник обещал пристроить тебя и Андрэ у нас в СССР, там тебя никакой Гитлер не достанет, уцелеешь...

Флор, будто обречённый, следил за обстановкой в мире. Он говорил Раисе, что уже в декабре 1937 года Гитлер поставил перед руководством вермахта задачу в будущей войне — завоевать «жизненное пространство» для немецкого народа, определив ближайшие цели и сроки германской агрессии, в том числе против Чехословакии. А уже через три-четыре месяца Флор сказал жене, что президент Бенеш пообещал германскому послу установить самые тесные контакты чехословацкой полиции с гестапо.

— Понимаешь, — допытывался он, — чем это пахнет?! Гестапо будет хозяйничать в Праге!

Он переводил ей на русский язык выступление фюрера в рейхстаге: «Германия не может оставаться безучастной к судьбе десяти миллионов немцев, живущих в Австрии и Чехословакии. Германское правительство будет добиваться объединения всего немецкого народа!» А перед самым Амстердамом, в октябре, он прочитал Раисе информацию о визите в Берлин нового министра иностранных дел Хвалковского и о его переговорах с Гитлером.

Он говорил:

— Слушай, слушай, что сказал Гитлер: «Я сохраню Чехословакию, если она поймёт, что безоговорочно принадлежит к германской сфере и что единственной гарантией её существования является немецкая гарантия».

— Ну вот видишь, — утешала Раиса Ильинична, — с о х р а н и т!

А потом она взрывалась:

— Да плевать я хотела, мало ли что этот придурок заявляет! На Советский Союз Германия не нападёт, на Советский Союз никто не нападёт — значит, нам с тобой остаётся одно: перебираться в Москву, просить Мишу о помощи...

4

Завтра — открытие турнира, предварит которое декларация чемпиона. Алехин, скорее всего, готовится к выступлению. Ему есть над чем поразмыслить.

Война войной, но в шахматном мире — невиданный ажиотаж. Парадокс! Это жизнь. Вся Голландия чувствует себя причастной к грандиозному событию. Подумать только: шпаги скрестят чемпион мира Алехин, экс-чемпионы Эйве и Капабланка, гроссмейстеры Флор, Файн, Решевский, Керес и Ботвинник. Все они, по утверждению газет, — титаны. Журналисты не скупятся на самые громкие эпитеты. Но скоро появятся корреспонденции Тартаковера — его специально для этого пригласила здешняя крупнейшая газета «De Telegraaf». Уж он-то поставит всё на свои места — никакого пафоса, никаких сенсационных трюков. Лучше Савелия Григорьевича этой работы никто не сделает. Уже стало известно его ироническое замечание о том, что формула турнира выбрана, пожалуй, слишком, даже чересчур серьёзная: восемь участников — в два круга, без участия шахматистов, не входящих в «экстракласс», — а лучше бы с ними: в четырнадцать игроков при одном круге, тогда бы «побойше чемпионов» стало менее чопорным и потому более ярким, полным жизни и отваги.

Из «могучей кучки» наличествуют лишь двое — Алехин и Капабланка. Третьему, Ласкеру («полуживому» — по печальному определению Тартаковера), уже не до сражений; постаревший, издёрганный, он убрался подальше и от Гитлера, и от Сталина — в США. В своих заметках, опубликованных в интернете, Андрэ Лилиенталь немало места уделяет причинам, по которым чете Ласкеров становилось в Москве страшно. «И дня не проходило, чтобы мы с женой, Евгенией Михайловной, не находились у них дома. Ведь надо было помочь ходить по делам, покупать продукты и т. д. Ведь они могли объясняться только по-немецки и по-английски. (...) Их дочь жила в Америке, они очень тосковали по ней и наконец решили к ней уехать».

«Расшифровка» этой информации дана Авербахом в его очень содержательной книге «О чём молчат фигуры» (глава «Большой террор»):

«В том же 1937 году Эм. Ласкер выехал из Москвы в Нью-Йорк. Как всегда, его сопровождала жена. Официальной причиной отъезда, как писали биографы экс-чемпиона, было желание его жены поглядеть детей от её первого брака, живших в Америке. По случайности в день отъезда его посетил мастер Дуз-Хотимирский, но Ласкер не сказал ему, что уезжает. Мне кажется, что события в Москве — такие, как исчезновение Муссури, с которым он был близок, — напомнили

ему то, что он уже видел в Берлине в 1934 году*. И Ласкер решил — пока не поздно, покинуть нашу страну. Массовые репрессии, организованные Сталиным после убийства Кирова и достигшие своего максимума в 1937 году, оказали огромное влияние на всё советское общество».

Да, всё рушилось, всё, всё летело в тартарары...

Тартаковер, подобно Флору в «огоньковской» статье, пытается, однако, выглядеть оптимистом. «Но зачем, — спрашивает он, — горевать об отошедших или об отсутствующих, когда предстоящий амстердамский супертурнир сам по себе даст шахматному миру квинтэссенцию и шахматного знания, и шахматного подъёма. Если не всякий из восьми участников может стать последним, то зато каждый из них — при удачной форме или при форменной удаче — в состоянии стать первым!»

И всё-таки отсутствие Ласкера ощущалось. К столетию со дня его рождения Флор напишет: «Не говоря о том, что он несколько десятилетий боролся за шахматной доской, Ласкеру пришлось пережить много тяжёлого: войны, инфляцию. Затем последовало самое страшное и мрачное — к власти в Германии пришёл Гитлер. Ласкер — математик, мыслитель, философ, крупнейший шахматист — вынужден был покинуть свою родину. Последние годы жизни он прожил на чемоданах. (Флор предчувствовал в Амстердаме, что это предстоит вскоре и ему! Не мог не предчувствовать. — *В.М.*). (...) Новые трудности, новые заботы. Сердце Ласкера не выдержало. Оно остановилось далеко от его настоящей родины — Германии, далеко от Москвы, под флагом которой он выступал в своих последних турнирах».

Думал ли Флор о том, что подобный кошмар произойдёт, когда осенью 1928 года он, молодой корреспондент пражских газет, с колющимся от волнения сердцем почти всю ночь наблюдал в берлинском кафе «Триумф» за игрой своего кумира в бридж и пошёл с небольшой группой поклонников провожать гроссмейстера до самого его дома! Я, скажет он, молчал, не беспокоил Ласкера всякими вопросами...

А на те вопросы, которые мучат Флора сейчас, не ответил бы не только доктор Ласкер — никто не ответил бы.

* 1934-й — год, ознаменовавшийся «ночью длинных ножей», после которой фюрер выступил с речью, где в числе четырёх «самых опасных» категорий в Третьем рейхе назвал евреев, поддерживающих коммунистов, самозванных критиканов и паникёров.

5

...В номер позвонил портье:

— Вас просит один господин. Говорит — вы знаете. Ждёт вас в холле.

Раиса отказалась спускаться:

— Я сегодня набегалась. Буду писать письма и телеграммы. Ступай без меня.

Флора ждал Тартаковера. Сало Михайлович, никогда не забывавший его, года за два до своей смерти говорил о нём в своём проникновенном «Этюде о Тартаковере», что Савелия Григорьевича «без преувеличения можно было назвать чемпионом мира в области шахматной литературы во всех её жанрах. А если уж не чемпионом мира, то по манере, по остроумному стилю его можно назвать Марком Твенем или Чеховым. Если так, то Тартаковер должен быть очень весёлым человеком, невольно думает читатель. Нет, даже комик по профессии не всегда оказывается весельчаком в жизни. Я ни разу не видел Тартаковера смеющимся от всей души, он лишь иногда слегка улыбался...»

Этим вечером Савелий Григорьевич даже «слегка» не улыбался. Ему было не до того. Он долго обретался в Вене, в которой нельзя было прожить, не обладая остроумием, — и чем-то внешне, как говорили его советские поклонники, походил на одессита. Теперь в австрийской столице, где он *получил шахматное образование* в кафе «Централь» и, как уверял Флор, мог бы при желании стать музыковедом, поэтом, философом, выдающимся переводчиком, драматургом, всё стало иначе: там хозяйничали гитлеровцы — выискивали евреев, всех, кого считали «вредными элементами», устанавливали «новый порядок».

— Попьём кофейку? — предложил Тартаковер.

Они пошли в бар.

— А ваша Раиса?

— У неё болит голова.

— Понятно.

Флор догадывался, что у Савелия Григорьевича есть какие-то новости. И не очень вдохновляющие.

— Кое-что узнали?

— Узнал. Только что. На имя Файна и Решевского приходят открытки, а в них — приветы от *искренних друзей*...

— Что за друзья?

— А это ревнители *расовой чистоты*. Они предостерегают: не пытайтесь, мол, выигрывать — вам же хуже будет! Ну, что скажете? Кстати, вам известно что-нибудь про *Венский арбитраж*?

— А как же, — отозвался Флор. — Его возглавили Гитлер и Муссолини. Ребята — что надо.

— Так вот, — сказал Тартаковер, — буквально вчера или позавчера они отторгли от вашей страны южные районы Словакии и часть Закарпатской Украины с Ужгородом, Мукачево и Берегово.

В баре пахло виргинским табаком и хорошим кофе.

— Плохи дела, — вздохнул Флор. — Очень плохи. Шпильман прав: земля из-под ног уходит. В общем, оккупация уже началась. Можно так считать.

— А как же ваш брат?

— Мозес? Он мне сказал, что гестаповцы, скорее всего, его не тронут.

— Не тронут?! Но почему?

— Он так думает. У него жена — немка.

(Чудны дела Твои, Господи, — это обстоятельство и в самом деле будет выручать Мозеса. Не тронут старшего Флора. А кроме того, председателем Шахматного союза Чехословакии будет назначен оккупантами довольно посредственный шахматист Эрвин Розенблат, который всю жизнь преклонялся перед великим Сало!)

— Вы сообщите о новости вашей супруге? — любопытствовал Тартаковер.

— Обязательно, — ответил Флор. — Надо идти. Завтра мне играть с Капабланкой.

6

Он ничего не стал говорить Раечке о том, что услышал от Савелия Григорьевича. Какой в этом смысл?

Он сидел в холле, взяв какую-то газету и не раскрывая её. Он думал о первом своём *жизненном* слабейшем ходе, о самом грубом своём «зевке» — о том, что он ухитрился упустить, проворонить *Веру* — Верочку Мейснерову. Раиса Ильинична, взяв Флора под свою опеку, начала с «чистки авгиевых конюшен», хотя Сало был невероятно чистоплотен. Она не сумела прочитать Вериных писем (а переводчики ей были не нужны), зато надписи на фотографиях оказались для неё более-менее ясны. Это решило судьбу и писем, и открыток, и снимков. С тех пор всё это навсегда исчезло. Как там у Вертинского?

Потом опустели террасы,
И с пляжа кабинки свезли.
И даже рыбацьи баркасы
В далёкое море ушли.

...Мы говорили с Сало Михайловичем обо всём этом, и меня преследовала мысль: о чём он думал тогда, поднимаясь наверх, в свой номер? Может быть, вот о чём: «Если бы поговорить с Верой... Если бы...»

Глава двадцать первая

«НЕСЧАСТНОЕ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ»

1

В СССР, пожалуй, всем было понятно, что война — совсем рядом, что до смерти, как вскоре скажет Алексей Сурков, — «всего четыре шага». А в шахматной прессе той поры не найти тревожных мотивов; кому пришло бы в голову назвать предстоящий турнир восьми лучших гроссмейстеров, по существу, лебединой песней довоенных шахмат!

Ярый «доброжелатель» Флора — Романовский — как ни в чём не бывало гнул свою линию, обличал Флора, «рутинёра-прозаика», поднявшего своё знамя над шахматным миром, «пытающегося доказать неизбежность завоевания им в будущем звания мирового чемпиона». Романовский ждал от состязания, что оно внесёт ясность в возникшие споры и дискуссии. В журнале «Шахматы в СССР» он писал, что наиболее интригующим прологом «амстердамских дней» стал вызов Флором Алехина на очередную борьбу за мировую корону. «Такой вызов ко многому обязывает, особенно на фоне вышеуказанных дискуссий и неясностей, и с принципиальной стороны, безусловно, очень близко соприкасается с той позицией Флора, которую он занимал в период пребывания Эйве на мировом шахматном троне. Такой вызов, в известной степени, говорит и об уверенности в правоте своих взглядов на вопросы, затрагивающие высокую материю шахматного стиля и практических творческих методов осуществления последнего. Амстердамский турнир в числе прочих вопросов должен выяснить, насколько серьёзную почву под ногами имеет уверенность Флора и в какой степени его предстоящее единоборство с Алехиным будет носить принципиальный характер».

«Почва под ногами»! — подумал Флор, прочитав эти строки. — Да, не в бровь, а в глаз. — И ещё: — Мне бы ваши заботы, Пётр Арсеньевич».

В конце сентября состоялось позорное Мюнхенское соглашение, заключённое между премьер-министром Великобритании Чемберленом, премьер-министром Франции Даладье, рейхсканцлером Германии Гитлером и премьер-министром Италии Муссолини. Судетская область была передана Германии. Окончательно рухнули все надежды Сало Флора. Вместе с судьбою Чехословакии была решена и судьба матча с Алехиным. И его личная судьба.

Реквиемом (самому себе?!) прозвучали накануне АВРО-турнира слова вчерашнего претендента в заметке «Пока не пущены часы»: «Насколько почётно выйти победителем этого соревнования, *на- столько же неприятно занять в нём последнее место* (курсив мой. — В.М.). Но только истинные шахматисты понимают, что кто-то должен оказаться последним. (...) Широкая же публика, которую интересуют только очки участников, будет говорить: неудачник такой-то в Амстердаме занял последнее место». Не надо было уметь читать между строк, чтобы стало ясно: *Сало Флор определил заранее последнее место себе*. Настроение это сквозит и во флоровской заметке после речи Алехина (в день открытия), в которой легко можно было уловить едва ли не диктаторские нотки чемпиона.

Хорошо, что Капа действительно опоздал и ему не пришлось стать свидетелем алехинской декларации. Уж кого-кого, а его бы она покорила. Ну а Флор? Что он тогда почувствовал? Речь Алехина, вернувшего себе своё законное звание и вдруг ощутившего прежний вкус к жизни, пресса окрестила *тронной*. Чемпион был непреклонен. Он сказал: «Говорилось о моих письменных обязательствах. Считаю необходимым зачитать пункт из договора с АВРО: “Д-р Алехин подтверждает своё согласие встретиться с победителем турнира при условиях и во время, о которых будет договорено после”. Не нужно быть юристом, чтобы понять: этот пункт не даёт победителю никаких прав, не говоря уже о преимуществах. Я всегда был убеждён, что какой-то один турнир не может быть определяющим в отношении матча на звание чемпиона мира. Это формальная сторона дела. Практически дело обстоит следующим образом. Поскольку соревнование с Флором ввиду последних политических событий не состоится, то я сейчас свободен...»

Флора по-человечески даже порадовало, что Алехин ни разу не унизил лично его, выказал понимание сути происходящего, был по-прежнему доброжелателен и внимателен к своему коллеге. А ведь ходили разговорчики, будто Александр Александрович никак не мог простить ему участия в команде Макса Эйве в 1935 году. Чушь собачья! Вздор!

Отголоски этого вздора, надо сказать, доходят и до наших дней. В некоторых ура-патриотических изданиях, смакуя, обсуждается

история писем (от 24 июля и 1 сентября 1936 года), якобы переданных Алехиным через Флора в редакцию «64». Логика «анализа» той истории вызывает недоумение. Ну вот, судите сами: «Здесь фальсификаторы допустили несколько “проколов”. Поскольку информация не секретная, то и не было нужды отправлять это письмо с нарочным. И уж во всяком случае этим нарочным никак не мог оказаться Флор, которого Алехин презирал с матча Алехин — Эйве...»

Не могу отказать себе в удовольствии и не сослаться на Котова, которого никто не упрекнёт в отсутствии патриотизма, человека, хорошо знавшего — в отличие от подобных «правдолюбив-аналитиков» — все подробности отношений Алехина и Флора:

«Три дня назад они встретились в маленьком городке Утрехте перед началом седьмой партии.

— Ну как? Работаешь? — недружелюбно спросил тогда Алехин Флора.

Тот понимал, что рано или поздно ему предстоит неприятный разговор с чемпионом мира, и теперь стоял немного растерянный.

— Понемножку, — уклонился от прямого ответа Флор.

— Значит, готовишь Эйве против меня, — укоризненно покачал головой Алехин. — А ещё уверял меня в своей дружбе!

— Что делать — деньги! — развёл руками Флор. И, засмеявшись, добавил: — Я теперь человек женатый! (...) Дали бы тебе французы денег — мы помогали бы тебе. Сам знаешь, шахматисты — народ бедный. Берутся за любую работу».

А вот что говорил сам Сало Флор, отвечая на вопросы корреспондента рижского журнала «Шахматы»:

«Во время матча Алехин — Эйве в 1935 году наши отношения обострились. Я тогда согласился бескорыстно помогать голландскому чемпиону во время этого поединка. В начале матча Алехин к этой помощи относился с иронией. Когда счёт был 3:1 в его пользу, он, саркастически улыбаясь, сказал:

— Твои советы помогут Эйве как мёртвому припарки!

Но когда счёт стал равным, Алехин заволновался: может быть, этот маленький Флор всё-таки оказывает большое влияние на моего соперника? И он начал сердиться...»

Однако пресловутая чёрная кошка, слава Богу, между ними всё-таки не пробежала! Они остались приятелями. Флор мало того что преклонялся перед гением Александра Александровича — он навсегда сохранил к нему самую сердечную симпатию, писал о нём и говорил восторженно, без всякой натяжки, не избегая порой дружеской улыбки.

Вот характерный пример.

Флор (всё из тех же рижских «Шахмат»): «Алехин, который умел играть вслепую одновременно тридцать две партии, был в жизни

очень рассеянным человеком. В 1933 году Александр Александрович был в Праге. Я должен был с ним встретиться в конце декабря в Гастингсе, а мне ещё предстоял матч с Ботвинником. Поэтому я попросил его захватить мой маленький чемодан со смокингом — в Англии тогда было смертельным нарушением этикета явиться на ужин без смокинга!

Когда я встретил Алехина в Гастингсе, мой первый вопрос был:

— Чемодан мне привёз?

— Конечно! — ответил Алехин.

Но можете себе представить мой ужас, когда, открыв чемодан, я обнаружил в нём... женское платье. По дороге Алехин успел перепутать чемоданы...

Помню, как во время турнира в Кемери Алехин, играя несколько часов в холле гостиницы в бридж, спохватился, что запер в номере на ключ свою супругу!..»

Здесь ничего — кроме симпатии.

Флору не надо было подсказывать, как, проиграв матч Эйве, тяжело переживал эту неудачу Алехин; не зря сказал Сало Михайлович, что титул чемпиона мира был для Александра Александровича целью всей жизни. Он укорял себя за «вмешательство» в эту борьбу титанов, «серьёзно задумался над своей тренерской деятельностью» и пришёл к убеждению, что «Алехин был, пожалуй, прав». Вывод был таков: когда два шахматиста сражаются за шахматную корону, третье лицо не должно вмешиваться, особенно если это «третье лицо» — гроссмейстер, тоже претендующий на звание чемпиона мира! «На матче-реванше, — писал он, — я присутствовал уже в качестве корреспондента. Учёл замечание Алехина, что гроссмейстер не должен вмешиваться в спортивный и творческий конфликт других гроссмейстеров».

Светлая, почти что наивная душа!

Как изменилось всё с тех пор! В порядке информации процитирую строки из «Антишахмат» Корчного: «Через несколько дней (после приезда в Багио. — *В.М.*) по нашей настоятельной просьбе Кампоманес разрешил нам взглянуть на паспортные данные приехавших советских. Не сразу разобрались мы, кто есть кто, но в конце концов картина прояснилась. Итак: 1. *Карпов*. 2. *Батуринский* — руководитель делегации, полковник юстиции в отставке, начальник отдела шахмат и шашек Спорткомитета СССР и зампред Шахматной федерации. 3. *Калашников* — заместитель руководителя делегации, образование высшее техническое, агент КГБ. 4. *Балашов* — гроссмейстер, старший тренер. 5. *Зайцев* — гроссмейстер, второй тренер. 6. *Таль* — экс-чемпион мира, корреспондент журнала «64», третий тренер. Собственно, всем было ясно, что он активно помога-

ет Карпову, хотя обнаружено их сотрудничество было только после матча. 7. *Рошаль* — пресс-атташе Карпова, корреспондент ТАСС, агент КГБ. 8. *Гершанович* — личный врач Карпова. 9. *Зухарь* — личный психиатр и психолог Карпова, сотрудник одного из закрытых НИИ (авиакосмической медицины). 10. *Крылов* — специалист по физкультуре, агент КГБ. 11. *Пищенко* — личный телохранитель Карпова, крупный специалист по карате, агент КГБ...

Не вдаваясь в смысл политической полемики, поразимся, насколько пышна была свита Анатолия Евгеньевича.

Нет сомнений, что Алехин в Утрехте согласился с Флором. Это лишь Ильин-Женевский делал вид (в его искренность что-то не верится), что его отвращает страсть Флора к деньгам, к валюте. Так было заведено в стране, которую он представлял, — *делать вид*, что возмущаешься; даже детишки дразнили друг друга: жади́на-говяди́на. Когда чемпион СССР Ефим Боголюбов «был вынужден выйти из советского подданства», объяснив свой поступок, в частности и прежде всего, нищенскими заработками, исполбюро Всесоюзной шахматной секции приняло по этому поводу суровое постановление и осудило «предателя», для которого «интересы собственного кармана и материального благополучия (...) стоят выше вопросов чести и права именовать себя гражданином первого в мире рабочего социалистического государства».

Алехин же и не подумал осуждать «старину» Флора за стремление «браться за любую работу». Они были профессионалами — и этим всё сказано.

Со всей определённости Котов говорит, что расстались они всё-таки как друзья и обменялись рукопожатием, даже пари по-приятельски заключили! «"Ты отвечаешь ста гульденами, что решишь матч к двадцатой партии?!" — уточнил условия спора Флор. Он всегда готов был на любые пари, если имелась хоть малейшая надежда выиграть...»

2

Но перенесёмся в Амстердам 1938-го.

Флор, естественно, согласился с тем, что чемпион мира отныне вправе выставлять свои требования, и напомнил своим читателям: его матч, обусловленный в договоре с Алехиным, *не состоится*; тот может считать себя свободным от прежних обязательств, и у чемпиона есть возможность принять вызов любого из «признанных» гроссмейстеров, прежде всего победителя АВРО-турнира, гарантирующего «приемлемые и основанные на прецедентах спортивные и финансовые условия».

Жеребьёвка, надо признать, огорчила Флора, но теперь не настолько, чтобы впасть именно из-за этого в уныние, хотя он верил в магическую силу цифры «13» — а вытаскил второй номер.

— Я тогда подумал, — говорил впоследствии Флор, — что всё у меня теперь через пень-колоду. С таким вот предчувствием шестого ноября я вошёл в большой зал отеля «Краснопольский», хорошо мне знакомый, потому что именно здесь проходил матч Алехин — Эйве.

И — пошло-поехало...

О первом туре Флор говорит следующее:

— Появился Капабланка. Вид у него был очень свежий. Я выглядел неважно. Мне об этом сказали сразу трое — зеркало в ванной комнате, Раиса Ильинична и поймавший меня прямо на бегу Савелий Григорьевич (он успел шепнуть, чтобы я не скисал и держался). Капабланка, садясь за столик, незаметно подмигнул мне, чуть ли не по-дружески — может быть, намекал на вчерашнюю экскурсию по Амстердаму наших жён. Дебютом (чешской защитой) мы с Капабланкой, образно говоря, передали привет Сергею Белавенцу, автору избранной мною системы, и Праге, которую ожидали кошмары оккупации. В своём репортаже я признался, что так почти ничего и не извлёк из дебюта, и рискнул предположить, что после долгой маневренной борьбы партию я отложил с небольшим преимуществом. Но на самом-то деле, увы, преимущества у меня никакого не было. Я играл инертно. Комментаторы, не сговариваясь, отметили, что, не будь я в прострации, смог бы на восемнадцатом ходу поставить перед чёрными трудные задачи (♙f4!). Не надо записывать в блокнот, что я находился тогда под гнётом тревоги. Психология — вещь непонятная, необъяснимая для индивида. Честно говоря, я размышлял во время партии не о своей тревоге, а о том, как в следующем туре сыграют Капабланка и Алехин (который поселился подальше от Капы — в Карлтон-отеле), и о том, что за цирк они устроят. Впрочем, цирк был устроен ими во втором круге. Вот что я об этом написал: «Разве не ирония судьбы, что... жребий свёл Капабланку с Алехиным 19 ноября, в день 50-летия кубинца! Никогда не забуду этот день в небольшом голландском городе Арнеме (играя, мы переезжали из города в город). За полчаса до начала тура я встретил Алехина в парикмахерской. “Правильно, сегодня надо привести себя в порядок”, — сказал я. Чемпион мира нервно и коротко ответил: “Постараюсь, чтобы обошлось без торжества”. Что он этим хотел сказать, выяснилось позже. Тур начался с того, что Капабланку приветствовали зрители, преподнесли цветы, подарки, произносили речи. Всё было очень мило. Оpozдал только Алехин. Случайно? Трудно сказать. Возможно, что он вспомнил отсутствие Капабланки на банкете в Буэнос-Айресе 9 декабря 1927 года. Началась игра. Капа-

бланка, вероятно, не возражал против короткой ничьей, чтобы скорее освободиться и отметить свой юбилей. Но делать ничью с Алехиным было не так-то просто, если он этого не хотел. Чемпион мира был настроен весьма агрессивным и страшным образом разгромил юбиляра. Не думали мы, участники этого турнира, что эта «юбилейная» партия войдёт в шахматную историю как последняя, которую играли между собой эти два знаменитых шахматиста...» Конечно, я не предполагал тогда, что это последний турнир, в котором и тот и другой были рядом со мной среди участников. Что же касается моей тревоги... она, конечно, была, но сидела во мне гораздо глубже, чем мне казалось. Я прочитал заметку Тартаковера — типичную для него и наполненную иронией. Он задавал вопрос: «Начался ли турнир?», сам на него отвечал: «Нет, турнир лишь начинается» — и всё для того, чтобы от имени шахматистов-«старожилов» произнести патетическую фразу: «Знаете ли вы, сколько ещё боёв впереди!» От слов *«бои впереди»* мне становилось не по себе. Может, чувство юмора у меня улетучивалось. Какой там юмор!

...Тур за туром — на наших глазах разворачивается острейшая человеческая драма.

Вот что говорил Сало Михайлович о дальнейшем ходе борьбы:

— Случилось то, что и должно было случиться. После второго тура злословили, будто я сделал царский подарок моему приятелю и хозяину турнира — Эйве. Не скажу, что я обижался. Недоумевал — это, пожалуй, вернее. Я был разгромлен Максом! Он просто раздавил меня в своей Голландии. Мой (обязательный!) репортаж, который я обязан был написать, отличался краткостью. Уж лучше бы я вовсе не брался за это дело, за писанину. Обязанность сочинять отчёты стала мне вдруг в тягость. Отказался бы, если б была возможность. Но её не было. Я сообщил, что пассивно разыграл дебют, и похвалил Эйве. А что, он действительно на все сто использовал выгоды своей позиции и энергично провёл комбинированную атаку на обоих флангах.

Со стороны — для людей посвящённых — всё было не так безмятежно, как в том «дежурном» флоровском репортаже. Тартаковер за всем этим увидел нечто большее — *обречённость* Флора. В самую десятку! Ещё в статье «В ожидании сверхтурнира» («Шахматы в СССР») им было уделено немало места другу-чеху. И вот чем объясняется это: «Флор, нашедший самого себя после двух лет перековки*, рискует снова, в силу не зависящих от него внешних обстоятельств (курсив

* Тартаковер имеет в виду, что дебютный репертуар Флора значительно расширился, что «стиль игры Флора, весьма агрессивный в его первых выступлениях, претерпел значительную эволюцию».

мой. — В.М.), утратить всю самоуверенность». Приходится лишь поражаться прозорливости Тартаковера!

В репортаже о втором туре Тартаковер куда объективнее и категоричнее в оценке произошедшего, чем наш Сало Михайлович: «В новоиндийской защите Флор мало что предпринял своими фигурами и в особенности своим много, но беспечно двигавшимся конём». К этому следует добавить удивление победителя в связи с девятнадцатым ходом чёрных. Эйве даже не скрывал, что был поражён, как безвольно и недальновидно снял его партнёр защиту с критического поля с5.

— В глазах Макса, — говорит Флор, — сквозь очки читался изумлённый вопрос: и это *непробиваемый* Флор?!

И всё-таки Сало изо всех сил старается «держать марку». Но чего ему это стоило? Об этом остаётся лишь догадываться.

Его очередной репортаж о партии Алехин — Капабланка запомнился читателям «De Telegraaf» и живо обсуждался ими. «Можно понять, — писал он, — когда оба гроссмейстера не обмениваются между собой рукопожатиями и любезностями перед началом и в конце партии. Можно понять, когда они не удостаивают друг друга взглядом. Но когда простое слово “ничья” не может быть сказано в присутствии друг друга — это уже переходит границы, за которыми начинается смешное. Вчера вечером произошло следующее: Алехин поставил своего слона возле короля Капабланки — последний ход в этой партии. Чемпион мира стал прохаживаться и поджидать. Капабланка занял место за доской (на протяжении получаса, пока длилась игра, противники находились вместе за доской едва ли несколько минут), всмотрелся в положение и позвал распорядителя турнира Ландау. Он пошептался с ним не более десяти секунд, после чего Ландау скрылся в проходе. Затем Ландау возвратился, подошёл к Алехину и сказал ему что-то на ухо. Алехин кивнул головой. Тогда Ландау сделал несколько шагов в сторону сцены и в свою очередь кивнул головой Капабланке. Появилось официальное сообщение о достигнутой ничьей...»

— Во-первых, мне тогда совсем не было смешно, — рассказывал Флор. — Если честно сказать, смотрел я на всё это едва ли не безучастно. Я ещё отчётливее осознал своё дикое одиночество, свою оторванность от тех, кто добывал дивиденды в АВРО-турнире, и мне не хотелось вместе со всеми зубоскалить по этому поводу. Во-вторых, и Алехин, и Капабланка были мне близки, они были моими приятелями. Но главное — в другом. Я сказал Раисе Ильиничне, что так, как они, могут поступать люди, будущее которых не сулит катастрофических потрясений и которые не думают, как сложится завтрашний и послезавтрашний день. Она в ответ пожала плечами — скорее всего, не поняла меня...

Третий тур — «тур передышки»? Как сказать...

Сало встретился со своим Паулем.

Флор сообщил в отчёте: «На фоне горячих схваток мирно протекала партия Флор — Керес, без всяких осложнений закончившаяся вничью на 22-м ходу».

А теперь сравним это со строчками из репортажа Тартаковера: «В новоиндийской защите чехословацкий маэстро не выказал, играя белыми, *ни малейшей воли к победе* (курсив мой. — В.М.). Флор вообще за последнее время *находится под давлением чёрных забот* (курсив мой. — В.М.), влияние которых выходит далеко за пределы шахматной доски, а когда Флор играет без подъёма, он не только не вкладывает глубоких идей в конкретную позицию, но и вообще избирает не особенно удачный дебют».

Беспросветность положения Флора и «печать ничейности» не мог не заметить в своих комментариях Котов, который поразился, что белые уже на седьмом (!) ходу безмолвно стали соглашаться на ничью — вместо того, чтобы предупредить выпад, освобождающий игру чёрных.

«Ни малейшей воли к победе», «давление чёрных забот» — точнее не скажешь!

Четвёртый тур.

В голосе Флора — печаль, будто говорит о недавнем, о вчерашнем:

— Мозес прислал мне телеграмму, просил держаться. Он следил за турниром, хотя обстановка в Праге не очень-то располагала к этому. В своём отчёте, добыв пол-очка, я написал, что Алехин пытался чёрными обострить игру против меня и его атака одно время казалась грозной, но мне удалось пойти на размен, упростить позицию и даже получить несколько лучший эндшпиль» (ничья на 24-м ходу).

А Тартаковер? Он и здесь был куда объективнее в оценках, куда жёстче. Он говорил о бесцветно разыгранном дебюте, в результате которого мощный противник Флора начал нащупывать слабости в лагере белых, «чтобы в удобный момент накинуться, как коршун на добычу». Что оставалось белым? Лишь одно — быстро перейти к тактике упрощающих разменов.

Два отчёта. Две тональности. Почувствуйте разницу, как теперь говорят.

Пятый тур.

— Уже на седьмом ходу, — сказал Флор, — в партии против Файна я допустил серьёзную ошибку. То был *один из самых тяжёлых, самых беспросветных дней* в моей практике...

А что говорится в его репортаже об этом туре? Там этот драматизм, как ни всматривайся, незаметен. Оттого ещё острее он ощущается!

Но вот московский остро слов Григорий Шах уже спешит метнуть во Флора ядовитое словесное копьё и вынести в турнирном бюллетене свой сатирический вердикт:

Амстердам, Гаага, Зволле —
Результат везде один.
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин.

Автор эпиграммы представления не имел, что это за «неведомые равнины» и что за ними кроется. Но — что «страшно, страшно поневоле», — это уж точно!

В очередном флоровском отчёте о том «результате» между тем говорилось: «Файн тонко использовал оплошности противника, и чёрные вынуждены были потерять пару темпов. Силы белых подготовились для прямой атаки на задержавшегося в центре неприятельского короля. Жертвой качества Файн разрушил королевские заслоны, и под угрозой больших материальных потерь Флор сдался».

Он ни на что не жаловался.

Может быть, боялся подставить под удар свой имидж?

— Раиса Ильинична спросила меня: ну как ты? — вспоминал Флор. — Что же сказать ей? Не было у нас общего языка. Это меня убивало. Мы с Кересом звонили в Эстонию, его матери, добрейшей Марие. Пауль и мне давал трубку — *на пару словечек*. Мари говорила: если тебе так не везёт, Сало, обратись к Богу: Он поможет, Он никого не оставляет в беде. Был такой момент, когда я и в самом деле решил последовать совету мудрой женщины. Но я не знал, к какому Богу обращаться. И не знал, *как* обращаться, с какими словами. Сказал мимоходом, как бы шутя, обо всём Решевскому, но тот от шуток воздержался. Шмулик, ортодоксальный еврей, никогда не игравший в субботу, не притрагивавшийся к некошерной еде, попытался наставить меня на путь истинный. Ты ведь из местечка, сказал он, тебя раввин воспитывал — забыл? И напомнил завет пятого ребе Хабада: «Хасид — это фонарщик. Фонарщик ходит по улицам, несёт огонь на конце длинной палки и зажигает один за другим фонари». Твоя душа, сказал Шмулик, сейчас как пустыня, но если зажечь фонарь в этой пустыне, она уже не будет пустыней. Старания Решевского оказались напрасными. Моё сердце так и не смогло высечь спасительную искру. Я был на перекрёстке нескольких вер и полного безверия. Как я мог рассказать об этом Раисе? И как бы я сумел рассказать ей о том, что меня преследовали самые дурные мысли и предчувствия о надвигающемся будущем? О разговорах, о статьях в западных газетах по

поводу ежовщины, о так называемых плановых заданиях по выявлению «врагов народа», пытках, расстрелах в Советском Союзе. Нет, не надо, лучше помолчать. И я отделивался словами советской песенки про капитана (Черкасов пел): как этот бедняга раз пятнадцать тонул и погибал среди акул, но ни разу даже глазом не моргнул... Раиса Ильинична, — продолжал Флор, — урезонивала меня: пойдём, пойдём к Мише Ботвиннику, только он может спасти тебя; он для нас с тобой важнее всех Алехиных и Капабланок... По правде говоря, идти я никак не хотел. Ноги отнимались. Кто ж не знал, насколько злопамятен Ботвинник. А я перед ним «провинился»; во всяком случае, так наверняка он считал. Ведь, по логике вещей, в Амстердам должен был поехать Левенфиш — Григорий Яковлевич в первую очередь заслужил это право, выиграв девятый и десятый чемпионаты СССР и вслед за тем хорошо осадив Михаила Моисеевича, не просто устояв в матче с ним, но даже показав более качественную игру. Ну а я? Взял и написал в прессе, да ещё советской, что пальму первенства лично я отдаю Левенфишу! И как вы думаете: это понравилось Ботвиннику? Он это запомнил навсегда...

И всё-таки Флор капитулировал перед Раисой Ильиничной.

— Ладно, — сказал он, — твоя взяла.

И они вдвоём пошли «на минутку» к Ботвиннику и его Гаянэ Давидовне.

— Разговор был «без натяжек», — вспоминает Флор, — напрасно я предполагал самое худшее. Михаил Моисеевич всё-таки не кичился, он считал, что без моей поддержки в переговорах с Алехиным в Карлтон-отеле не обойтись. Он потом напишет, что ему был нужен именно я, знавший чемпиона, как мало кто.

Подтянутый и торжественный, Ботвинник не мог не заметить, что Флор никак не опомнится после избиения, учинённого Файном. Раиса Ильинична объяснила, почему они пришли. Флор, по его утверждению, не произнёс ни слова. Ботвинник сказал в ответ, что ничего твёрдо обещать не может, и всё же согласился «поговорить». Такие возможности, мол, имеются, но...

— Сами понимаете: теперь трудные времена. Невероятно трудные.

Тогда же на скорую руку стали намечать контуры гипотетических переговоров Ботвинника и Алехина в связи с матчем между ними. Флор оживился. Он тотчас дал согласие оказать всяческое содействие. Алехин только с виду такой суровый, сказал Сало, доктор может вспыхнуть — и вскоре, глядишь, отойдёт; одного лишь Капабланку никак не амнистирует; а в общем-то, он вполне коммуникабельный.

Флор стал рассказывать, как они с Андрэ Лиlientалем на рождественском турнире в Гастингсе в январе 1934-го бездарно подшутили над Александром Александровичем. Сало тогда отчего-то был настроен игриво — ему удалось занять первое место, и он подговорил Андрэ: давай, мол, порезвимся... разыграем Алехина. Ни о чём не подозревая, Алехин играл в бридж в холле гостиницы. Лиlientаль (как он сам признался в своих заметках) подошёл к нему и произнёс:

— Поздравляю вас! После семи часов муки вам удалось победить старого Митчела и разделить со мной второе-третье место!

О старости английского мастера он сказал чуть ли не с издёвкой. Как вспоминал Андрэ Арнольдovich, Алехин тут же бросил свои карты, да не на стол, а на пол, и зло сказал: «Господин Лиlientаль! Учтите, вы никогда не будете играть на турнирах, где буду участвовать я». Андрэ, похолодев от ужаса, убежал в свой номер. Он был «кошмарно расстроен». Расстроен был и я, продолжал Флор, и мне захотелось тут же извиниться за наш идиотский поступок; я постучался в дверь к Алехину, вошёл и честно во всём признался, попросил прощения: не сердись на меня — не знаю, что на меня нашло. «А твой Андрэ?» — спросил Алехин. Я ответил, что и Андрэ раскаивается, да ещё как — вот он, стоит за дверью. Ну что, спрашиваю, простишь? «Да уж ладно, шуты гороховые, — говорит он, — так и быть, прощаю вас».

Ботвинник, конечно, кое-что знал о той истории (о ней поговаривали), но он, как человек вежливый, не перебивал Флора, пытался даже посмеиваться. Он понимал, какова подоплёка визита.

— Сделаю всё, что могу, — пообещал он, словно подводя итоги.

Но почему-то повернулся лицом к Раисе.

Легче на душе у поникшего Флора после этого визита не стало, хотя Раечка откровенно ликовала («Камень с души упал!») и не могла взять в толк, почему её муж по-прежнему мрачен...

А что же Тартаковер? Как он реагировал на очередной провал Флора?

Рамки репортажа не позволили ему выразить своё сострадание. И правды скрыть от читателей не имел он права. «Жестокий закон серии поражает одного, чтобы возвысить другого. Возвысившийся Файн в пятом туре не только разгромил Флора во французской партии и ещё дальше убежал вперёд от соперников, но вообще был единственным, давшим картину генерального сражения — вместо более или менее бесплодных маневров. (...) Загнав домой главные силы чёрных (15...♙h4-d8, а ещё раньше 11...♙c5-f8), он овладел всей территорией доски и, так сказать, издевался над неприятельским королём, не могущим даже и мечтать о какой бы то ни было

рокировке. (...) Ведь как-никак, а полновесными фигурными жертвами а-ля Морфи данный турнир не блещет, и поэтому жертва Файна (...) была с глубокой благодарностью воспринята многочисленными посетителями турнира».

Всё это было, как в кошмарном сне. Нелепость за нелепостью.

«Будто бы не со мной это происходит», — ужасался Флор.

— В шестом туре, — говорил он, — мне хотелось одного — перевести дух. Сидя за доской, я намечал не план атаки против Ботвинника, — я анализировал, если можно так сказать, итоги моего разговора с ним. Уже на одиннадцатом ходу я разменял ферзей. После партии и во время её анализа мы вели себя так, будто ничего вчера и не произошло.

В седьмом туре — сильнейший цейтнот, и Флор попал под неотразимую атаку Решевского, на сей раз благодушного, неунывающего, уверенного в себе Шмулика, с которым Сало Михайлович едва ли не обнимался в Кемери. Блюменфельд в комментариях к партии с удивлением сам себя спрашивал, почему чёрные отказались от 12...с5, что предотвратило бы их от драматических событий и привело к равной игре. Боюсь, что Флор был бы не в состоянии ответить на такой простейший вопрос.

3

Итог первого круга — последнее место.

К написанию репортажей он утратил всякий интерес. Капабланка через Ольгу спросил у Раисы, что происходит с её мужем, — она лишь рукой махнула. Она так и сказала своему Саломончику: да, я махнула рукой...

Именно с Капой Флору пришлось начинать второй круг — круг своих мучений. Как всё это происходило, рассказал Тартаковер: «Полноценная шахматная борьба развернулась между Капабланкой и Флором. Нужно отдать должное “шахматному Соломону”, не побоявшемуся уже в малоисследованном варианте защиты Грюнфельда пожертвовать пешку и вырвать инициативу у экс-чемпиона мира. Верный своим убеждениям, исповедуемым с детства, кубинец, недолго раздумывая, взял пешку. Тонким ходом 12.♘a1-b1 при неразвитом королевском фланге Капабланка блестяще использовал свои ресурсы защиты. Озадаченному Флору пришлось в качестве допинга обречь на кратковременную жертву и коня, приумножившего имущество запасливого кубинца. После обмена изощрёнными тактическими любезностями Флор, побоявшись данайской жертвы ка-

чества, упустил возможность получить шансы на разноцветную ничью...» К этому остаётся добавить меткое замечание Михаила Юдовича по поводу двенадцатого хода чёрных: Флор «проявляет излишнюю нервозность». И верно: чех отчего-то отказался от продолжения, при котором бороться с трудностями пришлось бы и Капабланке. Варианты подтвердили правоту такого довода. Очень жаль, но и тут Флор промахнулся.

Да, это было «несчастное стечение обстоятельств». Кто ещё так понимал Флора, как Савелий Григорьевич?

Надеяться уже было не на что.

— 21 ноября, — говорит Флор, — мне стукнуло тридцать лет. Вот это был день рождения!.. Не дай бог. Я чувствовал себя старичком. Ни цветы, ни добрые пожелания, ни сладости, купленные Раисой Ильиничной, меня не радовали. Я находил утешение лишь в том, что во второй раз на этом турнире играть мне с Алехиным предстояло 22-го, на следующий день: догадывался (что тут скрывать), какой мне «подарочек» он преподнесёт. И точно! Чемпиону мира я проиграл, по сути, без борьбы; можно сказать, особо и не сопротивлялся, — за что Тартаковер выдал мне по первое число: вы, маэстро, среди тех, кто *бежит вразброд*. Так оно и было. Я убегал, в том числе и от самого себя. Но я благодарен острослову Тартаковеру, что его вера в меня не испарилась. Посмотрите хотя бы его отчёт о моей встрече с Файном: он великодушен и не ругает меня за «гросс-осторожную» (на девятнадцатом ходу!) ничью, хотя при иной ситуации мне от него досталось бы на орехи — это уж точно. Вот какие слова он отыскал: «Белые ничего не выжали из этого дебюта, но, как упомянуто выше, разочарованный Флор уже вовсе и не стремится нажать под конец турнира всем своим весом». Как вам это — насчёт «веса»? Здорово! Не правда ли? Говорилось ещё тут под «фанфары», что Флор сумеет *в другой раз*, если надо, и комбинировать, и выигрывать, и стать *перваком* — мол, это же всем известно! Так и было сказано — «перваком». Мне оставалось только делать вид, что я улыбаюсь. Но не уверен, что это получалось убедительно.

Правда, и рядовые любители (и особенно местные), а не один лишь Тартаковер, уразумели смысл всего происходившего — даже и те, кто «болел» за Эйве, или Алехина, или Файна. Они присылали Флору очень тёплые, дружеские письма, полные сочувствия, говорили, что, несомненно, на его игре отражаются последние трагические события в жизни его родины — Чехословакии. И все эти послания заканчивались выражением уверенности в выдающемся таланте безусловного претендента на чемпионское звание, надежды на то, что справедли-

вость восторжествует, всё обязательно «утрясётся» и чех обретёт душевное равновесие, сумеет вскоре позабыть свой досадный провал в амстердамском турнире и, добившись новых успехов, непременно докажет случайность этой неудачи. Болельщики Флора, оказывается, с глубокой симпатией и сочувствием следили за его игрой; мало того — все они *удивлялись его самообладанию!*

Ботвинник, будто истинный рыцарь, в итоговой статье в «64» проявил завидное благородство. Моральное состояние Флора Михаил Моисеевич назвал *подавленным* и указал тому причину: конечно же события в Чехословакии. Это, по его выражению, было понятно каждому из участников АВРО-турнира...

Левенфиш (в порыве симпатии и благодарности, что ли) назвал ужасный провал Сало Флора *случайным*, обнаружив у того в одной из партий (с Файном) даже *успешную* игру «на самомат». Куда уж дальше...

Поразительно, где и как Флор находил силы, чтобы не обнаруживать в поведении своём малодушие. Он повёл себя достойно. Он искренне поздравил первого призёра — своего друга Пауля Кереса* и в заключение сообщил читателям (конечно, со вздохом), что кому-нибудь ведь надо быть последним и что он взял на себя эту неблагодарную роль — взял, конечно, неохотно, но... «подчиняясь законам логики, так как непредвиденные факторы нарушили моё душевное, а следовательно, и физическое равновесие». Всё же он и здесь продемонстрировал дежурный оптимизм и сказал: мол, не думаю, что «за столь короткий срок я совершенно разучился играть в шахматы, и надеюсь, что в следующий раз мне удастся восстановить свою репутацию».

...Я всё это писал, говорил он (накануне своего семидесятилетия в своей квартире на 2-й Фрунзенской за чашкой кофе без кофеина — и хотел казаться бодрым), но что-то подсказывало мне: *следующего раза*, равного АВРО-турниру, Второму московскому или кемерскому 1937-го, не будет; не надейся и не жди; и вот — невесёлый эпилог к этой главе моей жизни: я сдержал слово, которое дал Ботвиннику, и направился с ним в Карлтон-отель, к Алехину, чтобы присутствовать при переговорах о матче между ними.

Михаил Моисеевич благословение на аудиенцию с чемпионом получил *свыше*, в частности от советского посла в Бельгии, прокон-

* «64»: «...Керес, которого называют юным Алехиным, напоминает на этом турнире зрелого Флора».

сультировавшегося перед этим со своим начальством. Это был уже не тот Ботвинник, который юношей появился в Гастингсе. Явно не тот. В СССР (да и не только там) уже возникла магия его имени. Он производил на окружающих сильное впечатление! Гулбат Торадзе в предисловии к сборнику «АВРО-турнир» вспоминает, как он впервые встретил Ботвинника — «Его» (с прописной буквы!), «живого»: «Ботвинник спешил на совещание перед предстоящим через неделю матчем СССР — США. Лицо чемпиона при этом, как и следовало ожидать, было строгим и непроницаемым (представляю, какой страх он наводил на партнёров!). Мы почтительно расступились перед ним, Ботвинник же даже не посмотрел в нашу сторону...»

Алехин на цыпочки перед Ботвинником, естественно, не вставал, но отдавал себе отчёт, с кем имеет дело. Подводя итоги АВРО-турнира, он без обиняков сказал: «Из четырнадцати сыгранных мной партий я только в одной почувствовал, что меня переиграл мой противник, — это была встреча Ботвинника со мной в седьмом туре».

...Итак, они втроём в Карлтон-отеле. Алехин, Флор, Ботвинник. Каждый по-своему заглядывает в будущее.

Михаил Моисеевич посвятил этому историческому моменту несколько строчек. Он пишет: «Пригласил я с собой Флора (нужен был авторитетный свидетель — разве Алехин не связан с белоэмигрантами? Осторожность необходима). (...) И сейчас он был приветлив к нам обоим (ведь ранее он собирался играть матч с Флором. Флор, конечно, переживал, что сейчас не он, а другой договаривается о матче, но не подавал виду)».

И вот ещё — о Сало Флоре: «Мой спутник обязан обладать несколькими важными качествами: к нему с уважением должен относиться шахматный мир, от него самого требовались безусловная честность и лояльность по отношению к Советскому Союзу, и, наконец, он не должен быть болтлив... Всем этим требованиям Флор отвечал, при таком свидетеле можно беседовать с Алехиным. Правда, было одно обстоятельство, которое меня могло смутить: в том же, 1938 году, несколько месяцев назад, Флор сам договаривался с Алехиным о матче, но позднее родина Флора оказалась в таком трудном положении, что шансы на этот матч свелись к нулю. Со стороны любого другого шахматиста в аналогичных случаях вряд ли можно было рассчитывать на доброжелательное отношение. Но я справедливо полагал, что Флор будет выше мелочного эгоизма (курсив мой; это не «мелочный эгоизм», это драма в самом чистом и жестоком виде! — В.М.). Так оно и вышло: он сразу согласился сопровождать меня, понимая всю затруднительность моего положения».

Глава двадцать вторая
«ДРУГ МОЙ ПАУЛЬ...»

1

Бог знает, как бы всё повернулось, если б амстердамский триумфатор Пауль Керес не встряхнул по-дружески Флора: ну-ка не вешать нос (с кем не бывает?!) и собирайся в Тарту — поедem к нам, проветришься. Он, может, лучше остальных понимал, что сейчас больше всего необходимо его другу.

Вдова Пауля Петровича, Мария Августовна, подтвердила мне, что тогда на приезде Флоров настаивала и Марие, перезванивавшаяся с сыном и вдохновлявшая его по-своему, по-матерински на подвиги. Пауль был чем-то похож на неё, женщину необыкновенно обаятельную, энергичную, предприимчивую. Он говорил Флору: её многие знали у нас в Пярну, когда калитку родительского дома украшала вывеска: «Портной Пеэтер Керес и швея Марие Керес»; у неё образование не ахти какое, но мудрости ей не занимать — с кем хочешь этой мудростью поделится! Флор не раз убеждался в правоте слов приятеля, исполненных нежности: Бог щедро наградил её и остроумием, и обходительностью, и неожиданными познаниями, и горделивой статью. Да, надо, надо было с благодарностью принимать приглашение Пауля. Тем более что, отправляясь на АВРО-турнир, Флоры оставили на попечение тётушки Марие свою проказницу Берри (чьё имя не раз хотели сменить, да так и не сменили).

Флор, говоря о тех днях, смеётся:

— Берри из Тарту «отправила» мне пару-тройку писем.

Я сперва подумал, что он шутит. Но вот смотрите, что пишет Исаак Вистанецкий*: «Он (Флор. — *В.М.*) не выиграл ни одной партии. Сделал только девять ничьих. Когда Флор поехал на турнир, он оставил маленькую собачку на попечение матери Кереса, и в моей корреспонденции швейцарскому еженедельнику говорится, что собачка “писала” Флору: “Не переживай, что занял последнее место в турнире. Восьмое место в мире — это совсем неплохо и очень уважаемо. Я с нетерпением жду твоего возвращения, так как у тебя нет более преданного друга, чем я”». Вот вам и ещё одно подтверждение.

Раисе Ильиничне, скучавшей по своей Берри, идея поехать в Тарту (хотя ничего неожиданного в ней не было!) поначалу не очень-то по-

* Из книги Вадима Теплицкого «Исаак Вистанецкий: Жизнь в шахматах». Тель-Авив, 2001.

нравилась: она вдруг сказала, что эта поездка и дружба с Кересом будут раздражать Ботвинника. Наверно, она, лучше мужа понимавшая суть событий, происходивших в Советском Союзе, по-своему была всё же права. Михаил Моисеевич совместным походом к Алехину на исторические переговоры уже как бы «приватизировал» Флора — а в Кересе он провидел очень опасного соперника, даже самого опасного. Чутьё у него было отменнейшее! И Ботвинника, кроме того, как предполагал Сало Михайлович, не слишком вдохновляли, даже удручали комплименты, выданные Флором Кересу: «Теперь это самая интересная фигура в шахматном мире».

Не Ботвинник — а Керес!

Все понимали, что Флор тут угодил в самую десятку.

— Мог бы, наконец, не задевать Ботвинника, — упрекала Раиса Ильинична мужа, — мог бы и похвалить его, и подольститься к нему. Ну скажи, что тебе стоило? Ботвинник не любит, когда ему поперёк дороги становятся.

Но она недолго сопротивлялась, видя, в каком состоянии находится её Сало, и дала согласие отправиться к Кересам.

Каким было прибытие на эстонскую землю? Об этом написала «Uus Eesti»: «Было уже более четырёх часов, когда в туманном небе послышался рокот мотора, и на луч прожектора из-за туч выскользнул серый силуэт самолёта. Наконец-то в его дверях появился Пауль Керес. В простой тёмной шляпе — внешность, как у любого среднего гражданина...» Но все сознавали: Керес — это победитель АВРО-турнира, это мировая знаменитость! Флор скромно прятался за спиной Пауля, которого ожидал торжественный приём у президента Пятса, а ещё — чествование в зале Промышленно-торговой палаты и концертном зале «Эстония».

А в доме № 112 на Нарвском шоссе приехавших встретили родственному. Здесь их ожидали и старшие Кересы, и родной брат Пауля — Харальд (профессор университета), и, конечно, Берри, которая просто бесновалась от радости.

На имя Кереса пришли десятки, сотни поздравлений от земляков-эстонцев, и не только от них. Пожаловали на Нарвское шоссе и немногочисленные сотрудники журнала «Eesti Male», редактировавшегося Кересом, — и все старались в присутствии Флора и его Раисы по возможности обходить стороной тему войны. Шекотливой она была, эта тема. Именно от Кереса Барух Вуд в сороковом году получит в Лондоне письмо:

«Наше общее желание — чтобы эта мерзкая война кончилась как можно скорее. (...) Надеюсь, что скоро мы вновь встретимся на шахматном турнире в мирной Европе».

Горькой оказалась его ошибка. И для Флора, и для него самого.

— Не стану врать, — сказал однажды Флор, — далеко не все тартусцы называли войну «мерзкой». Один сотрудник журнала в порыве откровенности, не стесняясь Раисы, проклинал Сталина за репрессии в СССР и признался нам, что верит: Господь избавит их от советских оккупантов. Он считал, что если я — чех, то я понимаю, о чём это он толкует. И таких настроений было много.

Большой тревоги, во всяком случае, в городе не ощущалось. А Раиса Ильинична не могла найти себе места, всё это её нервировало.

У Пауля и Сало вызвала огромный интерес статья Алехина в газете «Manchester Guardian», в которой говорилось: «После окончания турнира Керес вызвал меня на матч, прибавив, что предпочитает играть не раньше конца 1940 года. Согласившись, я сообщил ему свои финансовые условия, которые, в сущности, были такими же, как в предыдущем матче с Эйве и намечавшемся матче с Флором. Я также передал своё решение впредь защищать свой титул только в одном месте. Опыт последних матчей и особенно АВРО-турнира показал, что я не способен играть наилучшим образом, если в течение соревнования нужно переезжать с места на место. Теперь слово за претендентом и теми, кто его поддерживает. Во всяком случае, и на 1939 год остаётся возможность ещё одного матча на звание чемпиона мира».

— Насчёт переездов из города в город, — сказал Флор, — он абсолютно прав, вряд ли кому из нас по душе такая кочевая жизнь...

В Тарту Флор бывал уже не раз. Ему нравился этот типичный эстонский город. Живописный, уютный, несуетный, с великолепной ратушей, храмом Святого Яана (XIV века), развалинами собора Петра и Павла. Как Буда и Пешт — дети Дуная, раскинулся Тарту на обоих берегах Эмайги.

2

(Рассказывает Сало Флор)

В те дни мы с Паулем Петровичем, оставшись наедине, слушая по радио, что происходит в Праге, говорили меньше о шахматах, больше — о том, как сложится наша дальнейшая с Раисой Ильиничной судьба. И — никаких конкретных вариантов. Ни одного. Броситься вслед за Шпильманом? Полное безумие! Я бы мог повторить отчаянные слова Алехина: *меня разорили две войны*. Но я к тому же был евреем — и об этом не забывал ни на минуту. Я был разорён ещё больше, чем Александр Александрович, я был просто гол как сокол. Всё

моё добро, мой дом остались в Праге. Гитлер скоро заявится там, и на флагштоке Императорского замка в Градчанах взмоет флаг со свастики. Я сказал Паулю, что, скорее всего, в Москве мне пообещают вид на жительство в СССР. Он, не задумываясь, ответил:

— Ну, это, дружок, тоже не лучший вариант!

И в его голосе звучала убеждённость.

Я был согласен с Кересом. Как не согласиться: да, вариант не лучший. Практичный и дальновидный Алехин до матча-реванша с Эйве говорил мне, что он вернётся в Россию лишь в одном случае — став чемпионом мира и получив от советских властей определённые гарантии, связанные с его статусом. И стоял на своём: без этого звания там я никому не нужен, да я ломаного гроша стоить не буду! Дело, безусловно, не в каком-то патриотизме, а в житейском расчёте. Это — как дважды два*.

Мне же предстояло хлопотать по поводу вида на жительство в СССР в роли *одного из ведущих шахматистов*, утратившего — ОКОНЧАТЕЛЬНО! — всякие надежды на высший титул и добровольно передавшего свои права Ботвиннику. Ведь в Амстердаме произошло крушение всех моих надежд.

И я твердил про себя: НИЧЕГО УЖЕ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ. УЖЕ НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬ!.. Круто менялась вся моя жизнь. У Андрэ Арнольдовича такого «комплекса» не могло существовать — ему было куда проще, чем мне. И нельзя забывать, что он по рождению — москвич, а это много значило!

И всё чаще мы с Кересом заводили речь о Москве, о ней о родимой, о Советском Союзе.

А какими другими вариантами я располагал? Мы с Раисой Ильиничной понятия не имели, как всё у нас сложится, если откажемся от России. Она-то и не сомневалась, что дорога у нас одна-единственная — в Москву, настаивала на этом. Мы всё чаще ссорились. Хотя о чём тут было спорить?

Но я всё ещё сомневался.

* В статье «Великий шахматист», опубликованной в 1956 году в «Огоньке», обо всём этом Флор говорит уже иначе, «в рамках», дозволенных цензурой советским журналистам: «Неоднократно мне приходилось беседовать с Алехиным на темы, связанные с его возвращением в Москву. Как когда-то мечтал Александр Александрович о матче на первенство мира, так позднее, став чемпионом мира, он мечтал о Москве, о своей Родине. Алехин горько переживал, что двери в Россию он сам, по своей вине, надолго закрыл перед собой. Признавая свою ошибку, Алехин отправил в Москву к празднику Великого Октября поздравительную телеграмму».

Барух Вуд? Да ничего подходящего, разумеется, этот Editor and Manager мне не предложил — уже и вида не делал, будто старается найти выход из создавшегося положения. Наверно, ничем он, по сути, теперь и не располагал. Я был у него в Лондоне в сороковом, и он чувствовал себя передо мной неловко, говорил:

— Поймите, мистер Флор, я не виноват, всё, всё из рук уплыло... Война убивает всех нас.

Пауль меня успокаивал. Главное, говорил он, — чтобы мы живы остались. Один раз у него сорвалось с языка: мол, уже близок срок — ты станешь чемпионом мира, одолеешь Алехина, разбогатеешь... И тут же он запнулся и... попросил прощения: извини, дружок, что-то не то с языка сорвалось, не туда, не туда меня занесло...

(Флор достал розовый фирменный пакет с фотографиями, перетянутый розовой же резинкой, и отобрал несколько снимков, подписанных Кересом. На одном из них — любительском, старом — белобрысый и смущённый мальчишка в коротеньких штанишках со шлейками и распахнутой рубашонке, правую руку завёл за спину.)

Сколько ему тут? Лет семь или восемь? Видите, какой рослый — не то что я. И худенький. Правда, в детстве я тоже был страшно худым. По одежде заметно, что Пауль уж никак не из богатой семьи. Родные его молчуном называли (у него эта черта характера сохранилась надолго).

— Не уходи в себя — не вернёшься! — так пугали Пауля.

Ему очень нравилось сидеть тихонько где-нибудь в уголке и слушать, как играет на скрипке отец (тот был родом из захолустья). И откуда только романтичный Пеэтер знал столько и весёлых, и грустных мелодий — и народных, и даже кое-что из Моцарта и Вивальди! Он играл ещё и на цимбалах, и на фисгармонии...

Но больше всего Пауль был помешан на шахматах! Владас Микенас рассказывал мне, как в 1926 году он приехал в Пярну и давал там (кажется, курортникам) сеанс одновременной игры. Среди компаний, противостоявшей ему, был и симпатичный мальчишка в коротких штанишках, смышлёный и непоседливый. Микенас усмехался:

— Веришь, он лишь кончиком носа дотягивался до своей доски. Меня это забавляло — ну, думаю, «детский мат» сейчас тебе влеплю... Что ты на это скажешь? Вот такая самоуверенность... Да и кто бы мог догадаться, что перед нами — будущий гигант! А ещё больше забавляло меня, что, пока я двигался по кругу и делал ходы, он успевал ознакомиться с позициями на других досках и успеть к своей — и всегда вовремя сделать свой ход; и ходы были — один другого лучше. И что

ты думаешь, — говорит Микенас, — продул я ему, он меня подчистую разгромил; мне с гордостью сказали: да это же сын портного Пеэтера Кереса — Пауль! Ему я и проиграл. Чему удивляться? В тринадцать лет этот Пауль уже считался одним из самых лучших шахматистов Эстонии, он стал чемпионом Тарту.

А какой страстью была для него игра по переписке*! Не исключаю, что тут ему равных не было, потому-то даже сложнейшие задачи и этюды он щёлкал как семечки.

С Паулем, как вы помните, я познакомился в 1935-м в Варшаве, на VI Всемирной олимпиаде. Он уже был чемпионом Эстонии, его имя нередко появлялось в шахматной печати.

Встретили меня в Польше и впрямь как претендента, как будущего чемпиона мира — не иначе. Интервью, фотокорреспонденты... Спрашивают: когда я пошлю вызов Алехину? Я уходил, как всегда, от прямого ответа. А Кереса я сам разыскал. Любопытно было. Каким тем летом показался мне Пауль? Элегантным красавцем, по-спортивному подтянутым, очень скромным, немногословным. И умницей. Это в девятнадцать-то лет! Удивительным образом едва ли не все обратили на него самое пристальное внимание. Алехин — тоже. Он уже слышал об этом парне.

Александр Александрович, кстати сказать, приехал в Варшаву с особыми намерениями: Эйве направил ему вызов на матч, раздобыв денежки для призового фонда. Понятное дело: Алехин, чтобы всем всё было ясно, нацелился на лучший результат на первой доске. Но... не удалось, как вам известно: ваш покорный слуга перешёл ему дорогу. Я его опередил... У него и другая неприятность произошла: пропал знаменитый сиамский кот Чесс — сбежал из гостиницы. А кто не знает, что значил для своего хозяина этот самый Чесс! Искали беглеца, что называется, всем миром, как искали в Кемери мою Берри.

Я произнёс: *Кемери* — и подумал, что именно в Варшаве судьба свела меня с рижанином Мовшей Фейгиным, который, кажется, не пропустил в тридцатых ни одной олимпиады.

Ну а Пауль... Пауль творил чудеса. Его партия с Уильямом Уинтером произвела на нас ошеломляющее впечатление. Всюду восторги: шедевр — да и только. Блеск! В стиле Морфи! Прожжённый вояка Уинтер хотел завести молодого партнёра в неизученные дебютные

* В книге «Избранные партии» (1961) Керес писал: «Партиями по переписке я пользовался, главным образом, ради опыта и пытался во что бы то ни стало усложнять позиции, чтобы создать тренировочные условия для развития своих комбинационных способностей».

дебри и там запутать его, но попал под красивейшую неотразимую атаку Пауля и продержался всего лишь двадцать ходов. С ещё большим энтузиазмом стали писать о появлении на шахматном небосводе ярчайшей звезды. Правда, некоторые авторитетные специалисты, не преминув отметить необычайно богатую фантазию Кереса, призывали его преодолевать слабости в чисто позиционной игре. Именно эти слабости, по их мнению, привели Пауля к таким тяжёлым проигрышам, как, например, в партии со мной: девятнадцать ходов — и он выбросил белый флаг. Посмотрите, что он сразу же написал по этому поводу: «То, что я проиграл Флору, не оказав серьёзного сопротивления, не было случайностью».

Вот каким самокритичным был юный Пауль, объявленный наследником Морфи! Совместный анализ партии, прогулки по улицам Варшавы, мои слова поддержки и рассказы о том, как начинал я, — отсюда и пошла наша дружба. Это просто подарок судьбы. И я потом радовался, когда пражская газета «*Sachovy Tyden*» назвала Кереса гениальным игроком, который потрясает своей страстностью, а ещё — шахматным Паганини, умеющим свои дьявольские мелодии исполнять на одной струне. «*Ceske slovo*» в свою очередь присвоило ему звание «Чудо Севера».

Трудно отделаться от таких воспоминаний...

В доме у Кересов, Пауля и Харальда, книги занимали очень много места. И какие были книги! Тут и история, и философия, и математика, и физика, и античная литература. Я о таких именах и названиях, признаюсь, в ту пору — да и после — и не слыхал. Это правда.

Пауль сидит, занимается, если что — к Харальду за помощью обращается... и вдруг принимается напевать бесхитростные, прекрасные мелодии. Я спрашиваю: откуда ты их взял? Он отвечает: у отца, спасибо ему. Пауль и его ангел-хранитель — Марие — замечали мои тревоги (куда они могли подеваться: у меня ведь душа не на месте была). По утрам Керес кофе без меня и Раисы Ильиничны никогда не пил; а уж про обеды и ужины и говорить нечего.

Мы с ним всюду ходили то вдвоём, то троём — и на рынок, и по магазинам, вообще по старым улочкам и переулкам, искали игроков в бридж; он извинялся, если ему приходилось оставлять меня, чтобы готовиться к занятиям на математическом факультете университета; огорчался, если, по его мнению, я скучал; он и свежие газеты мне читал, с эстонского переводил, подшучивал надо мной, называл меня «цветочек-лакомка» (обыгрывал мою фамилию и мою страсть к шоколаду и конфетам). Всё стремился он съездить со мной и Раей в свою деревушку — на родину родителей (не помню её на-

звания, оно довольно сложное). Не получалось: мешало то одно, то другое.

Мы вдвоём были на пасхальном турнире в Маргите. Там Пауль взял первый приз, показал высочайший класс, обогнал и меня, и Капабланку. Я любовался своим другом. Капа, человек очень наблюдательный, спросил: не приятели ли мы с Кересом? Я ответил утвердительно. Да, у нашего Капабланки Маргит, к сожалению, стал лебединой песней. Капа много значит для меня. После его смерти в ФРГ была выпущена странная маленькая книжка, куда вошли все его проигрыши. Маленькая — потому что проигрыши составляли только шесть процентов из общего числа всех его поединков (у Ласкера — для сравнения — одиннадцать).

На тренировочный турнир, который проходил в Ленинграде и Москве (1939), Пауль ехал без особой охоты. Какие-то опасения были причиной. И они подтвердились! Первая встреча с СССР оказалась для Пауля, мягко говоря, не очень счастливой. На границе к нему отнеслись с подчёркнутым подозрением. Он был просто ошарашен.

(Из книги Вальтера Хеуэра «Пауль Керес»: «Впервые Керес посетил Москву, когда Эстония ещё не стала частью Советского Союза. Приглашение в красную столицу пришло уже после его блестящей победы на АВРО-турнире. Трудности начались уже на границе с тщательного досмотра багажа, где могла быть припрятана какая-нибудь антисоветчина. Уже в то время жизнь в Москве была довольно жалкой. На первый взгляд витрины магазинов состязались в разнообразии продуктов, но при ближайшем рассмотрении колбасы и фрукты оказывались сделанными из папье-маше и дерева. В центре всего этого помещались помпезные портреты Ленина и Сталина вместе с поучающими и призывными лозунгами и цитатами. Как все иностранцы в советском раю, Керес не мог шагу ступить без сопровождающего. Приставленный к нему чекист оказался настолько бездарным, что Керес сразу раскусил его. Однажды, когда преследователь стал совать свой нос уж слишком нахально, обычно спокойный шахматный мастер потерял терпение и произнёс крепкое эстонское слово, которое “тень” не поняла, ответив на него дружеской улыбкой...»

На многое Флор посмотрел глазами эстонского друга. Зная, что происходит в мире, он вспомнил о Берри, которая осталась в Тарту, у великодушной Марие, и к нему пришла мысль, что забрать собачку уже не удастся...)

3

У Кереса и Смыслова, — продолжает рассказывать Сало Флор, — было на этом турнире по восемь очков, они поделили двенадцатое-тринадцатое место. Это была вполне объяснимая и явная большая неудача Пауля, но его дарование никто не посмел поставить под сомнение. С двенадцатью очками из семнадцати я оказался первым, опередил недавних своих соперников по АВРО-турниру, прежде всего был удовлетворён тем, что подначивавший меня Решевский остался позади.

— Мы в расчёте, — сказал Сэмми. — О'кей?

Когда турнир закончился, обозреватели в один голос утверждали, что моя победа оказалась для них «неожиданной». Не буду лукавить: неожиданной она была и для меня самого; не надеялся я, что мне удастся прийти в себя за столь короткое время. Керес был доволен. Это он обо мне сказал: «Об игре Флора (...) можно сказать, что по надёжности она вряд ли уступает игре Ботвинника. (...) Я много раз встречался с Флором за доской, а также анализировал с ним, и больше всего в нём мне нравятся ясная оценка позиции и выдающееся общее мастерство в позиционной игре. Никто из остальных шести претендентов не может в этом сравниться с ним». Я был потрясён. Легко представить себе, какое впечатление произвело на Михаила Моисеевича это утверждение. Не уверен, что оно очень порадовало его. Именно поддержке Пауля я обязан своим успехом. Что бы я вообще делал без него?!

И ещё вот о чём мне хотелось бы сказать. Я никогда не отличался завистливостью. Но Пауль Керес был единственным человеком на всём свете, которому я завидовал. Да, завидовал. По-братски, конечно. Скажу вам честно, мне не нравится, что ко мне пристало прозвище — юморист, шутник, «шахматный конферансье», а иные и «звонарём» рады окрестить меня. Может быть, в этом и моя вина имеется. Вполне, вполне может быть такое. Володя Дворкович ко мне всегда обращается при встрече со словами:

— Саломон Михайлович, какие новенькие анекдоты вы припасли? Поделитесь!

Он думает, что я очень обрадуюсь, услышав это. Ну надо же, нашёл поставщика анекдотов!

Да, так вот, Кереса никто не посмел бы назвать хохмачом! Язык не повернулся бы.

А больше всего я завидовал ему вот почему: у него таких грубейших жизненных «зевков», как у меня, не было и быть не могло. Скажу о главном. Сама судьба одарила его настоящей любовью и верностью. Я прошёл мимо своей, а он — нет. В сорок четвёртом на XIII чемпио-

нате мне его не хватало, я беспокоился о нём. Ещё я чувствовал: с ним что-то не так. И я не ошибался.

Информации хоть чуть-чуть объективной никакой тогда не было — о чём речь?.. Только сводки Информбюро. Но земля слухом полнится — так ведь говорят, верно? Даже от Ботвинника я услышал:

— Ваш Керес якшается с антисемитом и антисоветчиком Алехиным; два сапога — пара, в немецких турнирах играют.

Меня это поразило — ВАШ. В устах Ботвинника это звучало неодобрительно. И может быть, в этом была и скрытая угроза — во всяком случае, так я думал в том, сорок четвёртом. Очевидно, Михаилу Моисеевичу кто-то сообщил, что Керес в немецкой печати якобы называл его «этот еврейский шахматист» и что он сообщил корреспонденту «Revaler Zeitung» о засилье евреев в советских шахматах. Я полностью согласен с теми, кто считает эту публикацию грязной стряпнёй*. Он мог сказать что-то нелестное о личности Ботвинника, но о его еврействе — ни в коем случае. Ручаюсь! Я слишком хорошо знал Пауля. Я был его другом.

Алехин, сознавая, что его силы уходят и радужных перемен не предвидится, предлагал Кересу, не откладывая дела в долгий ящик, сыграть с ним в разгар войны матч за мировое первенство, но тот предложения не принял: эта *мерзкая*, как он писал, война и по нему прошла катком — не до матча ему было. Какой там матч...

Почти в одно время с нами Пауль играл на турнире в Финляндии; оттуда он при поддержке Фольке Рогарда, тогда ещё не президента ФИДЕ, а просто юриста, перебазировался в нейтральную Швецию. Мог ли он там остаться — ну как вы думаете? Без пяти минут чемпион мира! Конечно, мог бы. Ему там были по-настоящему рады. О нём писали все шведские газеты, печатались его портреты. Но у Пауля в Эстонии была семья: жена (на Марии Рийверс, филологе по образованию, он женился в декабре 1941-го) и двое совсем маленьких детей: одному ребёнку, Пезтеру, — два годика, второму, дочери Кадрин, — девять месяцев. Он жить без них не мог! Он знал: войдут в Эстонию советские войска — и тогда ни его туда не впустят, ни их оттуда ни за что не выпустят.

И он, на удивление всем, рискуя собой, оставил благополучную Швецию: скорее — к своим! Они ему были дороже всего на свете. Это

* Вальтер Хеуэр: «Нужно отметить, что хотя у Кереса были причины для сведения счётов с Ботвинником после того абсолютного чемпионата СССР, он никогда не давал журналистам повода для политических инсинуаций» (из книги «Пауль Керес»).

был благороднейший и отважный поступок. Не обо мне Стэнли Крамеру сделать бы фильм, а о Кересе. Вот это сюжет! Паулю кто-то из эстонцев с высоким положением сказал, что на западное побережье* прибудет из Швеции катер — и надо успеть на него. Я обо всём этом услышал не от самого Пауля, а от его замечательной Марии Августовны: он, как всегда, предпочитал отмалчиваться. Влиятельные люди не забыли о национальной гордости — Кересе и его семье, велели им собираться как можно скорее, чтобы успеть на поезд и покинуть Эстонию.

Мария едва ли не рыдала, её сердце разрывалось, да и Керес тоже горевал. Они покидали родную, любимую страну, где всё им было знакомо и дорого до слёз. А сколько самых близких и дорогих людей приходилось оставлять! Вспоминая всё это, Мария сказала мне: «Я чувствовала, что время стремительно уходит, перестала плакать и говорю Паулю: ну что делать, придётся воспользоваться случаем; твоё будущее — это и наше будущее, а я за него боюсь. Твою работу обязательно посчитают изменой, а уж как поступят — легко догадаться. Так что... поехали!»

Надо было успеть на вокзал, на этот самый поезд. С ними отправились в путь некоторые члены правительства, певец Тийт Куузик (тоже знаменитость, редкий, говорят, по красоте баритон, он солировал какое-то время в Венской опере), писатель Фридеберт Туглас (Керес незадолго перед своей смертью подарил мне сборничек его новелл «Песочные часы»)... Все были в напряжении, нервничали, старались не разговаривать. Потом их везли на грузовике.

Была холодная сентябрьская ночь. Пауль переживал из-за детей: как бы не заболели, как бы с ними чего-нибудь не случилось... Откуда-то доносились отзвуки перестрелки и артиллерийские залпы — там шёл бой. Прибыли на побережье без особых приключений; спрыгнули с машины и побежали к причалу. Всё-таки надеялись на скорое спасение. Но катер всё не приходил и не приходил. Кто-то сказал: «Напрасно ждём. Момент упущен. Слышите — стреляют уже где-то совсем рядом с нами». В небо то и дело взлетали ракеты. А через полчаса их группу окружили советские солдаты. Многих тут же арестовали и увезли...**

* В районе Хаапсалу.

** Юрий Авербах рассказал мне: «Новый, 1950 год я встречал у Лилиенталей. У них я познакомился с И. Барканом, мастером спорта, чемпионом СССР по прыжкам в воду с трамплина. Зашёл разговор о Кересе. И Баркан вспомнил, как осенью сорок четвёртого принимал участие в высадке морских десантов и уже знал, что Таллин взят. У некоторых его сослуживцев были ордера на арест ряда эстонцев. Лично у него был ордер на арест Пауля Кереса, которого в Таллине не оказалось, чему Баркан был очень рад».

4

...Что было потом? Керес стал объектом внимания НКВД. Его вызывали на допросы. Флор очень беспокоился за жизнь своего друга: «Пауль Петрович вынужден был написать в Москву письмо, прося защиты и покровительства (представляю, чего это ему стоило)*. Ответа не было, и преследования продолжались: назревала расправа. И тогда Керес написал лично Молотову и попросил у того заступничества. Это послание, как думает Пауль, в конце концов сыграло решающую роль в его судьбе...»

Впрочем, советская бюрократическая машина даже и теперь двигалась со скрипом: «дело Кереса» было для неё непривычным, хотя и подозрительным грузом. Стоял всё тот же, извечный *наш* вопрос: как бы чего не вышло? Следовали бесконечные согласования и пересогласования. В послевоенном чемпионате СССР Пауля Петровича любители шахмат так и не увидели — а надеялись на это! Ему осталось лишь проглотить тогда горькую пилюлю. А здесь ещё удар по гроссмейстерскому самолюбию: из Голландии в сорок шестом пришло ему персональное приглашение принять участие в крупнейшем — первом послевоенном — международном турнире в Гронингене, но выехать туда ему, победителю АВРО-турнира, не позволили. Флор был уверен, что тут без *мнения* «лучшего друга советских физкультурников» явно не обошлось. И он был прав. Позже выяснилось: председатель Спорткомитета Романов по всем «принципиальным вопросам» обращался к секретарю ЦК Жданову, а тот шёл «на доклад» к Сталину. В Гронингене играли Стейнер, Гимар, О'Келли, Коттнауэр, Кристоффель — а Пауля Кереса там не было! Хорошо, что хоть молодого Смыслова всё же «допустили»... Ботвинник прибыл в Гронинген, как обычно, «экипированный» по наивысшему разряду; с ним туда по-

* Из письма Кереса председателю Спорткомитета СССР от 8 декабря 1944 года: «Доменято идело доходят слухи, будто бы я выступал по радиос анти-советскими речами вскоре после прихода немцев. Я лично не имею представления о таких речах и считаю, что моё имя использовали для пропаганды. (...) Немцы пытались убедить меня в необходимости скорейшей эвакуации в Германию. По этой причине я часто переезжал с места на место со своей семьёй — женой и двумя маленькими детьми: во-первых, чтобы избежать назойливых уговоров об эвакуации, а во-вторых, чтобы создать впечатление, будто я намерен покинуть страну... В настоящий момент моя шахматная деятельность прервалась в ущерб моей семье. Как советский гроссмейстер я должен иметь право на какую-то помощь в получении средств к существованию... Я надеюсь своим участием в полуфинале чемпионата СССР в Москве в феврале 1945 года восстановить хорошую шахматную форму и подтвердить, что я вхожу в число сильнейших советских шахматистов...»

жаловали жена и четырёхлетняя дочка. За четыре тура до завершения турнира он, тем не менее, отставал от Эйве на пол-очка. Как известно, руководитель советской делегации Вересов попросил Гаянэ приходить в турнирный зал вместе с дочкой «для моральной поддержки». Несмотря на некоторые «приключения», Ботвинник всё-таки завоевал первый приз, обойдя Эйве на те же самые пол-очка.

А Кереса в конце концов, в *карантинных целях*, допустили только на открытый чемпионат Грузии!

Флор ему сказал:

— Не горюй, там тебя встретят мои друзья. Тебе там понравится.

И верно: понравилось! Друзья Флора не позволили Кересу предаваться печали. Были поездки и в Мцхету, и в Джвари, и на Мтацминду, и в Коджори. Играл Керес в своё удовольствие. Это была отличная разминка, сказал он Флору, я соскучился по шахматам и даже пожалел, что всё ограничилось девятнадцатью турами. В Тбилиси он познакомился с юным Петросяном, с которым, кстати, сделал ничью и который впоследствии вспоминал, что Керес оказался первым гроссмейстером, пожалавшим ему за шахматным столиком руку. В том турнире эстонский маэстро очень легко добился победы, положил в свою копилку семнадцать очков и две половинки.

5

Ещё несколько слов о тренировочном турнире. У Кереса, пожалуй, были основания сказать, что никто из остальных шести претендентов на чемпионский титул не может сравниться с Сало Флором в универсализме и ведении позиционной игры. Это были весомые слова. Да и первое место на турнире в Кемери-1939 — свидетельство истинности незаурядной шахматной силы Флора.

Он действительно нисколько «не разучился играть в шахматы»!

Ещё более стало понятно, что произошло с Флором, когда он вдруг остался без Праги, без Чехословакии, которая была мила его сердцу, была его опорой, которая дала ему великий шанс — встретиться в матче с Алехиным. Кое-кто говорил, что в тренировочном турнире Флор реабилитировал себя. Но — в «реабилитации» ли дело? Недаром сам Сало Михайлович особой радости от победы в этом турнире не испытал. Смысл его реплики был примерно такой: знаете, это было похоже на вспышку петарды, перед тем как она коснётся земли и погаснет. И вообще, сказал Флор, тренировочный турнир он и есть тренировочный — не так ли?..

Тогда же он отправил новое письмо в Лондон, где пытался выглядеть «прежним Флором» и намекал, что, несмотря на неудачу в Амстердаме, у него всё ещё есть порох в пороховницах:

«Февраль 1939 г.

Глубокоуважаемый мистер Вуд!

В Москве я выступил более удачно. Я удовлетворён. Успех был необходим после провала в Амстердаме.

Посылаю Вам запись одной из партий на этом турнире. Думаю, она очень важна с точки зрения дебюта в испанской партии.

Пробуду здесь до конца месяца. Пожалуйста, напишите мне на адрес Пауля Кереса в Тарту. Я окажусь в Тарту после первого числа. Есть ли какие-нибудь вести из Амстердама? Надеюсь, что смогу играть в Маргите.

Искренне Ваш

Сало Флор.

Привет от Раи».

Глава двадцать третья

СЛИШКОМ ДЛИННЫЕ РОКИРОВКИ...

1

Думая о судьбе Флора, я и писал свой «Блюз для Агнешки». О том, как музыканты-джазмены, Эдди Рознер и Ежи Надель, едва-едва успели удрать из Германии в Польшу, на родину своих родителей, где им показалось, что весь этот кошмар, все эти гестаповцы и эсэсовцы — позади, всё вроде бы успокоилось; и новый их оркестр колесил по Франции, Норвегии, Голландии, и предложения, одно заманчивее другого, сыпались со всех сторон; так нет же, вновь — в бега; переходя границу в районе Барановичей, стремясь к дяде, в Бахмут, чтоб разжиться хоть немного деньгами, Ежи, как когда-то Шпильман, вспоминал «Плач Иеремии»: «...будто олени, не находящие пажити; обессиленные, они пошли впереди погонщика (...) потому что враг превозмог...»

Всё у моего Ежи кануло в прошлое (точно так же, как у Флора!) — сияющие концертные залы, публика с программками в руках, обитые бордовым бархатом ложи, хрусталь гигантских люстр, слепящие софиты, золотые слитки саксофонов, труб, тромбонов... У Флора осталась позади вся блистательная Европа, изъезженная им вдоль и поперёк. Много чего осталось у него в минувшем...

Ну а Ежи? Оказавшись в советском захолустье, в доме у гитариста Пантелея Сапожникова, он очнулся лишь к полудню. Прежде чем присоединиться к хозяину, он более внимательно поглазел по сторонам, задержал взгляд на иконе Пресвятой Богородицы Семистрельной, на этажерке с книгами, тронул гирьку в виде еловой шишки на часах-ходиках с кукушкой (между прочим, птичка

уже целых двенадцать лет не возвращалась к себе в гнёздышко). И столкнулся с ответным — эмалевым, безумным и пронзительным — взглядом лубочного колхозника в распахнутой на груди, но подпоясанной косоворотке и бесформенных портках, который среди тучных борозд разбрасывал налево и направо зёрна, давая тем самым повод художнику, автору этого агитационного произведения, написать в прозрачном облачке, сразу же под выпуклым солнцем, слова призыва: «Сейте разумное, доброе, вечное». «Матка Боска...» — простонал Ежи. Наваждение какое-то, опять простонал Ежи, бесконечный дурной сон.

И Пантелея Сапожникова, талантливого гитариста, судьба не помиловала. Попав на Первой мировой в плен, он очутился в Праге. А где же ещё он мог оказаться? Ведь Флор так любил Прагу, так много рассказывал мне о ней и показывал свои заветные уголки. Тут Пантелей часто выступал со своей гитарой в уютном кабачке «Красная розочка», получил восторженную оценку шведского скрипача Фольке Андерсона из «Paramount Orchestra» и датского гитариста и композитора Ульрика Неймана, но по пьянке и по милости «щедрых» агентов, засевших в советском посольстве, ему пришлось уносить отсюда ноги. В самолёте Пантелей Савельевич опять поймал себя на мысли, что он готов повеситься — хоть на той же самой Староместской башне. Не успел самолёт набрать высоту, а Пантюша уже затосковал по Златой Праге. Тянуло его туда отчаянно. Он и спросонья сказал бы, например, сколько кабачков на улице Под Каштанами. А вот по поводу пани Ярмилы — молчок, ничего не говорил. И старался не думать о ней, о «Красной розочке» и о доме в Чертовке...

Но, выпив, едва не пуская слезу, он своей лубочной кистью пытался создавать образы Пражского кремля, дворцов, парков, храмов, часовен, восклицал:

— Или вот Климентиум!.. Или вот Каролиnum!

Его уже знали в Европе как виртуозного джазового гитариста — а здесь, в Бахмуте, он об этом и заикаться не смел; его и так звали чу-жаком, и он мог бы сгинути в подвалах НКВД.

Он советовал пану Ежи:

— Ты забудь про своего дядюшку. Враг народа он. На квартиру его не претендуй. Иначе сам загремишь — в те же подвалы...

Наделю по-прежнему казалось, что всё это не с ним происходит. Бред какой-то. И он в согласии кивнул Пантелею Сапожникову.

— Бабочку сними и не таскай больше, — посоветовал тот. — Не Прага здесь. Это у нас не принято, не поощряется. А то к чуждым элементам причислят. Не отмажешься...

2

Неизбежность утраты Чехословакии, ставшей добычей нацизма, и всего, что с ней было связано в жизни гроссмейстера, — скорее всего, это действительно контрапункт всей драмы Флора. Он знал, что уже ничего не сможет повториться. Ничего! Об этом они нередко говорили с Кересом в Тарту. Дорога в будущее, которое ещё недавно явно вырисовывалось, для Флора была перекрыта.

У него в тетрадке рядом с его собственными словами: *«Война подорвала моё здоровье, расшатала нервы»* — были заготовлены для задуманного очерка (так, увы, и ненаписанного — в который раз ненаписанного!) слова Эриха Марии Ремарка: «Война — это клетка, и тому, кто в неё попал, приходится напрягать нервы, ждать, что с ним будет дальше. Мы сидим за решёткой, прутья которой — траектории снарядов, мы живём в напряжённом ожидании неведомого. Мы отдалены во власть случая».

Эти слова у Флора, как я помню, были подчёркнуты красным карандашом и выделены восклицательным знаком.

Удивительно, до чего же перекликается со словами Ремарка письмо, посланное на исходе 1938-го из Праги Рудольфом Шпильманом председателю Шведского шахматного союза и издателю шахматной литературы Людвигу Коллину, где, в частности, говорится:

«Мне грустно не только из-за того, что я изгнан из Австрии, моей родины, — к тому же я утратил возможность свободно перемещаться. Едва ли не все страны, в которых существует шахматная жизнь, закрыли свои границы перед эмигрантами и беженцами. Ни в одну из них я уже не могу попасть с моим австрийским паспортом, ничего теперь не стоящим.

Вот уж полгода, как я делю страдания с людьми, которые не по своей вине потеряли свой дом и скитаются по миру, не имея возможности получить хоть какую-нибудь финансовую помощь. Единственное, что удерживает меня на этом свете, — надежда найти в конце концов какую-либо работу, связанную с шахматами.

Нет ли у Вас возможности отыскать для меня что-нибудь в этом роде в Стокгольме или где угодно в Швеции? Не обязательно — постоянную работу. Была бы возможность хоть какое-то время пожить в Швеции, чтобы как-то восстановить мой дух, мой шахматный потенциал и набраться сил для будущей деятельности. Может быть, спустя какое-то время мне удастся эмигрировать в Англию или в Америку. Умоляю Вас — не оставьте меня в беде. Я соглашусь на любые условия, лишь бы быть хоть чем-то занятым. Основное для меня — выбраться из этого ада в центре Европы. *Антисемитизм и в Праге ста-*

новится всё более и более ощутимым (курсив мой. — В.М.), и потому я лишён любых средств к существованию...»

Точно такое же отчаянье звучало в голосе Шпильмана, когда просто чудом удалось ему дозвониться до Флора!

3

Какую Чехословакию вынужден был покинуть Флор? Что он потерял?

В поисках ответа на этот вопрос нам следует обратиться к одному из выступлений первого её президента Масарика. «Нашим политическим заданием, — говорил он, — является строительство демократической республики. При демократии вопрос о правлении решается голосованием. Именно поэтому сегодня так важна избирательная система. (...) Демократия — это не только форма государства. Это способ всей общественной и частной жизни. Демократия является взглядом на жизнь. Сущность государства — согласие всех людей, их мирное сосуществование, любовь, человечность. (...) Сознательное политическое руководство предполагает единство граждан в главных принципах и в главных направлениях политического движения. Государство — это не только механизм. Политика — не только искусная административная и дипломатическая техника. Государство — единство граждан на разумных и нравственных основах».

Итак, мир, в котором жил Сало Флор, в отличие от сталинской империи, был свободным: там утверждалась демократия, главной целью там объявлялось экономическое благополучие.

(Заметки на полях. В 1959 году Флор был в Швейцарии, где в конце мая и начале июня проходил международный турнир, посвящённый 150-летию старейшего в Европе Цюрихского шахматного общества. Напомню, что первое место там завоевал любимец Флора — Таль, второе — Глигорич, третье-четвёртое — Керес и Фишер.

В Цюрих приехал и Флор вместе со своей Раисой Ильиничной.

Он подвергся не только приступу ностальгии — ах, молодость, ах, Цюрих тридцать четвёртого, — но и атакам со стороны разгневанной супруги.

Жена пилила его:

— Подумаешь, увидел снова Альпы, швейцарские всякие прелести — и раскис, размяк, потянуло к прежней жизни моего чеха. Да какой же ты мужик, сразу о Москве забыл!

У него слёзы на глаза навёртывались.

Они беспрерывно ссорились, подолгу не разговаривали друг с другом.

Всё это происходило на глазах у Кересов, с которыми они, как всегда, проводили немало свободного времени.

Мария Августовна вспоминает:

— Спрашиваю Пауля: где он гулял с Флорами, как они себя сегодня вели, сдерживались или нет? Он отвечает: ходили к озеру, а вели они себя ужасно! А в чём дело? Оказывается, опять ругались, как сапожники, — Флор сдержаться не мог; кончилось тем, что Сало шёл по одной стороне улицы, а Раиса — по другой. Спрашиваю: ну а ты, Пауль? Он отвечает: что мне оставалось делать — я шёл посередине...

Воздух Швейцарии подействовал на Флора, как в «Семнадцати мгновениях весны» — на профессора Плейшнера. Он не верил в «оттепель». Он знал, что на внеочередном XXI съезде КПСС Никита Хрущёв в жёсткой, традиционной манере говорил о необходимости укрепления органов госбезопасности и не допускал мысли об их ликвидации: «Это было бы глупо и преступно!»

В Цюрихе Флор чуть было не «сдался»...

Хотелось ли ему постоянно жить в СССР — мы уже знаем. Вспомним записки Галины Петровой-Маттис, где сказано, что Флор, к неудовольствию Раисы Ильиничны, резко отзывался о жизни в Советском Союзе и сама мысль о переезде туда вызывала у него нескрываемый ужас.

4

В заметках о Флоре, появившихся после его смерти и разбросанных там и сям в периодической печати и в Интернете, нередко встречаются пассажи, где утверждается, до чего был счастлив гроссмейстер, обретя родину в Советском Союзе. Они мелкотравчатые, эти заметки, ни на что, в общем, не претендуют, — так что и не требуют никакой дискуссии. Кто обращает внимание на подобные мелочи-штампы?

Но вот кто меня по-настоящему удивил, так это почти классик, писатель-правдолюб Юрий Нагибин — автор предисловия к флоровской книге «Сквозь призму полувека»*. Как возникла *книга*, поговори чуть ниже. Прочитав предисловие, я невольно вспомнил слова из нагибинской повести «Тьма в конце туннеля» — о способности её героя к самообману: «Уже всё зная, всё понимая, видя до дна, я мог в два счёта заморочить себе душу и голову, если не хотел правды». Ско-

* «Если шахматные книги разбить на две категории — сиюминутные и “вечные”, то всё, что написал Флор, в отличие от книг Тартаковера, Нимцовича, Алехина, можно смело отнести к первой категории. Более того, книги, написанные Флором, вообще нет!» (Сосонко).

рее всего, на этот раз нечто подобное произошло с самим Нагибиным.

Зачем он взялся за эту большую статью, похожую на развесистую клюкву, не имея под рукой хоть каких-нибудь убедительных фактов? Ведь он почти не знал Сало Михайловича. Их общение было кратковременным, и он был вынужден сказать, что эти встречи оказались мимолётными. Вот откуда у него и общие слова, и досаднейшие промахи. Ему не удаётся выйти за рамки панегирика. Дефицит общения, необязательность этого общения не позволили Нагину, настроенному на водевиль, заглянуть в душу Флора поглубже, осознать духовную драму гроссмейстера. А если б удалось — может быть, и углядел бы он внешне респектабельного, но на самом-то деле *умерщвляющего себя* изо дня в день оруэлловского персонажа, уже привыкающего чувствовать себя *своим* в стране, где «свобода — это рабство, незнание — это сила».

Познакомился Нагин с Флором случайно — это произошло во время курортного лечения, «в час карловарского водопада». В центре «маленького стада» отдыхающих писатель заметил «некий центр притяжения» — «элегантного, начинающего полнеть и лысеть человека»: тот «привлекал и “заводил” людей». Гроссмейстер в тот день подарил писателю карандаш с резинкой на ввинчивающемся колпачке и предсказал: «Вы напишете этим карандашом свои лучшие произведения!»

Очевидно, не этим — другим карандашом было написано Нагибиным предисловие.

5

Потом (скорее всего, в конце семидесятых или в самом начале восьмидесятых) произошла новая встреча с гроссмейстером, когда Нагин приехал с какой-то своей рукописью на 2-ю Фрунзенскую, домой к Флору — вернее, к его второй жене. Это случилось уже после того, как Сало Михайлович всё-таки развёлся с Раисой Ильиничной.

Нарушив хронологию и поломав «сюжетную линию», мне всё-таки придётся, поскольку зашла речь о книге «Сквозь призму полувека», забежать вперёд и кратко поведать о двух поистине драматичных «любовых романах» Флора. В «Этюде о Тартаковере» он спрашивал: был ли этот гроссмейстер счастливым человеком? И отвечал: «Нет, этого нельзя сказать. Савелий Григорьевич имел, правда, постоянный адрес в одном из пансионатов Парижа, но своего дома у него никогда не было. Семейный уют, семейное счастье обошли его стороной. Он не был женоненавистником, но жениться так и не решился». Это

было опубликовано в «64» за год до смерти Флора, который не пошёл «по пути» Тартаковера и был женат, даже дважды, — да вот только и его, в чём я уверен, обошло семейное счастье.

Итак, первый брак его пришёл к логическому завершению. Меня Сало Михайлович несколько раз деликатно просил быть «парламентёром», «связующим звеном» между ним и Раисой Ильиничной, поскольку они уже не выносили друг друга, их встречи кончались плачевно — взаимными обвинениями; но до оскорблений, сведения счётов Флор не доходил, сдерживал себя даже теперь. Она, любившая с комфортом странствовать по заграницам, допекла-таки его тем, что он — антисоветчик, слабак, слюнтяй. И даже ещё хуже: он, кричала Раиса Ильинична, — никакой не мужик и противен ей: *метр с кенкой*. В эти слова она вкладывала особый смысл. Она слала в его адрес проклятья, лихорадочно писала ему какие-то записки. Очевидно, ничего путного в них не было. Он, не читая, сразу же разрывал их в клочья.

Развод этот назревал с давних пор (просто невероятно, что он не произошёл гораздо раньше) и сопровождался дикими скандалами — часто на людях. Подтверждаю, поскольку своими глазами видел всё это, слова Сосонко: «Первая жена его, Рая, не понимала и не хотела понимать того, чем занимается её муж. Круг её интересов был ограничен, и Флор не раз говорил, что всё, что читает его жена, ограничивается одной фразой: напишите сумму прописью. Ботвинник, которого нелегко было вывести из себя, заметил как-то, что если бы он был женат на Рае и узнал, что ему жить только один день, он посвятил бы этот день разводу с ней! Флор сам подумывал об этом, и, случалось, они с женой неделями не разговаривали друг с другом. Они познакомились у Большого театра, но, когда в браке возникли проблемы, Саломон Михайлович утверждал, что всегда обходит этот театр стороной. Жена не оставалась в долгу и не раз говорила: “Меняю сало на яйца” (у Тайманова это сказано чуть по-иному, гораздо прямее и вульгарнее: «Меняю Сало на яйца». — В.М.), — и улыбалась одним ртом: она принадлежала к тому типу женщин, которые полагают, что смех способствует появлению морщин».

Однажды Раиса Ильинична сказала мне (и я понял: сказала это без всякого притворства), что очень тяжело заболела, что у неё опухоль, — может быть, она совсем скоро умрёт, и попросила отнести бывшему мужу выпущенные до войны во Франции две пластинки Вертинского («Он поймёт, обязательно поймёт...»), игру «Монополия» и передать ему, что собирается в *последнюю* поездку в Сочи, в санаторий.

— Так и передайте: в последнюю. У меня теперь всё — *последнее!*

Мне стало жалко их обоих — и её, и Флора. Тайна её появления у Большого театра, тайна их знакомства навсегда останется неразгаданной.

Одну из запиленных пластинок в тот же вечер я прослушал на своей «вертушке», и меня поразили слова, пришедшие из далёкого прошлого, написанные автором «ариев Пьеро» в Вене в год моего рождения:

...Сколько сломанных роз,
Сколько мук, и проклятий, и слёз!
Как сияют венцы!
Как банальны концы!
Как мы все в наших чувствах глупцы!

Флор, конечно, проводил Раису Ильиничну; на вокзале у них был не такой уж долгий, но мучительный разговор, оставивший его в глубочайшей печали.

(Мне пришёл на память тот день, когда я читал письмо Нины Грушковой-Бельской: «Раечка Флор... Москва. 1933-й. Матч с Ботвинником. И её странное появление. Встретились, влюбились, поженились. Для Сало это была первая и последняя любовь. Раиса, необыкновенная модница, была не только хороша собой, интеллигентна, общительна, остроумна, она умела забавно рассказывать анекдоты, во всяком обществе держалась с достоинством, выделялась своей броской внешностью. Я называла её *малая выставочная дама*. Ну что скрывать, она была и разбалованной, и требовательной к Сало, досаждала ему. Агентом КГБ, по-моему, не была, хотя, может, порой встречалась с его работниками. Дружила с женой Либиентал: обе были родом из Екатеринбурга. Нельзя сравнивать её со второй женой Сало — Татьяной. Для меня Раиса Ильинична была просто Раечкой. Со всеми её слабостями. Я считала её очаровательной. Если они с Флором ссорились, я у них бывала *арбитром*. Раечка подозревала, что Сало я люблю больше, чем её. Но, наверное, я любила каждого из них по-своему...»

О Раисе Ильиничне поговаривали всякое. От Смыслова, например, о ней я слышал кое-что и не совсем лестное, а его Надежда Андреевна отзывалась по тому же поводу куда более благоприятно. И всё-таки вспомнились мне именно эти строчки Грушковой-Бельской.)

У Флора не было привычки вести дневник. Он не доверял бумаге свои сокровенные мысли, касавшиеся его «личной жизни», избегал собирать в «особую тетрадь» воедино «Выбранные места из переписки с друзьями» и наброски для «Авторской исповеди». Так воспитала

его, когдатощного «непробиваемого Флорика», советская действительность. У него было убеждение: о родных — ни строки! Я с ним спорил, привёл в пример Льва Толстого, который ничуть не стеснялся в своей «Записной книжке» сказать, в частности, правду о сыне Илье и невестке, живших за счёт мужичьего труда, и в «Обвинительном акте против Ильи и Сони» осудить их за «роскошь, лошадей, экипажи, кучера, собак». Флор отмахнулся от меня: мол, Толстой — дворянин, а я — ну кто я?

После этого я прочитал ему по телефону одно из писем Достоевского, автора «Дневника писателя»: высшая цель — «высказаться в чём-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру».

— Я что, — вспыхнул Флор, — писатель? И вообще — плохо слышно.

А жаль, это его нежелание «высказаться вполне» — огорчительно. Он не оставил письменных свидетельств о той, с кем прожил долгую жизнь. И всё-таки у него была своя *ночь с 27 на 28 октября**, свой *уход из своей Ясной Поляны*.

А в те дни... Кто-то сообщил Флору из Сочи, что Раиса Ильинична целыми днями загорает на пляже.

— Ей же нельзя этого делать, — чуть не кричал он с досадой, — она убивает себя, убивает — назло мне, ну что за человек!

После возвращения в Москву Раиса Ильинична вскоре оказалась в «Склифасах». Флор, забыв об оскорблениях, отменил какую-то заграничную поездку, навещал её чуть ли не каждый день. Врачи известили его, что жить ей осталось недолго. Он очень тяжело переживал и её болезнь, и её смерть. У него каждый день подскакивало давление. Меня глубоко тронуло благородство поведения Сало Михайловича и то, что абсолютно все её наказания, касавшиеся раздачи оставшегося после неё имущества родственникам, друзьям, знакомым, он добросовестно выполнил, ничего не упустил.

6

Как раз в ту самую пору он познакомил меня со своей «новой подругой», Татьяной Ильиной, которая, по сути, была соседкой Флора — жила на Комсомольском проспекте, рядом с магазином «Русский лён», в глубине двора, метрах в двухстах-трёхстах от его дома — только перейти улицу. Он сказал мне:

— Таня вам понравится. Интересный человек и, между прочим, дочь родной сестры Есенина. Мы потом наведаемся к Александре

* Л. Н. Толстой в историческую ночь с 27 на 28 октября 1909 года покинул Ясную Поляну.

Александровне — это тут же, рядом, на Комсомольском. Я привязался к ней. Помните: «Я красивых таких не видел...» Это о ней. Редкой души женщина. Я сейчас в жутком замоте, у меня, как вы понимаете, много печальных дел, и я к Татьяне почти не захожу. Танюша, конечно, знает, чем я занимаюсь, сочувствует мне. Попейте с ней чаю, поговорите: она — замечательный собеседник.

Это, судя по всему, было для него важно.

Зайдя в однокомнатную Танину квартирку, я сразу же ощутил уют, налаженность быта. Много хороших книг, и вещи все хорошие. И ничего лишнего. Хозяйка приготовила вкусный обед. Здорово умела готовить! Сама, однако, постилась; пожаловалась на боли: то ли желудок, то ли печень. Под глазами — тёмные круги. Меня поразила её худоба. А пуше всего — что курила дешёвые сигареты, курила запоем, одну за другой. Подходила к открытой форточке и выпускала дым.

Раиса Ильинична по части внешности дала бы ей сто очков вперёд. Может, тут что-то другое, решил я, — нечто большее, чем красота; может, не зря говорят, что с лица воду не пить. Флору обрыдли скандалы, которые ежедневно устраивала Раиса Ильинична, и ему нестерпимо захотелось уюта, покоя — вот и потянуло его, готовившегося к недалёкому семидесятилетию, под тёплое крыло Татьяны, звавшей его только «Салушка», никогда не повышавшей голоса и, как мне сразу же показалось, доброжелательной, рассудительной.

— Только идиотка могла называть его *Михалычем*, — сказала она.

В чертах её лица я невольно искал что-нибудь от облика Сергея Есенина — напрасно! Я знал портрет другой Татьяны — дочери поэта и Зинаиды Райх: та была копия — отец! У Татьяны Ильиной — никакого сходства с родным дядей. Но, может быть, это и хорошо, думал я, может, таланты у неё — от гениального родственника, а характер — от матери (ведь какие строки посвятил Есенин ей, «сестре Шуре»: «Ты — моё васильковое слово...», «Исцеляй меня детским сном...»). А Флор, наверно, искал исцеления у Тани. Она слыла опытным редактором в издательстве «Современник», где я в те времена сотрудничал — выпустил пару своих книжек и переводил поэтов Кавказа.

Мы вторым бывали в гостях у обаятельнейшей Александры Александровны.

— Извините, — говорила она, — я такая квёлая. Радикулит меня мучает... — И спрашивала: — Ну как вам Саломон Михайлович? Лапушка. Мы ведь с ним почти ровесники.

Я получил от неё подарок — книгу мемуаров с надписью: «Добро пожаловать в наш круг!»

У меня сложились неплохие отношения с Таниной сестрой — Светланой, мы с нею нередко перезванивались.

Зашли разговоры о свадьбе. Флор уже договорился с кем-то из своего же дома по поводу размена: его двухкомнатная и Танина однокомнатная — на трёхкомнатную.

И вдруг — заминка. Он приехал ко мне и совсем не походил на молодожёна. Видно было, что у него опять подскочило давление.

— Что стряслось?

— Я снова делаю ошибку!

— Вы имеете в виду Танюшу? Что за ошибка? Ещё вчера всё было хорошо...

— Не очень-то хорошо, — услышал я в ответ. — Вчера Таня придралась к моим словам. Звонила Нина из Праги, а потом я заговорил о Пражской весне. И кажется — слишком откровенно. И услышал от Тани: «Салушка, не будь антисоветчиком». Мне теперь не с кем и *на кухне* поговорить. Ну как вам такое? Ведь это же не случайно. Как повашему? Не случайно?

— И что вы надумали?

Я был в растерянности.

— А что же тут думать?! — вырвалось у него, и в голосе звучало отчаяние. — Те, с кем мы затеяли обмен, вовсю делают ремонт моей и своей квартиры. Как я могу их подвести?!

О господи, в этом был весь Флор...

Через неделю направились в загс, расположенный рядом с бывшим Генштабом. Ехали на троллейбусе. Я был свидетелем со стороны Флора. Кто был со стороны Тани — не припомню. Весельем и не пахло. За столом крики «Горько!» не звучали. Сестра Танина, Светлана, пришла с Ванечкой, симпатичным, высоким блондинистым мальчиком, который сразу очень понравился Флору. Позвонил Эйве и пригласил Сало Михайловича пожаловать к нему с *молодой*. Тот с радостью согласился. И позвал Грушкову-Бельску присоединиться к ним в Амстердаме.

Вот что мне рассказала Нина: «Ну конечно, я тут же вылетела из Праги. Мы сидели у Эйве за столом. Всё было бы вполне пристойно, если бы Татьяна не делала вполголоса (а это ещё хуже!) замечания *своему* Сало: “Возьми себя в руки, Салушка, не распускай язык. Думай, что говоришь”. Ласково так, но до чего настырно. Я выросла на русском языке, понимаю каждое слово, и мне стало обидно за нашего Сало. Тогда я сама сделала замечание Тане: “Он — давно уже не мальчик, он — Флор. Он знает, что говорить, с кем говорить и *как* говорить. Не дёргай его, пожалуйста!” Она не сдержалась и посоветовала мне, чтобы я не вмешивалась в их дела. Сало и побледнел и покраснел. И сказал: “Если ты ещё хоть раз обидишь Нину, я тебе этого не прощу”. Только после этого она утихомирилась. Эйве не мог взять в толк, что происходит. А я не сомневалась, что мира под оливами у нашего Сало так и не будет».

Нина оказалась права.

Флор по привычке иногда стригся в «Метрополе» — и Татьяна из-за этого устраивала ему головомойку: зачем, зачем швыряться деньгами, ну разве нельзя сходить в обычную парикмахерскую — тебя убьет?! Обедал с кем-нибудь там же, в ресторане, — опять нападки. Он приезжал из-за границы, мы с Таней встречали его, ехали к ним домой, чтобы отметить его возвращение (он это очень любил). Сало Михайлович, смущаясь и краснея, выходил *проводить* меня и во дворе доставал из-под полы пальто заказанную мною пластинку и переданный Эйве галстук с шахматной расцветкой. Это было ужасно. Из-под полы! Не взять — значило бы причинить ему нестерпимую боль. И брать не хотелось. У него дрожали руки и губы.

— Ей не нравится, если я делаю кому-нибудь подарки. Её это корбит. Я вижу — и меня трясёт.

Она безбожно курила. Просьбы Флора не делать этого — игнорировала.

И в то же время жизнь продолжалась. Отмечались праздники, дни рождения, в дом приходили гости. Флор принимал самое активное участие в оформлении стола. Ему это доставляло удовольствие. Он очень любил гостей. Бывал тут — и нередко — и Смыслов с Надеждой Андреевной. Я обычно просил его спеть что-нибудь, и он никогда не отказывался — поднимался во весь рост и становился неподражаемым Онегиным. Эту партию, как нам было известно, он не раз исполнял вместе со своим приятелем — Иваном Семёновичем Козловским. Они друг перед другом преклонялись. Сало Михайлович слушал и вертел в руках свою рюмочку-непроливайку из богемского стекла. Казалось: всё наладится, всё обойдётся. К сожалению, не «обходилось»...

Вот запись из моего дневника: «Пошли с С. М. в Измайловский парк. Взяли с собой Фелицу. Она вертелась вокруг Флора, виляла обрубком хвоста, а когда сели на скамейку, как всегда, положила бородатую и усатую мордочку ему на колени: догадывалась, что ему плохо. Чутьё не подвело её. С. М. стал говорить, что Таня (за обедом) ни с того ни с сего стала обвинять наши фашистско-сионистские организации, Троцкого, Блюмкина и К° в убийстве Есенина. Она встречалась с каким-то следователем, который доказывает, что Есенина в “Англетере” оглушили ударом канделябра, зверски избили, сломали ему рёбра, выстрелили в голову и уж затем повесили на трубе парового отопления. С. М. перестал есть и выпалил: “Опять, выходит, жида виноваты?” И услышал: “Салушка, ты не принимай это на *свой* счёт, но от правды никуда не денешься. Надо верить фактам, они — упрямая вещь!” Что это? — допытывался у меня Флор. Погром в миниатюре? “Знаете, — сказал С. М., — я искал покоя, но теперь мне ясно: я сделал самый слабый ход в жизни...”»

(Заметки на полях. Пройдёт некоторое время, и Светлана Петровна, «тронутая огромным интересом к судьбе и гибели» великого русского поэта, обратится к общественности с сообщением о работе комиссии, в которой «были явные сторонники версии убийства С. А. Есенина», в том числе «моя сестра, Т. П. Флор-Есенина». Появится на телевидении фильм Безрукова «Есенин», и говорить о нём будут с отвращением. Да и сама Светлана Петровна не удержится от осуждения: «Всё перепутано, искажено. Создан какой-то отвратительный, ничего не имеющий общего с Есениным образ. Хотели подать в суд на Безруковых, но решили, что это ниже нашего достоинства. В какой-то степени мне даже жаль младшего Безрукова. Он собирался приехать на открытие памятника Есенина в Рязани, боюсь, рязанцы устроят ему суд Линча...»

Писатель Павел Басинский скажет об этом телесериале: «Невыносимо смотреть, как актёр старательно играет плоский, оскомину набивший стереотип гениального хулигана. И в *народность* его не веришь. Остальные персонажи в большинстве тоже ужасны. (...) Самое смешное, что этот фильм убеждает, что Есенин как раз сам повесился». Один из ведущих судмедэкспертов страны Евгений Степанович Мишин, лучший у нас эксперт по повешениям и удушениям, опровергнет версию об убийстве поэта...)

В мае 1981-го Александра Александровна оказалась в больнице. Мы её проводали. Флор нежно поцеловал руку своей тёщи-ровесницы. Она всё грешила на радикулит: донимает, проклятый. Хвороба, увы, оказалась куда страшнее. Но А. А. держалась молодцом, читала стихи, подписала для кого-то несколько своих книг, рассказывала о планах на будущее. А 1 июня её не стало. Её смерть подействовала на Сало Михайловича неожиданно удручающе.

На Ваганьковском Татьяна попросила меня постоять с ним в стонке от свежей могилы.

— Не нужно ему здесь находиться, — сказала она. — Он не переносит похорон, боится их. Смотрите, как он выглядит. У него с утра повышенное давление.

И она, глотая таблетки и дымя сигаретой, ушла туда, к Светлане, к родным, прощаться с матерью.

Флор сказал:

— Я высчитал: у них в семье через каждые два года кто-то умирает. Это какая-то закономерность. Танин отец, её брат, Екатерина Александровна, теперь вот Александра Александровна. Через два года не будет и меня. Увидите.

(Так оно и случилось!)

Глава двадцать четвёртая
«ГОРЬКИЙ ЧЕШСКИЙ ШОКОЛАД»

1

Вторая встреча Нагибина с Флором, как он говорит, произошла «не скоро, почти через жизнь. В стихотворении, посвящённом Маргарите Алигер, Евтушенко пишет: “Поэт устала”. Мой редактор болела, а рукопись надо было сдавать в набор, и я поехал к нему — к ней? — на дом. Мне открыл невысокий полный человек с редкой поседевшей шевелюрой, я не сразу узнал в нём Флора (оказывается, мой редактор давно уже была за ним замужем). Материально его стало в два раза больше, чем во дни московских турниров, и раза в полтора, чем в карловарскую пору. Он знал, кого встречал, и, обладая хорошей зрительной памятью, вспомнил моё лицо, но меня тоже стало значительно больше, чем на водах, и Флору не удавалось поместить тучного старика в карловарский пейзаж, пока я ему не помог. И на радостях он тут же подарил мне плитку горького чешского шоколада с мелко толчёнными орехами. А когда я уходил — пакетик с карловарской солью. У него была неодолимая потребность что-то дарить людям. Он знал, что его современники в подавляющем большинстве своём не избалованы знаками внимания, и всегда старался доказать, что человек не так безнадёжно одинок в мире».

Слов нет, писатель испытывал искреннее уважение к Флору. Это чувство возникло у него ещё издавна, с середины тридцатых годов, с тех пор, когда он вместе с другими мальчишками каждый вечер крутился возле Дома союзов, где в Колонном зале «происходили великие шахматные баталии». Может, и он напевал: «Курят плотник и шофёр, курит сам гроссмейстер Флор». Но одного такого чувства маловато для создания портрета гроссмейстера, его одиссеи. И разве же не символично возникновение «горького шоколада» и «карловарской соли». Сочетание что надо!

Во второй приход на 2-ю Фрунзенскую до маститого литератора всё же дошло, что маэстро отчего-то «не всегда улыбается». Отчего же? Взяв с ходу мажорный тон, Нагибин уже не попытался выяснить причины замеченной им смены настроений у Сало Флора, когда волна печали накатывала вдруг на лицо этого увядавшего человека, который, в отличие от «не слишком контактного и замкнутого, хмуроватого Ботвинника», «щедро отдавал себя всем и всех впускал в свою душу». Согласен: Сало Михайлович отдавал себя — всем (ну, почти всем), но в душу свою впускал — нет, далеко-далеко не всех.

Причина благостного нагибинского тона в том, что писатель исходил из расхожего в СССР мнения о Сало Флоре — и сам признался читателю, что образ гроссмейстера складывался из его «общественного поведения и *той легенды* (курсив мой. — *В.М.*), которая сопутствует каждому выдающемуся человеку...»

Но на всяком пути бывают ухабы. Нагибин (тут уж — хочешь не хочешь!) никак не мог обойти стороной тему войны и утраты Сало Михайловичем Чехословакии. И что? Истины тут — ни словечка! Потому что ничего такого существенного, по мнению Нагибина, в общем, и не произошло. А он мог бы, если б захотел, услышать в доме Флора строки чешского лауреата Нобелевской премии Ярослава Сейферта:

Но если рухнет Прага в прах,
А я один на черепках
Останусь неутешным сыном,
Я буду эту пыль глотать...
Оставь хоть на душе печать,
Когда пожрут тебя руины*!

Нагибин, к сожалению, следует курсу «общественного мнения», не отходит от образа, утверждённого советскими шахматными историками.

В самый трудный момент жизни, говорит литератор, чешскому гроссмейстеру на помощь поспешила Страна Советов, «пригрела» его, как родного сына, стала для него второй родиной.

Слащавость этих строк — на уровне некролога! — бросается в глаза.

Судите сами. Мы уже приводили мнение Нагибина о том, что Флор прожил в нашей стране долгую счастливую жизнь. Далее сказано: он «входил в сборную команду страны, участвовал в международных турнирах, позже был главным арбитром крупнейших шахматных соревнований, имел огромный успех в качестве журналиста, жил в достатке, окружённый всеобщей любовью, нередко проводил отпуск в Чехословакии, где пользовал себя, выражаясь старинным слогом, целебными карловарскими водами».

Благостная картина, полная карловарских вод, — не правда ли? Даже слишком благостная. Догадавшись, что это так, Нагибин как чуткий человек и опытный писатель позволил себе (в предисловии, дескать, всё сойдёт) дозированной поэтической «грусть»: «(...) но... приснится (Флору. — *В.М.*) Карлов мост над тихой Влтавой, высокие Градчаны или кафе, где он мальчиком выиграл у старого профессионала, игравшего только на деньги, и защемит, защемит...»

Красиво? Наверное — но не более того.

* Перевод с чешского Василия Бетаки.

Да и не это, не это вовсе было причиной грусти! И только ли грусти? Если б — только грусти!

2

«Гитлер как будто преследовал меня по пятам», — с горечью говорил Сало Флор. Огонь войны бушевал всюду. После Англии, которую стали бомбить (вечная память тебе, легендарная Вера Менчик, погибшая во время бомбёжки Лондона!), после Голландии, которая почти мгновенно выбросила белый флаг перед гитлеровцами, после Швеции, пронацистски настроенные руководители которой вослед за Норвегией могли капитулировать, Флору пришлось-таки последовать примеру Лилиенталя: искать защиты от гибели в СССР.

— Это единственное, что тебе остаётся сделать, — сказал ему на прощанье Керес. — Скорее всего, Рая права. Я предложил бы тебе остаться в Эстонии, но... здесь ты угодишь в гестапо раньше, чем в Швеции. Не теряй времени. Беги, пока не поздно.

Флор последовал требованиям Раисы Ильиничны: он оказался в СССР на правах «соискателя». С началом войны его отправили в Среднюю Азию.

«Там, — говорит он, — я узнал, что представляют собой председатели горсоветов, секретари горкомов и райкомов, какая власть у них в руках, как распределяют они талоны на продукты питания и как от них зависит жизнь людей, буквально каждого человека. Меня “прикомандировали” к группе шахматистов, мы бывали в госпиталях, давали там сеансы одновременной игры раненым бойцам; в одном из госпиталей я видел читающую стихи Анну Ахматову; её даже хотели познакомить со мной, но что-то помешало, пришла целая группа врачей, да я, по правде говоря, не очень-то и интересовал Ахматову. И я был не в том настроении, когда тянет на знакомства со знаменитостями. Я что-то утратил в себе — и, как сознавал, навсегда.

Потом произошло неожиданное: мне сказали, что меня с женой срочно вызывают в Тбилиси. Говорят: это, по-видимому, из Москвы так распорядились. Оказалось, что тут постарался Виктор Гоглидзе, с которым я играл на Втором московском международном турнире. Его брат, Сергей Арсентьевич, занимал очень высокую должность: кажется, был заместителем у самого Берии. Поэтому Виктору, в принципе, было доступно многое. Мы с Раисой Ильиничной очень радовались: в Грузии была совсем другая жизнь — не то, что в Средней Азии. Чуть ли не в первый же день Гоглидзе повёз нас в деревню, где родился (это около Кутаиси).

В Тбилиси мне уже никто, как в Средней Азии, не задавал нелепых вопросов: почему это я “спасовал” и сдался Алехину, отказавшись играть с ним матч? В Грузии ко мне относились более тактично. Хочу уточнить: советским гражданином я стал отнюдь не в 1939-м, и не в 1940-м, и даже не в 1941-м. Вот почему нас, как привилегированных, поселили в тбилисской гостинице “Интурист” — мы ведь тогда проходили ещё по разряду иностранцев: паспорт у меня был пока чехословацкий.

Однажды позвонил Виктор и говорит:

— Сегодня вас, Саломон Михайлович, примет первый секретарь ЦК республики. Будьте готовы к семи часам вечера. Я за вами заеду. Всё будет хорошо — поверьте мне.

Я у него спросил: могу ли я взять с собой Раису Ильиничну? Он ответил утвердительно: конечно! Виктор и заехал за нами, и привёз для Раи новое, очень красивое платье. На приёме Виктора почему-то не было, он ожидал нас внизу, недалеко от здания ЦК. Собралось человек около тридцати. Был накрыт очень богатый стол (по тем временам — просто сказочный). Все разговоры велись часто на русском языке — наверно, ради меня!

Неожиданно ко мне подошёл первый секретарь, пожал мне руку:

— Это вы — Флор?

Я не стал отрицать.

— Вы меня обыграете в шахматы, — сказал он, — а я вас — в нарды. Но сейчас — не до игры. Не такое теперь время.

И, стоя рядом со мной, он произнёс тост:

— Выпьем за нашего дорогого товарища Сталина!

Несмотря на нереальность происходящего, мне мгновенно вспомнилось: 1933-й, Гастингс, новогодняя ночь. То была необыкновенная ночь! Мы решили отметить её. Как? Договорились: я с Алехиным играю против англичан — Томаса и Серджента. Вроде бы ничего особенного — но... почти на каждом поле шахматной доски стояли симпатичные рюмочки, а в них — вовсе не минеральная вода, — тут были напитки куда крепче. Я, скажу прямо, запаниковал. Что это значит? Снимаешь фигуру на каком-нибудь поле — и бери стопочку! И пей! Жуть. Спиртного я боялся как огня. Алехин меня успокоил: а ты не усердствуй, не пей до дна, ты ведь у нас в этом деле, как барышня, можешь пригубить чуток — и всё. Сделай вид, что пьёшь. Ему-то что? Он человек в таких баталиях закалённый — известно. Отступать я не мог. И как ни исхитрялся — наклюкался. Вот это был Новый год*!

* Флор признавался рижским журналистам: «Хорошо, что ходы мы с Алехиным делали поочерёдно. Но когда на пятом ходу я, поставив коня на f6, был вынужден осушить залпом довольно вместительный бокал с виски (без содо-

Но всё это — в далёком прошлом. А здесь, в ЦК... Хозяин Грузии чокнулся со мной. Попробуй не выпить — бед не оберёшься. Думаю: что со мной сейчас произойдёт? И всё равно я выпил свой стакан вина до самого дна — а что мне ещё оставалось? Вскоре первый секретарь опять предложил тост:

— Товарищи, предлагаю выпить за нашу победу!

Он отошёл от меня, и я, воспользовавшись моментом, лишь пригубил из стакана.

Мне на этом приёме сказали (по секрету, как большую государственную тайну!), что завтра-послезавтра я стану гражданином Советского Союза. И точно: мне вручили советский паспорт (шёл тогда сорок второй год), после чего, как мне было срочно объявлено, я уже перестал быть иностранцем и лишился права пребывания в “Интуристе”. В общем, мы с Раей вполне могли оказаться на улице. Но тут примчался Витя Гоглидзе — именно примчался: он уже прослышал о случившемся. Я-то думал, что он будет возмущаться, ругать директора отеля, но он только расхохотался:

— Кто бы такое мог себе вообразить! Гроссмейстера Сало Флора выставили из гостиницы! Анекдот!

И расхохотался.

Я ещё минуту назад не знал, что мы будем делать, где будем ночевать, но Виктор успокоил нас:

— Не волнуйтесь, дорогие мои друзья, всё в порядке!

Нас приняла семья Гоглидзе. Представляете, какой момент?! Раиса Ильинична даже пустила слезу. Приютили нас в доме на улице Барнова, 13, в двухкомнатной квартире. Виктор был человеком очень скромным: другой — при его-то связях — имел бы целый дворец, а тут — небольшая квартирка. Я испытывал неудобство: как же так, говорю, мы стесним вас. А он отвечает:

— Ерунда! Мы очень рады вам. Вы будете нашими гостями.

Гоглидзе свёл меня вскоре с Бронштейном. Совсем ещё молодым, необыкновенно талантливым и красивым.

Не знаю, как сложилась бы судьба Давида, если б Виктор не отнёсся к нему, как родной отец! Поискав хорошенько, можно найти немало интересного в записках у Бронштейна о тех тяжелейших вре-

вой воды), я поднял руки вверх и воскликнул: “Сдаюсь!” Англичане протестовали: нечестная игра! Пришлось продолжать... Кто выиграл, я до сих пор не помню — кажется, англичане оказались более “выносливыми”. Забавно, конечно, но, хоть убейте, не могу поверить, что Флор осушил залпом «довольно вместительный» бокал виски. Явная гипербола.

менах в Тбилиси. Давида пригрел Арчил Эбралидзе — личность легендарная, это сильный мастер, автор перевода на грузинский язык книг Ласкера, Капабланки и Эйве. В X чемпионате СССР у него было несколько начисто выигранных позиций, но он умудрился не довести дело до победы.

Известным анекдотом стал случай, когда в одной из партий (с Рагозиным) он мог взять целую ладью — и зал чуть ли не скандировал:
— Арчил, бери ладью!

В ответ на это он, покивав понимающе головой, ладью не взял, сделал какой-то нелепый ход и... сдался!

Мы ходили домой к Арчилу. Домом, впрочем, назвать эту развалюху, приютившуюся где-то у серных бань, никак нельзя, она могла рухнуть в любой миг; мебели тут не было никакой — одни книги, журналы и шахматные бюллетени.

Арчил и Давид хотели соблазнить меня: звали в винные погребки. Вино тогда было в сотни раз дешевле хлеба. Я сказал: хватит с меня и того, что я выпил в ЦК партии.

Были мы не раз и в гарнизонном Доме офицеров — там в комнате дворника жила семья Тиграна Петросяна. Тринадцатилетний Тигран ко мне просто привязался, потащил меня во Дворец пионеров, где занимался в шахматном кружке Эбралидзе. Ботвинник где-то подметил, что стиль Петросяна напоминает мой и Капабланки. Мы с Тиграном много времени проводили вместе. Я ему однажды сказал, что люди, которые рассчитывают на случайности, должны играть в карты или в рулетку, а не в шахматы; он это запомнил и нередко потом повторял мои слова.

Я счастлив, что оказался в годы войны в Тбилиси!

В его названии воплотилось тепло. Это тепло целительное.

Меня там, я уверен, помнят и до сих пор считают своим. Приглашают при любом удобном случае. Нона Гаприндашвили зовёт к себе беспрестанно. Мы к ней часто ездим вместе с Ниной Грушковой-Бельской, когда Ниночка прилетает из Праги и у неё как у международного арбитра есть дела в Москве или в Тбилиси...»

3

В те годы остались следы пребывания Флора и в Азербайджане. Он, ещё не ставший гражданином СССР, с большой охотой давал сеансы одновременной игры для раненых бойцов, посетил немало госпиталей, никогда не отказывался от приглашений. Побывал он с этой целью в апреле сорок второго и в Баку. О его приезде прослышал

талантливый мастер Владимир Макогонов, мечтавший, естественно, о завоевании звания гроссмейстера. Как известно, война мечту не отменяет. И по его просьбе был быстро организован матч Макогонов — Флор.

Сало Михайлович, сказать по правде, не любил вспоминать о том, что произошло в те дни. Поэтому послушаем Валерия Асрияна, автора книги о лидере азербайджанских шахматистов: «Интерес к событию был необычайно велик. Несмотря на военное время, зрители до отказа заполнили залы Дома Красной армии, Азербайджанского индустриального института, университета, Дома пионеров, республиканского научно-технического общества, в которых проходили партии матча. Приходили посмотреть на Флора, ещё три-четыре года назад считавшегося в числе основных соперников Алехина...»

Когда до конца поединка оставалось сыграть две партии (при счёте 5,5:4,5 в пользу Макогонова), по свидетельству Асрияна, интерес к этому матчу достиг апогея, и здесь «произошло непредвиденное». «У Флора, проявлявшего заметную нервозность в ходе единоборства, складывавшегося для него неудачно (чего он, видимо, не ожидал), произошёл конфликт с судейской коллегией (у кого, у Флора? по какой же причине? Жаль, что мы не находим ответа на этот вопрос. Вспомним, что Сало Флору суждено будет стать главным арбитром множества важнейших международных шахматных соревнований и его назовут справедливейшим из справедливейших. — В.М.)».

Как пишет Асриян, «поединок был прерван. Сейчас, по прошествии без малого полувека, трудно сказать, кто виноват в том, что матч не удалось доиграть до конца. Ясно только, что в этом не был заинтересован ни Макогонов (в случае выигрыша или даже ничейного исхода матча он мог стать гроссмейстером), ни Флор, у которого появились шансы выравнять положение.

Но факт остаётся фактом: Саломон Михайлович посчитал себя обиженным и уехал из столицы Азербайджана. “Правда” от 4 мая 1942 года рядом с сообщением о мировом рекорде штангиста Григория Новака поместила информацию из Баку: “Завершился шахматный матч между гроссмейстером Флором и мастером Макогоновым. Матч закончился со счётом 7,5:4,5 в пользу бакинского мастера”. Флор протестовал по этому поводу, но так или иначе матч был им проигран. (...) Через год Флору представилась возможность взять реванш у Макогонова. В Баку был организован двухкруговой турнир, в котором играл тандем лучших шахматистов Азербайджана — В. Макогонов и С. Абрамян и приглашённое трио — С. Флор, юный Д.Бронштейн и чемпион Грузии А. Эбралидзе. Флор занял первое место, опередив Макогонова на пол-очка. (...) Во время одной из партий (Макогонова и Флора. — В.М.) главного судью турнира вызвали к телефону. Звони-

ли по поручению пациентов эвакогоспиталя. Раненые бойцы и офицеры просили организовать передачу ходов поединка в госпиталь. Их просьба была удовлетворена».

Флор в условиях военного времени вживался в совершенно новую для себя действительность. Было это невероятно трудно. Но виду он не показывал — меня, мол, приютили, спасли.

И может быть, причина его «нервозности», о которой говорит Валерий Асриян, была вовсе не в том, что он отставал от Макогонова на очко.

Трудно представить себе Сало Флора беспричинно конфликтующим с судейской коллегией и спешно покидающим поле боя. Просто невозможно! Такого никогда с ним не происходило.

О причинах срыва матча и экстренного отъезда Флора из Баку остаётся лишь догадываться.

4

Юрий Нагибин в своём предисловии с умилением восклицал: «Как же любит Флор людей, как умеет находить в них привлекательное, он даже на дурное не может по-настоящему злиться, он огорчается, обижается, недоумевает, откуда берётся плохое, когда так легко и естественно быть хорошим».

Но что такое *хорошо* и что такое *плохо* в жизни Флора? Влезать в такие «дебри» Нагибин, конечно, не собирался; быть может, он и не ведал об их существовании. Скорее всего, что — так. Он и в самом деле находился в плену стереотипов («соцреализма», как иронизировал в подобных случаях Флор).

Основной вопрос задан Нагибиным, в общем-то, верно: ТРАГИЧНА ЛИ СУДЬБА ФЛОРА? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, он, естественно, рассматривает жизнь Сало Михайловича «сквозь призму» несыгранного матча.

Казалось бы, сам Сало Флор не оставил здесь неясностей. Им самим было сказано: «ПОТЕРЯ ЗВАНИЯ ЧЕМПИОНА МИРА — САМАЯ БОЛЬШАЯ ТРАВМА ДЛЯ ШАХМАТИСТА (выделено мной. — В.М.). От такого сокрушительного удара редко удаётся оправиться». Выступая на своём творческом вечере в ЦДЛ в 1979 году, Флор не собирался скрывать, что, говоря это, он имел в виду, разумеется, *себя* (по-иному в популярном советском журнале выразить ему эту мысль было невозможно). Да с этим мало кто захочет спорить.

Казалось бы, не будет вступать в спор и Нагибин, согласившийся с тем, что «как практический боец Флор, конечно, превосходил Эйве,

бравшего первые места лишь на второстепенных турнирах; Флор же не раз выходил победителем самых грандиозных шахматных баталий, опережая и Алехина, и Капабланку, и Ласкера. Лишь в недолгом предвоенном взлёте Капабланка вновь оставил всех позади, что признал публично сам Алехин. Но когда в пятьдесят Капа вдруг резко сдал, остался один гроссмейстер, который мог бы нарушить гегемонию Алехина, — Сало Флор».

Мог бы — да не смог! Война вдребезги разнесла не только привычный мир, но и погребла под обломками надежд ту дорогу, по которой шёл в своё будущее Флор — первый утверждённый ФИДЕ претендент на звание чемпиона мира.

Что же думает по этому поводу Нагибин? Он соглашается, что сыграть матч с Алехиным, «даже без успеха, — сияющая мечта каждого служителя Каиссы». И пусть, говорит он, Сало Флор не сыграл этого матча, *никакой трагедии из-за этого не произошло!* «Мрачные шекспировские страсти чужды его лёгкой, гармонической натуре, свободной от гипертрофированного честолюбия, стремления к самоутверждению, зашоренности. (...) С улыбкой вспоминает он о несостоявшемся поединке».

За кого принимает Нагибин этого «практического бойца», гладиатора «шахматных баталий»? Может, за любителя «сражаться» в поддавки или в оловянные солдатики?!

Давайте лучше послушаем Бориса Спасского: «Чемпион мира должен быть немножко варваром, у него должен быть развит инстинкт убийцы». Комментируя слова Спасского, Сосонко пишет: «Этим инстинктом обладали все без исключения чемпионы, независимо от их характера и стиля игры. Когда они достигали позиции, где победа была близка, в них просыпался запах крови, и они, как правило, уже не отпускали свою жертву».

Вот хотя бы один пример. У Флора с Капабланкой были преотличнейшие отношения. Но... предоставим слово — Флору: «Если учесть, что в смысле ничьей со мной так же можно найти общий язык, как и с Капабланкой, то читатель, возможно, будет удивлён, узнав, что наши партии, как ни странно, часто протекали напряжённо и далеко не всегда заканчивались вничью». Он говорит, как обиделся на Капу, когда в Москве в 1935-м начал обдумывать ход, который предстояло записать, и как кубинец слегка сердито сказал ему: чего тут, мол, думать, позиция-то ничейная, — и добавил: «Look in the book». Совет подействовал? Нет! Сало ни за что не хотел «выпускать» Капу. Он жаждал победы. Да ещё злился: «Как это он, который сам никогда не заглядывал в шахматные руководства, даёт мне совет: смотрите в книгу!»

Но Флор не был бы Флором, когда б озорно не спрашивал самого себя: если злость помогает одерживать победы, то почему бы ему не злиться почаще на своих противников? И припомнил Ригу, где проходил международный турнир, день 15 марта 1939 года и «немецкого» гроссмейстера Боголюбова.

А почему 15 марта? Да потому, что в этот день гитлеровцы вошли в Прагу!

«Было очень грустно, — говорит Флор, — тяжело на душе. Но Боголюбов смеялся, злорадствовал и всячески нас “успокаивал”. Ограничиваюсь тем, что не рассказываю, какой характер носили “успокоения” со стороны Боголюбова. Но он меня, мягко выражаясь, ужасно раздражал. Вообще-то Боголюбов был человеком добродушным, но в политическом отношении беспринципным (в то время он был ослеплён и влюблён в своего фюрера). Как же наказать Боголюбова? Только в нашей партии (которая оказалась и нашей последней встречей — после войны мы уже не виделись)!»

И Флор описывает это сражение, которое ему страстно хотелось выиграть, то, как его оппонент предлагал ничью («Ну, дальнейшее бессмысленно, хватит») и как чех ни в какую не соглашался — и в красивом, поучительном эндшпиле вырвал-таки победу. Значит, да здравствует злость? Увы. «Ведь *так*, — говорит Флор, — можно даже стать чемпионом мира?! Нет, конечно. Во-первых, у меня не было оснований злиться на других противников. И признаюсь: если бы я знал, что благодаря только злости можно стать чемпионом мира, то, поверьте: о, как бы я злился. Жуть!..»

5

Вспомним: пока было ещё возможно, пока ещё оставалась последняя надежда, он готовился к тяжелейшему матчу с Алехиным. Он не пошёл по пути наименьшего сопротивления. Он выбрал вариант довольно трудоёмкий и опасный. В случае провала его затеи на него обрушилась бы жестокая волна критики. Что он предпринял? Он вызвал на матч чемпиона Литвы Владаса Микенаса — потому что тот славился как игрок атакующего стиля.

И ещё вот почему. Партии с Микенасом почти всегда проходили у Флора очень напряжённо. С 1930 по 1938 год они встречались восемь раз, и результат этих встреч — 4:4. В августе тридцать восьмого Флор отчитался в журнале «Шахматы в СССР»: «Десять партий, сыгранных в этом матче (он окончился со счётом +6–0=4 в пользу Флора. — *В.М.*), показали, что несолидная постановка партий и рискованные атаки не могут дать успеха в борьбе с высокой техникой защиты *ведущего мастера современности* (таково, очевидно, было самоощущение

Флора! — В.М.). Ни в одной партии Микенас не мог захватить инициативу. Все его атаки легко отражались. Я уверен, что Микенас может играть лучше, чем он играл в этом матче; что же касается меня, то заключённый мною договор с Алехиным на матч за мировое первенство увеличил моё мужество и веру в себя».

Последние слова вызывают истинное уважение к их автору: они показывают, что у чемпиона мира мог бы быть достойный противник!

Нагибин пишет, что Флору в мирное время постоянно задавали вопрос о матче, который так и не состоялся: как он относится к этому факту? «На этот вопрос, — заученно говорил он, — легко ответить шуткой. Любому гроссмейстеру приятно играть и проиграть матч Алехину. В любом случае войдёшь в шахматную историю, и это будет отмечено в некрологе...»

Но согласимся: Флор имел бы право *так* ответить — на то он и Флор. Тот, кто о нём пишет, — права на это не имеет. Тем не менее Нагибин и сам не прочь отделаться шуткой. Главное для него — то, что Сало Флор «светлый, лёгкий». И пускаются в ход исторические параллели: американец Морфи, победив и Андерсена, и всех европейских корифеев, так и не сразился с «уклонистом» Стаунтоном и, глубоко разочарованный, «вернулся домой, забросил шахматы и вскоре пал жертвой душевной болезни»; «Чигорин вот-вот должен был отнять корону у великого Стейница, но ему фатально не повезло, закат его был трагически печален»; не одолел Стейница и могучий доктор Тарраш из-за роковых случайностей («вроде сломанной ноги, внезапной болезни»); гениальный Акиба Рубинштейн не нашёл средств, чтобы сыграть матч на первенство мира, «растратил силы в борьбе за существование и кончил дни в психической лечебнице». Отсюда вывод: это были трагедии! А как же с Флором? «С улыбкой вспоминает он о несостоявшемся поединке!» Не переживайте, уважаемый читатель, говорят нам, и тоже улыбнитесь. Таков, дескать, этот счастливчик Флор.

Ошибаетесь, Юрий Маркович! Флор не просто не любил жаловаться на людей — больше того, избегал этого; недовольство своей участью было спрятано на самом дне его души, оно было закодировано. К сожалению, он не восстал из праха и пытался в нашей стране быть «как все», пытался изо всех сил излучать оптимизм, показной патриотизм, инстинктивно приучил себя и самокритикой заниматься, той самой, что необходима, «как свежий воздух — комнате». Чего это ему стоило — другой вопрос.

Нагибин не понял основного: Флор, о чём свидетельствует вся довоенная практика этого гроссмейстера, был создан по образу и подобию всех чемпионов мира, что бы ни утверждали его недоброжелате-

ли — и прежде всего Ботвинник. И о каких же беззаботных «улыбках» Флора, упустившего отнюдь не по своей вине величайший шанс своей жизни, рискнул говорить Нагибин?!

Здесь автору предисловия к сборничку Сало Флора «Сквозь призму полувека» просто требовалось развенчание «мрачных шекспировских страстей», *чуждых* его герою!

Глава двадцать пятая

13 – НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО!

1

Самуил Маршак посвятил XIII первенству СССР бодрые, полные Оптимизма стихи — по правде говоря, довольно для него слабые, где были следующие строчки:

Совпал тринадцатый турнир
С эпохою такою,
Когда следит с тревогой мир
За шахматной доскою.

Не с «тревогой», конечно (это слово тут совершенно случайное), — скорее с радостью, потому что человечество вновь думало о шахматах, о будущем, о мире, о любви. Впрочем, в те поры, как известно, газетные стихи мало чем походили на шедевры. Но какое это имело значение!

Стояла поздняя весна 1944-го.

Поэзия, вся, до самого доньшка, — именно в этих словах об этой поздней весне сорок четвёртого. Тринадцатое первенство собрало под свои знамёна Ботвинника, Смыслова, Лилиенталя, Котова, Алаторцева, Бронштейна, Рагозина, Лисицына, Макогонова, Микенаса, Болеславского, Толуша... Разумеется, и Сало Флор тоже получил приглашение, что привело Раису Ильиничну в восторженное состояние. Она вообще была на верху блаженства, оказавшись в Москве, стала интересоваться журналами мод, и ей хотелось, чтобы её муж, во-первых, не оглядывался с опаской по сторонам, не пугался каждой тени («Спяишь ведь!»), а во-вторых, «не застревал в прошлом — во всех этих твоих Амстердамах и Венециях», не жил этим прошлым, смелее смотрел в завтрашний день, — и она напевала Вертинского:

Ах, сегодня весна Боттичелли,
Мы во власти весеннего бриза.

Став москвичами, они с Раисой Ильиничной чуть ли не каждый вечер ходили в кино (тут можно было отвлечься), смотрели жизне-радостные фильмы «Антоша Рыбкин», «Новые похождения Швей-ка», «Беспокойное хозяйство», «Джордж из Динки-джаза», «Девушка моей мечты»...

— Тебе повезёт в этом турнире, — уверяла Раиса всякий раз, когда они возвращались домой.

— Почему? — спрашивал Флор, хотя догадывался, что у неё на уме.

— А по счёту первенство-то какое?! Помнишь, в тридцать третьем в «Красной стреле» ты говорил Мише Ботвиннику: «У вас тринадцатое место — а “13” моё счастливое число?»

— Ещё бы не помнить! А он уличил меня в суеверии. И злорадства его я не забыл: я, говорит, тоже суеверный — и потому никогда никому не уступаю своего места!

Флор и сам всё-таки надеялся на удачу. Ведь это о нём мудрый Левенфиш накануне войны в статье «Как совершенствоваться шахматисту» сказал, насколько поразила его одна, по его мнению, поразительная черта Сало Флора — моментально восстанавливаться, восставать, как птица Феникс из пепла. Григорий Яковлевич говорил: «На первый взгляд, он выглядит слабым. Это не помешало ему после утомительной партии до утра заниматься корреспонденция-ми в различные заграничные и некоторые советские газеты. Многие ли из вас, товарищи, смогут проделать такой опыт? А на другой день Флор, как ни в чём не бывало, приходил на партию свежим и не-утомлённым».

Левенфиш не преувеличивал. Эту особенность Флора хорошо знали многие. Котов в предтурнирном интервью не мудрствовал лукаво и сказал: «Сильнейшими участниками XIII Всесоюзного первенства, несомненно, являются гроссмейстеры *Ботвинник и Флор* (курсив мой. — В.М.). Поэтому будет естественным, если борьба за первое место превратится в шахматную дуэль между ними». Либиенталь был солидарен с Котовым: «Я — скромный человек и буду доволен, если мне удастся повторить мой результат в XII первенстве СССР. Но это трудная проблема, принимая во внимание высокий класс и хорошую тренировку всех участников. Большинство шахматистов предсказывают победу *Ботвиннику или Флору* (курсив мой. — В.М.). И нужно сознаться, что эти гроссмейстеры — шахматные звёзды первой величины. Оба они обладают большим талантом, знаниями и колоссальным турнирным опытом. Борьба с ними за победу в турнире исключительно трудна».

Некий АМИ в бюллетене посвятил Флору и Ботвиннику такую вот строфу:

Ваш пламень прежний не погас,
И в дни турнирной грозной сечи
Встречаетесь в двадцатый раз
Вы с юным пылом первой встречи.

«Прежний пламень»?! «Юный пыл»?! «Грозная сеча»?!

(Далеко, слишком далеко остались те времена, когда Флор, буд-то кафкианский Йозеф К. до вторжения в его жизнь непонятного и враждебного мира, был склонен ко всему относиться «чрезвычайно легко» и «признавался, что дело плохо, только когда действительно становилось очень плохо, и привык ничего не предпринимать заранее, даже если надвигалась угроза. Но сейчас ему показалось, что это неправильно, хотя всё происходящее можно было почесть и за шутку, грубую шутку...» Как говорил Смыслов, в те дни флоровские шутки заметно потускнели, в них проскальзывал невольный страх: как бы чего не напортачить; а то ведь его предупреждали, чтобы «не распускал язык»...)

2

Но вот — 20 мая, день открытия. Состоялось оно во Всесоюзном комитете по делам физкультуры и спорта СССР. Здесь Флор, очевидно, до самого конца понял значение русской поговорки: «В чужом пиру похмелье». Он ещё не привык к таким странным церемониям. Если б он знал творчество Андрея Белого, то, может, повторил бы вслед за ним проклятье, вырвавшееся у поэта вскоре после победы революции: «...У меня какой-то ужас к политике. Я сознательно ухожу от всех “праздно болтающих”, “ненавидящих”, “друг на друга клеветующих” (...) — всё более звучит в моей душе “не любите мира сего”, столько в нём зла, ненависти здесь вокруг...» Господствовала большевистская фразеология; идеология была на самом главном месте.

Как сообщалось по радио и в печати, в своём вступительном слове председатель Спорткомитета товарищ Снегов подчеркнул огромное общественное и спортивное значение первенства: «Советское шахматное движение по своему идейному содержанию, по классу своих мастеров занимает ведущее место в мире. Только в Советском Союзе, несмотря на трудности военного времени, оказалось возможным проводить крупные шахматные соревнования». В заключение чиновник, как принято, пожелал всем участникам высоких творческих и спортивных успехов.

А что было адресовано *лично* Флору? Оказывается, говорит он, обо мне *подумали!* И подумали, добавляет он, скорее всего, когда реша-

ли «оргвопросы». Сев в первом туре за свой столик, чтобы противостоять чёрными Макогонову, он ещё находился под впечатлением от разговора с Лилиенталем, по которому соскучился (давно ведь не виделись) и который от имени своей Евгении Михайловны пригласил его и Раису Ильиничну к ним «на рюмку чая» и «шикарный» торт. *И вдруг* (как пишут в романах) Сало Михайлович заметил рядом с часами конвертик, адресованный ему. Открыл его. Прочитал. И ещё раз прочитал. («Директиву» эту он хранил долгие годы. Где она теперь?)

Гроссмейстеру Флору С. М.

Оргкомитет XIII первенства СССР по шахматам выражает твёрдую уверенность, что Вы займёте на этом чемпионате страны высокое место — не ниже четвёртого.

Желаем Вам успехов!

Нельзя сказать, что Флор в сорок четвёртом был выдающимся знатоком русского языка. Но и его знаний вполне хватило, чтобы уразуметь смысл иезуитского пожелания «оргкомитета». И всё же, чуть дрогнув (от неожиданности), он ещё не до самого конца осознал, какое место отводилось ему вообще в советских шахматах. Но не сомневался: это место будет указываться неукоснительно и последовательно. Он расстроился, и всё же не потерял головы. Надо было играть. Часы были пушены. Он даже уклонился от широко известных вариантов принятого ферзевого гамбита, без особых трудностей завершил развитие, надёжно заблокировал проходную пешку Макогонова и обеспечил для своего коня надёжную позицию. Ничья.

Дома у Лилиенталей Флор, не скрывая и тревоги, и возмущения, ознакомил всех с содержанием «директивы».

— Ерунда, — моментально отозвалась Раиса. — Напрасно ты придаёшь этому такое значение. Что важнее всего? Чтобы хватало на хлеб с маслом. А у тебя никто ничего не отбирает. Тебе желают успехов. Разве не так?

Лилиенталь, как вспоминал Флор, отнёсся к событию куда серьёзнее, чем она:

— Таких писем, Сало, сегодня больше никому не подсовывали, насколько я знаю. — И предостерёг: — Попробуй-ка поднимись теперь выше четвёртого места! По шее надают. Я — серьёзно. Так что учись играть по новым правилам, приятель.

И ещё одно событие произошло. Когда партия с Макогоновым завершилась, к Флору подошёл корреспондент, задал ему несколько вопросов; они поговорили пару-тройку минут — не больше.

— Мы опубликуем это ваше высказывание в бюллетене, — полувопросительно-полуутвердительно произнёс журналист.

— Хорошо, — ответил Флор. Он всё ещё думал о «сюрпризе» в конвертике. — Только, пожалуйста, не забудьте ознакомить меня с текстом.

— Обязательно! — услышал он в ответ.

И журналист поспешил по своим делам.

Но никто и ни с чем Флора не ознакомил.

В первом номере бюллетеня он увидел свой плохо отретушированный портретик и «свое» высказывание:

«Широкие массы шахматистов, с напряжённым вниманием наблюдающие за борьбой шахматных матадоров во время крупного турнира, в глубине души всегда рассчитывают на какую-нибудь сенсацию. Если суждено, чтобы подобная сенсация произошла на XIII шахматном первенстве СССР, то это будет лишь в том случае, если гроссмейстер М.Ботвинник не окажется лидером.

Я думаю всё же, что любители острых шахматных ощущений, пожалуй, останутся недовольны. Сильнейший шахматист Страны Советов, её чемпион — Ботвинник, — я уверен, снова сумеет подтвердить своё высокое звание. Его триумфы в международных и всесоюзных турнирах доказывают, что Ботвинник, наряду с американскими гроссмейстерами Решевским и Файном, вправе считаться ближайшим кандидатом в чемпионы мира.

Кроме Ботвинника, я, как и все советские шахматисты, возлагаю большие надежды на самого молодого в мире гроссмейстера Смылова, с честью поддерживающего высокие традиции русской шахматной школы.

Гроссмейстер Лилиенталь — один из победителей XII Всесоюзного шахматного первенства и поэтому не нуждается в особых рекомендациях. Он — мой старый приятель по довоенным заграничным международным турнирам. Сейчас мы впервые встретимся с ним как гражданине великого Советского Союза в шахматном первенстве страны. (...)

Мой результат в турнире будет зависеть не только от меня, но и от шестнадцати моих конкурентов. Все они являются твёрдыми орешками, но думаю, что и меня разгрызёт не каждый участник. Во всяком случае, я постараюсь, чтобы мой результат в турнире не явился “сенсационным”, в плохом смысле этого слова».

«Широкие массы»...

«Страна Советов»...

«Граждане великого Советского Союза»...

Весь этот непривычный для Флора тон...

Ну вот, он и «заговорил» — вопреки своей воле — на чуждом для себя языке. И уже, без всякой борьбы, отдал пальму первенства Бот-

виннику. Впору было повторить короля Лира, высказавшего всю свою боль королю Французскому: «Она твоя, король. Иди с ней прочь, нам с ней не жить. Она не наша дочь...» А какие тут эпитеты — подумать только! «Сильнейший». «Триумфы». «Ближайший кандидат в чемпионы мира»... Получилось так, говорит Флор, что окончательный крест на себе поставил я сам: «Мой результат в турнире будет зависеть не только от меня», — прежде я никогда бы так не сказал, всё зависело лишь от меня самого и от обстоятельств; я, выходит, признал, что есть те, кто заранее определяет, какую строчку в итоговой таблице мне занимать, — и я принял это как должное.

Пришла пора платить по счетам. Была сделана слишком длинная рокировка — из одной жизни в совсем другую, как говорил Сало Михайлович.

И недаром после четвертого тура, когда Смыслов опередил Флора на два очка, тот же самый АМИ разразился эпиграммой:

Мы твёрдо верим в силу Флора.
Но всё ж — не велика ли фора?

Впрочем, всё завершилось более или менее благополучно, именно так, как и было *запланировано*. Соблюдать «дистанцию» оказалось не слишком сложно. Поэтому передовая статья итогового номера бюллетеня вольно или невольно «взяла под защиту» вчерашнего чеха: «Игра Флора в этом турнире получила, на наш взгляд, совершенно неправильное освещение. Если послушать некоторых шахматных комментаторов, то получается, что они *упрекают Флора за его хорошую технику, на которую он понадеялся, но она оказалась недостаточной* (ну и как? понятно? такой вот стиль. — В.М.)... Прежде всего надо заметить, что хорошая техника вовсе не такой уж грех для гроссмейстера. Затем. *Флор как раз в данном турнире и не проявил в полной мере свою технику* (курсив мой. — В.М.), он выпустил, например, Сокольского и Микенаса, а главное, его дебютная техника при игре чёрными была далеко не на высоте. Флор, играя чёрными, выиграл всего одну партию — и то у Бронштейна, против которого он стоял плохо. (...) В остальном, если не считать недостаточный уровень дебютной техники, Флор играл прекрасно, и его результат (конечно, *указанное четвертое место!* — В.М.) никак нельзя расценивать как неуспех».

Комментарии Флора были таковы:

— Попад на чемпионат через московский полуфинал, я догадывался, что всё будет не так, как было в довоенные времена, на тех давних турнирах, где я был прежним Сало Флором, был в одном ряду с Але-

хиным, Ласкером, Капабланкой, а потом уже и с тем же Ботвинником. Вот только не мог я точно представить, каким именно образом опустится передо мной шлагбаум. А что опустится — нисколько не сомневался. Вот мы с Бронштейном познакомились в Тбилиси (я рассказывал об этом), и вместе с ним мы стали участниками первенства — он «пробился» в бакинском полуфинале, заняв четвёртое место. Но между нами была разница, огромная разница. Не пятнадцать лет, на которые он был моложе меня. Я не об этом. Суть заключалась совсем в другом. Он ещё не переходил дорогу Ботвиннику. А я переходил. И не раз. Такого, по мнению Ботвинника, больше не должно было случиться. Я попал, как говорится, на его территорию. И он, скорее всего, как обычно, попросил «кого надо», чтобы Сало Флор пореже «возникал». Может, я ошибаюсь — но вряд ли. Что он сделал, когда его позиции пошатнулись после неудачи на XII первенстве? Да всем это известно, ни для кого это не было секретом: он напрямик пошёл к Жданову и подсказал тому идею проведения матча на звание абсолютного чемпиона СССР, чтобы там победить, возвыситься над всеми, вернуть утраченное и не оказаться, не дай Бог, где-нибудь на обочине. Он на такие дела был мастак! Он этого и не скрывает, впрочем. Ну а Бронштейн? Ему испытания Ботвинником только предстояли. Узнав поближе Михаила Моисеевича и посягнув в матче с ним на принадлежавшее тому чемпионство, он посвятил патриарху и справедливые, и остроумные высказывания, которые разошлись по шахматному миру, — например, о том, что Ботвинник наподобие «молотобойца» занял свой «сектор» и машет «молотом» над головой: мол, попрыбуй-ка подойди к нему...

«Сектор» Ботвинника — здорово, в сердцах сказано!

Бронштейну вторят многие. В этом я лишний раз убедился, прочитав письмо, полученное Богатырчуком в ноябре 1983 года от Эдуарда Штейна. Что касается Богатырчука, то его имя Флор не единожды произносил с искренним уважением и называл Фёдора Парфеньевича после Второго московского международного турнира *запорожским казаком* — может, за пышную шевелюру, самобытность и крепкую жизненную хватку, за дерзкие дебютные вылазки и умение держать оборону в самых трудных позициях. (Добавлю, что ксерокопия письма Эд. Штейна была прислана Воронкову, который, как мне известно, готовит к печати книгу о Богатырчуке — выдающемся шахматисте и виднейшем учёном.) В письме говорится: «Посылаю Вам гранки своей и Ленни Кавалеро статьи “Фёдор Богатырчук — забытый чемпион”. (...) Возможно, что Вы знаете из прессы о приезде в Нью-Йорк М. Ботвинника, который присутствовал на чемпионате мира среди компьютеров. Он был центром внимания и, как говорят, вёл себя

весьма фривольно. Из квартиры гроссмейстера Льва Альбурта я по телефону связался с Ботвинником. До начала этого разговора мне было известно, что в шахматной федерации Ботвиннику показали гранки моей статьи с партией и Вашими к ней комментариями. Я представился, и он поначалу хотел мне дать по телефону интервью (он, оказывается, слышал обо мне). Я ему сказал, что меня интересует ряд вопросов, связанных с Алехиным и Богатырчуком. Последовала пауза, после чего он от этой тематики отказался. В повышенном тоне он мне заявил, что якобы Вы после войны в каком-то английском журнале утверждали, что в СССР шахматистов заставляли ему проигрывать. Он вопил, что это неправда. Я же в ответ сказал, что мне известно множество случаев, когда такое происходило, но с другими шахматистами. Из Ваших мемуаров мне известно, сказал я ему, что у Вас были большие неприятности от Крыленко за победу именно над ним, Ботвинником. Чтобы спустить разговор на тормозах, он мне сказал: “Да, играл он очень-таки неплохо”. Я не удержался и поправил: “Возможно, что таки неплохо, но вот против Богатырчука у Вас самый плохой счёт во всей Вашей блестящей карьере”».

И коли возник у нас здесь разговор о Фёдоре Богатырчуке, нельзя умолчать о том, что чудовищная деформация, исподволь произошедшая с Сало Флором — человеком, с его психологией в сталинском заповеднике, нет-нет да и толкала его на шаги, которыми не гордятся и о которых потом хочется навсегда забыть, будто о кошмарном сне. И вот выдалась okazия согласиться с журналистом Львом Харитоном, написавшим в статье «Как Флор на Корчного “наехал”»: «(...) В тоталитарной системе, которую СССР представлял как государство, ничто не преподносилось так просто, задаром. Всегда нужно было заплатить высокую моральную цену — чтобы выжить и преуспеть. (...) Строки, написанные Флором, которые я нашёл в книге Корчного “Антишахматы”, показывают, что Флор был, как и большинство его современников в Советском Союзе, рабом коммунистического режима». Попробуй поспорь с этим!

Напомню, что Сало Михайлович о Фёдоре Парфеньевиче в наших разговорах ни разу не сказал ни одного худого слова. Наоборот! И тем не менее вскоре после смерти Сталина, когда люди всё ещё были парализованы страхом и боялись раскрыть рот, когда ещё XX съездом даже не пахло и слово «оттепель» лишь собирались поместить на обложку сенсационной (по тем временам) книги Ильи Эренбурга, Флору пришлось-таки изменить себе. Увы...

По воспоминаниям президента Канадской шахматной федерации профессора Натана Дивинского, в 1954 году, в дни проведения Всемирной шахматной олимпиады в Амстердаме и сопутствовавшего ей конгресса ФИДЕ, Флор агитировал его участников не присуждать

звания международного гроссмейстера Богатырчуку. Из песни слова не выкинешь. Остаётся лишь догадываться, *чи* наставления двигали им и *что* с ним при этом происходило. На душе у бедняги, слов нет, было мутно. Это сочувственно подтверждает профессор Дивинский, говоря, что имел тогда с ним беседу и что выглядел Сало Михайлович просто ужасно, что сознавал, на какой поступок пошёл, и заметно конфузился. Это тоже был слабейший жизненный ход.

Да, Флор не мог повторить вослед за близким ему кафкинским героем сказанные в ходе подлого *процесса* слова: я, мол, вопреки всему, внутренне всё же свободен и сумел бы «изничтожить всё их судопроизводство — по крайней мере в том, что касалось его дела», но постоянные тревоги, сомнения и муки Йозефа К., не прошедшие мимо, стали подлинным кошмаром, преследовали его: ну неужели теперь «даже в самой малости» нет возможности, нет сил поверить в себя?!

3

Почему Флор после войны не вернулся в Чехословакию? Ведь его тянуло туда, *к себе домой*, тянуло неимоверно!

Александру Котову удалось в «Белых и чёрных» показать, чем была Прага в жизни Сало Михайловича, — и показал он это через Алехина, пожаловавшего в столицу Чехословакии, чтобы встретиться с симпатичнейшим Сало в кафе «Амбассадор». Описание занимает немало места — и потому остановимся лишь на таком фрагменте из книги:

«Дважды обошёл Алахин вокруг Вацлавской намнести. Вдруг за стеклом одной из витрин магазина он увидел знакомую фотографию. “Опять”, — подумал Алахин, и его невольно охватило чувство досады и зависти. Подойдя поближе, он увидел большой портрет Флора, водружённый над целой пирамидой ботинок фирмы “Батя”. Огромный плакат перерезал наискось окно, крупные буквы призывали чехов: “Покупайте ботинки фирмы «Батя», именно нашу обувь носит Сало Флор”. Всего час назад Алахин видел такой же рекламный призыв на окне магазина мужских сорочек, раньше он встречал такие же витрины с выставленными напоказ “флоровскими” тапочками, одеколоном, сигаретами, хотя Флор никогда в жизни не курил. (...) Популярности Флора в родной стране — вот чему завидовал чемпион мира. Чехи на руках носили своего любимца, он был их кумиром, национальным героем. В газетах, журналах, в витринах магазинов часто можно было увидеть его портрет с наивной улыбкой ребёнка и морщинками в уголках глаз. Каждый успех Флора, каждая его неудача чувствительно переживались не только отдельными любителями.

Волновалась и “болела” буквально вся страна. “Как там наш Сало? Браво нашему Флорику — опять он победил!” — только и слышал АLEXIN во всех уголках страны».

Так отчего же Флор не возвращался?

Этот вопрос может задать тот, кому неизвестно, что творилось в его бывшей стране в послевоенное время. Там свирепствовали репрессии, ничем не уступавшие сталинским. Никто этого и не скрывал. До Флора доходили слухи — один страшней другого: немцы и венгры депортируются, раскрыт «заговор» в Словакии, Масарик и Бенеш изобличены как «лакеи империализма», любая мало-мальская оппозиция искореняется, подавляется, ведётся «чистка» в редакциях газет, в учебных заведениях, в учреждениях.

На этой мутной волне всплыл позже и Людек Пахман. О его шахматном даровании заговорили многие. Но заговорили с ужасом и о том, что Пахман стал активнейшим «бойцом за социализм».

— Что произошло тогда с людьми? — недоумевал Флор. — Я просто не узнавал некоторых из них. Подменили их, что ли! А Пахман? Бред какой-то. Нашёл мой адрес, стал мне писать, добиваться встреч со мной. Одно и то же: возвращайтесь, soudruh* Флор, мы примем вас в свою партийную ячейку, будем бороться вместе за светлые идеалы человечества, и не надо держать зла на советских шахматистов за то, что они по решению вашей партии обязаны помогать Михаилу Ботвиннику и не имеют права конкурировать с ним; главное — противостоять Западу, а это Ботвинник понимает лучше всех. Поучал он меня, как маленького, хотя моложе меня на целых шестнадцать лет! Убеждал: soudruh Флор, люди становятся другими, они живут новыми идеями, мы победим во всём мире! «Мы» — надо же придумать...

Звонки, письма, телеграммы Пахмана (как писали в западной прессе, «одной из зловещих фигур готвальдовского режима») травмировали душу Флора, хотя и не было причин бояться этих «связей»: не тот случай. Скомпрометировать они не могли. Тогда Пахман был у нас, разумеется, в фаворе. Но Сало Флор упорно не отзывался на приглашения. Перебежчиков не любят, к ним относятся подозрительно. Почему, спросят, покинул Советский Союз? Чем тебе там не угодили? В Праге — те же гэбэшники. От них ведь нигде не скроешься. Везде разыщут. Какой смысл менять шило на мыло?

Может быть, тогда Флор и уверился, что социалистический лагерь — это и есть лагерь. В общем, «рыпаться» он не собирался. О «длинных руках» чекистов наслышался он немало.

* Soudruh — товарищ (чешск.).

Глава двадцать шестая

«ЧЁРНЫЙ СПИСОК» БОТВИННИКА

1

Марина Цветаева с горечью восклицала: Пушкин был гениально женат! Сало Флор тоже был «гениально» женат, причём оба раза, но нельзя замыкаться лишь на этой стороне флоровской судьбы, чтобы из-за деревьев леса не проглядеть. Цветаевская формулировка вместила в себя всю, до конца, жизнь великого русского поэта, в которой счастье и красота неотделимы от несчастья и уродства, от трагедии. Эта формулировка невольно вспоминается, когда думаешь о жизни Флора. И — пастернаковское: «Когда б я знал, что так бывает, когда пускался на дебют». Что-что, а дебют у Сало Флора был редкостный. Ганс Кмох знал, что говорил, когда сообщал из Берлина с турнира 1928 года: «Да, действительно Флор! Эту фамилию придётся запомнить». Недаром С.Вайнштейн в 1933-м восторгался: «Перед нами — огромный шахматный талант, мастер большого класса». И он же утверждал: «Стихия Флора — миттельшпиль. В этой стадии он безусловно сильнее всего». Но — нет: жизненный миттельшпиль, если продолжать параллели, Флору не удался. И не по его вине. Об этом мы уже сказали.

Особую главу в нашем повествовании должны занимать взаимоотношения Флора и Ботвинника: они заслуживают даже отдельной книги, потому что они определяют место Сало Михайловича Флора в советской шахматной иерархии и его самоидентификацию.

Обратимся вновь к «Процессу» Кафки. Что делать, это была любимая книга Флора. Один из тех, кто не позволял Йозефу К. сделать ни шаг влево, ни шаг вправо и «опекал» его, с обидой выговаривал ему: «Господи, Твоя воля!.. Почему вы никак не можете примириться со своим положением? Нет, вам непременно надо злить нас, и совершенно зря, ведь мы вам сейчас самые близкие люди на свете!»

Ботвинник тоже был гениальным «опекуном» Сало Флора — конечно, в меру своего разумения.

А всё началось, как помнит читатель, с матча 1933 года.

Флор вздыхал:

— Свою большевистскую принципиальность Ботвинник начал проявлять ещё юнцом, уже с тех пор, когда перекрыл в двадцать девятом дорожку в полуфинал чемпионата СССР Ильину-Женевскому: нарушать закон — ВОСПРЕЩАЕТСЯ!!! Всё, точка. И сам себя (в своей книге) критиковал: превеликая гадость, мол. Но вот свой интерес

он отстаивал, надо сказать, самоотверженно! Видите: то правила не велят, то нарушить эти правила, когда *нужно*, — без проблем! И гневался, если не по его желанию выходило. Такова уж моя доля, что я на протяжении всей жизни ощущал на себе, на своей шкуре, что означает ботвинниковский прессинг. Могучий, надо признать, потому что у него (что правда, то правда) почти всё могучим было! Вначале я относился к этим *особенностям* Михаила Моисеевича беззаботно, даже снисходительно — ну... что-то вроде «мне с ним детей не крестить». Я только усмехался.

Матч Флор — Ботвинник вошёл в историю и дал возможность Крыленко по долгу службы проехать идеологическим катком по «буржуазному гроссмейстеру» (вспомним хотя бы его полные жёлчной иронии выпады: «А где же знаменитый комбинационный талант Флора?» и «Ботвинник (...) держал его в клещах своей строгой позиционной осторожной игры...»). Ну, это Крыленко. А Ботвинник? Его слова для Флора, как шахматного мыслителя и художника, были куда важнее! Прощаясь, чтобы ехать на турнир в Гастингс, Сало чуть ли не дружески подарил Михаилу (они были так молоды!) свою фотографию с надписью: «Новому гроссмейстеру с пожеланиями дальнейших успехов». Взаимности, однако, не последовало! Ботвинник продолжил «дискуссию» в духе матчевых частушек своего приятеля Моделя («Ужель он гений, а я пижон?»).

«Простодушие» стиля М.М.Ботвинника как шахматного литератора и мемуариста поражает. Оно равно саморазоблачению! То и дело он *проговаривается*. Ничейный счёт в матче 1933-го позволил ему тут же — в Доме учёных — на диспуте о его итогах перейти от защиты к нападению в споре со «старшим поколением» — Левенфишем и Романовским, которые, как был уверен Михаил Моисеевич, после московской половины «расточали похвалы Флору». Дружья ему сообщили, что и тот, и другой будут «нападать» и раскритикуют за равный счёт и обилие ничьих. Тут-то и настала пора расквитаться, ринуться в контратаку.

«Рассказываю собравшимся, — пишет Ботвинник, — о закулисной стороне матча, о психологической стороне борьбы, о непробиваемом стиле Флора и т.п. В заключение *не сдержался* (курсив мой. — В.М.) и напомнил об итогах матча Боголюбов — Романовский в 1924 году (6,5:2,5). Пётр Арсеньевич, — спрашиваю Романовского, — вы тогда, видимо, правильно играли с творческой точки зрения? Какой же вид имели бы теперь советские шахматы, если бы я играл с Флором по Романовскому?»

В его азарте ощущалась непримиримость прежде всего по отношению к Флору. С Романовским и Левенфишем справиться ему было

проще, нежели с этим Наполеончиком из Праги. И он это держал всегда в душе. Прощать он, скорее всего, не умел. Уже в Амстердаме-38, когда туман рассеялся, у Ботвинника камень с души упал: ясно ведь, что Флор будет искать убежище именно в СССР, что никуда он теперь не денется и что ему придётся уяснить раз и навсегда, *кто истинный лидер!* Подобное чувство удовлетворения испытал он точно так же, когда Пауль Керес стал *советским* гроссмейстером и впервые в 1940 году приехал в Москву, чтобы принять участие в чемпионате СССР. Керес, как и Флор, был поражён небывалыми привилегиями Ботвинника.

Генна Сосонко заметил по этому поводу: «Тот был не только признанным первым номером, но и вёл себя соответствующим образом. (...) “Турнирные условия являются подходящими для Мишеньки, но не для остальных соперничающих”, — писал Керес домой с турнира на звание абсолютного чемпиона Советского Союза. В кругу близких он до конца жизни называл Ботвинника Мишенькой, произнося это имя с иронической улыбкой...»

2

В декабре 1945 года Керес с женой были в Москве, и Ботвинник пригласил их вместе с Флором и Лилиенталем к себе на обед. «Я знала, что Пауль и Ботвинник недолюбливали друг друга, но внешне это ни в чём не проявилось, — говорит Мария Керес, — обед был превосходный, все приличия соблюдались, но, когда зашла речь об Алехине, Ботвинник тут же сказал, что он такому человеку руки бы не подал... Он имел в виду, конечно, Пауля...» Но уже через несколько месяцев Ботвинник начал подготовку к матчу на первенство мира... с Алехиным!

И, конечно, подумал о своей традиционной «экипировке». Почти вся страна лежала в руинах. Кто же не знает, какая была адская разруха: острая нехватка продовольствия и промышленных товаров, голод и холод, в ходу — карточная система, разрушено около двух тысяч городов, уничтожено 70 тысяч сёл и деревень, взорвано и выведено из строя 31 850 заводов и фабрик, 1135 шахт, 65 тысяч километров железнодорожных путей. Страна потеряла треть своего национального богатства. Однако по-прежнему оставался в силе принцип власти имущих: у нас есть всё — но не для всех! Ботвинник и теперь сохранял верность самому себе.

Шахматному историку Юрию Шабурову (о чём он написал в русско-английском журнале «The Chess Herald» № 1, 1994) удалось обнаружить в Государственном архиве России «Материалы по подготовке первенства мира 1946 года». Вот что он говорит (прошу прощения за столь пространную цитату):

«На чуть пожелтевших от времени листках я прочитал:

**ПРОЕКТ ПЛАНА ПОДГОТОВКИ М.М.БОТВИННИКА
К МАТЧУ С АЛЕХИНЫМ**

1-й вариант (начало матча 12 августа 1946 года)

1. Подписание соглашения о матче — около 1 апреля.
2. Закрытый матч с Кересом (20 партий). 10 мая — 1 июля.
3. Приезд в Англию 15 июля.
4. Начало матча — 12 августа.
5. Аналитическая и спортивная работа Ботвинника с Рагозиным по особой программе.
6. Этот вариант (начало матча 12 августа. — Ю.Ш.) предлагает Дербишир, он крайне невыгоден для нас, так как мало остаётся времени для подготовки, и на него можно пойти лишь при крайних обстоятельствах. В этом случае Рагозин не будет участвовать в турнирах.

2-й вариант (начало матча 3 февраля 1947 года)

1. Подписание соглашения о матче около 1 апреля.
2. Участие в международном турнире в Москве (10 мая — 10 июня).
3. Участие в матче СССР — Англия (22–26 июля).
4. Участие в матче СССР — США (1–4 сентября).
5. Закрытый матч с Кересом (1 октября — 20 ноября).
6. Приезд в Англию 6 января 1947 года.
7. Начало матча 3 февраля 1947 года.
8. Аналитическая и спортивная работа Ботвинника с Рагозиным по особой программе.

Этот вариант наиболее целесообразен. В этом случае Рагозин также будет играть в международном турнире в Москве и, кроме того, матч с Бондаревским (на звание гроссмейстера. — Ю.Ш.).

Обеспечение подготовки

1. Трёхнедельное пребывание (с 15 марта) Ботвинника и Рагозина в доме отдыха “Сосны”, а в дальнейшем Ботвинник и Рагозин могут в любое время и на любой срок приезжать в дом отдыха. Здесь будет проходить подготовка и тренировка. (Мы просим разрешения на одновременный приезд семей в дом отдыха.) Кроме того, необходимо пребывание Ботвинника и Рагозина в санатории сроком на 1 месяц.

2. Для подготовки к матчу Ботвиннику (до конца матча) нужен Рагозин. Он будет помогать по всем вопросам творческого характера и до приезда Рохлина возьмёт на себя организационные дела. Рохлин (после своего приезда) будет отвечать за организацию матча. В помощь ему можно привлечь Гольдбергера и Германа. За библиографическую работу будут отвечать Греков и Майзелис. Необходимо обеспечить участие Кереса (см. план подготовки).

(Сразу поясню читателям, кто есть кто. В. Рагозин — гроссмейстер, теоретик, многолетний тренер Ботвинника. Я. Рохлин — мастер, известный шахматный организатор. Г. Гольдберг — мастер, в будущем тренер Ботвинника в двух матчах на первенство мира. В. Герман — тогдашний председатель Всесоюзной шахматной секции, редактор журнала «Шахматы в СССР». Н. Греков — шахматный историк, переводчик; в 20-х годах издавал журнал «Шахматы». И. Майзелис — исследователь эндшпиля, знаток шахматной литературы. — Ю.Ш.)

3. Валюта в сумме 200 долларов для закупки иностранных книг и журналов.

4. Исправная автомашина с обслуживанием.

Личные нужды Ботвинника

1. Помещение матери в терапевтическое или нервное отделение Кремлёвской больницы для обслуживания здоровья, а в дальнейшем устроить на постоянное пребывание в хороших условиях. Сейчас она находится в психиатрической больнице им. Ганнушкина (в тяжёлых условиях). Справка из больницы о возможности её содержания в нервном или в общем отделении есть.

2. Отпуск с сохранением содержания по наркомату (НКЭС) по 1 января (1-й вариант) или по 1 июня (2-й вариант) 1947 года.

3. Отпуск жене по Большому театру на время матча.

4. Материальная помощь — ... рублей ежемесячно.

5. Увеличение продовольственного лимита из следующего расчёта: 2 кг. сливочного масла, 1,5 кг. зернистой икры, 5 кг. фруктов, 2 кг. шоколада.

6. Снабжение промтоварами (по прилагаемому списку), которые необходимы для приезда с семьёй в Англию.

7. Летнее пребывание семьи (жены и ребёнка) в доме отдыха.

8. Желательно получение квартиры большей площади. (...)

Список промтоваров, необходимых для экипировки

Ботвинника с семьёй перед поездкой в Англию

1. Мужские вещи:

1. Летний костюм — 1; 2. Вечерний костюм — 1; 3. Демисезонное пальто — 1; 4. Зимнее пальто — 1; 5. Летнее пальто — 1; 6. Полуботинки — 2 пары; 7. Верхние рубашки — 4; 8. Летние рубашки — 4; 9. Шляпа — 1.

2. Дамские вещи:

1. Демисезонное пальто — 1; 2. меховое пальто — 1; 3. Вечерний туалет — 1; 4. Дневной туалет — 3.

3. Бельё и детские вещи».

Ботвинник не сомневался в том, что его «заявка» будет удовлетворена. Так было всегда. Чтобы получить элитный участок в посёлке на

знаменитой Николиной горе, он, по его словам, пригрозил: «...участка не дадут — от звания чемпиона мира отказываюсь, о чём и написал в ЦК партии. (...) Несмотря на возражения председателя Моссовета Яснова, принято решение о предоставлении участка на Николиной горе, а Министерству электростанций поручено оказать содействие в строительстве...» Тогда же Ботвиннику была выделена служебная автомашина. «Но вот беда — на неё полагалось всего лишь 50 литров бензина в месяц. Начальник канцелярии министра предложил мне написать заявление в Правительство. И вот в мае вышло распоряжение Совета Министров об увеличении лимита на бензин до 250 литров в месяц. Распоряжение было подписано... Сталиным. Вот это централизация!»

В «заявке» Ботвинника все пункты поражают воображение! Но, пожалуй, больше всего потрясает его стремление *заставить* Кереса, который и сам был законнейшим претендентом на звание чемпиона мира, дать согласие на «закрытый» матч. Секретный, иначе говоря. Ничего более унижительного для Пауля Петровича и придумать было нельзя. И какова же здесь формулировочка: «Необходимо обеспечить участие Кереса!» ОБЕСПЕЧИТЬ. Вроде как доставить под конвоем.

Бывший заместитель главного редактора журнала, где была напечатана статья Шабурова, шахматный историк и литератор Сергей Воронков прислал мне фрагмент своей статьи на сайте ChessPro, в которой он касается этой темы:

«А теперь вдумайтесь: Ботвинник требует в спарринг-партнёры не кого-нибудь, а именно Кереса — главного, по мнению Алехина, претендента на матч с ним (об этом чемпион заявил в феврале 1944-го в интервью для “Chess Review”). Михаил Моисеевич сознаёт, что, стань об этом известно в шахматном мире, — скандала не избежать. Поэтому особо оговаривает — “закрытый матч”. Но условия-то серьёзные: 20 партий, почти два месяца игры. Поймите, да ведь это же финальный матч претендентов! Только играемый в тренировочных целях одного из соперников...

Совсем недавно Игорь Ботвинник предпринял попытку обелить своего двоюродного дядю, заявив на страницах “64” (№ 4, 2008): “скорее всего, план составлен каким-то чиновником из СК”. Рассчитано на простаков. Хотел бы я увидеть чиновника Спорткомитета, который по собственной инициативе посмел бы хлопотать о “получении квартиры большей площади” для Ботвинника, а о его матери написать, что “она находится в психиатрической больнице им. Ганнушкина”! А взять фразу: “Мы просим разрешения на единовременный приезд семей в дом отдыха”. Это кто просит: тоже “чиновник из СК”? Или всё-таки Ботвинник с Рагозиным, перечислению личных нужд которых посвящена целая страница?

В подтверждение своей “версии” Игорь Юльевич привел слова Ботвинника, сказанные им якобы ещё при жизни: “Какие идиоты! Как я мог планировать закрытый тренировочный матч с моим главным соперником Кересом, да ещё из 20 партий!” Начнём с того, что зимой 1946 года Керес был не “главным соперником” Ботвинника, а изгоем, которому не разрешали играть в турнирах. Далее: непонятно, что мешало племяннику “вспомнить” эти слова раньше? Но главное: почему сам Ботвинник не выступил в печати с опровержением — ведь статья Шабурова появилась, напомним, в январе 1994-го, за полтора года до его смерти? Ответ напрашивается: Михаилу Моисеевичу нечего было возразить. Автор статьи указал всё: фонд, опись, номер дела... Племянник лукавит, утверждая, что “под планом не было подписи”. Была! Но... “Нижняя половина третьей страницы документа оказалась аккуратно оторвана, — пишет Шабуров. — А ведь на ней должны были находиться визы-подписи тех, кто составил и одобрил этот план: Ботвинника, Рагозина и т. д. *Без такого официального оформления документы не включались в папки-дела, подлежащие хранению в государственных архивах* (выделено Воронковым. — В. М.). Видимо, позднее кто-то решил сохранить в тайне круг лиц, участвовавших в подготовке документа».

4

Сало Флор и Пауль Керес, два претендента на чемпионское звание, оказались в неблагоприятной для них среде, и это ещё больше сблизило их. Они понимали друг друга без слов.

Здесь в самый раз обратиться к свидетельству Андрэ Лилиенталь.

«Особенности послевоенного советского спорта... — писал он. — Кто такой помполит? (...) Всегда действовало правило, согласно которому советские спортсмены, т.е. шахматисты, перед поездкой за рубеж на соревнования должны были присутствовать на так называемом собеседовании в НКВД. Перед отъездом в Лондон, где должна была состояться встреча Англия — СССР в 1946 году, мы, т.е. наша команда, прибыли в НКВД на площадь Дзержинского на собеседование. “Начальник”, или кто он там был — сказать трудно, задавал мне разные вопросы, например: “Товарищ Лилиенталь, сколько времени вы собираетесь оставаться в Англии?” Этот мерзавец уже знал, что мой брат живёт в Лондоне, поэтому он ставил мне ловушки, ждал, что я отвечу.

Я настолько разозлился, что обратился к Бондаревскому: “Скажи, Игорь, сколько!” И Игорь ответил вместо меня.

Итак, мы прибыли в Лондон.

С нами ехал Дмитрий Васильевич Постников, заместитель председателя спортивного комитета, и ещё так называемый помполит. Мы с Флором и Кересом, как бывшие иностранцы, ломали голову — что такое помполит? Но скоро мы узнали. Наш руководитель — помощник по политической части строго предупредил нас: «Товарищи! Будьте бдительны! Англия — очень опасная страна, вас могут спровоцировать. Ходите только вместе — вдвоём или троём».

А потом помощник по политической части в тот же день исчез и только через неделю по окончании матча с англичанами, перед возвращением в Москву, он наконец-то появился на горизонте.

А где он был, угадать нетрудно — он занимался шпионажем. Мы, бывшие иностранцы, то есть Пауль Керес, Сало Флор и я, узнали, кто такой помощник по политической части!»

Бывшие иностранцы твёрдо уяснили, что они Ботвиннику — не ровня, что проходит тот по другому, куда более высокому, недостижимому для них разряду. Его ходить строем не заставляли, не посмели бы.

5

Михаил Моисеевич с чувством собственного достоинства и с гордостью заявлял, что в жизни ему повезло. И ничего тут *сказочного* нет. Причину он видел в следующем: «Как правило, мои личные интересы совпадали с интересами общественными — в этом, вероятно, и заключается подлинное счастье. И я не был одинок — в борьбе за общественные интересы у меня была поддержка. Но не всем, с кем я общался, так же повезло, как и мне. У некоторых личные интересы расходились с общественными, и *эти люди мешали мне работать* (курсив мой. — В.М.). Тогда и возникали конфликты». Вот истоки характера, личности Ботвинника, проявления которых иногда приводили Флора в уныние и даже в ярость (почти для всех окружающих, однако, не приметную; всё это он держал внутри). Ведь и он был, увы, среди тех, кому не «повезло», как Ботвиннику: очевидно, его интересы не стыковались «должным образом» с «общественными».

А вот ещё штрихи к портрету Ботвинника.

«Представим себе, что в одном человеке соседствуют исключительная человеческая мягкость и не меньшая жестокость, объективность и субъективность, доверчивость и подозрительность, уверенность в своих силах и неверие в них, прямолинейность и хитрость, сдержанность и горячность». Этим словам, рисующим образ Ботвинника, вполне можно доверять, потому что принадлежат они Григорию Гольдбергу, знавшему Михаила Моисеевича, как немногие: всё-таки он был его тренером и секундантом в матчах на первенство мира.

Высказывание Гольдберга Флор, сразу же после того как ознакомился с первым изданием книги Ботвинника «К достижению цели», где обнаружил далеко не лестные высказывания по поводу своей персоны, прокомментировал следующим образом:

— У Гольдберга некоторые определения, по-моему, не до конца, что ли, верные. «Человеческая мягкость»! Что там ещё? «Объективность»! «Доверчивость»! Это, по-моему, другой Ботвинник. Но, в целом, здорово. Всё равно очень хорошо сказано. Надо бы ещё добавить, что Уланова Галя фокстрот танцевала слабо, а Михаил Моисеевич — на уровне профессионала!

Флор завёлся не на шутку. Допёк его Ботвинник.

К месту будет здесь и история, касающаяся матча на первенство мира Ботвинник — Бронштейн и рассказанная Марком Таймановым:

«Чемпион мира (после того, как была отложена двадцать третья партия. — *В.М.*) в хорошем настроении покинул сцену Концертного зала им. Чайковского. Его встретил радостный Флор, и они, как обычно, пешком отправились домой к Ботвиннику. По дороге секундант приводил по памяти варианты, которые должны принести желанную победу. Поужинав, сели за доску и вместе проанализировали позицию из отложенной партии. К ночи Флор ушел домой для скрупулёзной шлифовки анализа, договорившись, что утром они расставят все точки над “і”. Так и случилось. С учётом очевидного “секретного” хода, который был должен накануне записать Ботвинник, сомнений в его победе уже не оставалось.

В игровой день они вместе прогулялись, пообедали и отправились на доигрывание этой, по существу решающей, партии.

Эмоциональный Флор не скрывал своей радости по поводу ожидавшейся развязки, а Ботвинник охотно ему поддакивал. Наконец они пришли к турнирному помещению. Сало пожелал “ни пуха, ни пера”, и только здесь, у входа в зал, Ботвинник неожиданно признался. Тихо, чтобы никто не мог услышать, он шепнул Флору:

— Саломончик! Я записал другой ход...

Флор чуть не плакал и долго не мог забыть обиду...»

Мне обо всём этом Сало Михайлович не говорил. Было ли это на самом деле? Юрий Авербах пишет: «В этой истории, красочно расписанной Марком Евгеньевичем, есть одна небольшая неувязка — секундантом Ботвинника на матче с Бронштейном был не Флор, а Вячеслав Рагозин, которому чемпион мира безусловно доверял. Где же был он — официальный секундант? Обычно именно Рагозин сопровождал Ботвинника по дороге на игру и обратно домой, именно Рагозин обычно принимал участие в домашнем анализе. И отсутствие

Рагозина заставляет усомниться в правдивости всей этой истории. Либо Флор что-то перепутал, либо Тайманов...

Попробуем, впрочем, обратиться к свидетельству (1948 года) самого Ботвинника: «И снова за подготовку. Живём вместе с Рагозиным в санатории, ходим на лыжах, проверяем в тренировочных партиях подготовленные схемы. Флор также согласился мне помогать: в матче-турнире каждый участник может иметь двух помощников в анализе неоконченных партий. Прошу Флора собрать материалы по ладейному окончанию с двумя лишними пешками “f” и “h”: я этот эндшпиль плохо знал, а он вполне мог встретиться в партиях соревнования. Флор отлично справился с задачей».

Что можно добавить к сказанному?

История, поведанная Таймановым, настолько характерная, что невольно приходят на ум мудрые, проверенные веками слова: *если бы этого не было, это надо было бы придумать!*

Кстати, в статье Авербаха «Не сотвори себе кумира», опубликованной в журнале «Время и мы» (1994), приводятся факты, которые согласуются во многом с тем, что говорит в своей книге Тайманов, углубляют характеристику Ботвинника. К примеру: «Из такого рода жесточайшей борьбы, не знающей жалости, состояла вся его жизнь, — так что, возможно, и не стоило удивляться его параноидальной подозрительности. По крайней мере, в шахматных баталиях. Но что интересно — он таким же оставался в жизни».

Интересно, добавим мы, и то, что Михаил Моисеевич болезненно реагировал на слабости и недостатки других. Вы говорите, восклицал Ботвинник, что Бобби Фишер — чуть ли не гений?! Да он делать ничего иного, как играть в шахматы, не умеет. (Как тут не припомнить Ильина-Женевского с его письмом, посвящённым молодому Флору!) А вот как насчёт человеческого обаяния Фишера в «иных отношениях»? «В интересах истины» Ботвинник посчитал своим «неприятным» долгом напомнить о негативных сторонах натуры Фишера, сказал напрямую, что у того и с гражданскими качествами не всё в порядке, и что Бобби позволяет себе оскорбительно высказываться о товарищах и организаторах, и что он тщеславен, и беспринципен... Всё это Ботвинник презрительно называл *малыми человеческими достоинствами*. Так то ведь о *других* шла речь...

Свидетелем ещё одной истории мне довелось быть самому в апреле 1977 года. Тогда в Москве, во Дворце спорта ЦСКА, проходил VI ко-

мандный чемпионат Европы. Флор был главным арбитром. Стыдно сказать: именно в те дни я, ничтоже сумняшеся, подумал о том, что к нему пришла старость, — из-за его очков, поднятых высоко на лоб, из-за походки, в которой не было прежней лёгкости, из-за того, что вокруг было столько гроссмейстерской молодёжи! Он почти не сидел за своим судейским столом. С ним долго разговаривал Котов, которого потом кто-то отозвал в сторону. Сало Михайлович подошёл ко мне и лукаво, с подначкой сказал вслед своему приятелю-«соцреалисту»:

— Котик — антисемит!

Я оторопел, ожидая очевидного подвоха:

— Это почему же?

— А у него жена еврейка. — Флор захохотал. — Все антисемиты жегятся на еврейках, чтобы издеваться над ними! Не смотрите на меня так! У Котика больше чувства юмора, чем у вас: он с этим «согласен».

Жену Котова, Елену Максовну, я невольно знал, потому что она слыла большой общественницей в ЦДЛ, в бытовом секторе, и раздавала писателям талоны, по которым можно было неплохо отовариться в центральных гастрономах. Выглядела она всегда шикарной и счастливой — красotka, да и только...

Итак, Котов куда-то направился, и к нам тотчас подошёл Людек Пахман — персона нон грата с конца шестидесятых. Турниры с его участием по рекомендации Спорткомитета бойкотировались и не освещались в печати. Но на этот раз не допустить Пахмана к участию в командном чемпионате, разумеется, было невозможно. Он играл за команду ФРГ (и, кстати, вместе с Юрием Балашовым показал на пятой доске лучший результат). Из разговора я понял, что Пахман спрашивает номер телефона Ботвинника. Всё было обыденно, рутинно. Как будто разговор происходил, допустим, в Мадриде или в Париже. Флор *без всякого* продиктовал Людеку этот номер. Они обменялись какими-то новостями, и на том всё вроде бы и закончилось.

Ан нет. На следующее уже утро, часов в одиннадцать, я привёз Флору какое-то гомеопатическое снадобье, полученное мною для него от чуть ли не столетней знахарки из подмосковной Щербинки. Татьяна уехала в издательство, и Флор, радуясь её отсутствию (при ней он бы этого не позволил себе), стал говорить о Пахмане, о том, что Людек, преобразённый Пражской весной, в ФРГ был объявлен «национальным достоянием».

Я уже стал прощаться, как вдруг позвонил Ботвинник. Заметно было, что Сало Михайлович пытается вставить слово, но у него это никак не получается. Он то бледнел, то краснел. Судя по всему, Михаил Моисеевич бросил трубку, не дожидаясь никаких объяснений. Они его совсем не интересовали.

Флор всё не мог прийти в себя.

— Он устроил мне головомойку, — сказал Сало Михайлович. — Разнёс в пух и в прах. Неистовствует: зачем вы, Сало, дали Пахману номер моего телефона, вы что, с ума сошли; он мне позвонил — и этот звонок обязательно засекут или уже засекли в КГБ! Что, мол, подумают обо мне?!

Через пару минут возбуждённый, выбитый, что называется, из седла, Флор, решившись, сам позвонил Ботвиннику:

— Миша, послушайте...

Голос у него стал хриплым. Смысл его слов был примерно таков: да ничего страшного не произошло, Пахман прибыл к нам официально, ну а номер вашего телефона он мог бы узнать в справочном бюро по 09 — разве не так? Или взять его в Шахматной федерации, наконец. Раздались короткие гудки.

— Он опять бросил трубку, — сказал Флор.

Его руки тряслись, он пытался совладать с нервами — ничего не получалось.

— Татьяна знает о том, что вчера было, — сказал он. — И она отругала меня: ты, говорит, ведёшь себя как мальчишка, тебе этот Пахман — тоже ни к чему, неприятностей теперь не оберёшься... — И хмуро добавил: — А у Ботвинника я со вчерашнего дня — в «чёрном списке».

Об этом «чёрном списке» Ботвинника ходили легенды. Тайманов рассказал, что однажды и он попал в этот *список* после партии с Михаилом Моисеевичем. Это было на XX чемпионате СССР. После двадцатого хода, не имея агрессивных намерений, Тайманов предложил ничью своему грозному противнику и учителю. Тот — неожиданно для Тайманова (у которого была хорошая позиция) — холодно возразил: дескать, по правилам турнира до тридцатого хода без разрешения судьи соглашаться на ничью нельзя. И... тут же сделал неудачный ход. Сильный ответ соперника оказался для него неприятным сюрпризом, и Ботвинник погрузился в длительное раздумье. Каково же было моё удивление и, признаюсь, разочарование, говорит Тайманов, когда Михаил Моисеевич вдруг заявил, что он... не возражает против ничьей! Это просто потрясло Тайманова, который всегда считал своего кумира образцом принципиальности и символом благородства...

И он произнёс:

— Хорошо, я обращусь к главному судье.

К их столику был приглашен Игорь Бондаревский (не очень большой поклонник Ботвинника). Объективно оценив позицию, он объявил, что категорически возражает против заключения мирного соглашения. И партия продолжилась. Ботвинник её проиграл. Тем же вечером Михаил Моисеевич позвонил Флору (секунданту Таймано-

ва) и дал волю своему негодованию: как, мол, так, почему ваш Марк не принял ничью?!

Флор ответил:

— Миша, вы знаете, я в курсе этой истории. Не сердитесь, но Маркуша абсолютно прав. Я считаю, что у вас нет никаких оснований обижаться на него.

У Ботвинника, сказал в заключение Тайманов, «был суровый характер. Своих истинных или случайных обидчиков он старался держать на определённой дистанции, назначая при этом определённый срок: например, с этим я не буду здороваться или разговаривать два месяца, с этим — полгода, а с этим — вообще...»

И Лилиенталь не обошёл стороной тему ботвинниковского «чёрного списка». В одном из интервью он сказал, что «Ботвинник часто шёл на конфликт — ему это помогало настроиться на соперника. Перед матчами со Смысловым, Бронштейном он нарочно с ними ругался. (...) Флор приводил высказывание какого-то писателя: мол, нет человека, у которого нет хотя бы одного врага. Но, писал Флор дальше, могу уверенно сказать, что у Лилиенталья ни одного врага не было и нет!» Но... вот что говорится через несколько строк: «Один раз, не помню — к чему, Ботвинник сказал Флору: передайте Лилиенталю, что если я его встречу на улице, пусть он не поздоровается со мной. Но почему Ботвинник так решил? Я не помню».

В изложении Сосонко — то же самое — *от Батурина*, «человека эпохи грандиозных шахмат советского периода»: «С Ботвинником отношения были дружеские, знали друг друга ещё с тридцатых годов, но были на “вы” и называли друг друга по имени-отчеству. Был он человек нелёгкий и со странностями, это точно. Да, действительно, мог спросить в разговоре: “Какое сегодня число — 28 октября 1958 года? До 28 октября 1960 года мы с вами не разговариваем!”».

7

Когда Сергей Воронков выпустил в свет книгу «Шедевры и драмы чемпионов СССР. 1920–1937» (РИПОЛ классик, 2007) — бескомпромиссную полемику с советской шахматной историографией, на него обрушились не одни лишь восторженные отклики — были и злобные нападки. Вот как отреагировал на них Воронков: «Ещё бы! Мы привыкли жить по “Краткому курсу истории советских шахмат”, как кто-то остроумно назвал мемуары М.Ботвинника “К достижению цели”. Многие десятилетия, начиная ещё с тридцатых годов, в наших шахматах насаждался культ Ботвинника. Любое слово против него трактовалось как покушение на основы, как непозволительная ересь, которую необходимо искоренять. “Ботвинник — наше всё!”»

Вот девиз, начертанный на наших шахматных знамёнах». Причиной, побудившей автора «Шедевров и драм» впасть в «ересь», было, как он говорит, почти полное неприятие той исторической шахматной литературы, которая издавалась в советское время.

Какой же вклад в летопись мировых шахмат внёс Сало Флор — очевидец и участник поистине исторических и во многом драматических и даже трагических событий?

Глава двадцать седьмая

ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА: «ЗОЛОТОЕ ПЕРО»

1

У Флора была феноменальная память. Он ничего не забывал! Рассказывают, как в 1972 году Сало Михайлович, для ожидавших его сибириков — небожитель и личность легендарная, приехал в Красноярск. Это случилось накануне его 64-летия («Кто сказал, что мне шестьдесят четыре? Мне два раза по тридцать два!»). На него смотрели с обожанием и слушали его, разинув рты, хотя он был маленького роста и порой смешно коверкал русские слова.

В те дни, познакомившись с Лёвой Псахисом, он тотчас догадался, что перед ним — юное дарование, и пригласил его в гости к себе в гостиницу. Тот заявился с охапкой «Шахматных информаторов» и вдруг попросил: проверьте, мол, мою шахматную память. Флор взял какой-то том, наугад открыл первую попавшуюся под руку страницу, показал Лёве диаграмму, постаравшись, чтобы тот не видел текста:

— Что это?

Лёва, не напрягаясь даже, ответил: кто и когда играл, какой это был турнир, какой ход должен последовать, проанализировал позицию. То же самое происходило и тогда, когда открывались другие тома. Свидетели говорят: «Псахис отвечал, будто читал стихи». И вот что рассказывают дальше: «Прославленный маэстро, много повидавший на своём веку, был приятно удивлён. Однако затем гроссмейстер достал из кармана маленькие магнитные шахматы и что-то быстро расставил на них. “Эту позицию помнишь?” — “Так это же наша партия из вчерашнего сеанса!” — наконец произнёс Лёва». И в глазах его читался полный изумления вопрос: «Вы даже и это помните?!»

Острота флоровской памяти не ослабевала с годами.

Но, как мы знаем, *он не написал книги своей жизни*. Она очень нужна, потому что те, кто его знал и общался с ним, писали о нём

отрывочно и зачастую поверхностно. В предисловии к сборнику «Сквозь призму полувека», с удовольствием подхватив легенду, в которой Сало Михайлович величается «золотым пером» и которую охотно поддерживал лично Ботвинник, считавший, что журналистика и стала чуть ли не главным призванием бывшего чехословацкого гроссмейстера, Юрий Нагибин признался: «Мне несколько раз приходилось встречаться с Флором, и хотя встречи эти были мимолётны, они способствовали укреплению во мне того образа Флора, который складывался из написанного им, общественного поведения и той “легенды”, которая сопутствует каждому выдающемуся человеку и далеко не всегда смыкается с былью».

В том-то и дело, что далеко не всегда «смыкается»! У Флора — тем более. Вот тут-то и следовало бы Нагибину докопаться до истины, уяснить, что именно не позволило Флору-литератору раскрыться в полной мере. Пожалуй, можно понять Нагибина, когда он приходит к выводу, что гроссмейстер «целомудренно» избегает подробностей «личной жизни», «до которых так охоч невзыскательный вкус». И вот вам доказательство: «Мне доводилось читать дореволюционные шахматные фельетоны, в которых фигурировали Капабланка, Ласкер, Рубинштейн и другие. Сколько же там было *бытовой деиёвки* (курсив мой. — В.М.) и зубоскальства при несомненном, хотя и вульгарном литературном блеске (писали-то люди одарённые), — видать, нельзя было иначе завлечь читателей».

На Нагибина, несомненно, сильное впечатление произвели слова Флора: «Я ни разу не видел Тартаковера смеющимся от всей души, он лишь иногда слегка улыбался. По характеру он скорее был скептиком. Возможно, в молодые годы его судьба чем-то обидела, нанесла ему травму. Но читателю Тартаковер этого не давал почувствовать. Наоборот, что бы Тартаковер ни писал: книги, отчёты, репортажи (а особенно его изумительные афоризмы), — всё было начинено тартаковерским остроумием, правда иногда с маленькой долей сарказма. Но Тартаковер никогда никого не обидел в своих статьях и репортажах».

Говорится о Тартаковере — а ведь отдаёт самооправданием! В СССР каждый выдающийся гроссмейстер должен был находиться на страже идеологической борьбы. Вот в чём суть дела. Рассказать, допустим, о своих конфликтах с Ботвинником — значит, так или иначе стать оппонентом власти. Ведь знал Флор, что, когда были введены в Чехословакию советские танки, Таля не пустила на Олимпиаду в Лугано. Знал — и ни слова об этом! Даже в его блокноте каком-нибудь ничего не осталось.

Викентий Вересаев совершил подвиг, оставив нам в наследство бесценные книги о двух величайших наших гениях. И назвал их так:

«Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни». Это символично. И невольно возникает вопрос: а где же подлинная флоровская жизнь?

Во вступлении к работе, посвящённой автору «Мёртвых душ», Игорь Золотусский говорил: «Биография Гоголя до сих пор не написана. Выходили “Записки о жизни Гоголя”, “Материалы к биографии Гоголя” (их авторами были П.Кулиш и В.Шенрок), но полного описания жития Гоголя нет и, по всему видно, скоро не будет. Наука о Гоголе, как и вся наша наука, только ещё выбирается из-под обломков предубеждений, запретов и умолчаний, а также безоговорочного господства “идеологии”, привыкшей гнуть под себя факты».

Юрий Нагибин, ведя речь о Флоре, сам проявил «невзыскательный вкус» и полное непонимание того, что крылось за «общественным поведением» и «легендой», сам здесь находится под «обломками предубеждений». Иначе, конечно, и не было бы этой досадной легковесности: «Флор писал с бодрой охотой, без той муки, страшнее которой нет; слова слетались к нему, как приручённые птицы. Он писал о том, что любил больше всего на свете, о чём постоянно думал, чем жил и что знал до дна».

2

— Где же ваша книга? — допытывался я у Сало Михайловича. — Когда вы к ней приступите?

Он досадливо пытался уйти от ответа, переводил разговор на что-нибудь другое, но я не отставал, из-за чего он открыто возмущался.

— А что, только я один такой *лентяй*? А Керес вот? Неужели он был не в состоянии засесть за мемуары? Или, скажете, у Пауля Петровича не было ничего, о чём необходимо сказать людям?!

Флор намекал на то, что Керес не хотел подвергать риску себя, свою шахматную карьеру: ведь могут и не выпустить за рубеж, не дадут возможности ездить на турниры, «перекроют кислород», хотя жил он у себя дома, в родной Эстонии, где его боготворили, где, как и повсюду в Прибалтике, втихомолку вспыхивали разговоры об «оккупантах» и где он мог всецело отдаваться шахматам и верить в то, что вся правда в любом случае, рано или поздно, будет-таки произнесена. Керес хорошо понимал, что почём.

И всё равно я постоянно донимал Флора бессердечным вопросом: отчего он не берётся за книгу? Пора! — поторапливал я его. Чтоб отделаться от меня, Сало Михайлович прибегал то к шутке, то к отговоркам в стиле мистики.

— Нет уж, — отбивался он, — есть множество примеров, когда гроссмейстеры, люди выдающиеся, заканчивали мемуары — и тут

же... и тут же отправлялись на тот свет. Вот Левенфиш хотя бы — я ведь вам уже говорил — корпел над воспоминаниями... ну и что? Половина рукописи исчезла в издательстве (и неспроста это: Ботвиннику и его компании, наверно, не угодил), и сам на тот свет отправился. А почитать его книгу было бы очень интересно. Я выступил в печати в тридцать седьмом и выразил уверенность, что на АВРО-турнир должен ехать именно он, а не Михаил Моисеевич, назвал Левенфиша героем их пресловутого матча, пусть даже дело завершилось ничьей. Да и Файн уверенно назвал именно Левенфиша одним из десяти сильнейших шахматистов мира. Но скажите, кто бы позволил поставить стоп-сигнал перед Ботвинником из-за какого-то Левенфиша! Бедняга Григорий Яковлевич... Лучше бы жил ещё, чем сочинительство. Да, да, писать мемуары — плохая примета!

Такое вот странное наблюдение сделал Флор.

И едва не крикнул:

— Отстаньте со своими подсказками! Я хочу ещё пожить!

Мне было известно, как боится он смерти, как по-детски жаждет обмануть её. Он и тут чем-то был похож на набоковского Лужина, пугавшегося «пуше всего мертвецов, гробов, венков и ответственности, связанной со всем этим». И всё-таки не эта боязнь, какой бы она ни была, удерживала его. И моя настойчивость, моё неумение уяснить истинную причину заставляли его часто злиться — и чем ближе к последнему его часу, тем больше. Как-то он дал мне вытасченный из пишущей машинки свой «Этюд о Тартаковере». Я вчитывался в каждую фразу, иногда по нескольку раз — и чувствовал, что он вдруг (или не *вдруг*, но всё заметнее для нестороннего взгляда) стал примерять на себя неотвратимое будущее. Может, и не такое уж далёкое — как знать. Об этом будущем он никогда и ни с кем не говорил. Скорее всего — страшился накликать беду. Сало Михайлович знал, что утверждал: *«Литературные работы Тартаковера бессмертны. Почти три десятка лет его нет в живых, но Тартаковера цитируют и ещё будут цитировать много десятилетий»*.

А будут ли бессмертными его, флоровские, строки? Это вопрос. Он был более или менее раскован, когда рассказывал о прошлом, об Алексине, о Ласкере, об Эйве, о Капабланке, о Рети, о Вере Менчик. Если же речь заходила о современности, эта раскованность исчезала. Да и заглядывать вперёд ему не хотелось — по многим причинам. Но в грустном очерке о Тартаковере, как мне тогда показалось, он дерзнул взглянуть на себя со стороны. Так, вскользь, намёком. И ещё. В самом начале этого очерка Флор вдруг сказал, что написать книгу о талантливейшем человеке, гроссмейстере, а прежде всего о популярнейшем шахматном литераторе *нетрудно*. От себя добавлю, что не-

трудно — при одном условии: если примешься за книгу, если будешь её писать. Да вот беда: не собирався Флор братья за эту книгу. Ни за эту и ни за какую другую. Не было у него такого желания. Любовь к Савелию Григорьевичу была, а желания писать не было.

Беда Сало Флора заключалась отнюдь не в том, что, как сказал Михаил Бейлин, он «не был отличником по русской грамматике» и что редактору его очерков приходилось исправлять все грамматические и грубые стилистические ошибки — и лишь после этого приступать к редактированию. В конце концов, Флор — не беллетрист и не стилист.

Ботвинник был, пожалуй, в чём-то прав, когда утверждал (и не раз), что его противник по матчу 1933 года (и не только!) психологически «не оказался устойчивым». Ведь по натуре своей Сало Михайлович во многих жизненных обстоятельствах был и в самом деле *цветочком*. Он нуждался в тепле, в солнце, в благоприятных, нормальных условиях (вспомним, как высоко поднимала его волна любви «болевших» за него чехов). Ураганы, бури — это было не для Флора. И всё-таки Ботвиннику следовало бы «догадаться», что стало причиной психологического надлома, душевной катастрофы, произошедшей у Флора, и какая трагедия заставила его играть по уродским жизненным «правилам» в неродной стране, где было репрессировано столько людей, в том числе шахматистов, которых он знал или о которых был наслышан, в той стране, где к первым ролям путь ему был строго-на-строго заказан.

3

Флор мог бы сказать, как, например, поэт Александр Големба: «Я — человек эпохи Миннезанга среди внезапно онемевших рыб». Но Големба, в отличие от Флора, оказался не такой уж «онемевшей» особью, много «писал в стол», что было в ту эпоху явлением закономерным и нередким. А сверхзадачей Сало Михайловича (пусть и неосознанной) было одно — сберечь прекрасный миф, сберечь образ полного надежд «непробиваемого Флорика», «возмутителя спокойствия», подписавшего в майской (о боже: майской!) Праге, в «Алькрене» исторический договор с Алехиным о проведении в самом конце 1939 года в нескольких чехословацких городах матча за чемпионское звание, о чём тут же сообщила мировая пресса: «Вся Чехословакия радуется, что матч с лучшим шахматистом всех времён состоится в этой стране».

Сало Флор, всегда помня бокал вина, вынужденно выпитый им в грузинском ЦК за здоровье дорогого товарища Сталина, не ушёл

в «подполье», не стал диссидентом, не посмел пренебречь уроком кафкианского Йозефа К., который в тоталитарном государстве «в отличие от своих друзей сознательно пренебрегал возможными последствиями и вёл себя крайне необдуманно и неосторожно», за что и «расплачивался полностью».

Правда, Флор, увы, тоже *расплачивался* — хотя и по-своему.

Не он был одним из первых в шеренге «шестидесятников» и тех, кто привносил новое, свежее дыхание в шахматную литературу и журналистику, как, например, неугомонный Таль. В шахматисте вдруг захотелось увидеть человека, а не узаконенную схему, творческую личность во всех её человеческих и социальных взаимосвязях, а не пешку в Большой Политической Игре, обозначенной Крыленко во время матча Ботвинник — Флор: «*от шахмат — к политике*» («таков твой путь, если ты хочешь идти вместе с нами, в рядах нашей единой шахматной организации»).

«Оттепель» — пора ренессанса. Шахматная литература стала ощущаться людьми частью всей отечественной литературы, которая, как говорил Василий Аксёнов, переживала процесс возрождения из парабриза, из советской нежити.

Без этого процесса не было бы и «Записок злодея» Корчного, где «возвратившийся невозвращенец» восклицал: «Кто знает, что случилось бы со мной, не будь у меня шахмат — этого ирреального мира, куда можно спрятаться от грязи жизни. Как однажды метко и цинично заметил один мой хороший приятель: “У вас, шахматистов, — важная миссия. Футболисты, хоккеисты — они нужны, чтобы люди поменьше водку пили, а вас показывают народу, чтобы он поменьше Солженицына читал!”».

Не было бы и «Моих показаний» Сосонко, названного Гарри Каспаровым достойным продолжателем лучших традиций шахматной литературы первой половины двадцатого века, развитых, в частности, в довоенной русской эмиграции и почти полностью уничтоженных в СССР, «поскольку с началом советской гегемонии в шахматах игра сильно политизировалась и пропала малейшая возможность говорить о людях всю правду...»

Надежды на перемены на фоне упадка шахматной журналистики читатели начали связывать с именами тех, кто презирал законы «антишахмат».

В книгах и журналах появилась «экзотика» роскошных городов Европы, Южной Америки, США — с их автобанами, поражающими воображение мостами, соборами, музеями, картинными галереями, театрами и концертными залами, отелями, с готикой, ампиром и барокко, природа, не похожая на «нашу тундру», персонажи мира биз-

неса и спорта, которые прежде изображались только в карикатурах, разоблачавших чуждый нам образ жизни. Дело не ограничивалось текстом партий — отнюдь: изображались зарубежные гроссмейстеры, даже внешне не столь «однолинейные», как наши, — чудаковатые, забавные, обременённые заботами, но в то же время по-своему милые, религиозные или, наоборот, циники.

Ну а Флор? Никакие *ветры перемен* не задели его. Невероятно, но считалось, что ему и так позволено «слишком многое». И стоит ли далеко ходить за примерами, если в книге Тайманова «Вспоминания самых-самых...» утверждается, что Сало Флору «прощалась даже некоторая “желтизна”, обычно критиковавшаяся нашей прессой». Помилуйте: какая «желтизна»?! Его строки были *созвучны* материалам советских газет и журналов, где ему доводилось публиковаться. «С исключительной энергией и мужеством *с первого же хода* (курсив мой. — В.М.) Михаил Моисеевич ринулся в бой». Или: «Какую большую подготовительную работу провёл он за десять месяцев!» И в дело (в связи с «излечением» Ботвинника от цейтнотов) идут *шутки* вот такого сорта: «Должен сказать, что ни Академия наук, ни Министерство здравоохранения не располагают средствами от цейтнотной болезни. Шахматисту может помочь лишь одно лекарство: своя собственная сила воли». Натужность стиля видна здесь невооружённым глазом.

4

После победы Таля над Ботвинником радостный Флор разразился «дифирамбом»: «Я видел несколько “дней рождения” чемпионов мира по шахматам: видел трагедию Алехина и триумф Эйве, возвращение на шахматный трон Алехина, видел, как надевают лавровые венки Ботвиннику, Смыслову и снова Ботвиннику». Но день 7 мая 1960 года запомнился Флору особенно ярко. Он грелся в лучах славы молодого чемпиона, ликовал со всеми ликующими, радовался не меньше Мишиной матери и его жены, Салли, словно бы наконец «награда нашла героя». «Дифирамб» переполнен солнечными подробностями. Спасибо тебе за это, Миша! — вот лейтмотив тогдашних мыслей Флора. Спасибо и за то, что ты разрушил крепость Ботвинника, хотя твоя победа и покорила всех, кто стоял за ним, спасибо, что побил все рекорды: в двадцатитрёхлетнем возрасте *«не полагается»* быть чемпионом мира. Хорошо известно, что знаменитый Ласкер завоевал первенство мира в двадцать шесть лет, а другие чемпионы — значительно позже. Алехин, например, — в тридцать пять лет. Таль побил рекорд Ласкера по возрасту...

(Заметки на полях. Июль 1975 года. В Риге, в здании напротив Домского собора, проходило в рамках VI Спартакиады народов СССР командное первенство союзных республик, Москвы и Ленинграда. Оно вызвало настоящий ажиотаж из-за участия в нём двадцати пяти гроссмейстеров и шестнадцати международных мастеров, а главное — Михаила Таля и Анатолия Карпова. Я сидел «за кулисами» рядом с Гелей, новой женой Таля, по-моему, необыкновенно сердечной и по-женски мудрой. Она тревожилась за Мишу, убеждала, что его надо уберечь от безумств, авантур, от многочисленных фанатов. Неподальку от нас с тарелочкой, полной клубники, стояла полная тревоги мама Анатолия Карпова и говорила, как мне показалось, ни к кому не обращаясь:

— Толя любит ягоды... — И добавила: — Особенно когда у него сложные позиции...

Появился Флор, не очень весёлый и чем-то озабоченный. Он, разумеется, не играл, у него здесь были иные обязанности — то ли корреспондентские, то ли судейские, а скорее — и те, и другие. Вслед за ним — Таль. В нём было что-то мальчишеское — и порывистость, и непредсказуемость. А вот *демонического*, на что откровенно намекали многие, не было нисколько. Он ещё не пришёл в себя после игры и, казалось, никого не замечает. Завидя Сало Михайловича, тотчас расплылся в улыбке — и в ней проглядывалось очень многое, типично талевское. Они обменялись фразами, понятными лишь им обоим.)

Познакомил меня с Михаилом Талем в 1959 году Эдик Гуфельд, когда в Тбилиси проходил XXVI чемпионат СССР. В то славное, неповторимое время я служил в газете Закавказского военного округа. Гуфельд заявился в редакцию по собственной инициативе. Не просто так заявился — с погонами сержанта. На выпцветшей гимнастёрке — значки: ГТО, мастер спорта, водитель и парашютист первого класса, ещё какие-то. Его направили ко мне.

— Старик, — сказал он, — бери у меня интервью. Даю бесплатно. — А потом подумал и поинтересовался: — А может, гонорарчик какой-никакой мне подбросят? Знаешь ведь поговорку: на солдатский грош добра не наживёшь. В шалман хочется. Вернее — в духан. Покажешь, какие тут имеются?

Я восхищался Эдиком, как в Одессе восхищались бабелевским Бейней Криком. Хотелось, чтобы Эдик, говорящий и много и смачно, ещё что-нибудь сказал.

К моему изумлению, он ухитрился попасть и к главному редактору. Его не смущало, что в «предбаннике», дожидаясь очереди, сидели и стояли офицеры. Полковник оживился, вышел к Гуфельду и позвал

нас с ним в кабинет: он был молодчиной и не переставал мечтать о «фитилях» — о сенсациях. А тут удача сама в руки приплыла! Сержант-заказываец — участник союзного первенства, играет на сцене театра оперы и балета! Гуфельда стали фотографировать, притащили ему из бухгалтерии гонорар — всё по высшему разряду. Условились, что он будет сообщать нам обо всех новостях на турнире. Разместился он вместе со всеми «гроссами» и мастерами в шикарной гостинице на проспекте Руставели; там его все уже знали. В своём номере, куда мы заглянули на минутку, он быстренько переоделся во всё гражданское.

Я спросил у Эдика:

— А зачем ты в редакцию пожаловал в солдатских шмотках? Неужели охота в форме шляться?

Он ответил:

— Ну ты и поц. — И уточнил: — Наивняк. Забыл, что ли: встречаются по одежке...

Повертелся у зеркала в туалете, остался доволен собой.

— Давай к Талю пойдём; его номер для меня всегда открыт.

Имя «Таль» — магическое имя. Я знал наизусть его партии, отчаянно болел за него, из-за чего «подвергался критике» коллег-офицеров: почти все они преклонялись перед Ботвинником, а Талья, не сговариваясь, считали выскочкой, «бабочкой-однодневкой», «западником», готовым при первом же случае продать Родину и попросить где-нибудь политического убежища.

Из журнала «Огонёк» я выдрал страничку со статьёй Сало Флора, где говорилось, как маленький Миша впервые пришёл в школу и как его сразу перевели в третий класс — настолько он оказался развитым, как ему в виде исключения разрешили в возрасте пятнадцати лет поступить в Рижский университет. «Ещё несколько лет назад мы слышали, что в Риге есть паренёк, который здорово играет в шахматы. Быстро, почти не задумываясь, он рассчитывает сложнейшие варианты. В прошлом году Михаил Таль с группой советских студентов выезжал в шведскую Упсалу, где наши студенты успешно защищали титул командного чемпиона мира по шахматам. Руководитель делегации гроссмейстер Котов с большим интересом присматривался к игре юного Талья.

В начале XXIV чемпионата СССР Котов заявил: “Первое место займёт Таль!” Это был “изолированный” голос. Ему не верил и сам Таль. После блестящего старта молодого рижанина одни заявляли: “Ничего, скоро сорвётся, скажутся неопытность и юношеская горячность”. Другие, однако, хотя и не очень уверенно, говорили: “Смотрите-ка, а ведь этот Таль действительно опасный противник. Котов, кажется, прав!” (...) Пройти “марафонскую” дистанцию в

двадцать один тур, пройти почти невредимым через “огонь” восьми международных гроссмейстеров, обойти их — это шахматный подвиг! Трудно, почти невозможно в наших чемпионатах добиться гроссмейстерского диплома. Гроссмейстеры не любят “прибавления своей семьи”. Они очень строгие экзаменаторы. Но на этот раз в роли экзаменатора оказался молодой шахматист. (...) В 1935 году молодой чемпион СССР Михаил Ботвинник получил звание гроссмейстера СССР № 1. Прошло много лет. Ботвинник стал чемпионом мира. Сегодня Михаил Таль получил титул гроссмейстера СССР № 19. Может быть, эти два Михаила и встретятся как-нибудь в матче!»

Флору даже в этом отчёте не удалось скрыть своих симпатий к Талю. Но как же у него связаны руки! Он не мог, «не имел права» рассказать, в какой атмосфере проходили юные годы Миши. А рассказать-то было что. Салли Ландау, первая любовь будущего чемпиона, поведала Аркадию Арканову о его отце, Нехемии: «Доктор Таль умер за год до того, как я познакомилась с Мишей. Все, кто знал его, говорили о нём как о святом. Да и портрет его походил на портрет святого человека, как бы возвышающегося над всем бренным.

Работал он в спецполиклинике в Риге. Знакомые врачи уверяли меня, что доктор Таль был единственным врачом-евреем, работавшим в спецполиклинике. Понять ситуацию не сложно, учитывая все нюансы национальной политики в Советском Союзе вообще и в Латвии в частности. Тем более что Ригу не могли обойти ни охота на космополитов, ни травля “убийц в белых халатах” во времена знаменитого “дела врачей”. У Флора же Миша Таль — типичнейший советский «паренёк». Можно подумать, не будь его — другой появился бы. «Когда страна прикажет стать героем, у нас героем становится любой». Откройте «Загадку Таля» Васильева — и вы увидите, мимо каких аномалий, ошеломивших мир с появлением «рижской кометы», прошёл Флор, какую потрясающую конкретику «упустил».

Между тем Юрий Нагибин как раз вот такое «самоограничение» ставит в заслугу автору сборника «Сквозь призму полувека».

...Но вернёмся в Тбилиси.

Эдик без стука ворвался в номер Миши.

— Входи, входи, смелее, — подбодрил он меня. И лишь затем поинтересовался: — Мишель, ты ничего против не имеешь?

Таль с температурой валялся на кровати в синем спортивном костюме, то и дело сморкался в носовой платок. У него был грипп (в ту пору весь Тбилиси грипповал). Он стащил со лба мокрое полотенце, обрадовался нам:

— Вваливайтесь, ребята. Грамм по пятьдесят коньяку — как вы к этому относитесь?

Мне не верилось: этот, по сути, юноша, чьи острые, странно косоватые глаза были воспалены, дважды завоёвывал золотые медали в предыдущих первенствах СССР, одолел всех конкурентов в межзоновальном турнире в Портороже и вскоре выступит в турнире претендентов! А тут он запросто предлагает... «сгонять» блиц. Я сконфузился, стал отказываться, но он настаивал. Эдик, не переставая, хохмил, и мне показалось, что Таль не слишком-то расположен к *такому* Гуфельду и некоторые шуточки сержанта его раздражают. Правда, он и вида не подавал. Эдик же не обращал на это абсолютно никакого внимания. (В чемпионате в партии против Таля у него «прорезалась» атака. Уже будучи калифорнийцем, он выпустит книгу «Моя Мона Лиза» и напишет там об этой памятной встрече, о том, как он «вдруг почувствовал творческое волнение». И верно: Эдик, подобно великим, начал кружить у столика, а потом порывисто стащил с себя пиджак и разместил его на спинке стула. В зале раздался хохот. Рижанин тоже не смог удержаться от улыбки...)

Собравшись уходить из гостиницы, я протянул Талю «огоньковскую» страничку со статьёй Флора.

— Может, черканёшь что-нибудь — на добрую память.

Он недоумённо хмыкнул:

— Это же не моё.

— Всё равно. Пожалуйста.

И он быстро, почти не задумываясь, написал на полях:

Непривычно Флору
давать кому-то фору,
так говорят повсюду,
но возражать я буду.
Он славный старикан —
и за него стакан!

И посоветовал:

— Ты лучше у Саломона Михайловича возьми автограф. Он не откажет. Добрейшей души мужик.

Флор в рассказе о Тале не был до конца последовательным. Что тому виной? Не хотел портить отношений с Ботвинником? Опасался чего-то? Вполне может быть. Об этом свидетельствует и качество юмора, использовавшегося им при создании портрета своего любимца. А ведь юмором Господь его наградил! На эту грань его таланта охотно указывают очень многие. Тайманов, в частности, считает,

что «Сало Флор был словно рождён раскрывать поклонникам мудрого искусства этот многогранный, увлекательный, противоречивый мир». Бейлин также обращает внимание на «мягкий и оригинальный юмор» Сало Флора, рождённый климатом Чехословакии, столь неповторимым, столь солнечным, что «получаются наделённые удивительным юмором люди» — такие, как Ярослав Гашек и Карел Чапек. И всё же... сравнение хоть и похвальное, но слишком смелое.

Юмор в Стране Советов, как известно, кроился по гостовским, большевистским меркам. В те времена с хихиканьем цитировали знаменитые строчки Юрия Благова (привожу по памяти):

Ну конечно, нам нужны
Салтыковы-Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Уж как, например, символично радение лично товарища Сталина о «качестве» сатиры и юмора, о репертуаре Театра миниатюр, который он завизировал — одобрил; Иосиф Виссарионович даже поднял тост «за молодого Аркашу» (Райкина), когда в 1939 году праздновался юбилей вождя. Какие тут могут быть *отклонения*!

Остаётся лишь посочувствовать Флору, когда он, повествуя о тбилисском чемпионате, позволяет себе вот такой «юмор»: на торжественном открытии пионеры сказали Петросяну «несколько тёплых слов»: «Желаем вам единиц в турнире, а мы будем получать пятёрки в школе». Или: «В Тбилиси шутят, что во время болезни Тиграну Петросяну сделали исключительно полезный укол “антипроигрина”». Неужто, читая это, припоминаешь Гашека и Чапека?!

И по поводу «Миши маленького» Флор шутит в том же сомнительном духе: «Таль победил Аронина, затем использовал неточность Тайманова, переиграл Бронштейна и “перекombинировал” Банника. Всё это он делал виртуозно, легко. Каждый раз он только улыбался и скромно говорил: “Это случайно”! Но наши гроссмейстеры не в восторге от подобных “случайностей”». Дальше — ещё «смешнее»: наши гроссмейстеры — «не из тех, кто преждевременно бросит свою винтовку». Как в песне поётся: «В руках у нас винтовка»...

Принципиальнейшее противостояние Ботвинник — Таль, взволновавшее едва ли не весь мир, прибавило молодости Флору. Надо ли долго объяснять, на чьей стороне он был? Ответ однозначен. Торжество Талья принесло ему своего рода утешение. Вслед за Идой, мате-

рю Миши, Флор увидел в нём *ребёнка*. Это согрело его душу, потому что он, едва не став жертвой погрома, слишком рано остался сиротой, как и его брат Мозес. Он, как нам известно, избегал этой темы, темы сиротства и утрат: она была для него чересчур большой, горькой. «Больных» тем Сало Михайлович вообще всячески избегал: уж так он был устроен. Смиримся с этим.

Прелюдию флоровского «дифирамба» в честь триумфатора мы уже приводили. Далее Сало Михайлович продолжает:

«"Хочу домой", — мечтает измученный и усталый Таль. С большим трудом ему удаётся прорвать блокаду тысячной толпы и сесть в машину. А.Кобленц, секундант Таля, также счастлив. Отложенных партий больше нет, но забот не убавилось: надо охранять Таля от слишком страстных болельщиков. Всё это происходит в Москве. Спрашивается: чего, собственно, так уж сильно радоваться москвичам? Шахматная Москва осиротела, и резиденцией чемпиона стала Рига. Но если Талю в Москве на каждом шагу устраивают овацию, то легко догадаться, каково ему будет при встрече в Риге. Говорят, что Таль вернётся в Ригу инкогнито, чтобы избежать риска быть растерзанным в порыве радости. К многочисленным прозвищам Таля, вроде "ракета", "волшебник", прибавился титул: чемпион мира. Михаил Таль побил все рекорды...»

А что было сказано Флором о Ботвиннике, о побеждённом? Меня никогда не оставляло равнодушным всё, что касалось отношений Флора и Ботвинника, к которому у него за долгие годы накопилось немало горьких обид и претензий. Нет, не умел он, как Ботвинник, «сводить счёты». Он даже сочувствовал ему, когда тот с треском проигрывал матч Талю, и величал его *«Мишей большим»*, в отличие от нового чемпиона — *«Миши маленького»*. «В этом матче, — констатировал объективный Флор, — мы не видели прежнего Ботвинника, он скорее напоминал Решевского, который всю жизнь находился в цейтноте». Вот оно, флоровское благородство. Пожелав Михаилу Моисеевичу «хорошего здоровья и хорошего отдыха», он перешёл на стиль «официоза»: «Имя Ботвинника золотыми буквами вписано в историю шахмат. (...) Мы все уверены, что этот человек большой силы и воли ещё не раз о себе напомнит новыми успехами».

Вся наша опогоненная редакция «Ленинского знамени» — в полном составе — без колебаний подписалась бы под этими строчками.

Мнительность не позволяла Флору быть до конца последовательным. Жаль, что он так и не рискнул без околичностей сказать в своих писаниях, на чьей же стороне были его симпатии, хотя он боготворил

«маленького Мишу», бесконечно близкого и дорогого ему. Он был удовлетворён тем, что тот даже в ранге шахматного премьера оставался таким же «вежливым, остроумным, скромным и обаятельным человеком».

Тональность эта отчётливо видна читателю и в более поздней зарисовке, в которой использованы элегические краски и говорится про «весёлого молодого человека», совершавшего в пятом часу дня из гостиницы «Москва» в сопровождении своего секунданта Александра Кобленца прогулку до Берсеневской набережной — к Театру эстрады, где проходил уже матч-реванш.

— Я догадывался, чем дело кончится, — говорил мне Флор. — И не один я...

Глаза его при этом становились грустными. Но грусть не сопровождала строчкам, о которых идёт речь. Как обычно, Сало Флор и теперь, когда Ботвинник почувствовал, что победа на сей раз не ускользнёт от него, «становится на горло собственной песне», и его слова устремляются в привычное (теперь уже привычное!) русло — и звучит гимн «Мише Большому», взявшему (увы!) верх в матче-реванше: «Мы верим в то, что новый чемпион мира и в дальнейшем не будет почивать на полученных им лаврах и с новыми силами поведёт бой на шахматной доске. А сегодня нам хочется от души поздравить Михаила Ботвинника, советского шахматного богатыря, с его выдающейся победой».

Советский шахматный богатырь...

И это лексикон Флора?! Ну как могло такое прийти ему в голову? Проще всего сказать, что это редакторы постарались. А если не редакторы?.. Вполне, вполне могло быть и такое. Речь Сало Флора (устная, разумеется) была другой — и по форме, и по содержанию, была искристей, тоньше, несмотря на явную недоступность для него заповедных зон и омутов русского языка.

Но будем всё-таки иметь в виду, что «официоза» требовала сама идеологическая тональность газет и журналов, где печатались флоровские статьи. Его репортаж о матче-реванше Ботвинник — Таль («Известия», 15 апреля 1961) был похож на пальмовый островок, окружённый броненосцами и дредноутами. «Обрамляли» репортаж приказ начальника Московского гарнизона о переходе на летнюю форму одежды; протест против колонизаторов, которые без боя не откажутся от своих привилегий и пойдут на любые преступления ради сохранения своих барышей; радость по поводу «топтанья на месте» экономики США; уверенность коммунистов Франции в лучезарных перспективах в мирном соревновании между двумя системами; послание Гамалы Абдель Насера господину Никите Хрущёву, где

дана высокая оценка «замечательным успехам, которые осуществил советский народ» («под Вашим мудрым руководством перед лицом требований нашей эпохи») и т. д., и т. п.

По-иному писать Флор уже и не пытался.

Вот вам и «золотое перо». Такова одна из печальных составляющих драмы Сало Михайловича. Как же неубедителен после этого Нагибин, говоривший о *сборнике Флора* такими вот словами: «Чудо состоялось», видевший личность автора, «отчётливо встающей с легко, словно без усилий написанных страниц».

5

А Флор не мог не догадываться, что наступает, уже наступило другое время. Но он не нашёл своего места в шеренге шахматных литераторов-«шестидесятников».

Что же приключилось с ним с тех пор, как в тридцатых годах он давал собственную оценку всем событиям, не «макая пера в патоку»? Вынужденный во время приезда в Москву в 1937-м ответить «романтику» Петру Романовскому на критику в свой адрес, в статье «Ещё о творческих тенденциях современности», он написал, что этот советский мастер построил свои доводы «на *порочной* (курсив мой. — В.М.) основе» — лишь бы обругать зарвавшегося оппонента. Здесь у Флора на первом плане — и страсть, и поиски истины.

Романовскому, принявшему установленные господствующей идеологией «правила игры», досталось за то, что тот «до смешного упрощает» взгляды Флора. Чешский гроссмейстер откровенно иронизирует над Романовским, который, во-первых, не ведает, что лозунг: «Жертвовать чужие пешки, а не свои» — известен чуть ли не со времён Филидора «и употребляется в обиходе без всякого философского содержания», а во-вторых, не понимает, что «старая классическая школа, выразителями которой были Морфи и Андерсен, давно ушла в область предания». Он отчитал Петра Романовского, как школяра, не выучившего урок.

Флор тогда в выражениях несколько не стеснялся! Он позволял себе вполне ядовитые обороты: «*Абсолютно ложным* (курсив мой. — В.М.) является представление, что Морфи и Андерсен были самыми великими тактиками в истории шахмат...»; «Ещё Рети говорил, что современные шахматисты, просматривая эти партии, не могут скрыть улыбки, когда видят, насколько примитивна и несовершенна была техника защиты». И вот — самый последний и самый чувствительный удар: если молодой мастер не соизволит эволюционировать «в сторону современной игры», этот «комбинатор» не поднимется

выше среднего уровня и будет оттеснён более совершенными шахматистами».

Да, так *было!* Было, да сплыло.

— Таль признался мне, — с нескрываемой гордостью говорил Флор, — что в его юношеских тетрадках — и мои партии, а ещё благодарил меня за мои опусы.

Наверняка так оно и было: всё, что писали классики о шахматах, Миша Таль взял на вооружение с детства. Наверняка и ответ Романовскому ему понравился. Ведь это было в стиле Мишиного земляка — Нимцовича. Арон Исаевич даже учебник позиционной борьбы создал в полемическом ажиотаже: «Моя система», как заметил Таль, — «книга-спор, книга-диалог» и, добавим, *книга-выпад* против догматика доктора Тарраша. Как раз отсюда — и её блеск, её непреходящая ценность, отсюда — её краски.

Для Таля это обстоятельство очень важно: «Книга написана сочно, непринуждённо, великолепным языком. А в книге такого типа роль языка особенно велика. (...) Не могу удержаться, чтобы не сделать попутно упрёк авторам многих современных книг, язык которых оставляет желать много лучшего...» Он критикует этих авторов по той причине, что они похожи друг на друга, как лады из одного комплекта фигур.

Флор, много чего повидавший на своём веку, по достоинству оценил меткость талевской критики. Она, хоть и не в лоб, но и его самого касалась. Никуда не денешься. И всё же теперь ему никак нельзя было вернуть раскованность довоенной поры, бесстрашие и безоглядность. Флор и сам, без Мишиных «подсказок», разумел, что никогда уже не станет автором «книги-спора», книги-выпада.

Для спора и для бесстрашных выпадов не хватало самого главного. Скорее всего — безоглядности, душевного подъёма, сил. Таль, ничего не требуя, всё-таки ждал от своего старшего собрата чего-то вроде дискуссии с теми, кто столь ловко протаранил «непробиваемого Флорика».

Философия многих флоровских опусов на темы, связанные с матчем и матчем-реваншем и вообще с Ботвинником, вряд ли устраивала Таля в полной мере. Ведь он в разговорах о шахматной литературе ратовал даже за «излишнюю категоричность суждений», был уверен, что она, помноженная на «разгар страстей», может принести желанные плоды. Излишество это, говорил он, с лихвой окупается. В предисловии к «Моей системе» Михаил Нехемьевич гнул свою линию: «Спор двух видных шахматистов своего времени, представлявших разные течения в шахматах, был плодотворным. Древние утверждали, что именно в таких спорах рождается истина. (Во всяком случае до следующего спора — рискну добавить я.) Что же касается излиш-

ней категоричности, излишней безапелляционности иных формулировок, то для них были основания».

Какой же смысл был приниматься Флору за мемуары? Тайманов по этому поводу заметил: «Сало был милым и скромным — о себе если и говорил, то только в шутовском тоне. Когда на склоне лет ему предложили написать мемуары, возразил: “Для этого я ещё молод”. И впрямь, душой Сало никогда не старел...» Да нет, дорогой Марк Евгеньевич, вы не поняли: то была чистейшей воды отговорка. И душа его не могла не состариться.

Им был утрачен азарт полемики, хотя, как нередко говорил он, невольно вторя Талю, именно азарт, именно пристрастность, категоричность заставили Нимцовича отойти от общепринятых норм изложения, чтобы могла утвердиться на страницах его книг полнокровная, живая жизнь. Он обратил моё внимание на то, как настойчиво предупреждал Нимцович читателя: «...хотя это, быть может, и покажется несколько комичным», однако для него, для автора, «“проходная пешка” — как бы живое, разумное существо, со своими недоказанными желаниями, надеждами и сомнениями, которые нам приходится в ней угадывать».

Флор, думается, завидовал Арону Исаевичу, который, представляя книгу на суд читателей и ценителей, воскликнул, что выпускает её «с лёгким сердцем». Конечно, завидовал.

6

...Мы сидели на скамеечке в замечательном парке в Кемери, и Сало Михайлович, уйдя в прошлое, в тридцать седьмой, тягостно молчал. Затем, очнувшись, он сказал:

— Тема Кемери не даёт мне покоя. Я написал пару статей о турнире, о партии с Мовшей Фейгиным. Но уж больно мелкотравчато всё это, здесь нет самого главного. Засесть, может, за книгу о Кемери? Как вы считаете?

— Это что? — спросил я. — Опять холостой выстрел?

Он укоризненно взглянул на меня. И сдался:

— Не исключено, что и холостой. Но желание такое с каждым годом становится всё сильнее. И больше всего хочется рассказать о Володе Петрове. Вдруг да не успею?..

Из записок Галины Петровой-Маттис: «*”Умру ли я — ты над могилою гори, сияй, моя звезда!”*» Думал ли когда-нибудь Владимир Михайлович, что эти слова будут непосредственно относиться к нему — почти через пятьдесят лет после его гибели? Именно гибели — а не смер-

ти. Погиб он в возрасте тридцати пяти лет, когда был в расцвете своих физических и творческих сил. Романс “Гори, гори, моя звезда” муж очень любил. Часто прослушивал пластинку, которая была в нашем доме, насвистывал или напевал, подыгрывая себе на фортепьяно.

— Какие замечательные слова! — как-то сказал он мне и попросил разузнать, кто же их автор.

Было ли это предчувствием чего-то, была ли уже в то время предрешена его трагическая судьба? У него была записная книжка, куда он заносил высказывания, мысли, замечания, рассуждения известных шахматистов. На первой странице были и слова этого романа. Теперь эта книжка была бы бесценной для истории шахмат и характеристики шахматистов. К сожалению, она исчезла, как и всё остальное, при конфискации нашего имущества...

Пройдя долгий жизненный путь, на котором на мою долю выпало немало горя и страданий, я уже не то юное существо, которое было рядом с Петровым...

По крупицам собираю в памяти четыре счастливых года совместной жизни. Всего четыре года! А затем последовали сорок пять лет тщетных поисков, запросов, собирания сведений о том, где, когда, при каких обстоятельствах погиб мой муж, где его “укатали” и в чём он был виноват. “Исправлялся” ли он в одном из лагерей ГУЛАГа или закончил жизнь в камерах-душегубках сталинских тюрем? В достоверности официальных сведений, полученных мною из соответствующих органов, у меня до сих пор уверенности нет».

Галина Михайловна получила из КГБ СССР ответ на свой запрос: *«В основу обвинения Вашего мужа были положены факты высказывания им недовольства условиями жизни в прибалтийских республиках после присоединения их к СССР... Был арестован органами НКВД 31 августа 1942 года...»*

(Флор, не колеблясь, назвал мне имена трёх шахматистов — авторов доноса.)

В одной камере с Петровым на Лубянке, как мы уже говорили, сидел Альфред Мирек. В «Записках заключённого» он говорит: «Известный шахматист Петров в расцвете лет тоже оказался в камере. Ему припомнили не только поездки на матчи, но и то, что он “контактировал” со своими зарубежными партнёрами. Это было очень серьёзное обвинение, и отрицать здесь что-либо — бессмысленно. Ведь и вправду — “контактировал”».

И ещё:

«Следователь, по словам Петрова, настойчиво интересовался его последней поездкой в Латинскую Америку. По-моему, речь шла об

Аргентине и Мексике. Воспроизведу фрагмент допроса — так, как он мне запомнился из рассказа Петрова. Следователь (...) спрашивает:

— Так с кем же у вас там были встречи? И не вздумайте, так сказать, скрывать.

— С кем я там встречался и с какими результатами, хорошо известно из прессы. Чего тут скрывать и зачем?

Петров держался с достоинством и внутренним пренебрежением к собеседнику, считая в тот момент ещё, что вся эта история с арестом — просто недоразумение, плод недомыслия какого-то чиновника, получившего донос.

— Ну, а с кем ещё? — продолжает следователь.

— Со многими.

— Вот именно. Назовите их.

— Что, всех поимённо?

— Да, и не вздумайте кого-нибудь пропустить, так сказать, забыть. О чём с ними говорили, о чём их просили. Какие, так сказать, поручения они вам дали в дорогу. И что вы им, так сказать, обещали...

Дальше — детали допроса. Избиения, унижения, постоянные угрозы. И ещё крики: «Застрелю гада!»

Флору, как и Галине Михайловне, тоже неизвестно было, где именно и как именно оборвалась жизнь Петрова. В начале пятидесятых ему передали (озираясь: чтоб, упаси бог, никто не видел!) письмецо от Галины — она была в отчаянии. Оставалась у неё одна надежда — на «всемогушего» (как полагала она) Сало: вдруг он всё разузнает о Володе, пустит в ход свои *связи* для этого. А он чувствовал, как письмо жжёт ему руки. Мало ли что?! Все, все до единого — «в поле зрения» Лубянки. А он, как и Керес, — тем более. Вчерашний чех, Флор мгновенно сжигал письма, которые передавали ему из-за рубежа или от незнакомых людей. Рылся в тощем архиве своём: а вдруг что-то станет для него компроматом? Всё «подозрительное» уничтожал.

И как жалел он спустя десятилетия о таких утратах!

Галя Петрова (милая, такая непосредственная, говорил он) послала ему два письма. Что ей ответить? Она что, сама не понимает? А ему-то кто захочет доложить о судьбе Володи? Да и с какой стати? И что это вы, гражданин Саломон Флор, такими вещами заинтересовались?! Ни за что не стал бы он с подобными вопросами обращаться в «компетентные органы»!

Положа руку на сердце, Флор признавался, что он далеко не такой отважный, как Либиенталь. Да, Андрэ Арнольдович обладал совершенно иным характером. Однажды он, по его словам, удивительно легкомысленно обратился к... самому Берии. Это было в то время,

когда после окончания войны Лили вместе с женой возвратился из Куйбышева в Москву. Естественно, что он захотел прописаться в их прежнюю квартиру на Рождественке. Пошёл в отделение милиции, обратился к начальнику — товарищу Кокошкину. А тот бдительным был. Смотрит паспорт просителя, возмущается:

— Так вы, значит, венгр? И вам требуется прописка?!

Взял и начертал на заявлении: «Отказать». Лилиенталь потом его иначе как мерзавцем не называл. В бешенстве отправился Андрэ Арнольдович на Кузнецкий мост — в приёмную Берии. Пан или пропал. Поход этот мог бы окончиться самым печальным образом: такое безрассудство наказывалось очень и очень строго. Но фортуна в очередной раз улыбнулась везунчику Андрэ. Видно, Лаврентий Павлович оказался в тот момент в добром расположении духа. И, по словам Лилиенталья, спустя всего несколько часов комендант дома позвонил ему и сказал:

— Велено вас прописать! Приходите.

Флору безрассудства такого рода были противопоказаны. Ни за что не стал бы он совать голову в капкан...

— А Володю, — вздыхал он в Кемери, сидя на скамейке в парке, — я никогда не забывал. Большой был человек*. Редкостный. Он произвёл на всех участников турнира самое благоприятное впечатление. У Алехина сразу же пробудился интерес к его игре; он мне говорил: ты, конечно, понял, какой это талант, у него блестящее будущее. Петров приглянулся Алехину и как личность — симпатичный, умный, образованный, с какой-то особенкой в характере — вроде бы и уступчивый, уважительный, и в то же время твёрдо стоящий на своём. У них с Алехиным, человеком не очень доступным, как я заметил, тотчас возникла взаимная симпатия. Алехина фотографировали — и он искал глазами Петрова: «Маэстро, пожалуйста сюда! Становитесь-ка рядом!» Он ещё не догадывался, что Петров обойдёт в итоговой таблице и его, и Кереса. Завидит на прогулке рижанина с Галочкой — непременно к ним направится: «А вы, господа, — шикарная пара!» И не кривил душой.

Я слушал Флора — и недоумевал: почему же для миллионов любителей шахмат всё это — тайна за семью печатями?

* В газете «Сегодня» (Рига, 1937) Флор, отвечая на вопрос корреспондента по поводу турнира в Кемери, сказал, что рижанин играл очень твёрдо, солидно, подходил к каждой партии с особой серьёзностью, обнаружил потрясающую выносливость и волю к победе, что его успех «является заслуженным и даёт ему возможность доказать свои способности на ближайших больших турнирах».

Страсть к полемике и постижению истины постепенно убивалась страхом, выработанным в нашей стране. Житейской мудростью: от греха подальше. В писаниях его не должно быть ничего, что могло бы послужить *компроматом*!

И мне послышался знакомый голос Йозефа К., осмелившегося выхватить у стража правопорядка кончиками пальцев, словно брезгуя, тетрадку: «Можете спокойно читать её и дальше, господин следователь, такого списка грехов я никак не страшусь...»

7

Нина Грушкова-Бельска сказала мне, что Флор словно бы приходил в себя, когда ему удавалось вырваться из Москвы к Мозесу и к своим друзьям в Прагу. Там он, что называется, отводил душу. С Ниной и её мужем, Алоизом, у них в доме в Жижкове он говорил, говорил — до глубокой ночи. А после Пражской весны — тем более. Сало Михайлович их нежно любил — и о них ему тоже хотелось написать. Нининого мужа он узнал куда раньше, чем её.

— Это было, — вспоминал Флор, — году в двадцать шестом или двадцать седьмом — в каком-то шахматном клубе, а может в кафе, где в табачном дыму шли шахматные баталии. Симпатичный, смыслённый паренёк играл довольно сильно, побивал многих взрослых мужиков; я сказал ему немало одобрительных слов; он нравился мне и тактичностью, и врождённой интеллигентностью, и широким кругозором (он перечитал всех на свете философов). Ну разве могли мы с ним тогда подумать, что судьба с нами со всеми так круто обойдётся, что начнётся мировая война и что мы окажемся в разных странах. Ну а Нина... Нина — редкий талант. В октябре пятьдесят второго она играла в Москве в турнире претенденток — вместе с Быковой, Зворыкиной, Беловой, Игнатьевой, играла здорово. Чехи гордились, что у Веры Менчик появилась достойная наследница. Да и я был того же мнения.

По утверждению Сало Михайловича, жизнь Нины заслуживает романа. Отец её, Алоиз Бельски, в Первую мировую не захотел воевать, сдался в плен русским; солдатака отпустили — и он из песков Туркмении добрался до Таганрога, а оттуда направиться на родину у него не получилось: попался в азовско-греческие сети, влюбился в юную Раису Вангели из семьи мореходов. А Нина появилась на свет в столице донского казачества — Новочеркасске, зарегистрированная как чехословацкая гражданка. Родители, пользуясь нэповской «оттепелью», открыли антикварный магазин и кинотеатр. Но, как поётся, «недолго музыка играла». Такое было время. Постоянный страх. Люди в кожанках. Алоиза арестовали, но выпустили: иностранец всё-

таки. А в конце тридцатых это же самое обстоятельство (что *иностранец*) было ему не на пользу. Потребовали: убирайся, пока цел.

Из её детства осталось мало фотографий — зато какие! Вот она, совсем девчонка (по тогдашней моде постриженная!), сидит за шахматной доской. Напротив — чемпион города профессор Борис Пухляков. Это их матч. Кто победил? (Флор озорно глядит на меня.) Девятилетняя Нина одержала верх! И стала знаменитостью. Она же в одиннадцать лет одолела всех соперниц на первенстве Таганрога среди женщин. Когда отец был вынужден покинуть Союз, всем семейством направились в Москву, жили в чехословацком консульстве. Алоиз в конце концов уехал, а документы на выезд Раисы и Нины всё не приходили. Всякое могло быть. Скорее всего, закавыка — из-за приближения войны. И она разразилась. Уже 15 марта 1939 года президент Чехословакии Эмиль Гаха был вынужден подписать акт об установлении германского протектората над Богемией и Моравией, а в полдень в Прагу прибыл Гитлер.

Пришлось Нине возвращаться назад, в Таганрог. За нею — и Раиса. Прежней жизни больше не было (хорошо, что родственники хоть как-то поддержали). А тут и оккупация. Расстрелы евреев. Облавы. Регистрация комсомольцев. Нину спасло то, что её с матерью отправили в Германию, в лагерь «Цвекл» (в Вестфалии) в качестве «рабочей силы». В очереди на «дезинфекцию» девушка стояла с шахматной доской под мышкой. И надо же — мимо проходил сам хозяин, заядлый любитель шахмат. Позвал Нину к себе в кабинет, сыграл с ней, всё понял — и распорядился: будешь писарем у меня. Потом она попала в заводскую медсанчасть. Врач был очень доволен трудолюбивой девушкой. Он выведал, что у неё — чехословацкое гражданство. Сказал: садись, пиши прошение, продиктую тебе текст. И свершилось чудо: Нину отпустили к отцу; вслед за нею — и маму. Они никак не могли поверить в это, долго приходили в себя. В Кутной Горе Нина работала на табачной фабрике, с шахматами не расставалась. В 1943 году выиграла чемпионат протектората Чехии и Моравии.

— Вы у неё об Алексине спросите, — заманивал меня Флор.

— Об Алексине?! Она что, знала его?

— Ну, «знала» — это громко сказано. Видела — так точнее.

Да, Нина видела чемпиона мира. Александр Александрович совсем сдал. И куда горделивая статья его девалась! Изю всех сил держался. И тем не менее надеялся сыграть матч с Кересом и в сеансах одновременной игры, которые он давал офицерам, побеждал неизменно. Нину представили ему — и Алехин оживился, даже морщины на лице у него разгладились.

— Ты из России, значит? Кактам? Что в Москве? Давно оттуда? Всё равно, хоть что-то Расскажи...

Она догадалась, какая жутчайшая тоска одолевала великого шахматиста. Прежним, считает она, никогда бы он не стал. Алехин предложил ей:

— Может быть, ты согласишься вести шахматную рубрику в газете? Я устрою это.

Газета, разумеется, была немецкая. Нина поблагодарила Алехина, но не приняла приглашения.

Ещё один год, ещё один чемпионат — в Хоцене, в городке неподалёку от Праги, ещё одна победа. Там и пересеклись дороги Нины и Алоиза Грушки. Пересеклись на радость Флору: их дом в Праге станет со временем и его домом.

В первом послевоенном чемпионате Чехословакии Нина опять победила. Она ликовала: любимый человек — вот он, рядом с нею, учёба (вместе с ним!) в Карловом университете — на философском факультете, работа в телеграфном агентстве (ЧТК) и в институте современных языков, возможность преподавать русский язык и литературу, а вечерами и ночами — занятия любимым делом, шахматами. Да вот недолгим было это ликование. 18 ноября 1948 года арестовали отца Алоиза, пана Йозефа, который когда-то был в армии поручиком, а в мае сорок девятого его расстреляли. Алоиза исключили из университета; прошло много времени, пока он не «восстановился»; ему запретили сопровождать жену в её поездках на турниры... А ездить ей приходилось всё чаще и чаще. Вырос её авторитет. Она стала международным арбитром ФИДЕ, была главным арбитром матча на первенство мира между Елизаветой Быковой и Ноной Гаприндашвили. Одержав победу, Нона пригласила в гости к себе, в Грузию, и Нину и Флора. О, это было незабываемо, это были чудные дни, говорит Грушкова-Бельска, мы были своими на этом празднике, особенно Сало...

Но, увы, как всегда, по соседству с белыми полями — чёрные. 1968-й. Грохот советских танков на пражских мостовых. Людека Пахмана, встретившего ликованием Пражскую весну и проклявшего власть, бросают в тюрьму, калечат. Алоиз лишается преподавательской работы, вынужден устроиться на электростанцию, чтобы хоть как-то прокормиться. Нина выходит из компартии, и ей начинают чинить всяческие препятствия. Когда обстановка, по мнению Кремля, нормализовалась, ей и Алоизу предложили восстановиться в партии. Они ответили: нет! И тем самым последовали примеру Франтишека Кригеля, который в числе двадцати шести членов руководства страны был нагло депортирован в СССР, чтобы он вместе с остальными подписал «Московский протокол», разрешавший пребывание армии вторжения на территории Чехословакии на неопределённое время. Подписали все — кроме Кригеля, хотя ему грозили всяческими карами. Он говорил: «Договор был подписан не автоматической руч-

кой, а пушками и пулемётами». Его сняли со всех постов, исключили из партии, ему звонили из «похоронного бюро» и сообщали: «Эй ты, сионист, гроб для тебя уже готов!» Алоиз прочитал Флору воззвание Кригеля: «Гангстерские методы, ложь, злоупотребление силой — какими вывесками их ни прикрывай, — это способы удержания власти меньшинства над большинством».

Да неужто Флору не хотелось — хотя бы в меру своих талантов — высказать свои мысли о Пражской весне, о Франтишке Кригеле? Ещё как хотелось.

Помню, с каким трепетом ожидал Флор поездок в Чехословакию. Приходил срок — и он звонил Алоизу и Нине, спрашивал, что им привезти. Он нуждался в общении с ними, с теми, кого знал в молодости, всё хотел видеть своими глазами. Подавление Пражской весны было для него новым тяжелейшим ударом. У него появилась седина. Но он всегда молодел, приезжая к нам, говорит Нина, был возбуждён, будто обет молчания нарушил. Признавался, что у *них* в Москве он страшится слово лишнее сказать (и при Раечке — тоже!); ведь там везде подслушивают; затронут на кухне «острую» тему — и телефон спешат подушкой накрыть, любая критика властей тут же становится известной «органам», западные радиостанции задужены глушилками. То и дело на ухо шепчут: «А вы слышали, что такой-то — стукач?» «И такой-то — стукач!» «А такой-то — стукач из стукачей!»

Вот, скажем, Корчной: он был убеждён, что его окружают именно такие нелюди. Котов, говорил он, — агент КГБ. Ему возражали: ну не может этого быть, а он восклицал: «Не извольте сомневаться! И Котов, и Толуш... В шахматах, как и везде, их достаточно». Он убеждал профессора Рудольфа Загайнова: «Керес незадолго до своей смерти рассказывал мне, что перед войной Алехин был в Эстонии и говорил им: “Бегите отсюда быстрее, пока большевики не пришли!”» Ботвинник — ещё одно дитя. Прекрасно вписался в систему и так же прекрасно использовал её для подавления тех, кто ему мешал. Помните ту историю с Левенфишем, когда они сыграли вничью матч на звание чемпиона СССР и Левенфиш законно должен был ехать на известный АВРО-турнир? Но поехал Ботвинник. И, не стесняясь, он пишет в своей книге, что пошёл в ЦК и всё встало на свои места».

Само собой, в Праге, у Нины и Алоиза, Сало Флору становилось спокойнее. Но — ненамного. Страх и здесь его не покидал. И Раисы Ильиничны он всё больше побаивался, с нетерпением ждал, когда она отправится за покупками или просто на прогулку. Он чуть ли не шараялся от друзей Пахмана, которые искали «влиятельного» человека, чтобы тот облегчил участь Людека. А уж самого Пахмана, когда

того вдруг выпустили из тюрьмы, старался избегать. Пахман звонил, и Нина, прикрыв трубку ладонью, вопросительно смотрела на Флора:

— Будешь говорить?

Он в ответ в замешательстве махал руками:

— Нет, нет, ни за что!

Срывался с места, глотал таблетки...

Встретишься с Людеком — возмут тебя тут же «на заметку». Это уж точно. Пахмана, этого ярого правозащитника, объявили лютым врагом Советского Союза, игнорировали, поносили последними словами. Керес в 1969-м «утратил бдительность», «не проявил принципиальности»: согласился пойти пообедать в ресторан вместе с Людеком. Вот как свидетельствует об этом Корчной: «Я пошёл по магазинам, а когда вернулся, Кереса в номере не было. Записка, оставленная им, сообщала, что приехал Пахман и забрал его на встречу с интересными людьми. Я пожалел, что меня не было в гостинице... А наутро в аэропорту нас уже провожала группа советников посольства в штатском. В Москве Кереса тоже окружили особым вниманием и прямо из Шереметьева повезли на беседу». Куда повезли — ясно. И чем это обернулось для Кереса? Ему пришлось давать «объяснения» сотрудникам КГБ. Допросам не было конца. Следователей интересовали «подробности». Словно возвратились тридцатые годы. Пауль Петрович пребывал в подавленном настроении. Флору приходили на ум последние дни Володи Петрова. Он сочувствовал своему другу, у которого сразу появились проблемы с поездками на турниры, да и другие неприятности...

Но ведь вся эта невесёлая, да что там — трагическая и многоликая жизнь не воплотилась во флоровском слове. Моя привязанность к Сало Михайловичу усиливалась состраданием к нему, потому что и он вослед за Корнеем Чуковским мог повторить: «Я неудачник, я банкрот». Дневник Чуковского — пусть опосредованно — немало проясняет в судьбе Флора. Там приводится ошеломляющее признание Горького: «Я (...) и в самом деле часто бываю двойствен. Никогда прежде я не лукавил, а теперь с новой властью приходится лукавить, лгать, притворяться. Я знаю, что иначе нельзя». И ещё одна запись оттуда: «Вчера был у меня Слонимский. (...) Рассказывает страшные вещи. Слонимский рассказал о том, как цензура задержала, а потом разрешила “Записки поэта” Сельвинского и книгу Грабаря. “В конце концов задерживают не так уж и много, но сколько измотают нервов, пока выпустят. А задерживают немного потому, что мы все так развратились, так “приспособились”, что уже не способны написать что-нибудь не казённое, искреннее. Я, — говорил Миша, — сейчас пишу одну вещь — нецензурную, которая так и пролежит в столе, а другую для печати — преплохую»».

Но, как мы уже упомянули, Флору и в голову не приходило «писать в стол». Все его вещи, позволившие ему величаться «золотым пером», были подцензурными. Это как раз то, чего не уразумел Нагибин.

Глава двадцать восьмая

**ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА:
«ШАХМАТНЫЙ КОНФЕРАНСЬЕ»**

1

Из поликлиники Литфонда (она тогда принадлежала Союзу писателей) я приехал к Флору. У него был Виктор Васильев, «искатель удивительных личностей и драматических судеб», как его назвал один из литературных критиков. Я принёс с собой книгу, подаренную мне писателем-фантастом и шахматным композитором Казанцевым, с которым мы долго сидели перед кабинетом какого-то врача. Александр Петрович со своей фантастикой в эпоху братьев Стругацких и Ивана Ефремова казался несколько, что ли, старомодным; меня больше интересовали его неустанные поиски следов пребывания на нашей грешной Земле инопланетян, а ещё больше — его шахматные композиции.

— Здесь Казанцев про вас пишет, гроссмейстер, — сказал я.

— Про меня?! — удивился Флор.

— Да, про вас!

Васильев взял у меня книгу, убедился, что так оно и есть, и попросил:

— Почитай-ка вслух.

И я принялся читать. На цитирование уйдёт немало времени и места, поэтому я коротко изложу суть того, что я читал. В гости к Максу Эйве в Гаагу приезжают Андрэ Лилиенталь и Сало Флор с жёнами. Нет чтобы отдохнуть после дороги, насладиться общением — Сало и Лили предложено поломать голову над каким-то этюдом (конечно же это этюд Казанцева: он запечатлел тут себя, как Гомер себя — в «Илиаде»). Но в повествовании (чтоб было занимательнее) сказано, что это шахматное произведение создано неким самородком по имени Званцев. Он — издалече, с Камчатки. «Озвучка» происходящего возложена Казанцевым на изображаемого им Флора. Почему на него? А потому, что в представлении автора это чуть ли не пустозвон, балагур, призванный путём шуток-прибауток скучное сделать весёленьким. Вот и начинает выпендриваться ка-

занцевский Флор: предполагает, что сложный этот этюд задумывался, скорее всего, не в кабинетной тиши, а где-то «на краю света», в долине вулканических гейзеров; в общем, этюдист — из тех, кто пасёт белых медведей.

Доктор Эйве (в изображении писателя Казанцева), человек, конечно же, и учёный, и умудрённый жизнью, подливая масло в огонь, соглашается с другом: да, да, уж больно красочно предложенное нам произведение! А Флор, неистощимый остроумец-хохмач, просто в ударе: дорогой мэтр, восклицает он, вы правы, перед нами — чудо-творение, его варили в кипящей смоле (не иначе!) и, скорее всего, в одном из кругов Дантова ада. Вот так, ни больше ни меньше! В кипящей смоле! В аду! Все действующие лица — в «полном отпаде», охают, ахают: вот так тирада, ну не перебор ли, а сам композитор (он — товарищ серьёзный) — в замешательстве: и не в вулканическом кипятке варил он свой этюд, и не в адской смоле вовсе. И нарисованному изобретательным пером Казанцева Сало Флору, этому юмористическому центру повествования, слышится опять: вот так загнул, вот так перебор!

Композитор же соглашается:

— Боюсь, что Сало перестарался, вспомнив о Данте.

Казанцевский Флор отнюдь не спорит с ним. Да, говорит, перестарался. Как всегда, ради красного словца, такова, братцы, моя основная профессия. И, скромно потупившись, добавляет:

— Я только журналист. Иначе меня читать не будут.

Я остановился. Кладу книгу на стол.

— Всё? — спрашивает Флор.

— Всё. Больше про вас ничего нет.

— Ну ладно. Значит, Эйве — «дорогой мэтр»?

Я пожимаю плечами:

— Точно. Мэтр. Так вы его в этой книжке величаете. Ведь он — доктор математики, блестящий преподаватель, профессор. У Казанцева Макс Эйве — высокий, элегантный джентльмен.

— А я — только журналист? И балагур?

— Увы. Низенький, подвижный спутник Эйве. Так у Казанцева.

И кроме того, по привычке вы ещё вынуждены хохмить.

— А Лилиенталь? — поинтересовался Васильев.

— Да, — подхватил Флор, — а Лилиенталь?

— При сём присутствует. В тени.

И Флор усмехнулся:

— Андрэ — мало того, что красавчик, он ещё и везунчик. Его не заставляют чушь молоты!

2

Откуда взялось это поветрие: Флор — хохмач? И почему? Уж кто-то, а Виктор Васильев знал Флора. Они говорили друг с другом о том, что для чужих ушей не могло быть предназначено, почти всегда находили общий язык; бывало, и спорили до хрипоты. Сало Михайлович мог неожиданно вспылить, если Виктор Лазаревич расхохотался с ним во мнениях, но тут же остывал, заключал немедленное, безоговорочное перемирие, когда намечалась компания, чтобы резаться в бридж или в кункен. Но вот в 1986 году мне попала в руки книжка Васильева «Актёры шахматной сцены», и там, в очерке «Интервью с самим собой, или Нечто исповедальное», я прочёл уже в самом начале, что Флор до семидесяти пяти лет сохранил искромётный юмор, прямо-таки детскую смешливость (и если у него сгущалась паутинка морщинок у глаз, то это лишь от улыбок), что он спешил сообщить что-нибудь «новенькое», вызывавшее взрывы хохота. Поразила меня «детская смешливость» и то, что всё это было представлено в «исповеди» как «опознавательный знак» Сало Михайловича.

«Флор, — пишет Васильев, — хотя и судил соревнования на командное и личное первенство мира, дорожил, как мне кажется, репутацией завязного остряка и шахматного конференсье больше, чем судейской мантией».

Котов знал Флора ничуть не меньше, чем Васильев (даже больше), однако, как заметил Сало Михайлович (опять же — иронично), в отличие от Виктора тот был «приверженцем метода социалистического реализма». Время таким его сделало, говорил Флор, ну что на него обижаться; иначе ведь ему нельзя... Сан Саныч охотно напирал на эту же деталь — «завязный остряк и шахматный конференсье», хотя чисто по-человечески вряд ли ему была безразлична жизненная драма приятеля. В его «Белых и чёрных» там, где появляется Флор, — беспрерывные шутки и смех. В амстердамской сцене Алехин неодобрительно смотрит на помощника Эйве, и очень неприятен ему Флор: тот «веселил собеседников, (...) к его пронзительному раскатистому смеху часто присоединялся низкий гортанный хохоток мастера Ганса Кмоха»; Алехин вступал в разговор с чехом — и «всё больше злился», потому что «шутливый тон Флора сегодня ещё больше раздражал». Это и заставляет Алехина зло думать: «Смеются, всё ещё смеются...»

Ещё при жизни Котова, в 1972 году, в «64» Сало Флор вынужден был объясниться: «Возникает вопрос: в какой роли выступал я во время подготовки Эйве к матчу и во время матча? Неверна версия, что в 1935 году я был секундантом Эйве (его секундантом был Мароци, а секундантом Алехина — голландский мастер Ландау). Я согласился быть

практическим помощником Эйве, помогать при подготовке и анализе отложенных партий. Неверна также версия, что мы с Алехиным поссорились. Алехин не придавал значения моей помощи и относился к ней с иронией. Но правда, что после матча была у нас с Алехиным беседа, в которой он заявил, что, по его мнению, гроссмейстер не должен оказывать влияния и вмешиваться в спортивный и творческий конфликт участников матча. Я почувствовал, что Алехин хотя и не обижен на меня, но с некоторым раздражением воспринял мою помощь Эйве. Вряд ли Алехин тогда мог предвидеть, что настанут времена, когда ведущие гроссмейстеры будут играть роль тренеров-секундантов, как это принято сегодня. Я тогда с Алехиным согласился и в матче-реванше уже не выступал в роли технического помощника Эйве».

А в фильме, снятом по роману Котова, и в самом романе за спиной Алехина не стихает предательский смех. Даже в тех местах, где нет причин для хохота! И котовский Алехин разгневан: «Нашли чему радоваться — проиграли четыре партии. Плакать надо! А всё-таки им весело, а он — победитель — тоскует один. Никого нет вокруг». Злит-ся Александр Александрович, что Москва по своему «внутреннему радио» вызывает гроссмейстера Флора, и что подвижный чех быстро семенит в переговорную будку, и что «вместе с ним пошла поговорить с родными жена Флора — Рая — как очаровательный экспорт недавно вывезенная им из России... Взрыв весёлого смеха (...) на миг вернул Алехина к действительности и сегодняшнему дню».

«Смеются, всё ещё смеются...»

Злиться на *смех* Флора — всё равно, что злиться на смех Шолом-Алейхема. Тёзка Сало Михайловича, Михоэлс подметил, что Шолом-Алейхем чувствовал с небывалой остротой социальную правду своего времени и своего народа, «воспринимая её почти как исторический приговор. (...) Его глубоко народный юмор был лишь сильнейшим средством самозащиты. (...) Воспринимали в нём лишь те стороны, которые способны были усвоить. А иногда для более удобного усвоения люди определённой эпохи создавали себе суррогат из плохо очерченной, ложной и извращённой характеристики автора и его произведений. Трудно перечислить, сколько превращений претерпели, например, Шекспир или Гоголь. Не избег этой участи, естественно, и Шолом-Алейхем».

Один из самых первых мемфисских блюзов навсегда врезался мне в память:

Отчего смеюсь я? — вот вопрос.
Должен удержаться я от слёз.

3

Перенесёмся в год восьмидесятый: пожалуй, сейчас это будет уместно.

В Доме кино — просмотр фильма «Белый снег России»*. Перед этим — звонок Флора. Волнуется. В таких случаях его выдаёт голос. Акцент становится отчётливее.

— Сможете приехать? Просим.

«Просим» — это выдаёт Флора с головой.

Я знаю, что на экране рядом с Алехиным появится и Флор.

Событие нерядовое.

Не всё, далеко не всё в котовском романе вызывало у Флора восторг. Он при мне и Васильеве поставил Котова в тупик, рассказав свою версию матча Алехин — Эйве.

Кое-что в этой «проблеме» высветилось из флоровского предисловия к книге «Макс Эйве», вышедшей на русском языке в 1979 году: «Когда Эйве совершенно неожиданно для шахматного мира матч выиграл и “вполне естественно” в 1937 году проиграл матч-реванш, то “почему-то” голландца назвали “калифом на час”. Даже сегодня ещё у многих любителей шахмат проскальзывает ироническая улыбка, когда заходит разговор о победе Эйве над Алехиным в 1935 году. Я говорю “почему-то”, поскольку до сих пор существует версия о том, что тогда “Алехин не был Алехиным” и провёл матч чуть ли не в “невменяемом” состоянии. Я присутствовал на обоих матчах. Действительно, Алехин находился в неважной физической форме. Но попробовали бы выиграть матч у Алехина даже в плохой форме. Читатель увидит, что Алехин, пребывая даже в плохой форме, играл некоторые партии великолепно, гениально. В матче было много ошибок, упущенных возможностей, но в каком матче их не было?»

А как всё преподносится в котовском романе? Дело доходит тут до *падения* Алехина: он, в крайнем состоянии опьянения, едва способен преодолеть четыре ступеньки, передвигается по-стариковски, боязливо, с преувеличенной осторожностью, у него мутные, потухшие глаза, затуманенный мозг, и пугают его изображённые на картине древние рыцари, эти злые, неодушевлённые, чопорные предки современных голландцев (поза каждого дышит вызовом), и единствен-

* Как говорилось в программке, сценарий фильма по собственному роману «Белые и чёрные» написал международный гроссмейстер Александр Котов; время действия — 1921–1946 гг.; режиссёр Юрий Вышинский; актёры: Александр Михайлов, Владимир Самойлов, Юрий Каюров, Наталья Гундарева, Кристина Миколаевска, Всеволод Якут, Борис Галкин, Александр Голобородько.

ным живым существом, оставшимся с ним в эту тяжёлую для него пору, был кот Чессик...

Здесь, как задумал Котов, и пришла пора Алехину кручиниться по тем годам, когда вся страна выходила на субботники, когда работал он переводчиком Коминтерна, следователем в органах Советской власти.

«Разве мог, — восклицает Котов, — когда-нибудь думать о такой деятельности сын предводителя дворянства и купчихи Прохоровой. (...) Как изменилось там всё, чего только не понастроено...»

Вот таким перед нами предстаёт Алехин, проигравший матч: он не в себе, он в бреду, «в его пальцах не пешка цз-семь, а соседняя ко-невая пешка бз-семь. Какой ужас! Как у Пушкина: вместо туза дама пик». И — вывод: «Алехин играл пьяный».

В «Интервью с самим собой» Васильев изложил версию Флора так, как она запомнилась ему. Семидесятилетие Эйве, говорит он, — вот случай, когда умолчать о главном событии в жизни друга было просто невозможно. «По сей день о матче Алехин — Эйве 1935 года существуют различные версии, — написал Флор. — Чаше всего утверждается, что Алехин играл в нетрезвом состоянии, и поэтому у него мог выиграть кто угодно». Эйве никогда не обижается, кроме как... в одном случае: именно тогда, когда он слышит эту легенду о нетрезвом Алехине... Думаю, что пора внести ясность в атмосферу, которая царила во время матча (...). Я как очевидец матча прекрасно помню всё, что произошло. Факт, что в 1934 и 1935 годах Алехин перенёс алкогольный кризис. Но Алехин был шахматным фанатиком, и стать чемпионом мира было мечтой его жизни. Мог ли такой человек увлечься «рюмкой водки» в ущерб чемпионскому титулу? Конечно, нет!»

К сожалению, Александр Котов в угоду своей концепции, объясняющейся идеологическими установками, постарался поскорее забыть об этом. «Для победы, — говорил он, — нужно чем-нибудь жертвовать, и рокировки нужны — даже длинные. А в художественном произведении — тем более». Острый на слово Корчной в книге «Шахматы без пощады» без всякого пиетета вспоминает Котова, человека вполне советского и пролетарской заправки, обладавшего довольно неплохим чувством юмора, но, увы, не по отношению к собственной персоне, обожавшего «мелкие провокации», и даже назвал главку о нём весьма недвусмысленно: «Мели, Емеля...»

Котов, повторял Флор, конечно, большой молодец, труженик, очень писучий, но он часто приукрашивает происходящее; может,

это и социалистический реализм, и всё же надо меру знать; никогда Алехин перед моим матчем с Ботвинником в 1933-м не попросил бы меня поговорить о нём «при удобном случае» с неприступным Крыленко, замолвить за него словечко: не так, не так эти дела вершились и вовсе не с моим участием; Алехин, который запросто мог несправедливо, не по-джентльменски обойтись с Капабланкой, с лёгкостью помилован в книжке — и зря, что тут скрывать: что было, то было; великодушному русскому гению не пристало обрушиваться на «genio latino», уже положенного на лопатки, да ещё какие ядовитые словечки при этом использовались доктором Алехиным: шахматный мир теперь избавлен от массового гипноза и — больше того! — от вредного очарования, в котором держал его Капа — «человек, не любящий своего искусства» (больнее нельзя ужалить); я сообщил Котову, что высказал своё неодобрение Алехину по этому поводу, когда мы были в Гастингсе, вот так — решился и высказал; Александр Александрович же ответил мне: «Он измотал мне душу — я ему отомстил, это борьба!»; у Котова многовато и слащавости, и мелодраматичности, и сентиментальности, некоторые места — на уровне газетных штампов или романа «Я тоскую по родине, по родной стороне моей»; ну вот, смотрите, что это такое: «Я часами мечтаю о Москве. О моей милой, родной Москве. Трудно без родины. Даже цветы на родине пахнут по-иному. Их аромат более сильный, более пряный, чем аромат цветов за границей» — красивость, не больше; я знаю Алехина и резкого, и напористого, но я не знаю Алехина высокопарного, а тут, ей-богу, что-то несуразное: «Мои произведения — красивые шахматные партии — понимают во всех уголках мира. Вскоре узнают все люди, любящие таинственное шахматное искусство, на что способен шахматный король Александр Алехин» — как вам это, ни в какие ворота; в жизни ведь всё было куда жёстче, и кровь была, и репрессии в стране были, и сколько именитых шахматистов перебили — да того же Володю Петрова хотя бы возьмите, и Богатырчук к власовцам не просто так ушёл, когда мировая война началась, и Алехин с Кересом давали сеансы одновременной игры немецким офицерам и генералам, чтобы выжить...

Флор высказал поразившее Котова до основ предположение, что если бы Алехин вернулся, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось.

— Сало, дружище, — восторгался Сан Саныч, — ну ты хватил через край! Ничего бы с твоим Александром Александровичем не произошло бы! С тобой же и с Лилиенталем ничего ведь не случилось.

— А я, — говорит Флор, — уверен, что добром бы не кончилось, и сравнения твои, Котик, некорректные, Лили и я — не те фигуры!

И неожиданно ему припомнилась трагедия Марины Цветаевой: ну вернулась, ну и что? — до того довели, что покончила с собой, и мужа её казнили, и дочь в ГУЛАГ упрятали.

— А что ты вдруг — о ней, о дочери?! — удивился Котов — Как её? Ариадна, кажется...

Флор укоризненно покачал головой:

— Ты что, разве не слышал, что нападение Германии на Чехословакию Цветаева восприняла как собственную трагедию? И говорила: «Россия не даст сожрать Чехию!»

Я вставил слово и прочитал «чешские» стихи Марины Цветаевой, написанные ею в ноябре 1938 года:

Край мой, край мой, проданный
Весь, живьём, с зверьём,
С чудо-огородами,
С горными породами,
С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими: — Родина!
Родина моя!
Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими
И опять подаст!

И добавил — после строчек:

— Наверно, из-за такой вот страсти Корнелий Зелинский и отверг в сороковом году её книгу, которая должна была выйти в Гослитиздате.

Флор встрепенулся:

— Это тот самый Зелинский?! Который меня на Втором московском прищучил?

— Тот. Корнелий Люцианович.

Котов даже обиделся:

— При чём тут одно к другому?! Алехин — и Цветаева. Да мало ли что... Не надо, ребята, муде — к бороде.

5

У входа в Дом кино — Котов. Сан Саных. Они с Флором примерно одного роста. В «Записках шахматиста», подаренных Флору с надписью: «От любящего тебя Ал. К.», Котов говорит, как в первом послевоенном году наша шахматная команда прилетела в город Флорика, которого туда послать по какой-то — ясно: какой! — причине остере-

глись. (Это входило в «программу» вышестоящих товарищей, говорит Флор, они были предусмотрительны и держали меня на коротком поводке; если такие фокусы проходили со многими, то со мной, Кересом и Лилиенталем вообще не церемонились...)

Котов надеялся, что Флор поможет ему в Праге со сбором материала для книжки, что они вдвоём посетят места шахматной славы и полюбуются достопримечательностями. Но в отстранении Флора от поездки не было ничего необычного, и молодой гроссмейстер принял решение цековского руководства как должное.

В своих «Записках» он потом позволил себе прибегнуть к юмору: мол, гостиница «Флора», где разместили делегацию, названа... в честь Сало. И по свежим следам писал: «Вот и улицы чешской столицы. Сначала идут спокойные окраины с маленькими чистенькими домиками, но вскоре наш автобус пересекает старинный семисотлетний мост через реку Влтаву, и мы в центре города. Вверху, на горе, виднеется древний пражский кремль — Градчаны. Внутри него многочисленные соборы с готическими шпилями устремились ввысь, в небо. Проезжаем оживлённую центральную площадь — Вацлавскую намести, с её величественными памятниками, ровными как на подбор зданиями, с лепными, разукрашенными фасадами...» Котов не сомневался, что чешские мастера — очень сильные противники, поскольку они берегут традиции великих чехов — Рихарда Рети, Ольдржиха Дураса и Саломона Флора.

Кстати, в этой книге он — вольно или невольно — показал, как жизнь в СССР *научила* Флора проявлять политическую бдительность, присущую любому советскому гражданину. Произошло это в Гронингене. Добирались до Голландии советские шахматисты по дорогам недавней войны, побывали они даже в имперской канцелярии Гитлера. К Флору, свободно владевшему голландским, охотно обращались журналисты. Один из них, «задав несколько не очень умных вопросов, изрядно разозлил гроссмейстера. Под конец газетчик озадачил растерявшегося Флора, спросив:

— Как вы питаетесь в Советском Союзе?

Флор отмолчался и сердито протянул ему руку для прощания».

Котов в восторге: как видите, уважаемые читатели, поведение гроссмейстера Флора за рубежом было образцовым!

А тогда, у Дома кино...

— Котик, — говорит ему Флор, — ты сияешь, как именинник.

— Я и есть именинник, — отвечает Котов. — А ты, Сало, что такой бледный? Худо тебе?

— Погода... — говорит Флор. — Наверно, давление. — Но его волнует, конечно, совсем другое. Это видно. — Ты-то сам фильм смотрел?

— Так, не целиком...

Смутившегося Котова, к его явному удовольствию, отзывают в сторонку: скоро начнётся обычная церемония, на сцену выйдут режиссёр, актёры, оператор.

Мой Сало Михайлович в напряжении. Гаснет свет. На экране мелькают первые кадры — и он тут же окаменевает, цепко держит мою руку. Худшие его ожидания подтверждаются. Кажется, что он заметён выюгой, пургой, метелью, бураном...

Алехина играет Александр Михайлов. По-моему, это его удача. Он прозревает в своём герое не просто гения комбинаций, а мятущегося человека, как Набоков прозревал в Лужине феноменального увальня, под периной которого мялись башмаки с распушенными шнурками. До многого актёр сам докопался, без подсказок Котова.

Но вот появляется на экране «непробиваемый Флорик».

— Это Галкин, — шепчет Сало Михайлович. — Боря. Очень приятный парень. И талантливый...

И вдруг шёпот его стихает: не по себе ему стало — сразу заметно. Что это? Флор на экране беспричинно хохочет, по-дурацки шутит, дёргается, будто марионетка. Бог знает зачем. Кто велел актёру именно *так* изобразить Флора? Актёр несколько раз бывал дома у Сало Михайловича, вёл с ним продолжительные беседы. А толку-то... У зрителя складывается впечатление, что чехословацкий гроссмейстер — персонаж комический, а главное — что это не соперник для Алехина. Поэтому, что ли, заставляют киношного Флора паясничать и гримасничать, валять ваньку и быть недалёким, забывая, что тот трижды опережал Алехина в турнирах, был с ним на «ты», что непревзойдённый чемпион мира относился к нему с уважением как к собрату, ровне и достойнейшему человеку...

Фильм покорибл друзей Флора. Возмутился и Кобленц, который писал, что Сало Михайлович признался ему: как секундант Макса Эйве «он никакого вознаграждения не получал. Он очень огорчился, что в фильме его представили человеком, изменившим, по сути дела, дружбе с Алехиным ради звонкой монеты. Флор просил режиссёра изъять из фильма некоторые фрагменты, соглашаясь даже возместить расходы, связанные с перемонтажом. Но было уже поздно (а может, желания не было? — *В.М.*). Переживания Флора можно понять — его отличала удивительная порядочность».

Закончился просмотр. К нам подходят знакомые, говорят какие-то любезные слова Флору. Он не реагировал на эти слова. Заледенел, хотя и раскраснелся.

Мы стояли на улице Горького и ловили такси. Флор молчал, пока минут через двадцать мы не поехали в сторону Комсомольского проспекта.

— А ведь Котик — мой давний приятель, — сказал он. — Может, это не он виноват? Как по-вашему? Может, режиссёр это учудил?

Глава двадцать девятая

ГОЛИЦЫНСКИЙ ЭПИЛОГ

1

Тогда я был в Доме творчества в Голицыне, и Флор, взяв такси, приехал ко мне. Он сказал, что Таня его «отпустила»: «Поезжай, Салушка, подыши свежим воздухом». Был конец мая, до 18 июля 1983 года, дня его ухода в вечность, оставалось всего-ничего. И всё же должен признаться: я убеждал себя, что он — из должителей, что скрипучему дереву дольше держаться на земле, чем стройным тополькам. Мы с ним гуляли — медленно, чуть ли не на каждом шагу отдыхая. Он быстро уставал. Пропала привычка взрываться смехом, подмеченная почти всеми, кто его близко знал. Я ловил себя на мысли, что мне хочется взять его под руку, поддержать, чтоб он, не дай бог, не споткнулся. И всё равно Флор, как всегда, был с иголочки, со вкусом одет: всё тот же английский костюм с кокетливым платочком в кармашке пиджака.

После обеда пошли в беседку. Гляжу — Райт-Ковалёва. Она пальчиком постукала о столбик:

— Можно?

И — с места в карьер: здесь глаз не на кого положить, и вдруг, мой дорогой, — вы, я столько слышала о вас. Вот это была встреча! Они говорили на немецком, на английском и на русском. Я сказал Сало Михайловичу, что обожаемая мною Рита Яковлевна — переводчица кафкианского «Процесса». А ей объяснил, что Сало Михайлович любит этот роман, в котором Йозеф К., идя по светлым и тёмным улочкам, постоянно чувствует себя объектом наблюдения, ведущегося тайными агентами. Разговаривали часа два — о Праге, о Кафке, о Маяковском, об Алехине, о Капабланке, о Москве тридцать пятого. Флор рассказал о своих встречах с Вертинским, о двух замечательных парижских концертах сочинителя ариеток Пьеро.

(На следующий день не слишком-то сентиментальная Рита Яковлевна сказала мне:

— Ваш друг — ужасно беззащитный человек.

Я попытался не согласиться:

— Да что вы, он гениально защищался в самых безнадёжных позициях.

— Так то ведь в шахматах, — возразила Райт-Ковалёва. — И когда это было. Мне всё время хотелось погладить его по головке. Он такой трогательный ребёнок. Его, наверно, никто не гладит по головке. А жаль.

И она почему-то припомнила то место из переведённой ею повести Сэлинджера «Выше стропила, плотники», где герой говорит о том, как едет в автомобиле с маленьким человечком, не похожим, однако, ни на карлика, ни на лилипута, о его фразах типа «Я вас не очень стесню?», о неодолимом желании осторожно взять крошечное существо на руки... Правда, добавила она, у вашего Флора на лацкане никогда не появится *сальное* пятнышко, как у этого типа, это уж точно. Чуткая к слову, она, однако, вмиг поняла двусмысленность употреблённого ею эпитета. И замялась.)

Сало Михайлович собирался заночевать у меня (разрешение Тани мелось), чему радовался загодя — ещё неделю назад, ведя со мной разговор по телефону. Но к вечеру его заметно стало одолевает неясное беспокойство.

— Пожалуй, я поеду. Не обидитесь?

2

Перейдя через привокзальный акведук (уже в сумерках), мы минут сорок ждали на притихшей площади такси. Резко пованивало нечистотами, креозотом, железнодорожным хозяйством; в закрытых ларьках свет уже не горел, а три-четыре мигавших фонаря лишь подчёркивали всю эту родимую бесприютность. Из Звенигорода прибыл автобус; люди рвались из него так, будто вот-вот произойдёт что-то страшное, какая-нибудь катастрофа, спешили куда-то, и ветерок доносил обрывки смеха и трёхэтажного мата. Порывами этого же свежего ветерка срывались с места лоскуты газет, смятые стаканчики от мороженого, натыкавшиеся на осколки тёмно-зелёного бутылочного стекла. Мне стало не по себе. И куда я затащил Флора?! Месяца не прошло, как он прилетел из Австрии, где гостил в Зальцбурге.

А он не роптал.

— Как зовут эту писательницу? Рита?

— Рита — псевдоним. Изначальное имя — Раиса.

Он передёрнул плечами. У него когда-то была своя Раиса. Раиса Ильинична. И она далеко-далеко не каждый день напрягалась, чтобы утешить его и погладить по головке.

Он уехал в ночь. Не верилось, что совсем недавно он здесь стоял, теребил руки, о чём-то тревожился, украдкой поглядывая на часы. Как всегда, тысячи вопросов остались без его ответа. Но скорее всего, исчерпывающих ответов вообще не существует. Ко мне подошла бездомная собачонка, чем-то похожая на флоровскую Пешку. Она ждала, что я её чем-нибудь угощу. Псинка плюхнулась на пыльный, измызганный асфальт и сразу же потрусилась за мной, как только я направился к Дому творчества. Перед акведуком она остановилась: её испугали крутые ступени.

...И, думая о том, что для меня означала кончина Флора, я всегда представлял этот внезапный отъезд, эту темень, угол, за которым исчезли габаритные огоньки такси. А ещё прокручивалась в памяти песенка Вергинского:

...А потом пройдут года, и, вами брошенный,
Постаревший, жалкий и смешной,
Никому уже не нужный и изношенный,
Я, как прежде, возвращусь к себе домой...

Близкие нам люди навсегда уходят (может быть, может быть, и к себе домой) — и мы с ужасом обнаруживаем, что с ними ушли драгоценнейшие подробности их жизни. Выведать «детали» (которые и есть квинтэссенция жизни) можно было только у них — и ни у кого больше. В чужой «версии» детали эти, к сожалению, мало чем отличаются от рыбы, вытащенной из воды.

Когда не стало Флора, мои отношения с Татьяной совсем ухудшились. Правда, она пригласила меня с женой «на девять дней», сказав по телефону:

— Салушка не простил бы меня, если б я этого не сделала, так что приезжайте. Вы были ему, пожалуй, самым близким другом. Я и Васильева Виктора позвала.

Спасибо и на том.

Виктор почему-то не появился, даже не позвонил.

За столом была ещё её сестра, Светлана, усталая, грустная. Мы почти не говорили. Да и о чём?

Мой Флор мало был похож на Таниного Флора.

Мы поминали едва ли не разных людей.

И мне было очень жалко Таню, измождённую, несчастную.

Она сказала:

— Я сменю фамилию.

Светлана вздрогнула.

Таня была Ильиной, дочерью не только Александры Александровны Есениной, но и Петра Ивановича Ильина, сначала — корреспондента газеты «Гудок», потом — работника приёмной Всесоюзного старосты Калинина, и теперь у неё возникло желание стать Есениной-Флор. Она вопросительно посмотрела на меня — как я на этоотреагирую?

Я ей не ответил. Что тут можно сказать?

Меня вдруг потянуло в «комнату Флора», где мы с Сало Михайловичем провели сотни часов. Я сел на *его* диван и стал вглядываться в небольшой портрет. Флор улыбался с него грустно и не так, как обычно. Через несколько секунд появилась Таня с сигаретой в зубах. Она сразу погасила её в пепельнице, которую взяла с собой, другую — закурила.

— Извините, — сказала она, — но, право, мне бы не хотелось, чтобы сюда заходили *посторонние*. Отсюда уже пропало несколько очень ценных предметов. Вы, конечно, не из таких, но...

Наверно, так и было. Кто-то стащил что-нибудь «на память».

Я встал и засобирился. Светлана не поняла, что произошло, но догадалась: что-то очень нехорошее.

— Вы на неё не сердитесь, — попросила она у дверей шёпотом, — у неё кошки на душе скребут...

Потом мы встречались с Таней, уже ставшей Есениной-Флор, в издательстве. Мы делали вид, будто ничего особенного не произошло, да и выглядела она не ахти как: ещё больше похудела, ещё больше курила и жаловалась на изнуряющие боли.

До меня доходили слухи, что Татьяна ездила на Ивано-Франковщину, где проходил турнир памяти Флора (не знаю, кто принимал в нём участие). Местная газета написала про неё: «Вона теж була надзвичайно особистістю. Видала (издала. — *В.М.*) п'ять монографій про свого рідного дядька Сергія Есеніна, готовула до друку повне зібрання його творів. Про чоловіка говорила тепло: "Він був дуже сімейною людиною". На жаль, дітей вони з Соломоном Михайловичем не мали. Тож нащадків (наследников. — *В.М.*) у славетного шахіста не залишилося...»

Меня позабавило сожаление, что у них не было детей и что наследников поэтому у Флора не осталось. О пяти её монографиях, к сожалению, мне ничего неизвестно, но вот то, что детей у них никак не могло быть, известно доподлинно.

Моя задача в работе над этой повестью усложнялась тем, что Сало Михайлович — один из самых выдающихся гроссмейстеров мира, это

фигура историческая, и его вроде бы должен окутывать дым шахматных баталий. Но не моё дело — анализ сыгранных им партий. Мне попалась фотография, датированная 1893 годом: Чайковский на веранде, в руке — папироса, на лице — мука мученическая, одежда неряшлива; так вот, этот снимок, как считают многие биографы композитора, полнее всего выражает душевное состояние Чайковского в последний год его жизни. Да здравствуют жизненные «пустяки»! Так что оставим специалистам партии, сыгранные Флором, и их анализ. Главное — я имею право говорить о гроссмейстере Флоре: я был его близким другом, он хотел даже усыновить меня (что довело меня до слёз). Мне всегда казалось, что моему Сало Михайловичу ещё жить и жить, что я не сегодня так завтра всё-таки успею пополнить *Флориану*, тетрадку-дневник, где изредка (увы!) появлялись кое-какие записи. У меня не было диктофона — какая жалость! Вот бы сохранить его голос, его рассказы и «дней минувших анекдоты»!

Что ни год — Флора всё больше и больше не хватает мне. Надеюсь: не только мне. Мой долг перед ним растёт и растёт. Сразу же вслед за утратой появились у меня стихи «Памяти Флора»:

Забыла чайка, что была криклива.
И, ржавый брат скрипичного ключа,
За чайкою вдоль Рижского залива
Последний лист несётся грохоча.

Любимый мой гроссмейстер, Вы поймёте.
Уж Вы меня простите: прорвало.
Тот ржавый лист — вот он, в моём блокноте.
А где теперь то самое крыло?

Такой некрупный, как Вы шли понуро.
Сырой песок. А след-то неглубок.
Шепнули мне: «Я — сбитая фигура.
Меня положат скоро в коробок...»

И что идут на ум прогулки эти,
И эта осень, и весь этот год?
Ведь не скажу я никому на свете,
Каким был в жизни Ваш слабейший ход.

...У Флора, увидевшего у Театра эстрады афишу спектакля «Время смеётся», как-то вырвалось: «*Время не смеётся*». Да, Сало Михайлович, Вы правы, вот думаю о Вас — и сокрушаюсь: смешного у Вас в жизни действительно маловато было, зато горечи — хоть отбавляй. А понять, в чём тут суть, можно лишь в одном случае: если воспроизвести на клетчатой доске Вашей судьбы и сильнейшие, и слабейшие

ходы, сделанные Вами. Раньше, «когда все были живы и здоровы», это было невозможно.

А сейчас без этого просто не обойтись.

В порыве откровенности Флор написал о себе: «Я любил и люблю шахматы и не жалею, что посвятил им жизнь. Но если бы мне пришлось начинать сначала, то я постарался бы не повторить многих ошибок».

Дорогой Сало Михайлович! Не удалось бы Вам это сделать, уж извините меня. Иначе не было бы на Земле феномена по имени ФЛОР. Это судьба. Она ввела Вас в семью Есениных, приблизила Вас к Есенину, чьи стихи Вы так и не успели прочитать до конца. А у него есть строки, которые кое-что подсказали бы Вам:

Ведь и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берёз изглоданные кости.

Вот так же отцветём и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

Когда-то в Тианети, в окружении гор, Иосиф Гришашвили вдруг заговорил о том, как Флобер задумал устроить банкет в честь писателей и художников, замалчиваемых критикой.

— Это пример, достойный подражания, — сказал он мне.

Я благодарен вам, батона Иосиф, за эти мудрые слова. Они звучали во мне, когда я работал над книгой о Сало Флоре. Согласитесь: как же можно в наше время вытаскивать из архивов докладные записки стукаческого толка и публиковать их в популярном журнале! Да ещё под вызывающим заголовком «Флор меня разочаровал».

Поднимем же тост за ОЧАРОВАТЕЛЬНОГО Флора, и пусть он протянет нам из своей вечности рюмку-непроливашку!

Сергей Воронков

АТАКУЕТ «КОРОЛЬ НИЧЬИХ»!

*Флор не шахматист комбинационной школы,
а виртуоз шахматной комбинации!*

Ганс Кмох

Помнится, редактируя составленную В. Батуриным книгу «Сало Флор» (1985) — единственный сборник партий Флора за всё советское время, да и то посмертный! — я не раз ловил себя на мысли: какой удивительный шахматный дар был дан свыше Флору, и как безжалостно судьба наградила его сомнительным титулом «король ничьих». Мне чувствовалась в этом явная несправедливость, особенно при виде замечательных комбинаций, остроумных ударов и просто самобытных идей, рассыпанных в партиях молодого Флора. Да, согласен, в его партиях советского периода, тем более послевоенных, уже редко встретишь лихую, вдохновенную атаку, да и комбинации как-то повыветрились из его творчества. Но на то были свои причины, и очень серьёзные. Впрочем, для тех, кто уже прочитал эту книгу, всё ясно и без моих объяснений...

О скорости игры молодого Флора ходили легенды. Маленький, ртутно-подвижный, искрящийся, он был истинным Моцартом шахматной сцены! Играл легко, без видимого напряжения, мгновенно схватывая ситуацию на доске. Сейчас мало кто помнит, что Флор был великолепным блицором, а в своё время считался лучшим в мире специалистом по сеансам одновременной игры! Приехав в Советский Союз в 1933 году, он с гордостью рассказывал корреспонденту «Вечерней Москвы»: «Амстердамский клуб в прошлом году устроил конкурс сеансов между Эйве, Шпильманом и мною на 26 досках. Победителем оказался я, сделав всего две ничьи. По времени я обогнал моих конкурентов больше чем на час! Мой рекорд в сеансе одновременной игры был также поставлен в Амстердаме: из 100 партий в течение 8 часов 20 минут я выиграл 80, проиграл 5 и сделал 15 ничьих».

За свою долгую карьеру Флор дал сотни сеансов. Но так уж повелось, что на страницы газет и журналов обычно попадают не выигрыши, а проигрыши именитых сеансёров. В мегабазе ChessBase я отыскал всего 6 (шесть) сеансовых партий Флора, но, разумеется, ни одной выигранной! К счастью, в периодике всё же сохранились крохи его сеансового творчества, показывающие, какой отвагой и тактической изобретательностью отличалась игра Флора.

Вот только один пример, но весьма характерный.

№ 1. Гамбит Стаунтона A82 ФЛОР – ОТТ

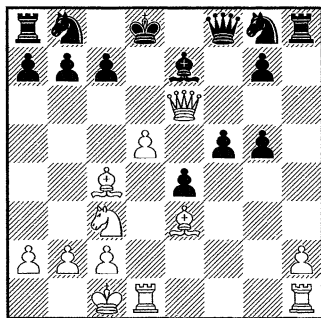
Сванс одновременной игры
на 41 доске,
Либерец 1930

1.d4 f5 2.e4 fe 3.♖c3 ♗f6 4. g4 d5 (4...h6!) 5.g5 ♗g8 6.f3 ♗f5 7.fe de 8.♗ge2 ♖c6 9. ♗e3. Сильнее было 9.d5! ♗e5 10. ♗d4 с преимуществом.

9...e6 10.♗g3 ♗e7 11.♗c4 h6? Ошибка, проигрывающая партию (11...♗b4!=).

12.♗:f5! ef 13.♖h5+ ♗d7 14.♖f7 ♖f8 15.♖e6+ ♗d8 16. 0-0-0! Вперёд, на короля! Прозаические «мелочи» проде 16.0–0! и ♖:f5 Флора, как видим, не волнуют.

16...hg 17.d5 ♗b8.

18.d6! cd 19.♖:d6+ ♗:d6 20. ♖d1! ♗f6. Или 20...♖e7 21.♖:f5! (но не 21.♖:d6+? ♗d7 22.♖:d7+ ♖:d7 23.♗:g5+ ♗e7) 21...♗f6 (21...a6? 22.♗b6+ с матом) 22.♗b5.

21.♖:d6+ ♗bd7 22.♗:g5 ♖e7 23.♗:f6 gf 24.♖:d7+! (единственный ход) **24...♖:d7 25.♖:f6+ ♖e7 26.♖:h8+ ♗d7 27.♗b5+ ♗d6 28.♖d4+.** Чёрные сдались.

Современному любителю шахмат даже странно, наверное, будет узнать, что молодой Флор славился отнюдь не только техникой игры и позиционным мастерством, а своими... чудесными комбинациями! Даже не склонный к похвалам Н.Крыленко в предисловии к сборнику «Матч Флор – Ботвинник» вопрошал: «А где же знаменитый комбинационный талант Флора? Его виртуозность, блеск его игры? Мы не видим их в партиях матча. Почему?»

Ответ Крыленко на этот вопрос очень показателен: «*Потому, что Ботвинник не давал ему возможности проявить их в этом матче, потому, что Ботвинник не допускал ни одного шанса для построения какой-нибудь хитроумной комбинации, в которой Флор мог бы проявить эту сторону своего творчества.*» Он держал его в клещах своей строгой позиционной осторожной игры и каждым ходом грозил использовать малейший промах Флора».

Вам это ничего не напоминает? Ну конечно: точно так же (и чуть ли не теми же словами) объясняли, почему Цукерторт проиграл матч Стейницу! Тут очень важна ещё и характеристика игры Ботвинника: «строгая», «позиционная», «осторожная». Именно такой в скором времени станет игра самого Флора. Такое впечатление, что он её и

перенял у Ботвинника! Цукерторт, напомним, умер спустя всего два года после матча со Стейницем, психологически сломавшись и не в силах оправиться от шока. Для Флора последствия ничейного матча с Ботвинником, на финише которого он растерял весь свой перевес, были, конечно, не столь трагическими. Внешне всё вообще выглядело так, будто Флор чуть ли не нарочно отдал пару партий, чтобы иметь возможность и впредь приезжать в гостеприимное и хлебо-сольное «шахматное Эльдorado»...

Но «рубец на душе», мне кажется, у него остался. Не от результата матча, а от сознания того, что тебя держит «в клешах» какая-то неведомая сила и «малейший промах» может стать роковым. Мало кто был в состоянии выдержать единоборство с Ботвинником, да ещё длительное! Знаете, что написал Бронштейн после матча с ним? «Когда напротив вас, не глядя в глаза или глядя исподлобья, сидит сгусток отрицательной энергии, то можно проиграть любую позицию».

Хрупкому, миниатюрному, доброжелательному Флору такая «борьба на уничтожение» была непривычна и психологически тяжела. Вдобавок во время матча он впервые в жизни потерпел фиаско в сеансах одновременной игры: в Москве счёт был ещё приемлемым (+16–12=22), зато в Ленинграде просто скандальным (+11–20=19). Флор, конечно, поймёт, что ему противостояли далеко не любители (среди участников сеансов было немало первокатегорников и будущих мастеров), но всё равно публичное унижение, да ещё после двух подряд проигрышей в матче, станет для него шоком!

Ведать бы заранее, где найдёшь, а где потеряешь. Может, именно после той поездки в СССР в игре Флора и появились не свойственная ему ранее осторожность, стремление по возможности избегать комбинационных осложнений и решать исход борьбы чисто техническими средствами? Словом, всё то, за что через несколько лет П.Романовский припечатает его обидным клеймом «файно-флоровского стиля»...

Флор выиграл много классических позиционных партий — высокотехнических, строго логичных и суховатых. Но в книге Владимира Мощенко, на страницах которой улыбается и острит, тоскует и печалится, влюбляется и страдает всамделишный, живой человек, а не машина по производству шахматных ходов, такие партии смотрелись бы диссонансом! Нет, пусть в вашей памяти Флор останется блестящим комбинационным игроком, каким он ворвался в начале 30-х годов в мировую шахматную элиту, а не тем «королём ничьих», в которого его превратила людская молва в Советском Союзе.

В 60–70-е годы Сало Флор любил выступать в рижском журнале «Шахматы», и его можно понять: царившая там непринуждённая обстановка, возможность более свободно, чем в центральной шахматной прессе, высказывать свои мысли, привлекала многих. Да и с юмором и иронией у рижан дело обстояло намного лучше. Ещё Бродский подметил, что «если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Жить «у моря» Флору не было дано, зато он нашёл отдушину в продуваемом морскими ветрами журнале, оставив на его страницах немало подробностей своей шахматной биографии.

Эссе, с которого мы начнём знакомство с творчеством выдающегося гроссмейстера, называется «**Жажда реванша...**» (№ 17, 1968). Оно частично приведено в основной части книги, но не будет большим грехом повториться, потому что в нём — ключ к пониманию характера Флора. Итак:

«Если вы считаете, что Сало Флор всю жизнь фигурировал как ничейный король, то вы заблуждаетесь. Думать, что достаточно было предложить ему ничью и он тут же соглашался, тоже не совсем правильно. Правда, по характеру я человек миролюбивый и как шахматный боец никогда не показывал настоящую спортивную злость. Никогда? Нет... Два раза в своей жизни мне ужасно хотелось избежать проигрыша, даже ничьей — два раза

мне хотелось победить во что бы то ни стало.

Первый случай относится к моей юности, скорее детству. Я жил и учился в небольшом городке около Праги. Было мне тогда 13 лет. Начал увлекаться шахматами (мешал прежде всего футбол), и мне даже казалось, что играю не так уж плохо. В газете появилось сообщение о том, что в Литомержице приезжает немецкий мастер Ф.Земиш и будет играть на десяти досках... вслепую. Я не понял: как это можно играть в шахматы вслепую. Может быть, какой-то цирковой номер? Меня это дело заинтриговало. Очень хотелось посмотреть на этот фокус. Но как попасть в шахматный клуб?

Препятствий было много. Как школьник я не имел права вечером ходить в кафе (днем, правда, тоже нет, но это можно было ещё как-нибудь обойти). Надо было получить разрешение в школе. Я его получил. Аппетит приходит во время еды. Теперь — решил я — стоит попросить в шахматном клубе, чтобы меня допустили к участию в сеансе. Это было труднее, но настойчивость и детские глаза преодолели сопротивление президента клуба, симпатичного дядечки с бородой.

— Держись, Сало, ты защищаешь честь нашего клуба!

— Ничего, не боюсь я этого “слепого” мастера из Германии.

Разумеется, я всё же волновался. Хорошо помню, что больше всего меня беспокоил “отчёт”

школьным товарищам в случае, если дело кончится неудачей. Но какая может быть неудача?

Сеанс начался... Десять шахматистов заняли свои места. “Фокусник” сидел на небольшой сцене. Он курил одну папиросу за другой. “Это ему не поможет!” С самого начала сеанса меня удивил один факт: почему ему не завязали глаза? Земиш сидел к нам всем спиной. На немецком языке ему объявляли наши ходы, и он довольно быстро сообщал свои, ответные. Я играл за восьмой доской.

Игра развивалась, как мне казалось, нормально. Я следил за поведением Земиша. Вроде бы всё хорошо, никакого фокуса нет. Земиш только курит очень много и пьет чёрный кофе — чашку за чашкой. За это время я успел освежиться стаканом лимонада. И вдруг... только закончилась дебютная стадия... голос Земиша громко объявляет: “Доска номер восемь: 13-й ход — ♖e2:e6 шах и... мат в три хода!” Я побледнел: чего-чего, мат? Мне мат? — Да, да, этот “фокусник” прав. Я уже заметил, что получаю мат, и сдался... весь красный от стыда.

— Эх, ты! — сказал президент клуба. Но, пожалев меня, похлопал по плечу: — Не расстраивайся, всё бывает. Ты же проиграл мастеру, хорошему мастеру.

В 13 лет, впервые (и почти в последний раз) в моей жизни, я провёл бессонную ночь. Что я завтра скажу учителям? Что я скажу товарищам??? Как быть? Что я им

скажу? Они ведь будут смеяться. Зачем ты играешь в шахматы? Оставайся при футболе.

Я решил, что скажу всем правду, а именно:

— Мне казалось, что прилично играю в шахматы, но, оказывается, я понятия не имею о них.

Однако поражение от “слепого” в 13 ходов очень задело меня. Я должен реабилитироваться, я должен “отомстить”!

Но как это сделать? Ведь Земиш на следующее утро покидает город. Ничего... я его где-нибудь поймаю!

Нет худа без добра. Я начал более серьёзно заниматься шахматами. Изучал теорию. Скоро переехал в Прагу, а там, конечно, было больше возможностей для тренировок.

С момента моего фиаско в сеансе против Земиша прошло восемь лет. Я стал мастером и получил возможность участвовать в международном турнире в Рогашка-Слатине (Югославия). В одном из первых туров я встретился с Земишем. Никаких сеансов — никаких “фокусов”. Мы с ним играем на равных — один на один. Я его знаю и помню, а он про меня ничего, совершенно ничего не знает. Он и не понимает, почему я его так стремительно атакую. Посмотрите сами, как будущий ничейный король атаковал в юности. Прекрасно это получилось. Почему? Вероятно, потому, что я в этой партии жаждал реванша за “позор” в Литомержице!

(Поскольку Флор ограничился краткими пояснениями, я решил дать параллельно его «серьёзные» комментарии в журнале «Kagan's Neueste Schachnachrichten», подготовившем публикацию такими словами: «Партия является прекрасным образцом энергичной игры молодого чехословацкого маэстро»*.)

№ 2. Ферзевый гамбит D35

ФЛОР – ЗЕМИШ

Рогашка-Слатина 1929

1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3.a3. И сегодня ещё не знаю, зачем сделал этот безобидный ход.

«K.N.S.» В современной практике мастеров этот ход не применялся. Конечно, большого преимущества белым он не может дать, но в ферзевом гамбите он не является лишним. Во всяком случае, ходом a2-a3 белые сходят с проторённых теоретических путей и заставляют противника проявлять самостоятельность.

3...d5 4.♗c3 ♕e7 5.♕g5 0-0 6.e3 b6. «K.N.S.» Земиш избирает неудачную систему развития. Лучше было c7-c6 или c7-c5.

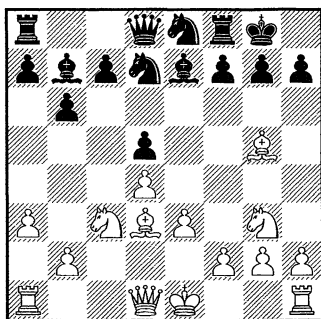
7.cd ed. Проще и лучше брать конем.

«K.N.S.» После 7...♗:d5 8.♕:e7 ♖:e7 9.♖c1 белые стояли бы очень хорошо.

8.♕d3 ♖bd7 9.♗ge2! «Гораздо сильнее, чем шаблонное 9.♗f3» (Кан).

9...♕b7 10.♗g3 ♖e8. «K.N.S.» На 10...♗:e4 белые могли бы

с выгодой продолжать 11.♕:e7 ♖:e7 12.♕:e4 de 13.♖g4 (13...♗f6? 14.♖:g7+!). Лучше было 10...♖e8 11.♗f5 ♕f8 и т.д.

11.h4! Сигнал к атаке! Тут мой противник удивился. Молодой человек из Праги играет так смело с Земишем, с Земишем, который за два месяца до этого в Карлсбаде победил самого Капа-бланку?!

11...g6. «K.N.S.» Чёрным трудно найти хороший ход. На 11...f6? следует 12.♖h5, а при 11...h6 путём пожертвования слона 12.♕:h6 gh 13.♖g4+ ♗g7 (13...♕h8 14.♖h5) 14.♗h5 ♕f6 15.♖f4! ♖e8 16.♖:h6 и затем ♖h3 белые получают решающую атаку.

Проверим: 16...♕d4! 17.0-0-0 ♗f6 18.♖h3 ♖e5! с идеей 19.♖g3 ♖:h5=. Правильно сразу 15.♖h3! с неотразимой угрозой ♖g3.

12.♕h6 ♗g7 13.h5 f5 14.hg hg 15.♖f3 c6. «K.N.S.» На 15...♗f6 чёрные справедливо опасались продолжения 16.♕:f5 (16.♗ge2! и ♗f4).

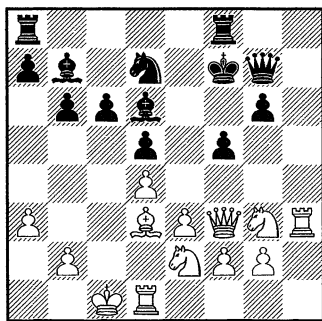
* Здесь и далее курсивные примечания и вставки принадлежат мне. — С.В.

16. ♖ce2 ♙d6 17. 0-0-0. Как это белые получили такую шикарную позицию, несмотря на потерю темпа — 3.а3? Без содействия противника это не могло случиться.

Востроглазая «Рыбка» советует 17. ♖:g7 ♖:g7 18. ♘:f5+, но Флор не спешит, чтобы ненароком не расплескать перевес.

17... ♜f6 18. ♜h3 ♖f7. «K.N.S.» Эта попытка бегства оказывается неудачной. Впрочем, у чёрных вообще нет достаточной защиты. На 18... ♜f7 последует 19. ♜h1 с угрозой ♙g5.

19. ♙:g7 ♜:g7. «K.N.S.» На 19... ♖:g7 достаточно убедительно 20. ♙:f5.

20. ♙:f5! Решающий удар! На 20...gf последует 21. ♘:f5 ♖g8 22. ♘:g7 ♜:f3 23. g! ♖:g7 24. ♜g1+ ♖f8 25. ♜h8+ ♖e7 (25... ♖f7 26. ♜h7+ ♖e8 27. ♜g8+ ♙f8 28. ♜:f8+) 26. ♜g7+ ♖f6 27. ♜:a8 ♖:g7 28. ♜d8, и белые выигрывают.

20... ♘f6 21. ♘f4 ♙:f4 22. ♜:f4 ♜ae8. «И теперь нельзя 22... gf 23. ♘:f5 ♜:g2 24. ♜c7+ ♖e6 25. ♘g7+ с выигрышем ферзя» (Кан).

23. ♜dh1 ♖g8. «K.N.S.» От угрозы ♙:g6+ не было защиты. На 23...gf последовало бы 24. ♘:f5 ♜:g2 25. ♘d6+ ♖e7 26. ♜h7+ со скорым матом. Если же 23... ♜h8, то решает 24. ♜:h8 ♜:h8 25. ♜c7+ и т.д.

24. ♜h8+. Теперь на 24... ♖f7 следует 25. ♙:g6+! с полным разгромом. Чёрные сдались.

После нашего рукопожатия я попросил Земиша немного побеседовать со мной.

— Пожалуйста, — сказал Земиш.

— Помните, восемь лет тому назад вы дали сеанс в Литомержице?

— Литомержице, Литомержице? Да, да, ну и что же?

— Я тогда был одним из участников и отличился тем, что “вылетел” первым, — после 13 ходов. Сегодня я у вас взял реванш!

Земиш был очень доволен. “О, как это интересно”, — говорил он и при случае с удовольствием рассказывал про... свою победу в сеансе. Мы с Земишем — сегодня он старейший гроссмейстер в мире — старые шахматные друзья. Неоднократно встречались мы в других турнирах, но я его больше не “обижал” за доской. Я всё же человек не забывающий. Самое главное: реванш за проигрыш в 13 ходов состоялся!

Во втором случае жажда реванша, точнее желание победить, была куда сильнее, чем в первом.

Было это в 1939 году. Даже точную дату помню: 15 марта.

В Риге проходил международный турнир. Я был тогда чемпионом Чехословакии, мастер К.Опоченский присутствовал в качестве корреспондента. Одним из участников был «немецкий» гроссмейстер Ефим Боголюбов (умер в 1952 году в ФРГ).

15 марта немцы вошли в Прагу. Было очень грустно, тяжело на душе. Но Боголюбов смеялся, злорадствовал и всячески нас «успокаивал». Известно, что про покойного говорят или хорошо, или ничего. Ограничиваюсь тем, что не рассказываю, какой характер носили «успокоения» со стороны Боголюбова. Но он меня, мягко выражаясь, ужасно раздражал...

Вообще-то Боголюбов был человеком добродушным, но в политическом отношении беспринципным (в то время он был ослеплён и влюблён в своего фюрера). Как же наказать Боголюбова? Только в нашей партии (которая оказалась и нашей последней встречей — после войны мы уже не виделись!).

Через три-четыре дня после 15 марта состоялась наша рижская партия. Вот сражение, которое мне страстно хотелось выиграть.

№ 3. Славянская защита D19

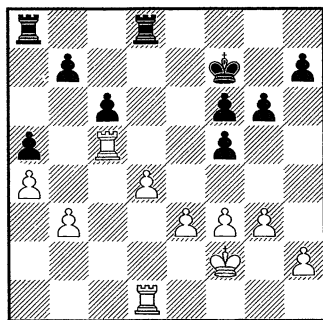
ФЛОР — БОГОЛЮБОВ

Кемери — Рига 1939

1.d4 ♘f6 2.c4 c6 3.♘f3 d5 4.♘c3 dc 5.a4 ♘f5 6.e3 e6 7.♙:c4 ♘b4 8.0-0 ♘bd7 9.♚e2 0-0 10.♖d1 ♘e4 11.♘a2 ♘d6

12.♘d3 ♚f6 13.♚c2 ♚g6 14.♘c3 ♘df6 15.♘:e4 ♘:e4 16.b3 ♖fd8 17.♘a3 ♘:a3 18.♖:a3 ♘f6 19.♘:f5 ♚:f5 20.♚:f5 ef 21.♖aa1 a5 22.♘e5 ♘e4 23.♖ac1 f6 24.♘d3 ♘f7. Читатель несомненно удивлен: а что интересного в этой партии? Белые почти ничего не получили по дебюту, и кажется, что ничейный исход неизбежен. Я прошу читателя набраться терпения — вторая часть будет и интересна, и даже поучительна.

25.g3 g6 26.f3 ♘g5 27.♚f2 ♘e6 28.♘c5 ♘:c5 29.♖:c5.

Тут Боголюбов улыбнулся, замаскировал руками и говорит:

— Ну, дальнейшее бессмысленно, хватит. Ничья?

А я ему в ответ:

— Я не уверен, что это так уж бессмысленно. Хочу поиграть.

Я был уверен, что позиция ничейна, но хотелось хоть помучить противника за 15 марта.

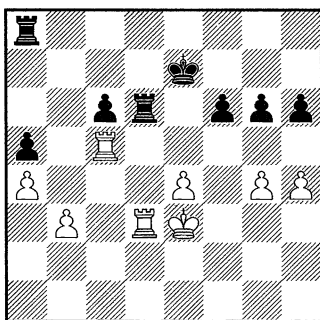
29...♘e6 30.e4. Избавляет чёрных от сдвоенных пешек, но белым надо освободить поле e3 для своего короля.

30...fe 31.fe ♖d6 32.♔e3 ♜a7. Чёрные вынуждены топтаться на месте.

33.g4 ♕e7 34.d5 ♜a6. Брать на d5 плохо из-за вторжения ладьи на c7.

Видимо, так и надо было играть: 34...cd 35.ed b6 или 35.♞c7+ ♜d7.

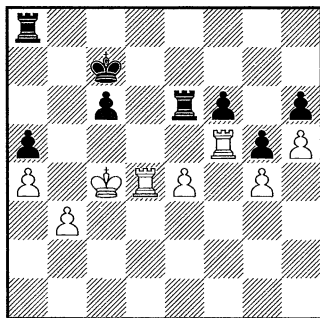
35.♞d3 ♜a8 36.h4 h6 37.dc bc.

Теперь получился эндшпиль, очень похожий на окончание моей партии с М. Видмаром (Ноттингем 1936). Хотя тот эндшпиль был высоко оценён, эта партия доставила мне куда большую радость со всех точек зрения.

38.♞dc3 ♕d7 39.h5 g5 40.♞f5 ♜e6. Не видно, где чёрные допустили серьёзную ошибку. В практической игре не так просто вести защиту.

41.♕d3 ♕c7 42.♞c4 ♜a6 43.♞d4 ♜a8 44.♕c3 ♜a6 45.♕c4 ♜a8. Незаметная, но уже решающая ошибка! Удерживало равновесие 45...♜a7!, и 46.e5 ничего не даёт: 46...fe 47.♞f7+ ♕b6 48.♜a7= (48.♞dd7? ♜d7 49.♜d7 e4, и выигрывают чёрные!).

46.e5. Типичный для подобных позиций прорыв.

46...fe (упорнее было брать ладьей) **47.♞f7+ ♕b6 48.♞dd7 e4 49.♞b7+ ♕a6 50.♕c5 ♜e5+ 51.♕:c6 ♜e6+ 52.♕d5 e3.** Последняя шуточка.

53.♞fe7 ♜:e7 54.♜:e7 ♞d8+ 55.♕c4 ♜b8 56.♜:e3 ♜b4+ 57.♕d5 ♜:g4 58.♜e6+ ♕b7 59.♜:h6 ♜h4 60.♕e5 ♜h3 61.♕f5 ♜:b3. Чёрные даже восстановили материальное равновесие, но белая пешка “h” неудержимо идёт в ферзи.

62.♞g6 ♜a3 63.♜:g5 ♜:a4 64.h6 ♜h4 65.♕g6 a4 66.h7 a3 67.♜h5. Чёрные сдались.

Итак, оба раза жажда реванша, желание победить помогло. Читатель может задать вопрос: почему я не злился чаще на своих противников? Ведь “так” даже можно стать чемпионом мира?! Нет, конечно. Во-первых, у меня не было оснований злиться на других противников. И признаюсь: если бы я знал, что благодаря только злости можно стать чемпионом мира, то, поверьте: о, как бы я злился. Жуть!..»

Начало статьи известного австрийского мастера и литератора Г.Кмоха «Сало Флор» в «Festschrift der Wiener Schachzeitung», перевод которой опубликовал в 1933 году журнал «64. Шахматы и шашки в массы», не приводит только ленивый. Помните? «Берлин, 1928 год. Турнир газеты “Berliner Tageblatt”...» Описание молодого Флора и впрямь настолько колоритно, что так и просится на бумагу. Но почему все обходят молчанием авторскую оценку стиля Флора? Может быть, потому, что она не вписывается в привычный «файно-флоровский» ничейный канон, над внедрением которого в массовое сознание так потрудились трубадуры советской шахматной школы? Между тем характеристика Кмоха весьма красноречива:

«Обращает на себя внимание не только его спортивный результат, но главным образом блестящий стиль. Флор стремится всегда к атаке, но не в духе старых мастеров, а в стиле современного понимания позиционных возможностей. Это тот самый метод борьбы, который в законченной форме мы видим у Алехина...

По стилю игры он называет себя приверженцем комбинационной школы; пусть, однако, следующая малоизвестная партия (в базе ChessBase её нет!) покажет, что это мнение не совсем точно. Флор не шахматист комбинационной школы, а виртуоз шахматной комбинации!

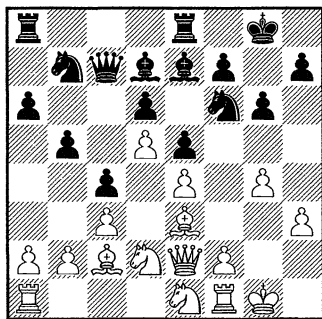
№ 4. Испанская партия С68

ФЛОР – ЛУСТИГ

Прага 1928

1.e4 e5 2.♘f3 ♘c6 3.♙b5 a6 4.♙a4 ♘f6 5.♚e2 ♙e7 6.c3 b5 7.♙b3 d6 8.h3 ♘a5 9.♙c2 c5 10.d4 ♚c7 11.0-0 0-0. Возникла позиция чигоринской системы, с той лишь разницей, что вместо хода ♚e1 сыграно ♚e2.

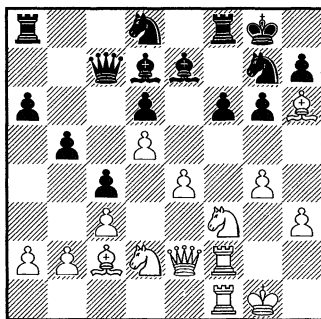
12.d5 c4 13.♙e3 ♙d7 14.♘e1 ♘b7 15.♘d2 ♚fe8 16.g4 g6.

17.f4! Начиная атаку, которая прекрасно характеризует тактические способности Флора. Чёрные допустили ряд неточностей и теперь стоят столь невыгодно, что после 17...e6 не могут быстро занять конем пункт e5. Ходом 16.g4 белые грозили выигрышем фигуры. Чёрные должны были не ослаблять положения короля, а подготовить отступление коня.

17...e6 18.♚f4! ♚f8 19.♚f2! Предупреждая манёвр 19...♙e8 и ♘d7 и готовя последующую перегруппировку.

19...♙e8 20.♘ef3 ♘d8 21.♚af1 f6 22.♙h6 ♘g7.

23.e5!! Смело и сильно. Чёрные имели в виду $\text{d}7\text{-e}5$, после чего их положение очень крепкое. Жертва пешки препятствует задуманному плану и значительно усиливает атаку белых. Слоны $\text{c}2$ открывается важная диагональ, а конь $\text{d}2$ получает на $\text{e}4$ сильный форпост.

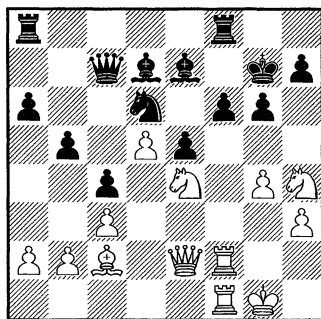
23...de. Слабее $23...fe$, так как открытие линии значительно усилило бы атаку. После $24.\text{d}g5$ с угрозой $25.\text{f}8+\text{e}:\text{f}8$ $26.\text{d}:\text{h}7$ $\text{e}:\text{h}7$ $27.\text{f}8$ $\text{e}:\text{h}6$ $28.\text{W}e3+$ (матует $28.\text{W}h8+$) $28...\text{e}h7$ $29.\text{W}g5$ или $24.\text{e}g5$ белые получали неотразимую атаку, ибо чёрные ладьи ещё долго останутся разъединёнными.

24.d4 e4 f7. После $24...f5$ чёрные вызывали только выгоды для атакующего открытия игры. Например: $25.\text{e}:\text{g}7$ $\text{e}:\text{g}7$ ($25...fe$ $26.\text{e}:\text{f}8$ ef $27.\text{e}h6!$, выигрывая) $26.d6$ $\text{e}:\text{d}6$ $27.\text{d}:\text{d}6$ $\text{W}:\text{d}6$ $28.\text{d}d1$ $\text{W}e7$ ($28...\text{W}e6$ $29.gf$ gf $30.\text{d}:\text{d}7+$! $\text{W}:\text{d}7$ $31.\text{W}g2+$ и т.д.) $29.\text{W}e5+$ $\text{W}e5$ ($29...\text{e}f7?$ $30.\text{d}g5+$ $\text{e}:\text{e}8$ $31.\text{d}e2!$) $30.\text{d}:\text{d}7+$ $\text{e}:\text{f}6$ $31.\text{d}:\text{e}5$ $\text{e}:\text{e}5$ $32.gf$ gf $33.\text{d}:\text{h}7$ с выигранным эндшпилем.

В первой скобке вместо $27.\text{e}h6?$, что опровергается $27...e4!$ $28.\text{W}e4$ $\text{W}g3+$ $29.\text{e}h1$ $\text{W}:\text{h}3+$ $30.\text{e}g1$ $\text{e}:\text{c}5$, выигрывает простое $27.\text{W}f3$.

25.e:g7 e:g7 26.dh4 d:d6.

Заслуживало внимания также $26...\text{d}g5$. Если тогда $27.\text{e}h2$, то $27...\text{d}:\text{e}4$ $28.\text{W}e4$, и чёрные от угрозы $29.\text{d}:\text{g}6$ имеют защиту $28...\text{e}e8$, так как на $29.d6$ последует $29...\text{e}:\text{d}6$ $30.\text{W}:\text{a}8$ $\text{e}:\text{c}6$ $31.\text{W}:\text{a}6$ $\text{W}a8$.

27.d:f6!! Остроумная комбинация, впрочем единственная, обещающая успешное продолжение атаки.

Комбинация Флора явилась сюрпризом и для «Рыбки», которая после $23.e5$ оценивала позицию явно в пользу чёрных. Ход $26...\text{d}d6$ она тоже сначала вывела на первую строчку, только потом «сообразив», что надо играть $26...\text{d}g5$ или $26...\text{W}b6$, сохраняя перевес.

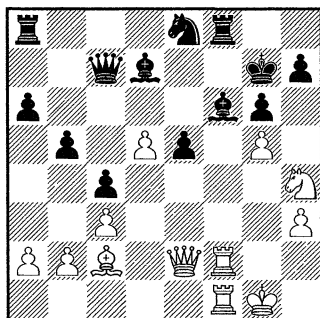
27...e:f6. Если $27...\text{f}6?$, то $28.\text{W}e5$, и выигрывают.

28.g5 d:e8? На это следует ужасный разгром. Правильно было $28...\text{e}:\text{g}5$ $29.\text{W}e5+$ $\text{e}h6$

(29...♔g8? 30.♖:g6!! hg 31.♚:g5) 30.♚:f8 ♚:f8 31.♚:f8 ♚:h4. Теперь у белых имеется очень сильное продолжение 32.♚:g6, и, как легко увидеть, чёрные не могут брать слона. При пассивной защите атака белых также должна увенчаться успехом, однако у чёрных имеется тонкая защита, форсирующая ничью: 32...♚c5+ 33.♔h1 ♖f5! Например: 34.♚:f5 (неудовлетворительно 34.♚:f5 ♔:g6 35.♚f1 ♚e7!) 34...♚:f8 35.♚:d7 ♚f1+ 36.♔h2 ♚f2+, и чёрные могут даже после 37.♔h1 ♚g3 предоставить противнику форсировать вечный шах.

Во-первых, 29...♔g8 ничем не хуже: после 31...♚:h3! 32.♚:g6! (единственное) 32...♔g7 33.♚:f8+ ♚:f8 34.♚:f8+ ♔:f8 (34...♔:f8?? 35.♔d8+ с матом) 35.♚:f5+ слон h3 гибнет. Во-вторых, скобочный вариант с 34.♚:f5, если его продлить, тоже ничеен: 36.♚g1+! ♔h6 37.♚f4+ ♚g5 38.♚:g5 ♚:g5 39.♚d6+, забирая слона d7.

Но это всё мелочи по сравнению с тем, что после 28...♔e8! не у чёрных, а у белых был единственный путь к... ничьей!

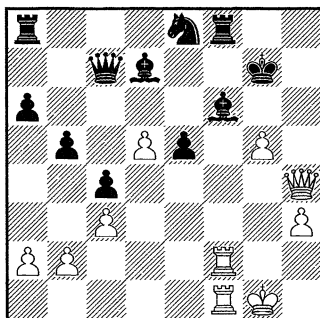

29.♖:g6!! Великолепно! После 29.gf+ чёрные, конечно, имели все шансы отбить атаку.

Не только «отбить атаку», но и выиграть. Спасало только 29.♚e4!! ♚e7! (лучшее) 30.♚:f8 ♚:f8 31.♚:g6 ♚b6+ 32.♔h1 hg 33.♚:e5+ ♔g8 34.♚f4!, и, несмотря на две лишние фигуры, чёрным не избежать ничьей.

Эффектный удар на g6 прямым вел... к проигрышу, но это при условии, что чёрные разберутся во всех хитросплетениях!

29...hg 30.♚:g6! ♔:g6 31.♚e4+ ♔g7 32.♚h4!

У чёрных в данный момент три лишние фигуры; и тем не менее против угрозы ♚h6+ нет достаточной защиты.

Ну почему же? Есть, и даже две: 32...♚a7!! (или 32...♚c5!!, но не 32...♚b6?! 33.♚h6+ ♔g8 34.g6!, и белые ещё могут бороться) 33.♚h6+ (33.♔h1 ♚e3! — только так) 33...♔g8 34.♔h2 (34.g6 ♚f5) 34...♚f2+! 35.♚:f2 ♚g7 с четырьмя (!) фигурами за ферзя.

К счастью, чёрные не заметили этой возможности, и Флор довел

свою лихую атаку до победного конца!

32...♔g8 (теперь всё конечно) **33.gf ♖:f6 34.♗g5+ ♕h8 35.♝:f6 ♗c5+ 36.♔h2**. Чёрные сдались.

Партия, прекрасно характеризующая инициативу, смелость и комбинационные способности Флора».

№ 5. Защита Нимцовича E22

ДОБИАШ – ФЛОР

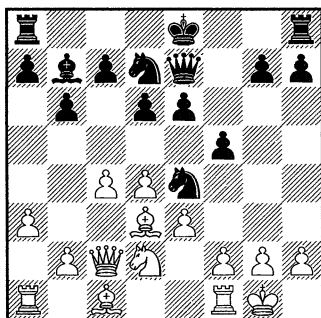
Мемориал В. Каутского, Прага 1929

Комментирует С. Флор

1.d4 ♖f6 2.c4 e6 3.♖c3 ♖b4 4.♗b3 ♗e7 5.a3 ♖:c3+ 6.♗:c3 ♖e4. Насколько мне известно, новый ход. В матче Алехин – Боголюбов (1929) после 6...b6 7.f3 и e2-e4 белые создавали сильный центр.

7.♗c2 f5 8.♖f3. Следовало предпочесть 8.e3 с последующим ♖d3 и развитием коня на e2.

8...b6 9.e3 ♖b7 10.♖d3 d6 11.0-0 ♖d7 12.♖d2.

12...♗h4! После 12...♖df6 13.f3 белые осуществляли e3-e4, получая преимущество.

13.f3 (13.g3 ♖g5 с угрозой мата) **13...♖ef6 14.d5**. На 14.e4 чёрные ответили бы 14...f4 и e6-e5 с атакой, используя активную позицию ферзя. Ход в партии оставляет за чёрными поля c5 и e5, однако затрудняет им рокировку.

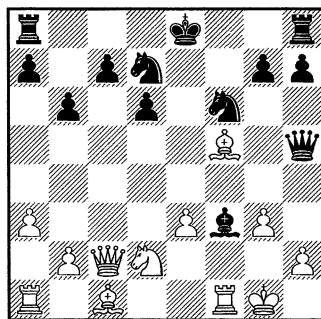
Хорошим продолжением было 14.b4, после чего я имел в виду начать атаку ходом 14...g5.

Чёрным повезло: 14.e4 f4 парруется 15.c5! bc 16.b4! (16...e5? 17.bc dc 18.♗b3), а 14.b4 g5 плохо из-за 15.d5! (15...ed 16.♖:f5 dc 17.♖b2!).

14...ed 15.♖:f5 dc! 16.g3. В случае 16.♖:c4 d5! 17.♖d2 c5 или 16.♗:c4 ♗:c4 17.♖:c4 d5 18.♖d2 0-0 у чёрных хорошие шансы. Поэтому белые решают обострить игру.

Взятие ферзем ведёт к потере качества (17...♖ab!), а вот взятие конём давало белым небольшой перевес: 16...0-0 (16...d5? 17.♖e5! ♖e5 18.♗:c7) 17.e4 и т.д.

16...♗h5 17.♖:c4 ♖:f3 18.♖d2.

18...♖e2!! На этот ход я решил-ся после длительного размыш-

ления. На первый взгляд он кажется сомнительным, так как ослабляет поля на диагонали a8-h1.

Я должен был иметь в виду ответ 19. ♖с6, на который подготовил комбинацию в духе старых мастеров: 19... ♕:f1! 20. ♖:a8+ (20. ♕:d7+ ♕e7!) 20... ♖f7 21. ♖:h8 ♖:f5 22. ♖:f1 (не спасает 22. e4 ♖c5+ 23. ♕:f1 ♖g4 24. ♖g2 ♖f2+ 25. ♕h3 ♖:h2+ 26. ♕:g4 ♖e5+ 27. ♕f5 g6+ 28. ♕g5 ♖h5+ 29. ♕f4 ♖h6#) 22... ♖g4 23. ♕d2 (единственное) 23... ♖de5! 24. ♖d8! (24. ♕e1 ♖f3+ и ♖e4) 24... ♖e4!! (но не 24... ♖f2+ 25. ♕h1 ♖f3? 26. ♖:c7+ ♕g6 26. ♖:d6+ ♕h5 27. ♖b4 ♖f3+ 28. ♕h1 ♖d4+ 29. ♕g1 ♖e2#).

Жаль, что противник не дал возможности осуществить эту комбинацию.

Как и многие «комбинации в духе старых мастеров», эта тоже не свободна от ошибок. Начнём с конца. Ход 24... ♖f2+! лишь удлиняет путь к мату: 25. ♕h1 ♖f3+ 26. ♕g1 ♖e4!! и т.д. Однако 24. ♖d8? ошибочно: после 24. ♕c3! ♖f3+ 25. ♕h1 ♖e4 26. ♖:g7+ на доске ничья... Так что же, комбинация неверна? Нет, надо лишь «поднять» 22... ♖e4!! (взамен 22... ♖g4?), и белые гибнут: 23. ♕d2 ♖f2+ 24. ♕h1 ♖g5! 25. ♖a8 ♖f3 и т.д.

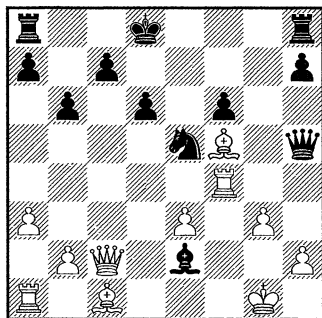
19. ♖f4 ♕d8! В случае 19... 0-0-0 20. a4 у белых появлялись шансы на атаку.

После 20... ♕b8! — вряд ли: 21. a5 ♖d5! или 21. ♖h4 ♕d1! 22. ♖d3 ♖e2. Так что рокировка заслуживала предпочтения...

20. ♖e4 ♖e5! 21. ♖:f6 gf.

Нехорошо было 21... ♖f3+ из-за 22. ♖:f3 ♖:f3 23. ♕d2 gf 24. ♕e4.

Вместо 23... gf? приемлемо 23... ♖f8, но и белые могут сыграть сильнее: 23. ♕h3! с двумя фигурами за ладью (23... gf? 24. ♕g2).

22. g4. Вот она, решающая ошибка! После 22. ♕e4! ♖b8 23. ♖f5 ♖g4 24. ♖f6 белым ничего не грозило.

22... ♕:g4 23. ♖:g4. Деляя 22-й ход, белые не учли, что на 23. ♕:g4 следует 23... ♖g8 (но не 23... ♖:g4 ввиду 24. ♖g2).

23... ♖:g4 24. ♖g2 ♖:f5 25. ♖:a8+ ♕d7 26. ♖g2 ♖g8. Позиция белых незащитима.

27. e4 ♖c5+ 28. ♕f1 ♖:c1+ 29. ♖:c1 ♖e3+ 30. ♖f2 ♖:g2 31. ♖g1 ♕e6. Белые сдались.

Партия с Соломоном Ландау по-своему уникальна: она — единственная из творческого наследия Флора, которая вошла в знаменитую книгу Ф. ле Лиюннэ «Призы за красоту в шахматах» (Париж, 1970), почему-то не переведённую до сих пор на русский язык. Парадокс, но этой

великолепной партии нет в мега-базе ChessBase!

№ 6. Ферзевый гамбит D30

ФЛОР – ЛАНДАУ

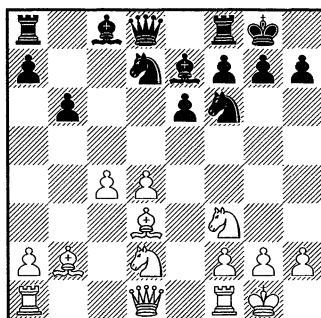
Антверпен 1930

Комментирует С. Флор

1.d4 ♖f6 2.c4 c6 3.♘f3 d5 4.e3 e6 5.♘bd2 ♙e7 6.♙d3 ♘bd7 7.0-0 0-0 8.b3 c5. Всё это уже было в последней партии матча Алехин – Боголюбов.

9.♙b2 cd 10.ed dc. Произведённые чёрными пешечные размены им не на пользу. Образующиеся у белых висячие пешки атаковать очень трудно, в то же время, как показало дальнейшее течение партии, у белых будут перспективы атаки королевского фланга. Чёрным следовало играть 9...b6.

11.bc b6.

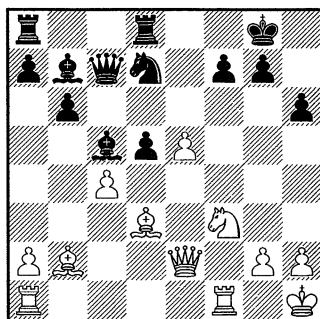
12.♞c2! Сильнее, чем 12.♞e2. После того как белый конь займёт позицию на e5, его трудно будет разменять ввиду угрозы пешке h7.

12...♙b7 13.♘e5 ♞c7 14.f4 ♜fd8. Ослабляя пункт f7. Поз-

тому следовало предпочесть 14...♜ad8 или 14...♜ac8. Однако положение чёрных уже трудное.

15.♘df3 h6 (грозило 16.♘g5) **16.♞e2! ♘:e5.** Ведёт к быстрой катастрофе, но трудно порекомендовать чёрным приемлемое продолжение. В случае 16...♘f8 белые могли приступить к прямой атаке путём 17.g4 или ограничиться спокойным 17.♞ae1.

17.fe ♘d7 18.d5! ♙c5+ (если 18...ed, то 19.e6) **19.♙h1 ed.**

20.♘g5!! Кульминация атаки. Жертву фигуры принимать нельзя: 20...hg 21.♙h7+! ♙f8 (21...♙:h7 22.♞h5+ ♙g8 23.♞:f7+ ♙h7 24.♜f3 g4 25.♜f5) 22.♜:f7+ ♙:f7 23.♞h5+ ♙f8 24.♜f1+, и белые выигрывают.

В скобочном варианте «Рыбка» откопала потрясающий защитный ресурс: 25...♘f6!! 26.♞:c7 ♜d7 (ферзь в ловушке!) 27.♞:d7 ♘:d7 28.♜f7 ♘f8! 29.♜:b7 dc 30.♜f1 ♙e6, и с пешкой за качество чёрные смело смотрят в будущее.

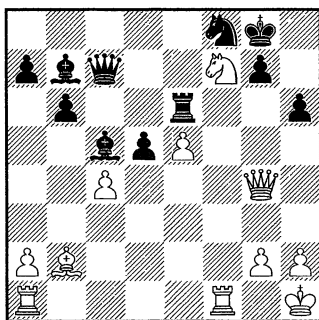
Поэтому сильнее продолжением атаки было 20.e6!! ♘f8 21.♘d4!, и если 21...f6, то 22.♘f5 и

♘:h6+. Впрочем, это единственная поправка во всей атаке!

20...♖f8 (на 20...♖f8 следует 21.♗h5 и 22.e6) **21.♘:f7**. В случае 21.♗:f7 чёрные вынуждаться к жертве ферзя: 21...♗:f7 22.♘:f7 ♘:f7, хотя и тогда после 23. e6+ атака белых продолжается.

21...♗e8 22.♗g4 ♗e6 23. ♟f5 ♗ae8. Вынужденно: на 23... ♗:f7 следует 24.♙:e6.

24.♙:e6 ♗:e6.

25.♘d6! (угрожая 26.♗:f8+ или 26.♗f7) **25...♙:d6 26.ed!** Это лучше, чем 26.♗:f8+.

26...♗d7. Но не 26...♗:d6 из-за 27.♙a3! ♗d8 28.♙:f8 ♗:f8 29. ♗e6+ ♗f7 30.♗e8+.

27.♙a3 ♘h7 (конечно, не 27...♗:d6 28.♗:f8+) **28.h3! dc**. Не 28...♘f6 из-за 29.♗:f6. Поэтому белые и защитили ферзя (иначе 29...♗e1+).

29.♗:c4 ♘f6 30.♗:f6! Быстро решает. Иначе у чёрных появились бы некоторые ресурсы вроде 30...♘e4 или 30...♘d5.

30...gf 31.♗e1 ♙c8. В случае 31...♘f7 32.♗:e6 ♗:e6 33.♗c7+ чёрные теряют слона.

32.♗c1 ♙b7 33.♗g4+ ♘h8 34.♗c7 ♗e1+ 35.♘h2 ♗:g4 36.hg. Чёрные сдались. Партия отмечена призом за красоту.

№ 7. Английское начало А38

БЛЕХШМИТ – ФЛОР

Цвиккау 1930

Комментирует С. Флор

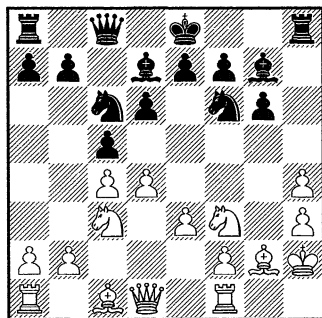
1.c4 ♘f6 2.g3 c5 3.♙g2 g6 4. ♘f3 ♙g7 5.♘c3 ♘c6 6.0-0.

Сейчас или на следующем ходу следовало играть d2-d4.

6...d6 7.h3 ♙d7 8.e3. Ошибка, что чёрные убедительно доказывают. Заслуживало внимания 8.d3.

8...♗c8 9.♘h2 h5 10.d4 h4!

11.gh. Вынужденно! На 11.♘:h4 следует, конечно, 11...g5, а в случае 11.g4 чёрные выигрывают путём 11...♙:g4 12.hg ♘:g4+ 13. ♘g1 h3 14.♙h1 h2+ 15.♘g2 ♗f5 или 15...♘ge5.

11...g5! Этот ход возможен благодаря тому, что слон c1 закрыт.

Панов ставит два восклицательных знака: «Неожиданный эффектный ход. Ничем не защищённая пешка идёт на дважды ата-

кованное поле, внося смерть и разрушение».

12. ♖h1. На 12. ♘g5 (видимо, лучше) следует 12... ♖h4, а 12. hg проигрывает сразу из-за 12... ♘h3.

12... g4! 13. hg ♘:g4 14. ♖g1 ♜f5 15. d5! Белые выигрывают темп для шаха на a4. Угрожало 15... 0-0-0 и ♖dg8.

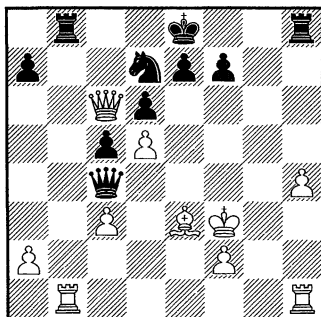
15... ♘e5 16. ♜a4+ ♘fd7 17. ♘:e5 ♘:e5 18. e4. На 18. ♘e4 чёрные ответили бы 18... ♖g8, и ферзя нельзя брать из-за мата: 19. ♘:f5 ♘h3+ (а если 19. ♖f1 ♘h3+ 20. ♘e2 ♜h5+ 21. ♘d3, то 21... f5!).

18... ♜g6 19. ♖f1 ♘:c3 20. bc ♘e2+ 21. ♖:e2 ♜:g2 22. ♘e3 ♜:e4 23. ♖ab1 b5! «Второй раз храбрая беззащитная пешка, как бешеная, кидается на двух противников» (Панов).

24. ♜:b5 ♖b8 25. ♜c6. После 25. ♜:b8+ ♘:b8 26. ♖:b8+ ♘d7 27. ♖:h8 чёрные выигрывают путём 27... ♜:c4+! (но не 27... ♜:h1 28. h5, и пешка «h» становится опасной) 28. ♖f3 ♜:d5+ и т. д.

Скобочный вариант тоже безнадёжен (28... ♜e4, затем ♜:c4: d5:a2 и ♘e6).

25... ♜:c4+ 26. ♖f3.

26... f5!! Элегантное завершение атаки.

27. ♖:b8+ ♖f7 28. ♘d4. Не спасают и другие продолжения (28. ♖b4 ♘e5+ 29. ♘g2 ♜e2).

28... ♘e5+ 29. ♘:e5 ♜e4+ 30. ♖g3 ♜g4+ 31. ♖h2 ♖:h4#.

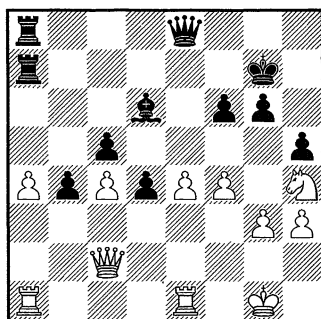
«Партия блестяще проведена молодым Флором...» (Панов).

№ 8

КЭЖДЕН – ФЛОР

Блед 1931

Комментирует Г. Кмох

51. e5 fe 52. f5? После этой ошибки белые теряют шансы на атаку и вынуждены перейти в безнадёжную защиту.

Обязательно следовало сделать сначала блокадный ход 52. ♜e4.

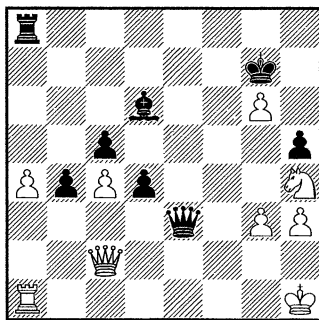
52... e4!! Этого великолепно-го ответа И. Кэжден не учел. Плохо было бы, конечно, 52... g5 из-за 53. f6+!

53. ♖:e4 ♖e7 54. ♖:e7+. Несколько лучше всё же было 54. ♖ae1 ♖:e4 55. ♖:e4 ♜:a4 56. f6+ ♘:f6 57. ♜f2+ ♖g7 или 54. f6+ ♘:f6 55. ♖f1+ ♖g7 56. ♖:e7+ ♘:e7 57. ♖e1

b3! 58.♚:b3 ♚d7, хотя в обоих случаях перевес у чёрных.

По оценке «Рыбки», ход в партии — сильнейший. Первый же вариант откровенно плох, например: 58.♗e6 ♚a1+ 59.♗e1 b3! или 58.♘:g6 ♚a2!

54...♚:e7 55.fg ♚e3+ 56.♙h1. Белые возлагали свои надежды на угрозу 57.♘f5+, но их ждет неприятный сюрприз.

56...♚c3! Выигрыш фигуры теперь оказывается невозможен, например: 57.♘f5+ ♙f6 58.♚:c3 dс 59.♘:d6 ♙e5 60.♘b5 c2, и чёрные пешки неудержимы.

Увы, это не так: 61.♗c1 b3 62.♘a3!, и жертва на c2 спасает (62...♗g8 63.♘:c2 bc 64.♗c2 ♗g6 65.♘g2 ♗a6 66.♘f3! ♗a4=). Ничего не даёт и 59...♘:g6 60.♘e4! (не 60.♘b5? c2 61.♗c1 b3 62.♘a3 ♗a4 63.♘:c2 ♗c4!, выигрывая) 60...♗a4 61.♗c1 b3 62.♘:c3 ♗c4=.

57.♚b1. Капитуляция. Чёрные взяли противника на испуг!

57...♗f8 58.♗a2 d3 59.♚d1 ♙:g3 60.♘f3 ♚f6 61.♙g2 ♚:g6 62.a5 b3 63.♗a3 (или 63.♚:b3 ♙e5+ и т.д.) **63...♙d6+**

64.♙f2 ♚g3+ 65.♙e3 ♙f4+. Белые сдались.

№ 9. Индийская защита A46

ФЛОР — ШТОЛЫЦ

Прага (м/8) 1931

Комментирует С. Флор

1.d4 ♘f6 2.♘f3 b5. Редко встречающийся ход, цель его — избежать изученных теоретических вариантов.

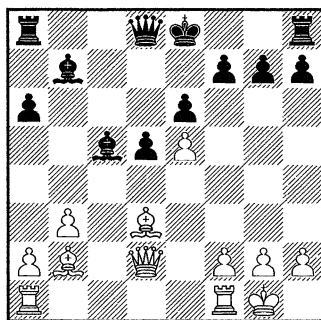
3.e3 a6 4.c4 bc 5.♙:c4 e6 6.0-0 d5 7.♙d3 c5 8.b3 ♘bd7 9.♙b2 ♙b7 10.♚e2 ♙d6 11.♘bd2 ♘e4. Иначе последует 12. e4.

12.♘e5. Возможно было 12. dс и ♙:g7. Но я старался сохранить небольшое позиционное преимущество и не дать сопернику активной контригры.

12...cd (точнее было 12...0-0) **13.ed ♘:d2 14.♚:d2 ♘:e5.** Иначе после 15.f4 позиция белых выглядела бы очень сильной.

Всё же лучше было рокировать: **14...0-0!? 15.f4 ♘f6 и ♘e4.**

15.de ♙c5.

16.b4! ♙b6 17.b5 ♙c5. Чёрные упускают последнюю воз-

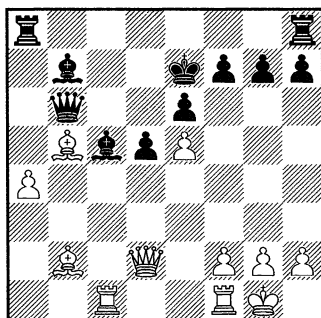
можность рокировать (17...0-0 18. $\text{e}3$ $\text{f}8$ 19. $\text{e}d6$ $\text{d}7=$, но не 19... $\text{e}c7?$ из-за 20. $\text{e:h}7+!$).

18. $\text{a}c1$ $\text{b}6$ (18... $\text{e}7!$?) **19. $\text{a}4$** . Меня не устраивал вариант 19. ba $\text{a:}6$ 20. $\text{a:}6$ $\text{a:}6$ 21. $\text{c:}5$ $\text{c:}5$ 22. $\text{c}1$ $\text{a}5!$ 23. $\text{a:}5$ $\text{a:}5$ 24. $\text{c}8+$ $\text{e}7$ 25. $\text{h:}8$ $\text{b}5!$

Это плохо ввиду 26. $\text{e}a3+$, но после 24... $\text{e}d7!$ 25. $\text{h:}8$ $\text{b}5$ 26. $\text{h}4$ $\text{b:}2$ 27. $\text{h:}7$ $\text{b}1+$ 28. $\text{e}h2$ $\text{b}4!$ чёрные достигают ничьей: 29. $\text{g:}7$ $\text{h:}4+$ 30. $\text{e}g3$ $\text{e}4!$ или 29. $\text{e}g3$ $\text{d}4!$ 30. $\text{e}f3$ (30. $\text{g:}7?$ $\text{d}3$ и т.д.) 30... $\text{e}7$ 31. $\text{g:}7$ $\text{d}3$ 32. $\text{e}7$ $\text{h:}4$ и $\text{a}4$.

19...ab. Сейчас затягивало борьбу 19... $\text{a}5$, поэтому сильнее было 19. $\text{c}2!$, например: 19... $\text{e}7$ (19... $\text{c}8?$ 20. $\text{ba}!$) 20. ba $\text{a:}6$ 21. $\text{a}4+$ $\text{e}f8$ 22. $\text{e}d4!$ $\text{b}7$ 23. $\text{b}1$, выигрывая.

20. $\text{a:b}5+$ $\text{e}7$. В случае 20... $\text{a:c}6$ 21. $\text{a:c}6+$ и $\text{e}d4$ чёрные теряли фигуру. Продлить сопротивление можно было путём 20... $\text{e}f8$, но позиция была бы безрадостной.

21. $\text{a:c}5!$ Чёрные сдались ввиду 21... $\text{c:}5$ 22. $\text{a:c}1$ $\text{b}6$ 23. $\text{e}a3+$ $\text{e}d8$ 24. $\text{g}5+$ $\text{f}6$ 25. $\text{g:}7$ и т.д.

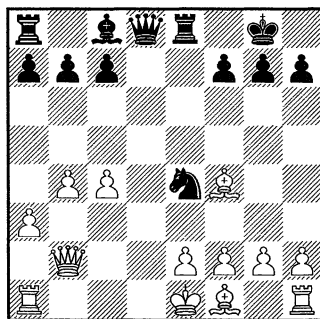
№ 10. Защита Нимцовича ЕЗЗ ФЛОР – МИЛЬНЕР-БЕРРИ Лондон 1932

Комментирует А.Алехин

1. $\text{d}4$ $\text{f}6$ 2. $\text{c}4$ $\text{e}6$ 3. $\text{c}3$ $\text{b}4$ 4. $\text{c}2$ $\text{c}6$ (лучше 4... $\text{d}5$ или 4... $\text{c}5$) **5. $\text{f}3$ $\text{d}6$ 6. $\text{a}3$ $\text{c:}3+$ 7. $\text{c:}3$ 0-0.** Точнее было 7... $\text{a}5$, препятствуя $\text{b}2-\text{b}4$.

8. $\text{b}4!$ $\text{e}5$. Смелая, но недостаточно обоснованная жертва пешки. Но и после 8... $\text{f}8$ 9. $\text{c}5$ $\text{e}7$ 10. $\text{g}3$ и $\text{e}2$ белые получают большой позиционный перевес.

9. de $\text{e:}5$ 10. $\text{d:}5$ de 11. $\text{c:}5$ $\text{e}8$ 12. $\text{b}2$ $\text{e}4$ 13. $\text{f}4$.

13... $\text{e}f5$. При правильной игре белые в конце концов должны были победить. Но чёрные облегчают сопернику задачу. Очевидно, лучшим было 13... $\text{a}5$ и в случае 14. $\text{e}3 - 14... \text{e}g5$.

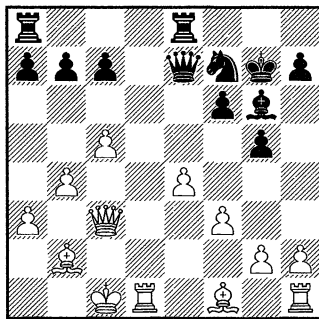
Видимо, имеется в виду 14. $\text{f}3$, так как 14. $\text{e}3$ плохо из-за 14... $\text{ab}!$ (15. ab? $\text{a:}1+$ и $\text{d}2\#$ или 15. $\text{b:}4?$ $\text{c}5$ 16. $\text{b}2$ $\text{a}5+$ 17. $\text{e}2$ $\text{e}g4+$ 18. $\text{f}3$ $\text{a}d8!$).

14. $\text{f}3$ $\text{g}5$. Это уже самоубийство. Теперь Флор блестяще

опровергает азартную игру чёрных.

«Логично: снявши голову, по волосам не плачут. Чёрные жертвуют фигуру, чтобы на 15.fе отвечать 15...gf 16.еf ♖h4+ с острой контригрой, а на 15.♙d1 пожертвовать ещё и ферзя: 15...♚:d1+ 16.♙:d1 ♘f2+ 17.♙c1 — единственное — 17...gf! с неотразимой атакой» (Григорьев). На самом деле вполне отразимой: 18.♙g1 ♙ad8 19.♙f6! ♙g6 20.♙:f4 ♙d1+ 21.♙b2 ♙b1+ 22.♙c3, и короля не заматовать.

15.♙c1! ♘d6 16.♙c3 f6 17.♙b2 ♙g7 18.0-0-0 ♙e7 19.е4 ♙g6 20.с5 ♘f7. При 20... ♙ec8 (в расчёте на 21.cd? cd 22.♙c4 b5) решало 21.g4 ♘e8 22.h4 gh 23.g5!

21.♙d7! Красиво, хотя довольно очевидно.

21...♙:d7 22.♙:f6+ ♙h6. Или 22...♙f8 23.♙g7+ ♙e7 24.♙f6+ ♙e6 25.♙c4+.

23.♙g7+ ♙h5 24.g4+ ♙h4 25.♙d4. Чёрные сдались, так как от мата не спасает и жертва ферзя.

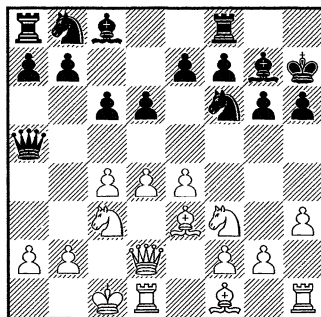
№ 11. Староиндийская защита Е90 ФЛОР – КОЛТАНОВСКИЙ

Лондон 1932

Комментирует С.Флор

1.d4 ♘f6 2.c4 c6 3.♘f3 g6 4.♘c3 ♙g7 5.e4 d6 6.h3 h6 7.♙e3 0-0 8.♙d2 ♙h7 9.0-0-0 ♙a5. Уже много лет играет Дж. Колтановский эту отработанную им систему, хотя создавшееся положение можно считать уже выигранным для белых. Они обладают большим пространством и имеют хорошие виды на атаку.

Как показывает данная партия, если белые играют энергично, чёрные не могут рассчитывать на «долгую жизнь».

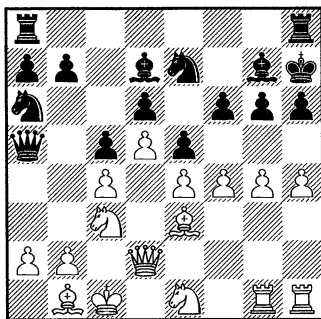
10.g4 ♘g8. Активнее было 10... b5! 11.cb (иначе b5-b4) 11...cb с контригрой на ферзевом фланге (12.♙:b5? ♘:e4).

11.♙d3 e5 12.♙dg1 ♘e7 13.h4 ♙h8. Потеря времени. Возможно, чёрные опасались жертвы фигуры: 14.h5 g5 15.♙:g5 hg 16.♘:g5+ и 17.h6 (но после 17... ♙f6! атака заходила в тупик).

14.♙b1 ♘a6 15.♘e1. Освобождая дорогу пешке «f», дви-

жение которой будет связано с вскрытием линий на королевском фланге.

15...c5 16.d5 (очень сильно!)
16...♙d7 17.f4 f6.

18.f5 ♖g8 19.g5! Это решает. Любопытно, что на доске сохранились пока все фигуры и пешки.

19...hg 20.hg ♖f7 21.gf ♙:f6 22.♙g5! ♜:h1 23.♜:h1 ♜h8. Ведёт к потере фигуры, но ничего лучшего нет.

24.♜:h8 ♙:h8 25.♚h2. Чёрные сдались.

В следующей партии Флор потряс соперника неожиданным комбинационным ударом. Примечания из редкого сборника д-ра Грегори Донгеса «Лучшие шахматные партии Сало Флора» (Давенпорт, 1985).

№ 12. Ферзевый гамбит D90

ЭЙВЕ – ФЛОР

Амстердам (м/б) 1932

1.d4 d5 2.c4 c6 3.♘f3 ♘f6 4.♘c3 g6 5.♙f4 dc. Необычный порядок ходов; 5...♙g7 6.e3 0-0 приводило к типичной позиции

защиты Грюнфельда (но с нетипичным ходом с7-с6).

6.a4. А вот и результат «криковой игры» чёрных: лучше было б.e3 или даже б.e4.

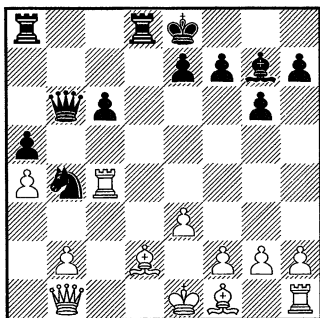
6...♙d5! 7.♙d2 ♖b4. Чёрные не рискуют удерживать пешку путём 7...♙:c3 и b7-b5, а играют на выигрыш слона за коня.

8.♜c1 (конечно, не 8.e3 из-за 8...♙d3+) **8...♙g7 9.♙b1?! Ботвинник считал этот ход «очень хитрой ловушкой»: после 9...♙a2 10.♜:c4 ♙e6 11.e3 a5 12.♙g5!! «белые получали превосходную партию». Но, как известно, ловушечные ходы редко бывают хорошими!**

9...a5. Просто и сильно; грозит b7-b5.

10.♙a3 c5 11.♙:c4 cd 12.♙b6?! Выглядит соблазнительно, так как вынуждает ответ чёрных. Но неожиданно это приводит к обратному результату из-за незавершённого развития белых. Давление чёрных по линии «б» вскоре становится подавляющим.

12...♚b6 13.♜:c8+ ♙d7 14.♜c4 (лучший шанс) 14...♜d8 15.e3 ♙e8 16.♙:d4 ♙8c6 17.♙:c6 bc 18.♚b1.

18...♙:b2! (ужасный шок) **19. ♖:b4.** Если 19. ♖:b2, то 19...♘d3+, а если 19. ♙:b4, то 19...♙a3.

Второй вариант давал наибольшие шансы: 20. ♙d3 ♙:b4+ (20...ab 21. ♖:c6!) 21. ♙e2, и разноцвет затрудняет реализацию пешки.

19...ab 20. ♖:b2 ♖:a4 21. ♙c4 (21. ♖h8+ ♘d7 22. ♖b2 ♖da8!) **21...b3!** Сокрушительный удар!

22. ♙:b3. Если 22. ♖:b3, то 22...♖a1+ 23. ♙e2 ♖:b3 24. ♙:b3 ♖:h1. Или 22. ♙e2 ♖a2 23. ♖c3 ♖d:d2 24. ♖:d2 ♖:d2 25. ♙:d2 ♖b4+ и c6-c5-c4.

22...♖b8 23. 0-0 ♖:b3 24. ♖h8+ ♘d7 25. ♖:h7 ♖a1 26. ♙e1. В случае 26. ♖:a1 ♖b1+ белые получают мат по 1-му ряду (точнее, остаются без лады).

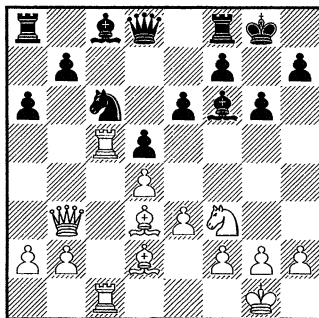
26...♖c4 27. ♖h3+ f5 28. g3 ♖bb1 29. f3 ♖e2. Белые сдались.

№ 13

ФЛОР – СУЛТАН-ХАН

Лондон (м/б) 1932

Комментирует С. Флор

15. ♙e2! Непростой ход. Неожиданно он мешает чёрным сы-

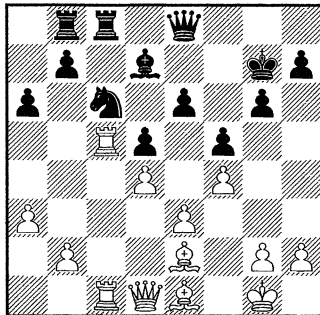
грать 15...♙d7, на что последует 16. ♖:b7 ♖b8 17. ♖:a6 ♖b6, и ферзь укрывается на d3.

Попутно белые освобождают это поле для транзита коня на c5.

15...♙g7 16. ♘e1 ♙e7 17. ♖5c2 ♙d6 18. f4 ♖e7 19. ♘d3 ♙d7 20. ♘c5 ♙:c5. Вынужденно: если 20...♙c8, то 21. ♘:a6.

21. ♖:c5 ♖ab8 22. ♙e1! f5. У чёрных был другой план: сыграть 22...f6, затем перевести слона на f7 и готовить e6-e5. И в этом случае шансы белых оставались лучшими. Теперь же, при закрытом центре, они могут успешно маневрировать на любом из флангов.

23. a3 ♖fc8 24. ♖d1 ♖e8.

25. g4! «После того как чёрные несколько укрепились на линии “с”, белые переносят атаку на ослабленный предыдущими манёврами чёрных королевский фланг» (А. Беккер в «Wiener Schachzeitung»).

25...♘e7 26. g5. Чёрным становится всё теснее.

26...♖c6. «Чёрным невыгодно бить на c5, так как белые берут пешкой, открывая себе большую

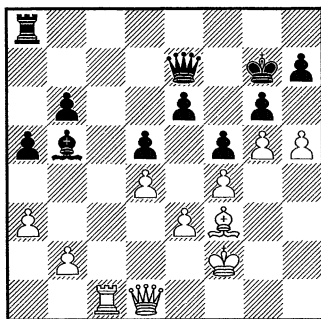
диагональ. Лучшие, однако, было 26... ♖a8, сберегая два темпа по сравнению с ходом в партии» (Беккер).

27.h4 ♖a8 28.h5 ♖cc8 29. ♙f3 b6 30. ♖5c3 ♖:c3 31. ♙:c3 ♙b5 32. ♙b4! ♖d7. Конечно, не 32... ♖c8 33. ♙:e7, и белые выигрывают (кроме того, угрожал манёвр ♙d6-e5+).

33. ♙f2 a5. Форсированно проигрывает, но других контр-шансов не видно.

Хорошо было указанное Беккером 33... ♙c6!? 34. ♙c3 ♙e7 (грозило 35.a4).

34. ♙:e7 ♖:e7.

35. ♖h1! Грозит 36.hg hg 37. ♖h6+ ♙f7 38. ♖c3!

«Решающий ход, очень изящно использующий достигнутые преимущества: владение линией “с”, атаку на короля и слабость пункта d5» (Беккер).

35... ♙g8. Упорнее 35... ♖f7, но тогда белые могли рассчитывать на успех, организовав после 36. ♖c3! вторжение по открытой линии.

36. ♙:d5 ♖d8 37. ♙a2 ♙e8 38.hg hg 39. ♖h6 ♖d6. Грози-

ло 40. ♖h1, на что теперь приготовлено 40... ♖g7.

40. ♖c8 ♖f8 41. ♙c4! ♖c6. Паруя угрозу 42. ♙b5. На 41... ♖h6 решало 42.gh! (но не 42. ♖:e8+? ♖f8!) 42... ♙f7 43. ♖:e8 ♙:e8 44.h7.

42. ♖:c6 ♖:h6 43.gh ♙:c6 44. ♙:e6+. Чёрные сдались.

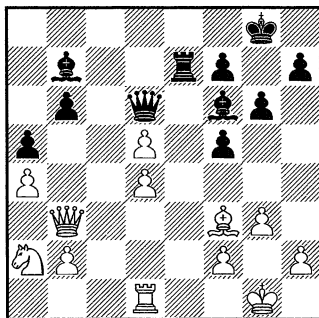
«Этой тонко проведённой партией Флор обеспечил себе выигрыш матча» (Беккер).

№ 14

Л.ШТЕЙНЕР – ФЛОР

Гастингс 1932/33

Комментирует В.Панов

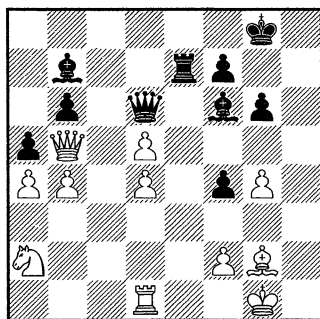

26. ♖b5? Этот ход показывает, что белые недооценивают приближающейся фланговой атаки чёрных и незащищённости своих фигур. Следовало играть 26. ♙c3, и в случае 26... ♙a6 27. ♙b5 ♙:b5 28. ♖:b5 ♖c7 29. ♙g2 наиболее вероятно ничейный исход ввиду разноцветных слонов.

26...h5! 27.b4 h4 28. ♙g2. Это, конечно, плохо, но как играть? На 28.ba следует 28... ♖a3, или 28. ♙c3 ♖:b4, или 28. ♙g2 g5.

Продолжим первую линию — 29. $\text{e}g2$ $\text{a}2$ 30.d6, и, как показыва-
ет анализ, у белых за фигуру до-
статочно для ничьей контригра.
Например: 30... $\text{e}e4!$ 31.d7! $\text{d}4$
32. $\text{d}4$ $\text{a}1+$ 33. $\text{f}1$ $\text{d}4$ 34.
 $\text{b}7$ $\text{d}7$ 35.a6 $\text{a}4$ и т.д.

28...hg 29.hg f4 30.g4. На
30. $\text{d}3$ решает 30...ab 31. $\text{b}1$ (или
31.gf $\text{f}4$ 32. $\text{b}4$ $\text{d}4!$ 33. $\text{f}3$
 $\text{f}2+$ и $\text{b}4$) 31...fg 32.fg $\text{d}5$,
и у белых разбитая позиция и
открытый король.

30...f3! Чёрные жертвуют пеш-
ку, но тут же отыгрывают её с
большим эффектом на g4 или d4.
Расстроенные силы белых не мо-
гут отсрочить гибель.

**31. $\text{e}f3$ $\text{f}4$ 32. $\text{d}3$ $\text{d}4!$
33. $\text{b}4$.** Или 33. $\text{d}2$ $\text{e}1+$ 34.
 $\text{g}2$ $\text{e}5$. А на 33. $\text{f}1$ красиво при-
канчивало 33... $\text{d}5!$ 34. $\text{d}4$ $\text{f}3$
35. $\text{d}5$ $\text{e}4!$

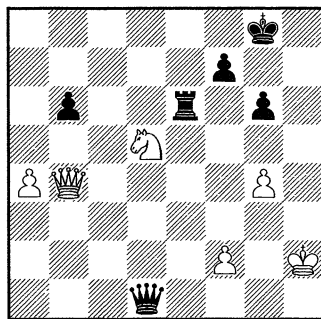
33... $\text{b}f3$ 34. $\text{c}3$. На 34.ba
следует 34... $\text{d}5$ 35. $\text{d}5$ $\text{e}1+$ и
т.д.

Здесь после 36. $\text{e}1$ $\text{d}5$ 37.ab
 $\text{f}3$ (или 37... $\text{b}3$ 38.a5, но не
37... $\text{a}2??$ 38.b7) 38. $\text{e}7!$ чёрным
пришлось бы давать вечный шах.

Вместо 34... $\text{d}5?$ легко выигра-
вает 34... $\text{e}4!$

34...ab 35. $\text{b}4$ $\text{d}5$. Те-
перь ввиду угрозы мата белые вы-
нуждены отдать качество.

**36. $\text{d}5$ $\text{d}1+$ 37. $\text{h}2$
 $\text{e}6$.**

38. $\text{d}e3$. Если 38. $\text{d}b6$, то 38...g5!
с матовой атакой. Но после хода
в партии, допускающего размен
ферзей, у чёрных технически вы-
игранный эндшпиль.

**38... $\text{d}d6+$ 39. $\text{d}d6$ $\text{d}d6$
40. $\text{c}4$ $\text{c}6$ 41. $\text{d}e5$ $\text{c}3$ 42.
 $\text{d}7$ $\text{b}3$ 43.g5 f5(!) 44. $\text{d}f6+$
 $\text{f}7$ 45. $\text{d}d5$ $\text{e}e6$ 46. $\text{d}f4+$ $\text{d}d6$
47. $\text{d}g6$ $\text{b}4$ 48. $\text{g}3$ $\text{g}4+$
49. $\text{f}3$ $\text{g}5$ 50. $\text{d}f4$ $\text{g}1$ 51.
 $\text{d}3$ $\text{a}1$ 52. $\text{d}b2$ $\text{d}5$ 53. $\text{f}4$
 $\text{d}4$.** Белые сдались. Они даром
теряют коня.

Комментируя партию с И.Кэж-
деном для книги «Шахматные
олимпиады» (1974), Флор с го-
рестью напишет: «По поводу этой
партии мне хочется сделать одно
небольшое, но “официальное”
заявление. Меня неоднократно
упрекали (чаще всего справедли-

во) за ничейную тактику. Но почему никто не отметил, что Флор тоже иногда жертвовал пешку и даже качество? По-видимому, этот факт придётся отметить самому».

Примечания Ф. Богатырчука к этой партии (как и к матчевой партии с Ботвинником) я нашел в киевской газете «Пролетарская правда», где он тогда вел шахматный отдел.

№ 15. Английское начало A18

ФЛОР – КЭЖДЕН

Всемирная шахматная олимпиада,
Фолкстон 1933

Комментирует Ф. Богатырчук

1.c4 ♘f6 2.♘f3 e6 3.e4 d5

4.e5. После размена на d5 белые не могут добиться перевеса в дебюте, поскольку чёрные быстро развивают свои силы.

4...d4 5.ef dc 6.bc ♖:f6 7.d4 b6. Новый ход. Обычно продолжают 7...c5 8.♘f3 h6 9.♗e2 cd 10.cd ♗b4+ 11.♗d2 ♗:d2+ 12.♖:d2 0-0 с равной игрой. Результат партии показывает, что при 7...b6 чёрным приходится бороться с трудностями.

8.♘f3 ♗b7 9.♗e2 ♞d7. «Этой позицией заинтересовался в своё время Алехин. Чемпион мира указал, что на 9...h6 возможно 10.♗e5! ♗d6 (или 10...♗:g2 11.♞g1 и ♗h5 с сильной атакой) 11.0-0! ♗:e5 12.de ♖:e5 13.♗f3 c6 14.♗a3, и чёрным, по выражению Бронштейна, скучно» (Флор).

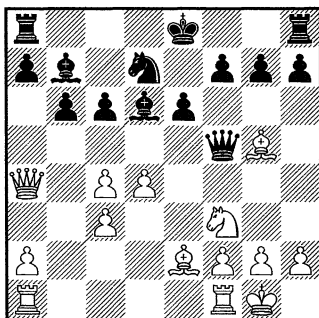
10.0-0 ♗d6. Чёрные не обращают внимания на возможные угрозы белых. Необходимо было

обеспечить позицию короля простым ходом 10...h6.

11.♗g5 ♖f5 12.♖a4! Очень сильно, так как препятствует рокировке противника.

12...c6. Чёрные вынуждены запереть своего слона — иначе нельзя защитить коня d7 на случай короткой рокировки (длинную, разумеется, делать нельзя из-за потери пешки a7).

«Рыбка» подсказывает выход — 12...♞b8!! с угрозой ♗:f3 и ♖:g5. Бить на a7 теперь нельзя из-за 13...♗:f3, на 13.♗e3 следует 13...♞a8 (и пешка a7 снова отравлена: 14.♖:a7? ♗c6!), а на 13.♗h4 чёрных выручает парадоксальное 13...♖e4! 14.♞e1 0-0, и если 15.♗d1, то 15...♖c6 16.♖b3 a5 и ♗ab.

13.c5! Характерная для стиля Флора жертва пешки, позволяющая быстро развернуть силы для атаки.

13...bc? После этого силы белых очень быстро входят в игру, как это ни прискорбно. А надо было отважиться на 13...♗c7 14.♗ab! b5 15.♖a3 ♗c8, и хотя белые после размена на c8 выигрыва-

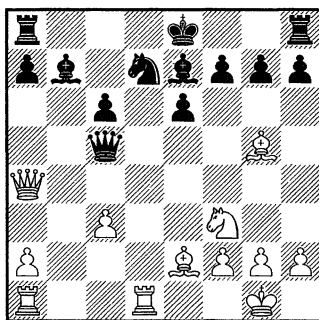
ют пешку а7, чёрные имеют возможность ещё долго бороться.

Но сильнее 14...♙:а6!? 15.♚:а6 0-0, и 16.♜b7 ничего не даёт из-за 16...♝f8.

14.dc ♚:c5. Не лучше брать на c5 другими фигурами.

«Так, на 14...♙:c5 15.♝fd1 ♜b6? следует удар страшной силы 16.♚:a7!» (Флор).

15.♝fd1 ♙e7.

16.♝:d7! Чудесная жертва качества вмиг разбивает вдребезги позицию чёрных.

16...♙:d7 17.♙e3 ♚a3 18.♚d4+ ♙e8. Плохо также 18...♙c7 из-за 19.♝f4+ (ещё сильнее 19.♙c1!).

19.♚:g7 ♝f8 20.♜g5! ♝d8 21.♙h5. Удар на пункт f7 нельзя выдержать — нужно бить коня g5.

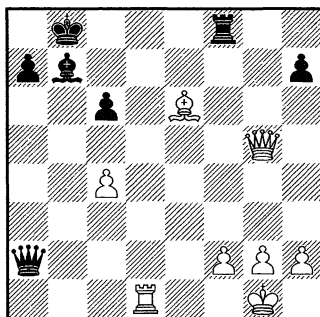
21...♙:g5 22.♙:g5 ♝d5 23.с4 ♝:g5. Равносильно сдаче.

Но что делать: 23...♝f5 24.♝d1, и опять приходится бить на g5.

24.♚:g5 ♙d7 (если 24...♝e7, то 25.♝e5! ♝d7 26.♝d4+ и ♚:a7) **25.♝d1+ ♙c8 26.♙:f7 ♙b8.**

Брать слона нельзя из-за мата.

27.♙:e6 ♚:a2.

28.♝d8+. «Ошибка. Выигрывало 28.♝e5(g3)+. Но белые не замечают простейшей тактической возможности, ибо они сами под угрозой мата» (Флор).

28...♙c7. «Ответная любезность. Кэжден мог спасти партию простым ходом 28...♙c8! После 29.♝:c8+ белым пришлось бы играть без качества» (Флор).

29.♝e7+ ♙b6 30.с5+. Чёрные сдались, ибо теряется ферзь.

Тот, кто внимательно проглядит всю партию, поймет, насколько сильного противника имеет наш чемпион Ботвинник.

В 1933 году, накануне матча Флор — Ботвинник, журнал «Шахматы в СССР» (№ 12) напечатал статью С.Вайнштейна «Творчество Флора» с десятком характеризующих стиль Флора примеров. Вот его главные черты: «точный расчет, поиски комбинаций, законченная техника». Пройдёт всего несколько лет, и на страницах того же журнала (как и во всей советской шахматной прессе) утвердится пренебрежительный термин «фай-

но-флоровский стиль». Тем любопытнее почитать фрагменты из первой у нас статьи о Флоре:

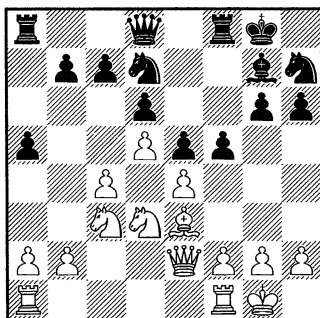
«...Стихия Флора — миттельшпиль. В этой стадии он безусловно сильнее всего, здесь он наиболее опасен. Флор не боится острой игры, а наоборот, охотно идёт на самые запутанные осложнения, в которых разбирается быстро и точно. Если просмотреть партии Флора целого ряда турниров, то мы найдём очень немного таких, в которых решение падало бы на эндшпиль. Обычно уже в миттельшпиле наступает развязка, причем, получив инициативу, Флор не выпускает её до конца.

Позиционные жертвы очень редко встречаются в его партиях. В отличие от первых своих выступлений, когда Флор иногда шёл на несколько сомнительные жертвы, он теперь не рискует и идёт на жертвенные комбинации только в том случае, если может их рассчитать до конца.

№ 16

ФЛОР — БОГОЛЮБОВ

Слиак 1932

16.ef gf 17.f4 e4 18.♘f2 ♙:c3. Весьма сомнительный размен, но партия чёрных всё равно безнадёжна.

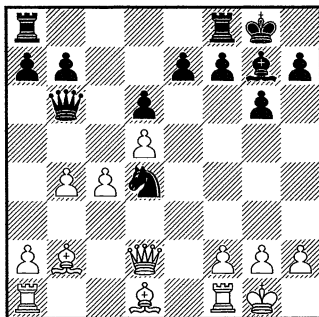
19.bc ♖hf6 20.g4! ♚h7 (плохо также 20...fg) **21.g5! ♜g8 22.♚h1 ♛e8 23.♞g1 ♛g6 24.gh ♛:h6 25.♞g3 ♜gf6 26.♞h3.** Чёрные сдались.

Блестящая реализация достигнутого преимущества!

№ 17

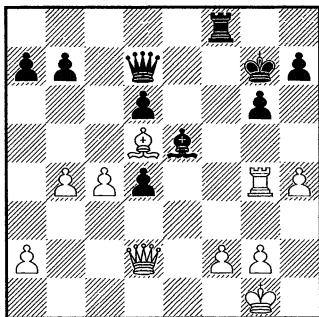
ФЛОР — ЭНГЕЛЬ

Слиак 1932

17.♞e1 e5 18.de fe 19.♞e4 e5 20.♙:d4 ed 21.♙f3 ♞ae8 22.♞ae1 ♞:e4 23.♞:e4 ♙e5. Печальное положение слона. Лучше во всяком случае 23...♛c7, чтобы перевести ферзя на защиту королевского фланга, например: 24.♙g4 ♙f6 и ♛g7.

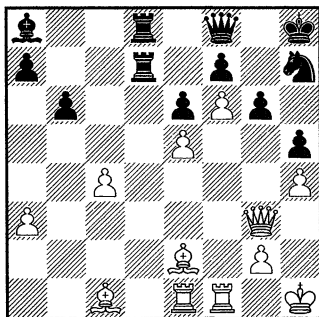
24.♞g4 ♛c7 25.♙d5+ ♚g7 (если 25...♙h8, то 26.♞:g6) **26.h4 ♛d7.**

27. ♖:d4! (решает) 27... ♙:d4
28. ♙:d4+ ♜h6 29. ♙e3+ ♜g7
30. ♙a7 ♙e7 31. g3 ♜c8. По-
ложение чёрных безнадёжно.
Если 31... ♙e1+ 32. ♙g2 ♙:b4, то
33. ♙d4+ ♜h6 34. ♙e3+.

32.a4 ♖c7 33.♔g2 ♕f6 34. ♚b6 ♜d7 35.a5 g5 36.♚d4+ ♙g6 37.♚g4 h6 38.b5 ♜d8 39.hg hg 40.♚e4+. Чёрные сдались.

№ 18
ФЛОР – НЕГЕЛИ
Берн (м/2) 1933

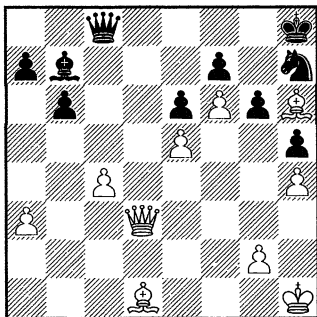

В результате точной защиты атака белых пришла к мёртвой точке. Поэтому они меняют план и

обезвреживают линию «d», по которой они сами имеют в виду вторгнуться в лагерь противника.

33. ♖d1! ♜:d1 34. ♜:d1 ♜:d1 + 35. ♙:d1 ♚g8 (лучше 35... ♙e4) **36. ♚d3.** Белые угрозой вторжения отвлекают ферзя от защиты королевского фланга.

36...♖c8 37.♙h6 ♙b7.
На 37...♗f8 решало 38.♗d6! ♗g8
(38...♗h7 39.♗e7) 39.♙a4! с угро-
зой ♗e7 и ♙e8, а если 39...g5, то
40.♙c2! и ♙f8.

38. ♖:h5! Теперь замысел белых становится понятен. Слона чёрные не могут брать — 38...gh ввиду 39. ♔g3 ♕g8 40. ♖g7 + с матом.

**38...♘f8 39.♙e2♔g8 40.h5
♚d7 41.♙:f8 ♚:d3 42.♙:d3
♔:f8 43.hg. Чёрные сдались.**

...Перед нами – огромный шахматный талант, мастер большого класса, один из ярких представителей современных западноевропейских течений в шахматах. Академичностью дебюта, глубокой идейностью и комбинационной насыщенностью миттельшпиля и эндшпиля, высокоразвитой техникой харак-

теризуется его стиль. В его игре много комбинационной свежести и вместе с тем позиционной выдержанности.

Советским шахматистам, стиль которых в целом родственен стилю Флора, следует поучиться у него и техническому совершенству, и ведению атаки на той позиционной основе, которая предусматривает возможность отступления и изменения стратегических планов».

№ 19. Защита Каро-Канн В13

БОТВИННИК – ФЛОР

Москва (м/1) 1933

Комментирует Ф. Богатырчук

1.e4 c6 2.d4 d5 3.ed c4 4.c4.

При этом способе развития (атака Панова) белые имеют живую фигурную игру.

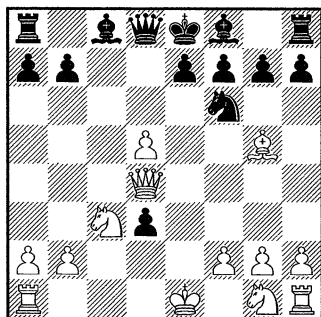
4...♟f6 5.♟c3 ♞c6 6.♙g5.

Новый ход, впервые применённый Ботвинником в этой партии. Чаще играют 6.♟f3.

В. Рагозин в своих примечаниях тоже называет ход 6.♙g5 «новинкой Ботвинника», сетуя на то, что «он выпал из поля зрения таких авторитетов, как Алехин и Нимцович, не говоря уже о смелом аналитике Панове, выступившем в 1930 году с интересным разбором всего начинающегося с 4.c4 варианта». М. Ботвинник в книге о матче с Флором (1934) замечает походя: «Панов здесь продолжает 6.♟f3». Но вот что пишет о 6.♙g5 сам В. Панов в «Курсе дебютов» (1957): «Этот ход А. Рабиновича был приведён в анализе всей системы, опубликованном автором этой

книги в 1930 г., и успешно применён Ботвинником в матче против Флора в 1933 г.»

6...dc 7.d5 ♞e5 8.♙d4 ♟d3+ 9.♙:d3 cd.

10.♙:f6. Ход, который справедливо осуждают все комментаторы. Белые без борьбы отдают чёрным преимущество двух слонов. При спокойном 10.♙:d3 с дальнейшим 11.♙d1 и ♞ge2 чёрным значительно тяжелее развить свой королевский фланг.

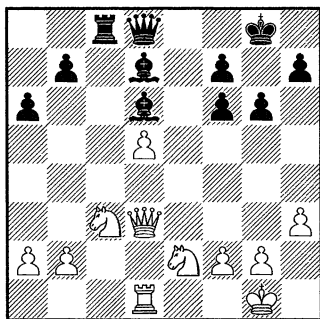
В 9-й партии Ботвинник усилил вариант ходом 10.♟f3!, найденным в совместном анализе с А. Моделем и В. Рагозиным.

10...ef! 11.♙:d3 ♙d6 12.♞ge2 0-0 13.0-0 ♚e8. «Прекрасно сыграно, — комментирует Ботвинник в матче сборнике (1934). — Ладья расположена здесь превосходно, и, кроме того, выпад 14.♞e4 легко парируется посредством 14...♙f5. Ход же 14.♞b5 не имеет никакого смысла, так как после 14...♙b8 и 15...a6 конь должен вернуться назад».

14.♙ad1 ♙g4 15.♙d2 a6! 16.♞g3 ♙c8 17.h3 ♙d7 18.

♙fd1 (18. ♘f5 ♕f4!) **18...g6!** Чёрные мастерски лишили белых всякой возможности контригры на белых полях b5 и f5.

19. ♖e2 ♜:e2 20. ♖g:e2.

20...f5! После этого завоевания поля e4 чёрные слоны развивают большую активность.

21. ♖d4 ♙e7 22. ♙d2 ♜e8

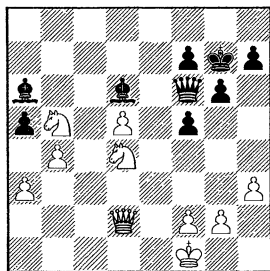
23. ♖f3. Белые защищаются наилучшим способом.

23...♙f6 24. ♜e1 ♜:e1+ 25.

♜:e1 b5. Неожиданный поворот! Вместо прямолинейной атаки на королевском фланге, куда, казалось бы, нацелены оба слона, чёрные начинают боевые действия на ферзевом фланге.

26. a3 ♖g7 (профилактика на случай ♙h6 и ♘f3-g5) **27. ♖f3 ♙c8 28. ♖f1.** Последние ходы были сделаны при большой нехватке времени. Активнее было 28. ♖d4 ♕b7 29. ♖c6!

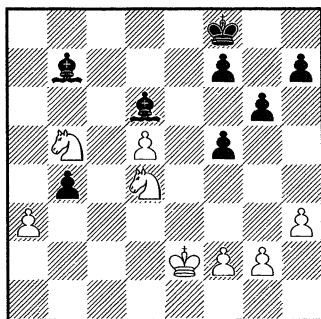
28...♕b7 29. b4 ♖f8. «Чёрные стоят немного лучше, но всё же ничья более или менее очевидна. На немедленное 29...a5 последовало бы, например, 30. ♖b5 ♕a6 31. ♘fd4 и т.д.» (Ботвинник).

Действительно, после 31...ab 32. a4! (но не 32. ab? ♙e5! 33. ♙e2 ♙:d5, и, уведя короля на h7, чёрные забирают пешку b4) 32... ♙e5 33. ♖b3 ♙e4 34. ♙d1! белые удерживают позицию (34... ♙c4+ 35. ♖g1 ♕:b5 36. ab ♙:b5, и слон не в силах напасть ни на пешку d5, ни на коня).

30. ♖e2 a5. Интересная комбинация, но при правильной игре белые имеют возможность защиты.

31. ♙d4! ♙:d4 32. ♖:d4 ab 33. ♖c:b5. Недостаток времени снова приводит Ботвинника к просмотру. Необходимо было 33. ab ♕:b4 34. ♖db5.

33...ba!! Очень изящная комбинация, соль которой — в поимке коня в центре доски!

34. ♖:d6 a2 35. ♘c2 ♙a6+ 36. ♙e3 ♙e7! 37. ♖:f7. Белые вынуждены отдать фигуру.

37... ♙:f7 38. ♘d4 ♙f1 39. h4 ♙:g2 40. ♙c5 f4. Белые сдались.

Хорошо проведенная Флором партия.

№ 20. Славянская защита D44

ФЛОР – ШТАЛЬБЕРГ

Цюрих 1934

Комментирует М. Эйве

1. d4 d5 2. ♖f3 ♖f6 3. c4 c6 4. ♘c3 e6 5. ♙g5 dc. Ценность этого хода весьма сомнительна.

Пройдёт всего несколько лет, и Эйве пересмотрит свою оценку! Более того, по словам Ботвинника, он сам «начал анализировать эту систему (с ходом 9...hg) после партии Сабо – Эйве (Гастингс 1938/39)».

6. e4 b5 7. e5 h6 8. ♙h4 g5.

Всё это вынужденно в результате 6-го хода чёрных.

9. ♖:g5! ♖d5. Возможно было 9...hg 10. ♙:g5, и теперь не 10... ♙e7? 11. ef ♙:f6 12. ♙:f6 ♖:f6 13. a4, и ферзевый фланг белых трещит, а 10... ♖bd7 11. a4 a6 12. ab cb, после чего 13. ♖:b5? стоит фигуры ввиду 13... ♖b6!

Впоследствии именно продолжение 9...hg 10. ♙:g5 ♖bd7, испытанное на практике Эйве в упомянутой партии с Сабо, стало стержневым в системе Ботвинника.

10. ♖f3. Нехорошо 10. ♖:f7 ♖:h4 11. ♖:h8 ♖:c3 12. bc ♙g7 с потерей коня.

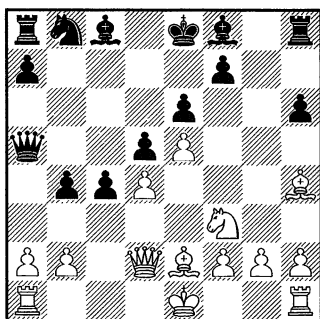
После 13. ♖c2! ♙:h8 14. ♖h7 чёрный слон гибнет. Поэтому вме-

сто 11... ♖:c3? правильно 11... ♙b4 12. ♖d2 c5!

10... ♖a5 11. ♖d2 b4. Вероятно, лучше было 11... ♙b4 (так сыграл ещё Рети в сеансовой партии 1920 года, но в итоге проиграл).

После хода в тексте чёрные получают хорошую пешечную конфигурацию, которая, однако, как только они пытаются её использовать, оказывается эфемерной.

12. ♖:d5 cd 13. ♙e2.

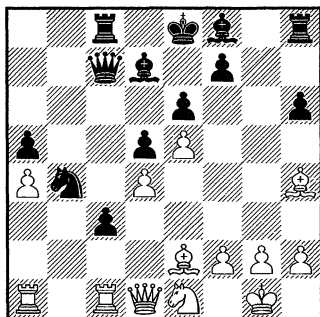

13... c3. Это продвижение кажется очень опасным, но благодаря отсталости чёрных в развитии белые легко успевают защититься.

14. bc bc 15. ♖c2 ♙d7 16. a4 (грозило ♙a4) **16... ♖c6 17. 0-0 ♖c8 18. ♖fc1 ♖b4 19. ♖b3 ♖c7 20. ♖e1!** Этот ход имеет не только защитительные цели; он подготавливает также ♙h5.

20... a5 21. ♖d1! Белые угрожают путём 22. ♙h5 и ♖f3 начать решающую атаку на королевском фланге. Чтобы предупредить атаку, чёрные предпри-

нимают контроперацию на ферзевом фланге, которая, однако, не в состоянии спасти положение.

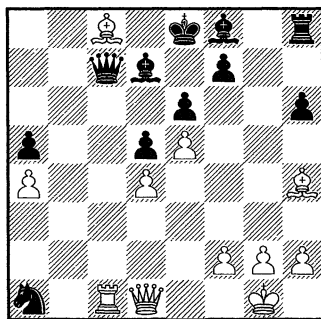

21...c2. Гораздо упорнее было 21... ♖b6! 22. ♗h5 ♜c4, например: 23. ♗f6 ♗g8 24. ♖a3! ♜:d4 25. ♜:d4 ♜:d4 26. ♖a:c3 ♜c4! (но не 26... ♗a2? 27. ♜c8+ ♗:c8 28. ♜:c8+ ♗d7 29. ♜d8+ ♗c7 30. g3!, и чёрные беспомощны) 27. ♜:c4 dc 28. ♜:c4 ♗d5 с лишней пешкой и лучшей позицией у белых.

22. ♗:c2 ♗:c2 23. ♗a6! Очевидно, чёрные недооценили эту возможность.

Вело к победе и 23. ♖a2! ♗e3 24. ♜:c7 ♗:d1 25. ♜:c8+ ♗:c8 26. ♜c2!! (изящный компьютерный нюанс) 26... ♗d7 (приходится запереть короля: 26... ♗d7? 27. ♗b5#) 27. ♗f6 ♗g8 28. ♗:d1 ♗e7 29. g3!, и, вынуждая чёрных взять на f6 либо пойти ♗g6, белые выигрывают пешку а5.

23... ♗:a1 24. ♗:c8. Это значительно сильнее, чем 24. ♜:c7, после чего чёрные с двумя ладьями за ферзя ещё могли сопротивляться.

24... ♖a7. Точнее было 24... ♖b6! 25. ♗:d7+ ♗:d7, вызволяя ладью из заточения (26. ♖a1 ♗b4 и ♜c8).

25. ♗:d7+ ♖:d7 26. ♜:a1. Изумительную идею выдала «Рыбка»: 26. ♗f6 ♗g8 27. ♜d3!!, и можно опускать занавес (27... ♖b7 28. ♜c8+ или 27... ♗e7 28. ♖a6).

26... ♗e7 27. ♗g3 0-0 28. ♗f4. У белых не только пешкой больше, но и сильная атака.

28... ♗g5. Другие ходы ведут к потере второй пешки: 28... ♗g7 29. ♖d2.

29. ♗:g5 hg 30. ♖d2 ♖e7. На 30... ♖d8 решает как ♖a3-g3, так и ♜c1-c5.

31. ♖:a5 f6 32. ef ♖:f6 33. ♖d2 ♜c8 34. a5 ♜c4 35. a6 ♜:d4 36. ♖e1 (36. ♖a2? ♗d2) **36... ♖e4 37. ♖f1 ♖d8 38. a7 ♖a8 39. ♖b1.** Чёрные сдались.

Лучшая из партий, сыгранных Флором в этом турнире.

№21. Староиндийская защита Е67
ГОГЛИДЗЕ – ФЛОР
Москва 1935

Комментирует С. Флор

1. d4 ♗f6 2. c4 g6 3. ♗f3 ♗g7 4. g3 0-0 5. ♗g2 d6 6. 0-0 ♗bd7

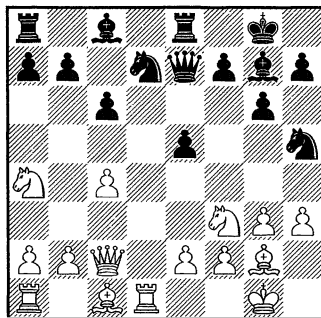
7. ♖c2. Пожалуй, несколько преждевременное определение позиции ферзя.

7...e5 8.de. Только продолжая 8.♖d1 или 8.d5, белые могли рассчитывать удержать дебютное преимущество.

Теперь же позиция совершенно равна.

8...de 9.♖d1 ♖e7 10.♘c3 c6 11.♘a4. Белые намереваются сыграть c4-c5 и затем перевести коня с f3 через d2 и e4 на поле d6. План этот, однако, требует много времени и оставляет ферзевого коня вне игры.

11...♗e8 12.h3 ♘h5.

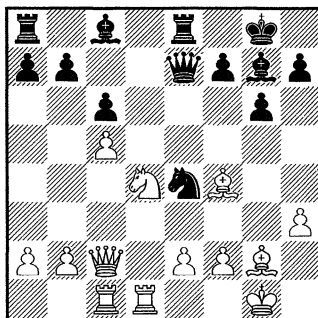
13.c5. Белые настойчиво проводят свой план, не замечая подготовленной соперником разменной комбинации.

Необходимо было играть 13.e4, но в этом случае чёрные получали в своё распоряжение пункт d4 для контригры.

13...e4! 14.♘d4 e3 15.♙:e3 ♘:g3 16.♖ac1 ♘f6 17.♘c3 ♘fe4! 18.♙:e4. Также после 18.fg ♘:c3 19.♖:c3 ♖:e3+ преимущество у чёрных.

18...♙:e4 19.♙f4. Чтобы в случае 19...♘g5 иметь ответ 20.♘h2 (но это не спасает из-за 20...♘h3! 21.♙:h3 ♖h4). Однако теперь чёрные имеют возможность провести комбинацию с жертвой фигуры.

Плохо 19.♙:e4 из-за 19...♖:e4 20.♖:e4 ♗:e4 21.♘g2 f5! (сильнее 21...♗h4!). Но ещё можно было защищаться посредством 19.♘f3, например: 19...♙f5 20.♖b3 и т.д.

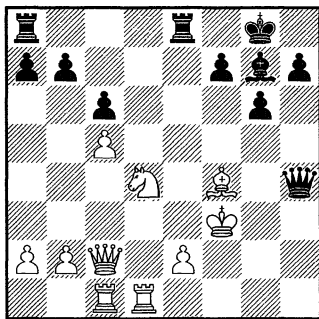
19...♙f2! «Эффектная заключительная комбинация. Всю партию Флор проводит очень энергично» (Юдович).

Флор наверняка видел ход 19...♙:h3! (20.♙:h3 ♖h4), но избрал продолжение с жертвой фигуры!

20.♙:f2 ♖h4+ 21.♘f3 (вынужденно: 21.♙g3 ♙:d4+) **21...♙:h3 22.♙:h3.** Иначе решает 22...♖g4+.

22...♖:h3+ 23.♙f2. Конечно, нельзя 23.♙g3 из-за 23...♙e5 24.♘f5 gf 25.♗g1 f4 и т.д. Атака против открытого короля быстро решает исход борьбы.

23...♖h4+ 24.♙f3.

24...♙e5! Вынуждая размен единственной белой фигуры, защищающей королевский фланг, после чего матовые угрозы чёрных становятся неотразимыми.

25.e3. Если 25.♞e4, то 25...♞h5+ 26.♔f2 ♙:d4+ и ♜:e2+. После 25.♙:e5 ♜:e5 грозит ♜ae8.

25...♙:f4 26.ef ♞h3+ 27.♔f2 ♜e3 28.♙g1 ♜ae8 29.♙g2 ♞h4+. Белые сдались.

№ 22. Защита Нимцовича Е46 ФЛОР – ЛИСИЦЫН

Москва 1935

Комментирует М.Эйве

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♙b4 4.e3 (обычно Флор играет 4.♞c2) **4...0-0 5.♘ge2.** Система Рубинштейна, заключающаяся в том, чтобы в случае размена на c3 взять конем.

5...d5 6.a3 ♙e7 7.cd. Возможно было 7.♘g3, подготавливая e3-e4. Судя по ходу партии, белые поставили себе цель изолировать пешку «d» чёрных.

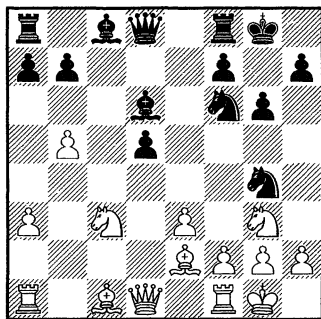
7...ed 8.♘g3 c5 9.♙d3 ♘c6 10.0-0 g6? Ненужное ослабление диагонали a1-h8, вследствие которого слон c1 приобре-

тает огромную силу. Нехорошо было также 10...c4, так как после 11.♙c2 и e3-e4 преимущество у белых. Или 10...cd 11.ed ♘:d4 12.♙:h7+ ♔:h7 13.♞:d4, и пешка d5 становится удобным объектом для атаки.

Лучшим являлось 10...♙e6.

11.dc ♙:c5 12.b4 ♙d6 13.b5! Это сильнее, чем 13.♙b2, на что могло последовать 13...♘e5 14.♙e2 ♘c4! с выигрышем важного темпа.

13...♘e5 14.♙e2 ♘eg4. Нельзя было 14...♘c4 ввиду 15.♘:d5.

Ходом в партии чёрные готовят любопытную атаку на королевском фланге. Однако Флор в подобных положениях всегда на высоте.

15.♙b2! Но не 15.♘:d5? из-за 15...♙:g3! 16.♘:f6+ ♞:f6 или 16.♙:g4 ♙:g4 17.♘:f6+ ♞:f6 с выигрышем качества.

«Лучше всего. Остальные продолжения дают преимущество чёрным» (Лисицын).

15...h5 16.h3! Единственный хороший ход. Грозило не только 16...h4, но и 16...♘:h2 с

последующим h5-h4. Нельзя, конечно, сейчас 16...♘:e3? 17.fe ♙:g3 18.♚d4! или 16...♙:g3? 17.hg и 18.gh.

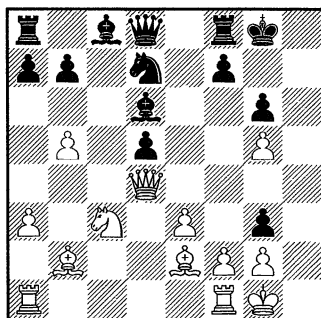
16...h4 17.hg hg 18.♚d4 ♘d7. Оба противника разыгрывают эту часть партии лучшим образом. Пешку d5 брать теперь нельзя: 19.♚:d5 ♚h4! или 19.♘:d5 ♙e5. Непосредственная угроза 19...♚h4 ставит белых в опасное положение.

Сделанный ход отдаёт инициативу белым. Правильным путём было 18...♙e8! с идеей ♙e5. Например: 19.♘:d5 ♙e5 20.♘:f6+ ♚:f6 21.♚e4! (только так) 21...♙d7 22.♙:e5 gf+! 23.♙:f2 ♚:e5 с равной игрой.

Поэтому вместо 18.♚d4 сильнее было 18.♘:d5! ♘:d5 19.♚d4 ♚f6 20.♚:f6 ♘:f6 21.♙:f6, например: 21...♙e8!? 22.♙f1 ♙c5 23.♙ac1! с атакой (23...gf+ 24.♙:f2 ♙:e3+? 25.♙g3 ♙h6 26.g5 и т.д.).

19.g5! Опять единственный ход. Белые выигрывают важный темп для консолидации королевского фланга.

«Флор прекрасно учёл все свои шансы» (Лисицын).

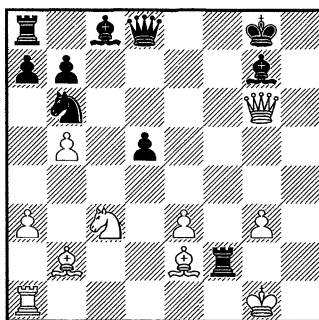
19...gf+. Серьёзная ошибка, приводящая к материальным потерям. Правильно было 19...♚:g5 20.♘e4 ♚h6 21.♘:g3 ♙e5 22.♚d2 ♙:b2 23.♚:b2 ♘b6, и хотя белые стоят заметно лучше, это преимущество ещё не решающее. Ход в партии плох по двум причинам: стратегически, потому что он открывает противнику линию «f», и тактически — 20...♚:g5 21.♘e4 ♚h6 опровергается 22.♘:d6.

«Растерянность вследствие предыдущего сильного хода белых» (Лисицын).

20.♙:f2 ♙e5 21.♚h4! (значительно сильнее, чем 21.♚:d5) **21...♘b6 22.g3.** Грозит 23.♙h2. Ответ чёрных поэтому вынужден.

22...f5 23.gf ♙:f6. Или 23...♙:f6 24.♙af1 ♙g7 25.♘e4!, и белые выигрывают (25...♙:f2 26.♙:e5+!).

24.♚h6 ♙g7 (24...♙f5 25.♙f5! gf 26.♚g6+ ♙g7 27.♘e4!) **25.♚:g6 ♙:f2.**

26.♘e4! Комбинация, лучше всего удерживающая достигнутое преимущество. После 26.♙:f2 ♚f8+ и ♙f5 чёрные ещё могли рассчитывать на спасение.

В случае 26. ♖:d5! белые, в отличие от варианта, который мог случиться в партии при 26... ♜e7, получили две лишние пешки, а не одну: 26... ♜f8 27. ♕:g7 ♜:g7 28. ♖e7+ ♗f8 29. ♜:g7+ ♗:g7 30. ♗:f2.

26... ♜f7? Ведёт к немедленному проигрышу. В случае 26... ♜e7 27. ♖:f2 с последующим двойным разменом на g7 белые должны были в эндшпиле одержать победу, но не столь быстро.

27. ♖g5! ♜f6. На отступление ладьи по 7-й линии следует 28. ♜f1, а на 27... ♜e7(e8) решает 28. ♜h7+ ♗f8 29. ♕:g7+ ♜:g7 30. ♜f1+.

Видимо, имелось в виду 30. ♜h8+ ♗g8 31. ♜f1+, так как сразу 30. ♜f1+? проигрывает.

28. ♕:f6 ♜:f6 29. ♜h7+ ♗f8 30. ♜f1 ♜:f1 + 31. ♕:f1 ♖d7 32. ♜g6 ♕e8 33. ♜f5+ ♗g8 34. ♕h3. Чёрные сдались.

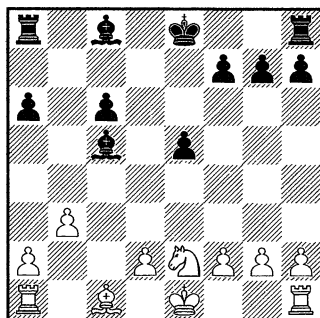
Одна из лучших партий Флора на московском турнире.

№ 23

ТОМАС – ФЛОР

Барселона 1935

Комментирует В.Панов

У чёрных преимущество двух слонов при слабой пешке d2 и отсталости в развитии у белых. Любопытно проследить, с какой быстротой и чёткостью Флор доводит партию до победы.

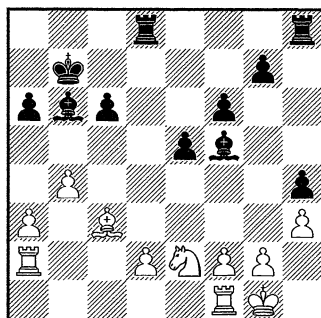
14... ♕f5 15. ♖b2 0-0-0! 16. ♕c3. Плохо и 16. ♕:e5 ♜he8 17. ♕f4 ♖d3 18. ♕e3 ♕a3, и чёрные, угрожая ♖b2 и ♕c2, выигрывают качество. Ничего не даёт и 16. ♜c1 ♕b4 17. ♕c3 (17. ♜:c6+ ♗b7) 17... ♕a3.

В первом варианте спасает качество 19. ♗f1; верный порядок ходов – 17... ♕a3! 18. ♕e3 (18. ♗f1 ♕b4) 18... ♕b2.

16... ♖f6 17. 0-0 ♖b7 18. b4 ♕b6 19. a3? Белые не могут найти плана защиты и делают выжидательные ходы. Лучше всего было 19. ♜fe1! h5 20. ♖g3! ♕e6 21. ♖e4 и ♖c5+, стремясь к разноцветным слонам и получая шансы на ничью.

Явно лучше 20... ♖d3! 21. ♖e4 ♜d5, сохраняя двух слонов и зажимая белых в тиски.

19... h5! 20. ♜a2 (20. ♖c1!? h4 21. ♖b3 h3 22. g3 и ♖c5) 20... h4 21. h3.

21...♖h6! Чёрные неожиданно развивают сильнейшую атаку на королевском фланге.

22.♘c1 (поздно!) **22...♖g6 23.♙h1 ♕e6 24.♖b2 ♘d5 25.f3 e4 26.fe?** Дольше сопротивляться в этом отчаянном положении можно было после 26.f4.

Вряд ли: 26...♗c4! 27.♗e1 (27.♗d1 ♖g3!) 27...♗f2 28.♗e4 ♗d5.

26...♗:e4 27.d4 ♖g3 28.♙a2 ♖:h3+ 29.♙g1 ♖:c3. Белые сдались.

Примечания Флора к двум партиям из турнира в Розасе — в ChessBase этого турнира вообще нет! — удалось найти в шахматном отделе А.Рабиновича в «Вечерней Москве» (с Кобленцом) и в газете «64» (с Маристани).

№ 24. Защита Нимцовича Е39

ФЛОР — МАРИСТАНИ

Розас 1935

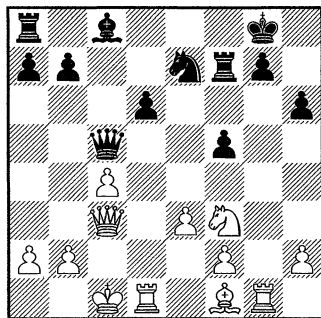
Комментирует С. Флор

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♗b4 4.♖c2 c5 5.dc ♘c6 6.♘f3 0-0 7.♗g5 h6 8.♗:f6 ♖:f6 9.0-0-0 ♗:c5. После 9...♗:c3 10.♖:c3 чёрные пешку не отыгрывали.

10.♘e4 ♖e7 11.g4! Начало атаки против ослабленного хода h7-h6 королевского фланга.

11...f5. Видимо, Флор знал, с кем имеет дело! Иначе он рисковал получить в ответ 11...♘b4 12.♖b3 d5! Например: 13.♘:c5 ♖:c5 14.a3 ♘c6, и если 15.e3, то 15...♘a5 и ♘:c4.

12.gf ef (12...♗f5!?) **13.♘:c5 ♖:c5 14.e3 ♘e7** (14...f4!?) **15.♗g1 d6 16.♖c3 ♗f7.**

17.b4! ♖c6. После 17...♖b6 белые выигрывают следующим образом: 18.c5 dc 19.♗c4 ♗e6 20.bc ♖:c5 21.♗:g7+! ♘f8 22.♗:f7+ ♗:f7 23.♘e5 ♗e6 24.♘d7+ ♗:d7 25.♖h8+.

18.♘d4 ♖e4 19.f4 (угрожая ходом 20.♗g2 выиграть ферзя) **19...♘c6 20.♘:c6.** На немедленное 20.♗g2 последует 20...♘:d4.

20...bc (если 20...♖:c6, то 21.♗g2) **21.♗:d6 ♗e6 22.♗g2 ♖:c4 23.♖:c4 ♗:c4 24.♗:c6.** Чёрные сдались, так как теряется ещё качество.

№ 25. Защита Нимцовича Е34

ФЛОР — КОБЛЕНЦ

Розас 1935

Комментирует С. Флор

1.d4 ♘f6 2.c4 e6 3.♘c3 ♗b4 4.♖c2 d5 5.cd ♖:d5 6.e3. Этот ход был впервые применён мною против Джексона в Гастингсе (1931/32). Он оставляет белым возможность развить коня на f3 или e2, и поэтому это логичнее и точнее, чем 6.♘f3.

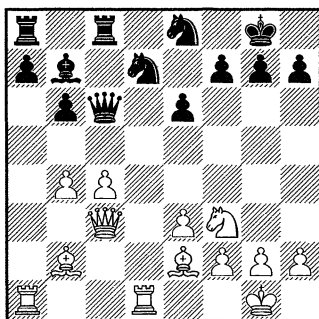
6...c5 7.a3 cd. Конечно, не 7...♗a5? из-за 8.b4, а на 7...♗:c3+

следует 8. ♖:c3, вынуждая невыгодное развитие коня b8 на d7.

8.ab dc 9.bc 0-0 10. ♘f3 b6 11. ♙e2 ♙b7 12. 0-0 ♜c8 13. c4 ♜c6 14. ♙b2 ♘bd7 15. ♖c3! Препятствуя контригре чёрных посредством a7-a5.

15... ♘e8. Предпочтительнее было 15... ♜c7!?, настаивая на a7-a5. Например: 16. ♗fd1 a5 17. ♘d4 ♘e4! 18. ♜b3 ab с разменами.

16. ♗fd1.

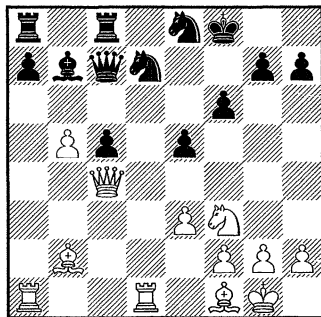

16...f6? Кажется невероятным, но после этого чёрные форсированно проигрывают. Неплохой на первый взгляд ход оказывается решающей ошибкой. Обязательно было 16... ♘df6.

17. ♙f1! e5 (иначе решает 18. ♘d4) **18. c5!** Скомпрометированная позиция короля чёрных позволяет белым решить партию в комбинационном стиле.

18...bc. Угрожало 19. b5 и c5-c6. На 18... ♘f8 также решает 19. b5 ♖:c5 20. ♜b3+ ♙h8 21. ♙a3 с выигрышем фигуры.

19. ♖c4+ ♙f8 (если 19... ♙h8, то 20. ♜f7 с выигрышем фигуры) **20. b5 ♖c7.**

21. ♖d3! Белые могли здесь «выиграть» ферзя: 21. ♖e6 ♘b6 22. ♙c4 ♘:c4 23. ♗d7 ♖:d7 24. ♖:d7, но после 24... ♙c7 25. ♖d1 ♘:b2 26. ♖c2 ♘d3! у чёрных оказалось бы слишком много материала в компенсацию.

21...e4 22. ♖:d7 ef 23. ♖h3 ♙e4. Или 23...fg 24. ♙c4 ♘d6 25. ♖e6 (25. ♗d6! ♖:d6 26. ♖:h7) 25... ♘:c4 26. ♗d7 и т.д.

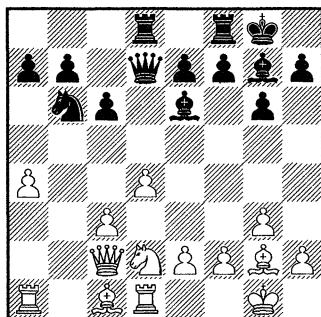
24. ♗d7 ♖b6 25. ♗a6. Чёрные сдались.

№ 26

ФЛОР – ШТОЛЫЦ

Всемирная шахматная олимпиада,
Варшава 1935

Комментирует Ф. Богатырчук

18. ♖b3. Флор тонкими, мало-заметными на первый взгляд ходами добивается решающего преимущества.

18... ♖c8 19. ♖c5 ♖c4 20. ♖b1. Не видно, как спасать пешку b7 после a4-a5.

Сыграй чёрные 19... ♖c4!, этой проблемы не было бы.

20... e5 21. e3. Характерный для осторожного стиля Флора ход. После 21. a5 ♖d5 22. ♖:b7 ed 23. cd ♖:e2! 24. ♖:e2? (лучше 24. ♖d2) 24... ♖c3 25. ♖c2 ♖:d1 26. ♖:d1 ♖:d4 чёрные даже выигрывают. Менее ясна ситуация после 22. ♖:b7, однако и в этом случае чёрные, жертвуя качество, вызывали осложнения.

В первом варианте сам чёрт ногу сломит! «Рыбка» ратует за 23. ♖:d5 ♖:d5 24. cd ♖b5 25. ♖:a7, но после 25... ♖:d4 26. ♖:d4 ♖:d4 27. ♖e3 ♖f5! начинает «дымиться». Второй же вариант явно в пользу белых, но это... когда под рукой компьютер, а за доской легко зевнуть какой-нибудь швиндель.

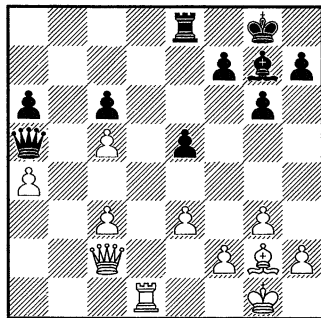
Поэтому Флор правильно не торопится, предварительно укрепляя своё положение.

21... ♖a6. Ход отчаяния. Иначе пешку b7 спасти нельзя.

22. ♖:a6 ba 23. ♖a3 ♖fe8 24. ♖c5 ♖d7. В этой отдаче пешки ещё не было необходимости. Можно было играть 24... ♖c7, хотя после 25. a5 ♖d7 26. ♖a4 у чёрных также незавидное положение.

25. ♖:a7 ♖c7 26. ♖c5 ♖:c5 27. dc ♖:d1 +. «Если 27... ♖f8, то 28. ♖b6» (Флор).

28. ♖:d1 ♖a5.

29. ♖:c6. Достаточно для выигрыша. Можно было также 29. ♖d6.

29... ♖c8 30. ♖d5! ♖:c5 31. ♖b3 ♖c7. Вынужденно. Нельзя 31... ♖:c3 32. ♖:f7+ ♖f8 33. ♖d8+ ♖e7 34. ♖e6+ ♖:d8 35. ♖d6#. Плохо также 32... ♖h8 33. ♖d8+ ♖f8 34. ♖:f8+ ♖g7 35. ♖g8+, и выигрывают.

«Перевес белых заключается не только в лишней пешке, но и в беззащитности белых полей у чёрных, — отметил Флор в книге «Шахматные олимпиады». — Дальнейшая часть партии — классический пример атаки при разноцветных слонах».

32. ♖b1 ♖f8. Теперь на 32... ♖:c3 следует просто 33. ♖:c3 ♖:c3 34. ♖b7.

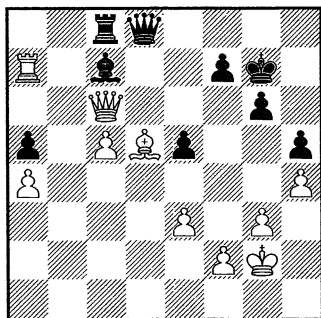
33. ♖a2 ♖d7 34. ♖b6! ♖g7. Не допуская ♖f6 (если 34... ♖:c3 35. ♖f6 ♖h3, то 36. ♖b2! ♖c7 37. ♖:a6).

35. c4 a5 36. ♖b2 ♖d6 37. ♖b5 ♖d8 38. ♖b7. Белые фигуры ведут наступление сомкнутым строем.

38...♙c7. «Плохо 38...♗c7 из-за 39.♗:a5, но теперь чёрные скваны» (Флор).

39.♖c6 h5 40.h4. Весь вопрос теперь в том, сколько ходов остаётся у чёрных.

40...♖e7 41.♙a7 ♖d8 42.♙g2 ♙f8 43.c5 (завершая кольцо блокады) **43...♙g7.**

44.♙:f7! Изящная заключительная комбинация.

«Завершающий удар по белым полям.» (Флор).

44...♙:f7 45.♙a6 ♙d6 (равносильно сдаче, но спасения нет) **46.♖d5+ ♙g7 47.♙:d6 ♖e8 48.♙e6 ♙:c5 49.♖b7+.** Чёрные сдались.

Вторая половина партии проведена Флором с исключительной силой.

Следующая миниатюра оказалась прокомментирована только в книге Джимми Адамса «Сало Флор. Мастер тактики, мастер техники» (Ноттингем, 1985). Керес отозвался о партии весьма туманно: «То, что я проиграл Флору, не оказав серьёзного со-

противления, не было случайностью». Подоплёку этих слов раскрыл Вальтер Хеуэр в своей книге «Пауль Керес» (Москва, 2004): «Можно утверждать, что катастрофа в дебюте была вызвана скорее психологическими причинами — чрезмерным уважением к мастеру, широко известному своим стилем “брать в тиски”. Об этом косвенно свидетельствует и протокол партии: только на этом бланке Керес не отметил затраченное время на обдумывание, не взял автограф у противника. Видимо, капитуляция сопровождалась некоторой растерянностью».

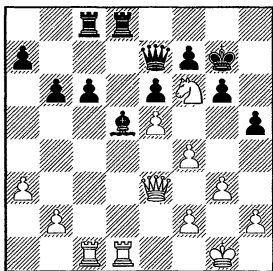
№ 27. Ферзевый гамбит D37

ФЛОР — КЕРЕС

Всемирная шахматная олимпиада, Варшава 1935

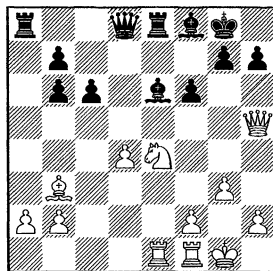
1.d4 ♘f6 2.♘f3 e6 3.c4 d5 4.♘c3 ♘bd7 5.♙f4. Этот ход, гораздо менее исследованный чем 5.♙g5, стал модным после его применения на знаменитом турнире в Цюрихе (1934).

5...c6. Заманчивой альтернативой является 5...dc 6.e3 ♘d5, используя позицию белого слона. Партия Флор — Мильнер-Берри (Маргит 1936) хорошо иллюстрирует атакующий потенциал белых: 7.♙:c4! ♘:f4 8.ef ♙e7 9.0-0 0-0 10.♖e2 ♘b6 11.♙b3 ♙f6 12.♘e4 ♘d5 13.g3 b6 14.♙ac1 ♙b7 15.♘e5 ♙:e5 16.de ♖e7 17.a3 ♙fd8 18.♙c2 g6 19.♙b3 ♙g7 20.♙fel h5 21.♘f6! ♙ac8 (21...♘f6? 22.ef+ ♖:f6 23.♙:c7) 22.♙:d5 ♙:d5 23.♖e3 c6.

24.f5! ef (24...gf? 25.♙g5+ с матом) 25.♙g5 ♖c7 26.♘h5+ ♜h7 27.♘f6+ ♜g7 28.h4 ♙f3 29.♞e3 ♞d1+ 30.♞:d1 ♙:d1 31.h5 ♞d7 32.hg fg 33.♞h4! ♙h5 34.♘:d7 ♞:d7 35.♞f6+ ♜h6 36.♞f8+ ♜g5 37.f4+ ♜g4 38.♞d6! 1-0.

6.e3 ♙e7. Продолжение 6...dc 7.♙:c4 ♘b6 8.♙b3 ♘bd5 9.0-0 ♘:f4 10.ef ведет к той же стратегии, что и в партии с Мильнер-Берри. Например: 10...♙e7 11.♞e2 0-0 12.♞ad1 ♞e8 13.g3 ♙f8 14.♘e5 ♞a5 15.♞f3 ♘d7 16.♘e4 f6 17.♘c4 ♞c7 18.f5! ♘b6 19.♞h5 ♙d7 20.♘:b6 ab 21.♞del ♞c8 (21...♞a5 22.fe! ♞:h5 23.ed+ ♞e6 24.♙:e6+ ♜h8 25.♘g5!) 22.fe ♙:e6.

23.♘:f6+! gf 24.♞:e6 ♞:e6 25.♞e1 ♜h8 26.♞:e6 ♙g7 27.♞e7 ♞b8 28.♞:g7! 1-0 (Флор — Йосс, Цюрих 1934).

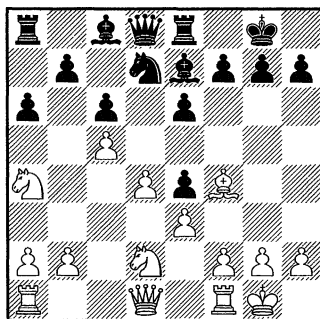
7.♙d3. На этот раз Флор воздерживается от своего любимого размена 7.cd, что тоже неплохо.

7...0-0 8.0-0 a6? Перестановка ходов. Надо было сыграть 8...dc 9.♙:c4 b5 10.♙b3 и только затем 10...a6 с идеей c6-c5, а если 10.♙d3, то 10...b4 и c6-c5.

9.c5! Подчеркивая ошибку. У белых теперь сильное давление по чёрным полям.

9...♞e8. Попытка освободиться 9...b6 не достигала успеха после 10.cb, например: 10...♞:b6 11.♘a4 ♞a7 12.♘e5 или 10...♘:b6 11.♘a4 (11.♘e5!?) 11...♘:a4 12.♞:a4 ♙d7 13.♞c2 ♞b6 14.♘e5 ♙e8 15.♞ac1 с заметным преимуществом белых.

10.♘a4 ♘e4 (10...♘h5!? 11.♞c2 h6) 11.♙:e4! de 12.♘d2.

12...e5. Теряет пешку, но если 12...f5, то 13.♞b3!, и 13...♘f8 проигрывает из-за 14.♘b6 ♞a7 15.♙b8, а 13...♙f8 допускает 14.♘c4 с удушением ввиду слабости чёрных полей.

13.de ♙:c5. Упорнее было 13...♘:c5 14.♘:c5 ♙:c5 15.♘:e4 ♞:d1 16.♞:d1 ♙e7 17.♘d6 ♞d8.

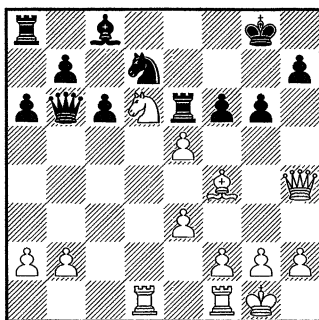
14. ♖:e4 ♜b6. Форсированно проигрывает. Хотя и после 14... ♘a7(f8) преимущество белых велико.

15. ♖:b6 ♞:b6 16. ♖d6. Чернопольные слабости никуда не делись.

16... ♜e6. Маленькая ловушка. Если белые сыграют 17. ♖:c8 ♜:c8 18. ♞:d7?, то после 18... ♜d8 ловится ферзь.

17. ♞h5 g6 (защищаясь от 18. ♞:f7) **18. ♞h4 f6?** Ещё одна ошибка, но позиция чёрных незышима (18... ♖:e5 19. ♜ad1!).

19. ♜ad1.

Угрожая простым 20. ♖:c8 и ♜:d7. Если теперь 19... ♞c7, то 20. ef ♖:f6 21. ♖e8 ♞f7 22. ♖:f6+ ♞:f6 (22... ♜:f6 23. ♜d8+ ♘g7 24. ♘h6#) 23. ♜d8+ ♘f7 (23... ♘g7 24. ♘h6+ ♘f7 25. ♜f8+) 24. ♞:h7+ ♞g7 25. ♜f8+! ♘:f8 26. ♘h6 — ещё один хороший путь к победе. Или 19... ♜d8 20. ♖e4 ♞e7 21. ef и т.д.

19... fe 20. ♖:c8. Чёрные сдались: 20... ♜:c8 21. ♜:d7 ef 22. ♞:h7, и мат следующим ходом.

После Варшавской олимпиады Андрэ Лилиенталь заявил в

«64»: «Флор, которого я считаю в данный момент единственным конкурентом Алехину на мировое первенство, весь турнир провел в хорошей форме и добился наилучших личных результатов».

№ 28. Новоиндийская защита E14

ФЛОР — ЛАСКЕР

Москва 1936

Комментирует С. Флор

1. ♖f3 d5 2. e3 ♖f6 3. c4 e6 4. b3 ♘e7 5. ♘b2 0-0 6. d4 b6 7. ♖bd2 ♘b7 8. ♘d3 c5 9. 0-0 ♖bd7 10. ♞e2. Эта система охотно применялась на III Московском международном турнире не потому, что она лучше, чем ферзевый гамбит или другие начала, а просто из-за того, что она менее исследована. Вообще некоторые мастера пресыщены ферзевым гамбитом, поэтому в тех случаях, когда они стремятся играть боевую партию, избирают дебют, который может обещать острую борьбу. Подобными настроениями руководствовался в данной партии играющий белыми. Ввиду своего неудовлетворительного турнирного положения я должен был играть на выигрыш, невзирая на то, что моим противником был сам Ласкер.

Вместо 10. ♞e2 острее 10. ♞c2, что предупреждает 10... ♖e4 и подготавливает развитие коня на e5. Однако ходом 10. ♞c2 белые берут на себя слишком большие обязательства.

10... ♜c8. Позиция ещё не определилась, поскольку обе стороны не закончили развития.

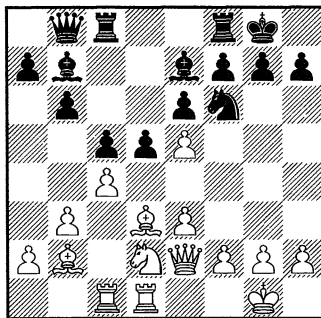
Характер борьбы во многом зависит от того, какая из сторон займёт конем важный стратегический пункт (белые — e5, чёрные — e4). После хода в партии белым удаётся опередить соперника. Поэтому чёрным следовало сразу играть 10...♘e4.

11.♚fd1 ♜c7 12.♚ac1 ♜b8.

У чёрных нет ничего лучшего. Они вынуждены защищаться от угрозы 13.b4.

13.♘e5 ♘:e5. Осторожнее, во всяком случае, было 13...♚fd8. Теперь же белые добиваются преимущества.

14.de.

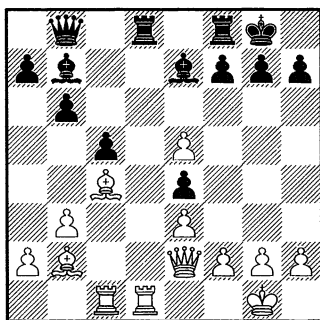
14...♘e4? После этой ошибки положение чёрных становится безнадежным. Правильно было 14...♘d7, на что белым лучше всего было продолжать 15.cd с выгодой для себя.

15.cd! Этот предварительный размен Ласкер, очевидно, просмотрел.

15...ed. Не проходило 15...♘:d2 ввиду 16.d6 ♘:d6 17.ed ♘e4 18.♚g4 g6 19.♘:e4 f5 20.♚f4, и белые выигрывают.

16.♘:e4 de 17.♘c4. Теперь нетрудно увидеть, что атака белых развивается сама собой.

17...♚cd8.

18.♚g4! Сильнейшее. Уязвимый пункт позиции чёрных — g7.

«Рыбка» предлагает сразу 18.e6! f6 19.♚d7, и в этом есть свой резон: 19...♚de8 (хуже 19...♚:d7) 20.♚cd1 ♘c6 21.♚g4, и на любой ответ следует 22.♘d5 ♘:d5 23.♚1:d5 и ♚:e4.

18...♘c6. Попытка защитить от вторжения поле d7. После 18...♚:d1+ 19.♚:d1 ♚d8 20.♚:d8+ (20.♚d7!) 20...♚:d8 21.e6 f6 решает 22.♘:f6!

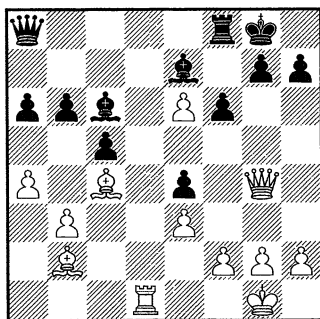
19.♚:d8 ♚:d8 (или 19...♚:d8 20.♘:f7+ ♘:f7 21.e6+) **20.♚d1 ♚a8.** Ходом 20...♚b8!? с идеей 21.a4 ab 22.♘:a6 b5! чёрные могли разменять опасного слона, получая шансы на спасение. Например: 23.ab ♘:b5 24.e6! f6 25.♘:b5 ♚:b5 26.♚d7 ♚e8 27.♚h5 g6 28.♚d5 ♚d3! 29.♚:d3 ed, и в компенсацию за пешку d3 чёрные выдёргивают занозу на e6.

21.a4. Подготавливая комбинацию. Белые вызывают ход

а7-а6, что поведёт к потере этой пешки.

21...а6. У чёрных уже нет удовлетворительных ходов.

22.e6 f6.

23.♖d7! Напращивающаяся жертва качества, быстро приводящая к развязке.

23...♙:d7 24.ed+ ♔h8 25.♙e6 ♔d8 (если 25...♙d8, то 26.♙d6) **26.♙:a6 f5 27.♙e5! c4.** Чёрные находятся в положении цугцванга.

28.♙:c4 ♙c5 29.g3 ♙e7 30.♙c7 ♙:e6 31.♙:e6 ♙e7 32.b4 h6 33.a5 ba 34.ba g6 35.♙d5. Чёрные сдались. Историческая для меня партия: первая — и, надеюсь, не последняя — победа над одним из чемпионов мира.

Надежды Флора оправдались уже в Ноттингеме! Там же ему посчастливилось одержать и единственную в жизни победу над Капабланкой, с которой был связан нашумевший в своё время скандал.

Сначала — слово Капабланке: «Последние ходы были сделаны

в цейтноте. Когда осталось сделать ещё четыре хода, вокруг нашего стола собралась толпа журналистов, участников и прочих. В такой обстановке немислимо играть. Стоявший у стола Макс Эйве несколько раз вмешивался, указывая Флору количество оставшихся ходов, так как противники бросили записывать партию. На мою просьбу соблюдать тишину он вступает со мной в пререкания, стараясь мне доказать, что он может говорить. Вмешательство в игру Эйве совершенно недопустимо, а руководитель турнира сидит и пишет свои корреспонденции. В результате этого вмешательства я допускаю грубую ошибку, проигрывая качество».

Но почему противники прекратили запись партии? Слово — очевидцу событий, корреспонденту журнала «Шахматы в СССР» Петру Муссури: «Старая история у Капабланки с Флором. Кто кого перехитрит? Флор, попав в цейтнот, бросил записывать. Точно так же он делал во время своих предыдущих встреч с Капабланкой. “Ах, так, — думает Капабланка, — мы тоже не будем записывать”. И каждый считает ходы в уме. В Москве победителем из этого состязания вышел Капабланка, в Ноттингеме — Флор.

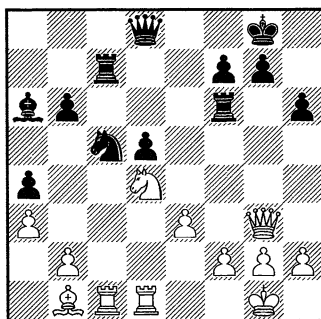
Говорят, что Эйве помешал Капабланке продолжать игру. Может быть! Но кто же заставлял Капабланку делать атемпо 37-й ход? Не Эйве же?»

№ 29

ФЛОР – КАПАБЛАНКА

Ноттингем 1936

Комментирует И. Рабинович

37...♔c8? Как это часто бывает в теснённых позициях, чёрные допускают решающую ошибку и проигрывают почти без борьбы.

Следовало вернуться ладьёй на d7, после чего белым нелегко было бы выиграть, так как даже в случае ослабления королевского фланга ходом g7-g6 (после перевода ферзя на c2) они должны ещё очень изобретательно вести атаку, чтобы добиться победы.

38.♘f5! ♚g6. Вынужденно, так как на 38...♗e6 следует 39.♗e7+. После же 38...♗:f5 39.♗:f5 ♚:f5 чёрные потеряли бы ладью с7.

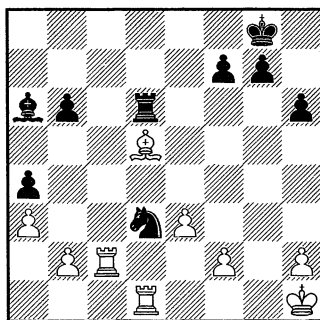
«Можно было отдать пешку, играя 38...g6, но и это проигрывает из-за сильной атаки посредством 39.h4» (Капабланка). Или сразу 39.♘:h6+ и ♘g4 (Алехин).

39.♘d6! ♚:g3 40.♘:c8 ♚:g2+. На 40...♗g5 последовало бы, конечно, 41.♘:b6 с угрозами ♘:d5 и ♘:a4.

41.♖:g2 ♚:c8 42.♗a2! «В распоряжении белых имеется этот сильный ход, без которого выигрыш был бы труден» (Капабланка).

42...♗c6. Не проходит 42...♗d8 43.♗:d5! ♚:d5 44.♗:d5 ♗b7 ввиду 45.♗cd1 с последующим отступлением короля с диагонали a8-h1.

43.♗:d5 ♗g6+ 44.♖h1 ♘d3 45.♗c2 ♗d6.

46.♗f3! Этим и следующим ходами белые лишают противника последних надежд на спасение. С поля f3 слон защищает ладью d1 и таким образом предотвращает ♘:f2+, а на очевидный ход ♗f6 у белых имеется сильный ответ.

46...♗f6 47.♗e4! Этим ходом белые ликвидируют всякое сопротивление, так как на 47...♘:f2+? следует 48.♗:f2, угрожая матом на d8; если же 47...♗:f2?, то 48.♗:d3.

47...♗d6 48.♗:d3 ♗:d3 49. ♗f3! ♗:c2 50.♗:d6. Теперь результат партии очевиден. Последовало ещё:

50...b5 51.♖g2 ♜b3 52.♞b6 ♜c4 53.♖g3 ♜f8 54.♖f4 ♖e7 55.♖e5 ♙e2 56.f4 ♜c4 57.♞b7+ ♖f8 58.f5. Угрожая 59.f6. Достаточно сильно и 58.♖d6, угрожая не только матом, но и 59.♖c5 с последующим ♞:b5.

58...f6+ 59.♖f4 h5 60.e4 ♙e2 61.e5 fe+ 62.♖:e5 ♜c4 63.♖f4 h4 64.♖g5. Чёрные сдались.

№ 30. Английское начало A28

ФЛОР – ЛАНДАУ

Кемери 1937

Комментирует Г. Лисицын

1.c4 ♖f6 2.♗c3 e5 3.♗f3 ♗c6 4.e3 d5 5.cd ♗:d5 6.♞c2. Создавшаяся позиция представляет собой сицилианскую защиту с переменной цвета. Построение белых Флор неоднократно испытывал за чёрных во многих ответственных партиях, правда без особого успеха. Между прочим, ранний выход ферзем — ♞c2 (♞c7 за чёрных) — одно из дебютных изобретений Флора.

6...♙e7. В случае 6...♗db4 белые играют 7.♞b1 и затем a2-a3.

7.a3 ♗:c3. Ошибочный ход. Уже сколько раз делались подобные ошибки (белыми в сицилианской защите — ♗:c6?), и каждый раз «виновный» нёс заслуженное наказание. Минусы хода можно выразить в двух словах: белые «бесплатно» получают мощный центр и открытую линию «b».

Правильно 7...0-0 или 7...♙e6.

8.bc! 0-0 9.d4 ♙d6. Как вскоре выяснится, слон занимает

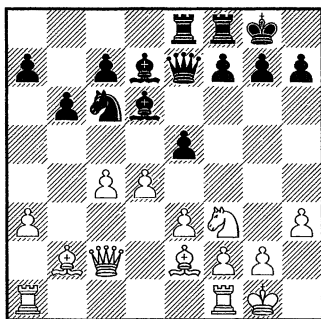
здесь крайне неудачное положение. Сильнейший ход — 9...♙f6.

10.♙e2 ♞e7 11.0-0 ♙g4. Играя 9...♙d6, чёрные, вероятно, рассчитывали создать атаку на короля. Сейчас они угрожают ходом 12...e4, форсируя выгодный для них размен белопольных слонов. Ничего не давало немедленное 11...e4 12.♗d2 f5 13.♗c4! После ♗:d6 белые даже несколько увеличивали своё дебютное преимущество.

12.h3! ♙d7. Плохо 12...♙h5 из-за 13.♗:e5 ♙:e2 14.♗:c6 bc 15.♞:e2, и белые выигрывают пешку. Слабо и 12...♙:f3, что даёт белым преимущество двух слонов при намечающемся вскрытии диагоналей.

13.c4! b6 14.♙b2 ♞ae8. Решающая ошибка. Впрочем, преимущество белых так велико, что уже трудно указать за чёрных более или менее приемлемый план игры. По-видимому, лучше всего 14...ed 15.ed ♗d8, подготавливая c7-c5.

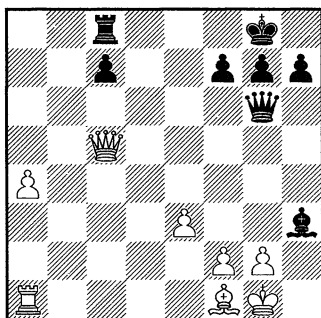
Здесь после 16.♙d3! чёрные теряют пешку h7 (16...h6? 17.♞fe1 ♗e6 18.d5). Верный ход — 15...♙f5.

15.c5! Правильная жертва пешки, с помощью которой белые создают многочисленные слабости в позиции чёрных.

15...bc 16.de ♖:e5 17.♗:e5 ♙:e5 18.♙:e5 ♖:e5 19.♖fc1 ♖g5. В поисках спасения чёрные пытаются создать контригру на королевском фланге.

20.♖:c5 ♖e5 21.♖:a7 ♙:h3 22.♙f1 ♖g6 23.♖c5 ♖:c5 24.♖:c5 ♖c8 25.a4. Флор очень точно ликвидировал все попытки противника обострить игру. Теперь чёрные почти беззащитны от продвижения пешки «а».

25...h5 26.a5 h4. Угрожая 27...♙:g2 28.♙:g2 h3 29.♖d5 ♖:g2+ 30.♖:g2 hg с явной ничьей.

27.♖d5 ♙f5 28.a6 ♙e4 29.♖d7 ♙f5 30.♖e7 h3 31.a7 ♙e4 32.♖d7 ♖a8 33.♖:h3 c5 34.♖d7 ♖c6. Размен ферзей только упрощает задачу белых. Но и при других ответах они должны были выиграть.

35.♖:c6 ♙:c6 36.♖a5 ♙e4. Чёрные не могут спасти пешку «с». Если 36...♙d7, то 37.♙c4 с угрозой ♙d5.

37.f3 ♙b7 38.♖:c5 ♖:a7 39.♖c7 f6. Агония. Потеря фигуры или качества неизбежна.

40.♙h2 ♙h8 41.♙b5 (с угрозой ♙c6) **41...♖a3.** И, не дожидаясь ответа, чёрные сдались.

Вся партия — прекрасный образец стиля гроссмейстера Флора.

№ 31. Защита Грюнфельда D81 ФЕЙГИН — ФЛОР

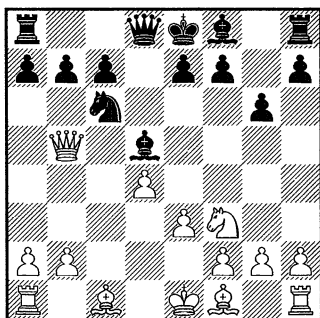
Кемери 1937

Комментирует С.Флор

1.d4 ♖f6 2.c4 g6 3.♗c3 d5 4.♖b3 dc 5.♖:c4 ♙e6. Эту защиту я анализировал в Москве совместно с мастером Юдовичем. Она приводит к оживлённой игре с шансами для обеих сторон.

6.♖b5+ ♗c6 7.♗f3 ♗d5 8.♗:d5? Согласно анализам Юдовича, лучше всего здесь 8.e4. После хода в тексте чёрные получают господство над центральными полями d5 и e4.

8...♙:d5 9.e3.

9...e6! Гораздо сильнее, чем 9...♙g7, после чего белые добивались уравнения ходом 10.♙c4.

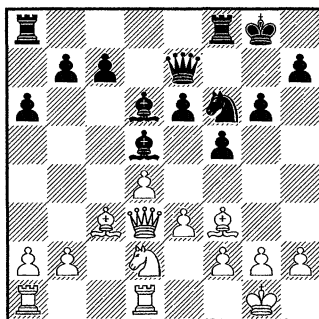
Чёрный слон развивается на d6, где он расположен значительно активнее.

10.♟d2. Теперь нехорошо было 10.♟c4 ввиду неприятного шаха на b4 с преимуществом чёрных. Плохо 10.♝:b7? из-за 10...a6 или 10...♞:d4.

10...a6 11.♝a4. Ошибочно 11.♝d3 ввиду 11...♞b4 12.♝b1 f5, поэтому приходится играть 13.♝d1 (13.♟e2? или 13.a3? – 13...♟e4 и ♞c2+).

11...♟d6 12.♟e2 0-0 13.♝c2 ♞b4 14.♝b1 f5 15.0-0 ♞c6 16.♟c3 ♝e7 17.♞d1 ♞b8! Конь бездействует на c6 и должен быть переведён через d7 на e4.

18.♞d2 ♞d7 19.♟f3 ♞f6 20.♝d3.

20...♞e4! 21.♝e2. Конечно, не 21.♞:e4 fe 22.♟:e4 ♟:h2+, и выигрывают.

21...♞g5 22.♟:d5. С этим можно было бы ещё немного обождать, так как в настоящий момент чёрные ничем не грозят. Однако и у белых нет удовлетворительных ходов; чёрные, играя 22...♝g7 и ♝h6, всё же вынудили

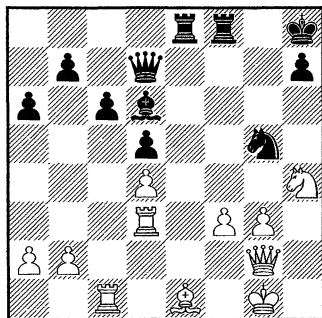
бы размен на d5, открывающий для них линию «e».

22...ed 23.♞f3 ♞e4 24.♞ac1 c6 25.♟e1. Белые стратегически переиграны и не имеют никакой контригры.

25...♞ae8 26.g3. Рано или поздно это было неизбежно.

26...♝d7 (с угрозой f5-f4) **27.♝f1 g5 28.♞d3 f4! 29.ef g f 30.♞h4.** Упорнее было сразу 30.♝g2! ♞h8 31.♞b3 (заранее уводя ладью от нападения ферзя) 31...fg 32.hg, и не видно, как чёрным усилить атаку.

30...♞h8 31.♝g2 fg 32.hg ♞g5 33.f3. Угрожало 33...♞e8 (если 33.♞f3, то 33...♝f5).

33...♞h3+! 34.♞h1 (или 34.♞h2 ♞f4) **34...♟e7 35.♟d2 ♟:h4 36.g h ♝f5 37.♞b3 ♞g8 38.♝h2 ♞e6 39.♞f1 ♞f2+!** Белые сдались.

№ 32. Славянская защита D18

ФЛОР – МИКЕНАС

Каунас (м/1) 1938

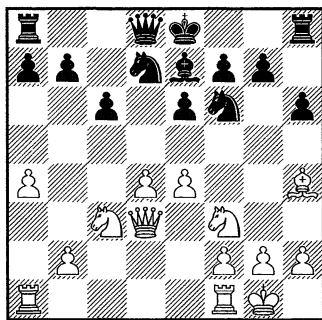
Комментирует С. Флор

1.d4 ♞f6 2.c4 c6 3.♞c3 d5 4.♞f3 dc 5.a4 ♟f5 6.e3 ♟d3.

Попытка избежать проторённых путей. Однако этот, впрочем не новый, ход вряд ли даёт чёрным уравнение. Белые сохраняют лучшее развитие и более свободную игру.

7. ♖:d3 cd 8. ♖:d3 ♘bd7. Заслуживало внимания развитие коня на а6.

9. 0-0 e6 10. e4 ♙e7 11. ♙g5 h6 12. ♙h4.

12...g5? Чёрные слишком рано начинают нервничать. Они опасались продолжения 12...0-0 13. e5 ♘d5 14. ♙:e7 ♖:e7 15. ♘e4, при котором белые, правда, получают преимущество, но у чёрных есть некоторая контригра. Ход в тексте решающим образом ослабляет королевский фланг.

13. ♙g3 g4 14. ♘d2 h5. После 14...e5 15. de ♘:e5 16. ♖e2 игра вскрывается к выгоде белых.

15. e5 ♘g8. Относительно лучшее. После 15...♘d5 16. ♘:d5 cd 17. f4 чёрные были бы беззащитны.

16. ♙f4 ♘f8 17. ♘c4 ♘g6 18. ♙e3 ♘h4. Чёрные искусно защищаются. Они занимают одним

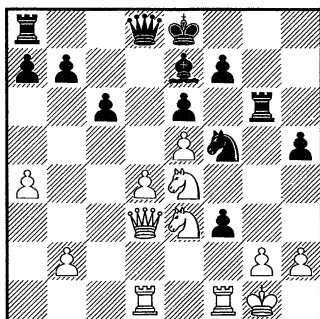
из коней поле f5, сохраняя контроль над полем d6.

19. f3 ♘f5. Или 19...gf 20. g3 и ♙:f3 (сразу решает 20. ♘e4! и ♘cd6+).

20. ♘e4 ♘gh6 21. ♙:h6 ♙:h6 22. ♖ad1 ♖g6 23. ♘e3.

Белые разменивают единственную хорошо расположенную фигуру чёрных и добиваются стратегически выигранной позиции.

23...gf. На 23...♘h6 следует 24. f4 и f4-f5.

24. ♘:f5! ♙:g2+ 25. ♙h1 ef 26. ♖:f3 ♙:b2. Проигрывает немедленно. Долше можно было сопротивляться после 26...♙g7, на что последовало бы 27. ♘c3 с сильной атакой.

Это допускает 27...♖b6! с идеей 28. d5 0-0-0, поэтому правильно 27. ♘g3!

27. d5! (не сразу 27. ♖:f5 из-за 27...♖d5) **27...♖c8 28. ♘f6+.** Самое простое. На 28. d6 могло последовать 28...♖e6.

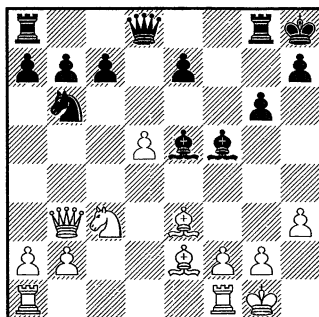
28...♙:f6 29. ef ♖d8 30. ♙fe1+ ♙f8 31. ♖a3+. Чёрные сдались.

№ 33

ФЛОР – МИКЕНАС

Каунас (м/7) 1938

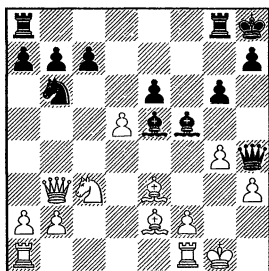
Комментирует С. Флор

15...e6. Чёрные пытаются освободиться ценой жертвы пешки.

16.de. Белые удовлетворяются выигрышем пешки. Они могли бы попытаться выиграть фигуру ходом 16.g4, но тогда чёрные получали контршансы после 16...ed.

А после 16...h4! уже не чёрные, а белые попадали под атаку:

1) 17. g2 d:d5! 18. d2! (только так: 18. f3? d:e3+ ведёт к мату, а при 18. d:d5? e4+ 19. f3 e:f3+ 20. f:f3 h:h3+ у чёрных явное преимущество) 18...d:c3 19.

e:c3 e4+ 20. g1 e:c3 21. f:c3+ f:g7 с лишней пешкой;

2) 17. e:b6! f:h3! 18.f4 (иначе мат) 18...g3+ 19. g1 e:f4 20. f:f4 f:f4 21. e:c5! (не 21.gf? f:h4+ 22. g1 gf+ и 23...ab, выигрывая) 21...e:g4 с равной игрой.

Эти варианты как нельзя лучше подтверждают дальнейшие слова Флора:

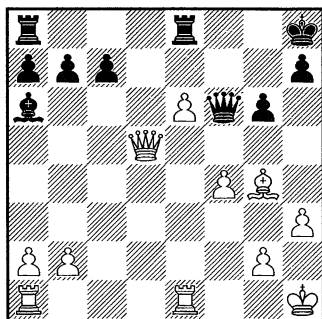
Во времена Морфи считалось чуть ли не вопросом чести принимать предложенную жертву фигуры, чтобы предоставить противнику возможность создать блестящую партию. В наше же время считается правильным брать столько, сколько необходимо, чтобы выиграть партию.

16...f6. Несколько лучше было 16...f7, на что могло последовать 17. g4, например: 17... e:g4 18.hg fge8 19. ffe1, и плохо 19...f:e6? из-за 20. f:e6 f:e6 21. d4 f:ae8 22. f:e5 f:e5 23.f4.

17.f4! d:d4. Единственный ход. Видимо, только сейчас чёрные заметили, что их комбинация неправильна: они не могут играть 17...e:e6 из-за 18. f:d1! (но не 18.fe f:e5), и ввиду угроз по диагонали a1-h8 чёрные по меньшей мере вынуждены будут отдать качество.

18. e:d4 f:d4+ 19. g1 f6 20. g4 d3. Играя 20...e:g4 21.hg f:h4+, чёрные могли отыграть пешку, но их положение оставалось бы совершенно безрадостным.

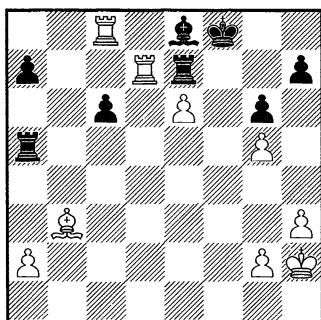
21. ffe1 fge8 (пешка угрожала продвинуться на e7) **22. d5 d:d5 23. f:d5 a6.**

24. ♖g5. Самое простое — белые переходят в выигранный эндшпиль.

24... ♖g5 25. fg ♖e7 26. ♖ac1 ♙b5 27. ♙f3 ♙e8. Играя 27... ♖b8, чёрные могли продлить сопротивление.

28. ♙b7 ♖b8 29. ♙d5 ♖b2 30. ♖b1 ♖d2 31. ♖ed1 ♖c2 32. ♖b8 ♖c5 33. ♙b3 ♙g7 34. ♖dd8 ♙f8 35. ♙h2 c6 36. ♖d7 ♖b5 37. ♖c8 ♖b7 38. ♖dd8 ♖b6 39. ♙g3 ♖a6 40. ♖d7 ♖a5 41. ♙h2.

Чёрные сдались. У них нет защиты от 42. ♖cc7.

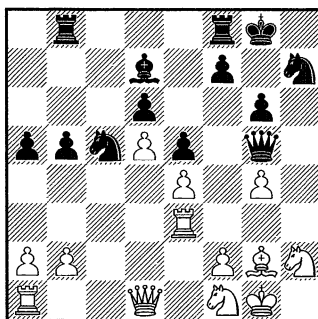
В итоге Флор выиграл матч с разгромным счетом +6=4, не проиграв ни одной партии!

№ 34

И.РАБИНОВИЧ — ФЛОР

Ленинград — Москва 1939

Комментирует С.Флор

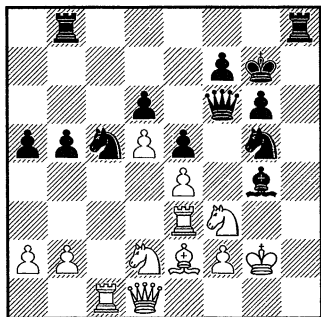
27... ♖fc8. Очень заманчиво выглядело 27... ♙g7 и ♖h8, но время для прямого штурма ещё не настало. Чёрные поэтому предпринимают ложную диверсию на ферзевом фланге, выжидая дальнейших ослаблений в позиции соперника.

28. ♖c1 ♖d8 29. ♙d2 ♙g5 30. ♙f1. Следовало предпочесть 30. ♙b3, оставляя слона на g2, где он расположен полезнее для защиты.

30... ♙g7 31. ♙g2. Последними ходами белые ухудшили свою позицию, и теперь настало время для решительных действий. Против следующих сильных ударов у белых не находится защиты.

31... ♖f6! 32. ♙e2 ♖h8 33. ♙hf3. Или 33. ♙hfl ♙h3 34. ♖h3 (34. ♖e1 ♙f4+ и ♖h4) 34... ♖h3 35. ♙h3 ♖f2 36. ♙g3 ♖h8+ 37. ♙h5+ ♖h5#.

33... ♙g4.

34. ♖:g5. Мастер Рабинович очень предупредительный противник. К радости заслуженного мастера Романовского (напомню: *главного критика «файно-флоровского» стиля*), он даёт мне возможность закончить партию «в творческом стиле». Следует комбинация, несложная для мастера, но доставившая удовольствие зрителям.

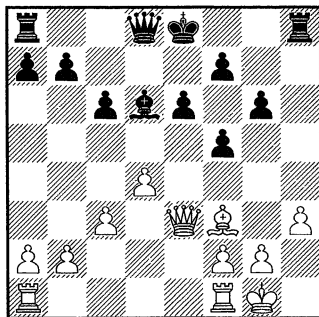
34... ♜h2+ 35. ♚:h2 ♙:f2+ 36. ♚h1 ♜h8+ 37. ♖h3 ♜:h3.
Белые сдались.

№ 35

РАТНЕР – ФЛОР

Киев 1944

Комментирует С. Флор

17... ♜c7 (с неприятной угрозой ♜d6) **18. ♜fd1.** Освобождая путь для бегства короля. Точнее, однако, 18. ♜fe1.

18... ♜d6 19. ♜g5 ♜f8! 20. ♜f6. Покушение с негодными средствами. Ферзь на поле f6 в конце концов оказывается в западне.

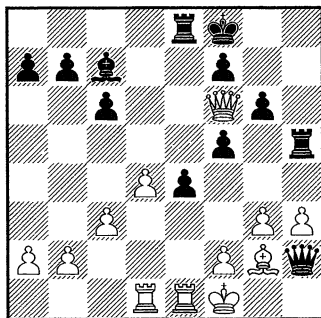
20... ♜h7 21. ♜e1. Лучше было 21. ♜e5! ♜:e5 22. ♜e5, и 22... ♜:e5 пропускает белую ладью на d7 с контригрой, а в случае 22... ♜e7 23. ♜e1 пешка e5 остаётся в живых.

21... ♜h2+ 22. ♜f1 ♜e8! Готовя сокрушительный удар в центре.

23. ♜ad1 e5! 24. g3. Плохо 24. de из-за 24... ♜:e5 25. ♜g5 ♜h1+ 26. ♜e2 ♜f4+.

24... e4! Самое сильное. После 24... ♜:h3+ 25. ♜g2 белые получали контршансы.

25. ♜g2 ♜h5.

Картинное положение. Чёрный ферзь заперт, но к нему нельзя подступиться, а у белых нет удовлетворительной защиты от 26... ♜e6.

26. d5 ♜e5. Белые сдались.

№ 36. Славянская защита D15

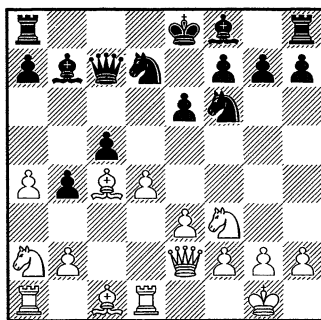
ФЛОР – РАВИНСКИЙ

13-й чемп. СССР, Москва 1944

Комментирует С. Флор

1.d4 d5 2.c4 c6 3.♘f3 ♘f6 4. ♘c3 dc5 5.e3 b5 6.a4 b4 7.♗a2 e6 8.♙:c4 ♘bd7 9.0-0 ♙b7 10.♚e2 c5. Заслуживало внимания 10...♙e7!? (Гимар – Флор, Гронинген 1946).

11.♗d1 ♚c7. Во встрече Котов – Смыслов было сыграно 11...cd 12.♘:d4 ♚b8 13.♙d2 ♙d6 14.♙:b4 ♙:b4 15.♘:b4 ♙:g2 16.♘b5 с перевесом белых. Вероятно, наилучшим был ход 11...♚b6.

12.♙a6! На мой взгляд, очень сильный ход. Его идея сугубо позиционная. Чёрные лишены на какое-то время возможности сыграть a7-a5, чтобы защитить слабую пешку b4. Размен ферзевого слона чёрных, их наиболее активной фигуры, полезен белым.

Обычно здесь играли 12.e4, чтобы после 12...♘:e4 13.d5 получить атаку против не успевшего рокировать чёрного короля.

12...♙d5? Чёрные отстали с развитием королевского фланга,

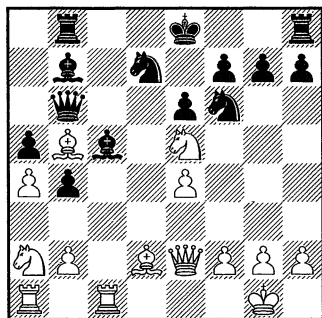
и, хотя им очень хотелось сохранить слона, они не могут позволить себе потерю темпа. Необходимо было поторопиться с ходом ♙e7.

13.♙d2 ♚b8 14.♗dc1 ♚b6 15.♙b5 a5 16.♘e5! Приступая к атаке на короля. Потеря темпа (12...♙d5) скоро скажется.

16...♙d6. Или 16...cd 17.e4 ♙b7 (17...♙:e4 18.♙g5!) 18.♙g5.

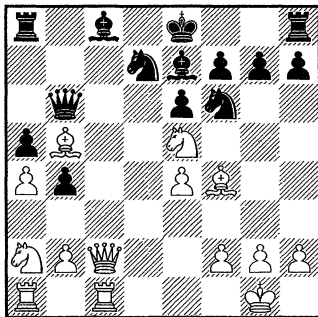
На 18...♙ab есть эффектный вариант 19.♚h5! g6 (19...♘:h5 20.♙:d7#) 20.♙:f6 ♙:b5 21.♚ff3.

17.dc ♙:c5 18.e4 ♙b7.

19.♙g5! Здесь белые могли выиграть пешку путём 19.♘c4 и ♘:a5. Я не пошёл на это. Для молодых советских мастеров, с игрой которых я хорошо познакомился в последние годы, характерно то, что они не гонятся за материальным перевесом, если есть шанс атаковать и победить более артистично. Эту черту мне хотелось бы перенять в своей турнирной практике.

19...♙c8 20.♙f4 ♚a8 (20... 0-0 21.♘c4; 20...♙b7 21.♚c5! ♚:c5 22.♚c1) 21.♚c2 ♙e7.

22. ♖:c8+! Не очень сложно, но всё же красиво. Следует форсированный финал.

22... ♖:c8 23. ♖:c8+ ♕d8 24. ♖c4 ♖d4 25. ♕e3. Этот же ход последовал бы и на 24... ♖a7.

25... ♖d3 26. ♕c5 ♖:e4 (избегая 26... ♖c2 27. ♖d6+ ♖e7 28. ♖f5++ ♖e8 29. ♖:g7#) **27. ♖e5 ♖:b5.** Приходится: 27... ♖d2 28. ♕:d7+ ♖:d7 29. ♖:d7 ♖:d7 30. ♖:d8+!

28. ab ♖:e5 29. ♖d1 ♖d7 30. ♕b6 ♖e7 31. ♕:a5 ♖:f2 (в тщетной надежде на 32. ♖:f2? ♕b6+) **32. ♖:d8 ♖:d1 33. ♖:h8 b3 34. ♖c1.** Чёрные сдались.

№ 37. Ферзевый гамбит D42

БОТВИННИК – ФЛОР

Гронинген 1946

Комментирует Д. Бронштейн

1. d4 d5 2. ♖f3 ♖f6 3. c4 e6 4. ♖c3 c5 5. cd ♖:d5 6. e3. Ботвинник любит этот вариант, принёсший ему победу над Алехиным (Амстердам 1938).

6... ♖c6 7. ♕d3. Попытка усиления. В партии этого же турнира с Сабо Ботвинник продолжал 7. ♕c4 (как и против Але-

хина), но позднее ему пришлось потерять темп на отступление слоном.

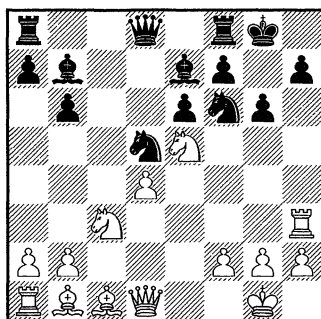
7...cd 8. ed ♕e7 9. 0-0 0-0 10. ♖e1 ♖cb4. Оплошностью было бы 10...b6 ввиду 11. ♖:d5!, и как в случае 11... ♖:d5 12. ♕e4, так и после 11...ed 12. ♕b5! (Ботвинник – Алехин) у белых сильное давление.

Здесь, в отличие от партии Ботвинник – Алехин, где слон белых стоял на c4, гораздо сильнее 12. ♕:h7+! ♖:h7 13. ♖c2.

11. ♕e4 ♖f6. Нельзя 11... ♕d7 из-за 12. a3 ♖:c3 13. bc ♖d5 14. c4 с выигрышем пешки.

12. ♕b1 b6 13. ♖e5 ♕b7 14. ♖e3 ♖bd5. После 14... ♖c6 15. ♖h3 брать на d4 плохо из-за 16. ♕:h7+.

15. ♖h3 g6. Конечно, не 15... h6 ввиду 16. ♕:h6 gh 17. ♖d3.

16. ♕h6. Спорный момент. После хода в партии несколько снижается значение позиции ладьи на h3, и чёрные успевают защититься.

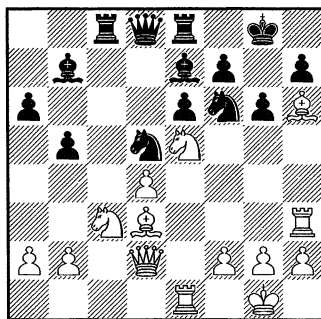
Заслуживало внимания 16. ♖d2, что, вероятно, больше соот-

ветствовало оригинальному плану атаки белых. Ввиду угрозы 17.♖h6 с последующим нападением на пункты h7 и f7 чёрные вынуждены были бы перейти к расчёту конкретных вариантов. Лучшей защитой в этом случае было, вероятно, 16...♗e8, чтобы на 17.♖h6 ответить 17...♗f8. Однако, продолжая предварительно 17.♗e4!, белые получали опасную атаку.

Анализ показывает, что и здесь чёрные отбивались. Например: 17...♗c8! 18.♗g5 ♗b4 19.♖d1 ♗e7 и т.д. Можно даже 17...♗:e4 18.♗:e4 ♗f8, вызывая огонь на себя: 19.♗:f7 ♗:f7 20.♗:h7+ ♗g8 21.♗:g6, так как после 21...♖f6! 22.♖d3 ♗e7 23.♗h3 ♗f4 24.♗:f4 ♖:f4 белые вынуждены давать вечный шах (25.♗h7+ ♗h8 26.♗g6+).

16...♗e8 17.♖d2 ♗c8 18.♗d3. Устанавливая временное перемирие с целью ввести в бой отставшие резервы.

18...a6 19.♗e1 b5.

Флор хладнокровно защищается. Невзирая на весьма недвусмысленные приготовления белых,

он спокойно проводит свой план атаки пунктов c3 и d4.

20.♗g3. С прямой угрозой «разбомбить» королевский фланг черных: 21.♗:g6 hg 22.♗:g6+ fg 23.♖g5! и т.д.

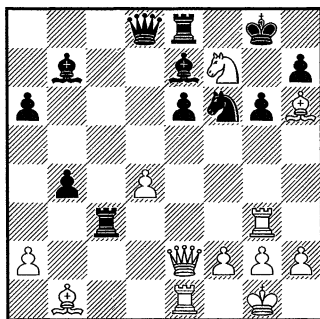
Третья «бомба» мимо цели: 23...♗f4! 24.♖:f4 ♗h7!, спасаясь. Но неточна была уже вторая: после 22.♗:g6! fg 23.♖d3! налёт достигал-таки цели (23...♗f4 24.♗:f4 ♗e4 25.♗:e4 ♗h5 26.♗:g6+ ♗:f7 27.♗g5+ и т.д.).

20...♗h5 21.♗h3. Теперь уже жертвы на g6 не проходили: 21.♗:g6 hg 22.♗:g6+ fg 23.♖c2 ♗df4.

21...♗hf6 22.♗b1 ♗c7 23.♗g3 ♗h5 24.♗h3 ♗hf6 25.♖e2. С задачной угрозой 26.♗:f7 ♗:f7? 27.♖:e6#.

25...♗:c3 26.bc b4! Чёрные отважно принимают вызов. Следует острая комбинационная схватка.

27.♗g3 (27.♗:f7? ♖d5) 27...♗:c3 28.♗:f7.

28...♖d5! Сильнее, однако, было 28...♖:d4!, пользуясь тем, что 29.♖:e6? плохо из-за 29...♗c5! На 29.

♔e3 хорошо 29... ♖c4 30. ♖:c4 ♗:c4 31. ♔e5 ♗cc8, и взятие на g6 ничем не грозит, а после 29. ♔g5 ♗d5! белым приходится идти на понятную (30. ♔f3), иначе они даже рискуют проиграть. Например: 30. ♖:e6+?! (30. ♔:e6? ♗:g3) 30... ♖:e6 31. ♔:e6 ♔d6! или 30. ♗d1?! ♗d8! 31. ♖:e6+ ♖:e6 32. ♔:e6 ♗g3 33. hg ♔b6! с явным преимуществом.

29. ♔e5? Упуская эффектную возможность форсировать ничью: 29. ♗g5 ♖c4 30. ♔:g6!! hg (30... ♖:e2 31. ♔h5#) 31. ♗:g6+ ♔:f7 32. ♗g7+ ♔f8 33. ♗g3+ с вечным шахом.

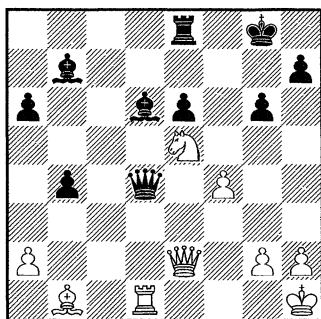
Но белые могли сыграть и на выигрыш: 30. ♖:c4 ♗:c4 31. ♔e5 ♗:d4 32. ♔:g6!! Начиная отсюда все ходы строго единственные, и при любом отклонении обе стороны рисковали сорваться в пропасть: 32... hg 33. ♗:g6+ ♔h8 34. ♔g7+ ♔h7 35. ♗g3+ ♔e4 36. ♗:e4! ♗:e4 37. ♔:f6 ♔:f6 38. ♔:e4+. Белые вышли из осложнений с лишней пешкой, но две против одной на ферзевом фланге и разноцветные слоны дают чёрным хорошие шансы на ничью.

После сделанного хода белые оказываются на грани поражения, и им приходится пережить несколько неприятных минут.

29... ♗:g3 30. fg ♖:d4+ 31. ♔h1 ♔d6 32. ♔f4 ♔h5. Оба партнера находились в сильном цейтноте. Ходом в партии Флор пытается поймать противника на неожиданную комбинацию с жертвой фигуры. Объективно сильнее было 32... ♔d5 33. ♗d1 ♖c3!, хотя и в этом случае позиция оставалась чрезвычайно сложной.

У белых был способ разрядить ситуацию: 34. ♔:g6! ♔:f4! (хуже 34... ♖g7 35. ♔:d6 hg 36. ♔e5!) 35. ♔:f4 ♔f4 36. gf ♖g7 с примерно равной игрой (37. ♗d6 ♗c8!=).

33. ♗d1 ♔:f4 34. gf.

34... ♖:f4! Неожиданность в цейтноте может вывести из равновесия любого шахматиста, но Ботвинник сохраняет спокойствие и с честью выходит из трудного положения.

Плохо было 34... ♖c5(b6)? из-за 35. ♔d7.

35. ♗:d6 ♔d5! Теперь ладья не может вернуться на 1-ю горизонталь, а чёрные располагают неприятными угрозами: 36... ♖c1+ или 36... ♗c8 и затем ♗c1+.

36. ♔c2 ♖f8 37. h3 ♖f1+ (или 37... ♖g3 38. ♗:d5! ♗f2 39. ♗d8+)

38. ♖:f1 ♗:f1+ 39. ♔h2 ♗f2 40. ♗:d5. Белые успели сделать контрольный ход, и в получившемся эндшпиле преимущество за ними, но самое минимальное.

40... ed 41. ♔b3 ♔g7. Ничья. Действительно, после 42. ♔d3 ♗d2 43. ♔:b4 a5 44. ♔:d5 a4 ничья неизбежна.

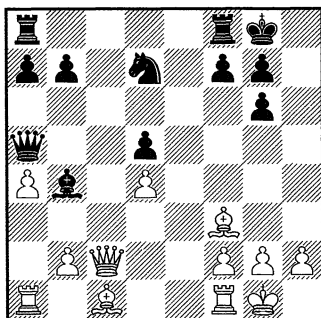
Захватывающая борьба в этой партии делает её одной из интереснейших в гронингенском турнире.

№ 38

ФЛОР – ФУРМАН

16-й чемп. СССР, Москва 1948

Комментирует С. Флор

17.h4! Очень сильный ход. При спокойной игре чёрные успели бы поставить ладьи на с8 и е8 и сыграть ♖f6-e4. Белые правильно оценили, что у чёрных ослаблен королевский фланг (g6) и что надо атаковать короля, позиция которого плохо защищена.

17...♖ac8 18.♔d3 ♖c4. Вероятно, лучше было 18...♖f6 19. ♔g5 ♖fe8. Тогда чёрные имели бы лишний темп и ладья на с8 принимала бы участие в обороне.

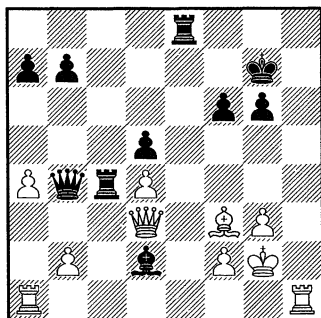
19.♔g5 ♖f6 20.g3 ♖e8 21. ♔:f6 gf 22.h5 ♔g7 23.♔g2. У белых много ресурсов для ведения атаки, которая, как обычно, при разноцветных слонах бывает очень опасной.

23...♔d2. Если 23...♖h8, то 24.♖h1 ♖cc8 25.♖b3!, и белые вы-

игрывают пешку или захватывают линию «h».

После 24...♖b6! у белых был бы лишь минимальный перевес, например: 25.hg ♔d4 26.♖e3 ♔d2! 27.♖b6 ab 28.♖h8 ♔:h8 29.gf ♔g7 и т.д.

24.♖h1 ♖b4 (24...f5!?) 25.hg fg.

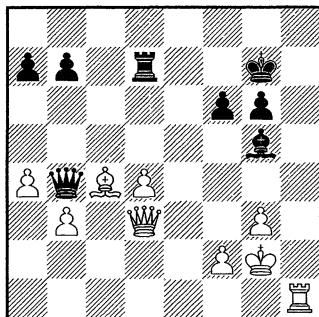
26.♖h4! ♔g5. Ясно, что иначе белые успели бы вдвоить ладьи по линии «h».

Меньшим злом было 26...♖c1 27.♖:c1 ♔:c1 28.♔:d5 f5, и если 29. b3, то 29...♔g5 и ♔f6.

27.♔:d5 ♖c7 28.♖h2 ♖e1. Имелся ещё заманчивый ход 28...♖e3 (с идеей 29.fe? ♖:b2+). На это последовало бы эффектное 29.♖ah1! ♔:d3 30.♖h7+ ♔f8 31.♖h8+ ♔e7 32.♖lh7+ ♔d6 33. ♖d8+ с матом.

29.♖:e1. Жаль! Достоинство венчало борьбу 29.g4!!, после чего Фурману оставалось бы только сдаваться: 29...♖d6 (29...♖:a1? 30.♖h3!, матуя) 30.♖:e1 ♖:d5+ 31.♖f3 и т.д.

29...♖:e1 30.♖h1 ♖b4 31. b3 ♔d7 32.♔c4.

32...♙d2. Проигрывает быстро, но позиция чёрных уже безнадёжна. Упорнее всего было 32...♙e7, но после 33.f4 ♖h6 34.♙f2 и ♖e1 чёрный слон выключен из игры.

На 32...♖e7 красиво выигрывает 33.♖h8! ♙:h8 (или 33..f5 34.♖g8+ ♙h7 35.g4! ♙d2 36.♙h3+ ♙h6 37.♙h4 ♙g5 38.♙:g5 ♙:g5 39.gf ♖g7 40.fg+) 34.♙:g6 ♖g7 35.♙e8+ ♙h7 36.♙d3+ ♙h6 37.♙h8+ и т.д.

33.♙e4! ♙a5 34.♖h8 (быстро решало и 34.♙e6 ♙d8 35.♙h3) **34...♖d8.** Или 34...♙:h8 35.♙e8+ ♙h7 36.♙:d7+ ♙h6 37.♙g8 с матом.

35.♖:d8 ♙:d8 36.♙:b7+ ♙h8 37.♙:a7 ♙d2 38.♙f7 g5 39.♙h5+ ♙g7 40.♙f7+ ♙h8 41.♙d3. Белые повторили ходы в сильном цейтноте «на всякий случай», поскольку я не знал, сделано ли уже 40 ходов. Теперь цейтнот кончился, и чёрные сдались.

Микенас: «В партии с Фурманом мы увидели прежнего Флора, не только грозного в позиционных схватках, но и об-

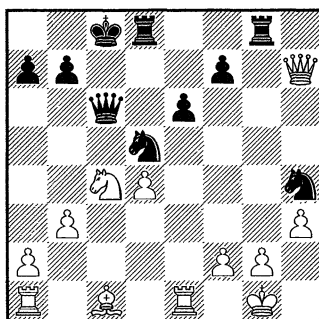
ладающего прекрасным чутьём комбинационной борьбы».

Напоследок — ещё одно эссе Флора из рижских «Шахмат» (№ 3, 1962) под грустным и самоироничным заголовком «Король ничьих мог стать “бессмертным”».

№ 39

ТОЛУШ — ФЛОР

Киев 1944

редкая картина для практической партии.

Но Толуш сыграл **23.♔f1**. На эту возможность я даже не обратил внимания. Дальнейшая борьба была очень оживлённой, и на 43-м ходу партия закончилась — ну как может кончиться партия, в которой Флор ведёт атаку, — конечно, ничьей!

Прошёл примерно год, я уже полузабыл эту партию, когда однажды получил письмо от своего друга Пауля Кереса. Он писал: «Ты против Толуша добился исключительно красивого атакующего положения и мог бы стать «бессмертным», если бы на 22-м ходу не объявил шаха, шаха «начинающих»».

Керес обнаружил, что в позиции на диаграмме следовало изменить порядок ходов, чтобы форсировать указанный выше

мат. Чёрным надо было вместо 22...♝:g2+ играть сразу же 22...♚e3!!, и тогда белый король не смог бы отступить на f1. На 23.f3 чёрные могли ответить 23...♞:f3 с той же идеей.

Честно говоря, я очень радовался, получив письмо от Кереса (война только что кончилась), но его замечание меня на самом деле огорчило. Я в своей жизни испортил целую «кучу» партий. Но эта упущенная возможность меня очень расстроила.

И я частенько вспоминал совет Кереса: не следует объявлять шах, как только представилась возможность. Теперь я всегда смотрю — объявить шах, или есть хитрый, тихий ход по Кересу. Но, как нарочно, мне никогда больше не удавалось добиться столь красивой атакующей позиции, как в партии с Толушем».

Сало Флор — одна из самых ярких шахматных звезд 30-х годов. «Я любил и люблю шахматы и не жалею, что посвятил им жизнь, — признался он на склоне лет. И добавил: — Но если бы мне пришлось начинать сначала, то я постарался бы не повторить многих ошибок».

**SACHOVÝ KLUB ALJECHIN
V BRNĚ**

**SCHACHKLUB ALJECHIN
IN BRÜNN**

Turnaj: Soustředěná hra des 4. kategorie
Turnist: *Flora*
Ouvádí: *Flora*
Eröffnung: *Flora*
Hilf: *Flora*
Wirt: *Flora*
Comp: *Flora*
Schwarz: *Flora*

1	2-4	7-5	10	7-5	12-5
2	4-5	7-5	20	7-5	12-5
3	7-5	7-5	21	7-5	12-5
4	7-5	7-5	22	7-5	12-5
5	7-5	7-5	23	7-5	12-5
6	7-5	7-5	24	7-5	12-5
7	0-0	7-5	25	7-5	12-5
8	7-5	7-5	26	7-5	12-5
9	7-5	7-5	27	7-5	12-5
10	7-5	7-5	28	7-5	12-5
11	7-5	7-5	29	7-5	12-5
12	7-5	7-5	30	7-5	12-5
13	7-5	7-5	31	7-5	12-5
14	7-5	7-5	32	7-5	12-5
15	7-5	7-5	33	7-5	12-5
16	7-5	7-5	34	7-5	12-5
17	7-5	7-5	35	7-5	12-5
18	7-5	7-5	36	7-5	12-5

Брно, 4 ноября 1929.
Бланк Флора из
сеансовой партии
в шахматном клубе
«Алехин».

Турнир в Рогашка-
Слатине (1929) стал
международным
дебютом Флора.
Он пропустил вперёд
только могучего
Акибу Рубинштейна
(справа).

На знаменитом
турнире в Бледе (1931)

Флор поделил
4–7-е места,
войдя в мировую
шахматную элиту.

Рисунок из
югославского журнала
«Sahovski Glasnik».

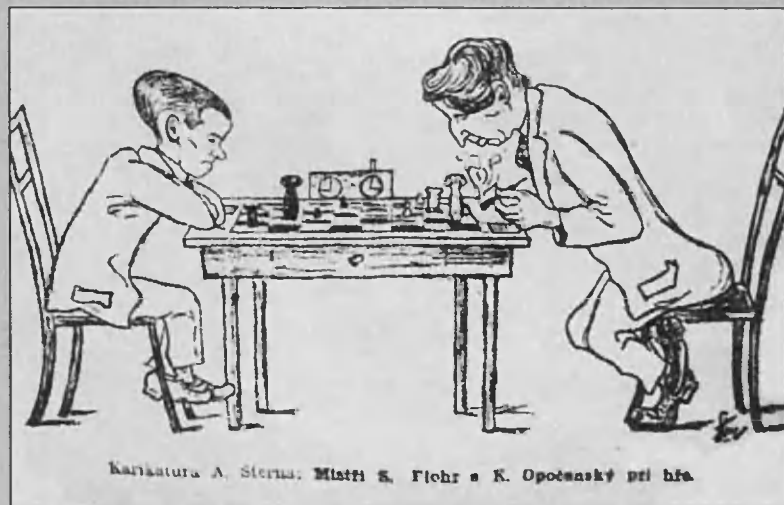
Флор (крайний слева)
на чемпионате Праги
1929 года.

На Всемирной олимпиаде в Праге (1931) Чехословакия впервые завоевала «бронзу». Флору противостоит лидер литовской команды Владас Микенас.

Первенство Праги, 1930. Встреча с чемпионом Чехословакии Карелом Опоченским. Карикатура из пражской газеты «Narodni listy».

Karikatura A. Sterns; Mistr S. Fiehr a K. Opocensky při hra.

Амстердам, 1932. Первый матч с будущим чемпионом мира Максом Эйве (справа) закончился вничью. Рядом с Флором стоит Рудольф Шнильман.

Карлсбад, 1932. Удивительно, но и их второй матч завершился с тем же ничейным счетом 4:4!

В начале 30-х годов
солнце так ярко
светило Флору,
что трудно найти
его фотографию
той поры
без улыбки.

В предвоенные годы
Сало Флор считался
лучшим в мире
специалистом
по сеансам
одновременной игры!

Карикатура из чешской прессы (1932). Верхний ряд: Каналь, Флор, Трейбал и Боголобов. Нижний ряд: Тартаковер, Ейтс, Рубинштейн и Опоченский.

Слиак, 1932. Слева направо: Энгель, Опоченский, Пири, Видмар, Мей, Флор, Вальтер, Шпильман, Мароши, Боголобов, Трейбал, Каналь и Подгорный.

Дружеский шарж

Рис. Ю. Ю.

М. Ботвинник

С. Флор

Москва, 1933. Матч Ботвинник — Флор глазами знаменитого шахматного карикатуриста Ю.Ю., — Юрия Юзепчука.

Перед началом матча: Самуил Вайнштейн, Сало Флор и Михаил Ботвинник.

Первый приезд
в Советский Союз
в 1933 году, казалось,
не предвещал
Флору никаких
неприятностей
в будущем...

За игрой наблюдает
начальник советских
шахмат, грозный
наркоп юстиции
Николай Крыленко.
К счастью для
Ботвинника, после
двух поражений он
сумел сравнять счет...

Голландия, 1935. Макс Эйве выступает по радио после победы над Александром Ахениным в матче за мировую шахматную корону. Рядом с новым чемпионом его тренер Флор.

На турнире в Цюрихе (1934) Флор разделил 2–3-е места с Эйве, пропустив вперёд только Ахенина, но опередив Боголюбова, Ласкера и Нимцовича.

Второй Московский
международный
турнир (1935) стал
звёздным часом
Флора: он разделил
победу с Ботвинни-
ком, не проиграв ни
одной партии!

На открытии
турнира. Сидят
(слева направо):
Богатырчук,
Капабланка,
Менчик, Ласкер,
Крыленко, Флор,
Шпильман и
Романовский.
Вверху слева стоит
Ботвинник.

Дружеский шарж КЮЗС

С. ФЛОР

Во время турнира 1935 года московские газеты не скупчились на дружеские шаржи Сало Флора!

Минск, 10 февраля 1935. По пути в Москву Флор провёл сеанс на 50 досках против сильнейших шахматистов Белоруссии. Выступление перед сеансом.

Популярность Сало Флора на родине была столь высока, что его фотографии публиковались на обложках чешских журналов.

В кулуарах турнира. Разговор «на равных» с двумя прославленными чемпионами. В итоге Флор обогнал и Капабланку, и Ласкера!

Друж. шарж М. БАБИЦКОГО

Дружеский шарж А. МАЛЕЧНОВА

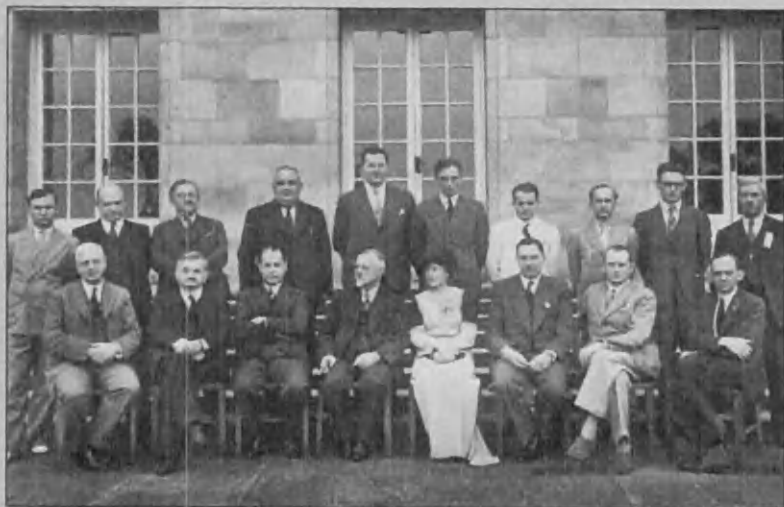

Перед началом Третьего Московского международного турнира (1936).
Сидят: Крыленко, Рюмин, Ласкер, Капабланка и Левенфиш.
Стоят: Ботвинник, Элисказес, Лилиенталь, Кан, Флор и Рагозин.

Турнир проходил в роскошных интерьерах Колонного зала Дома союзов,
при огромном стечении публики. Справа — Вячеслав Рагозин.

Ноттингем, 1936. Сидят: Томас, Ласкер, Капабланка, организаторы, Эйве, Алехин и Уинтер. Стоят: Файн, Тартаков, Видмар, Боголюбов, Тейлор, Александер, Флор, Решевский, Ботвинник и Макензи.

Накануне АВРО-турнира (1938). Флор ещё не знает, что его матч на первенство мира с Алехиным, запланированный на 1939 год, не состоится...

С Верой Мейснеровой.
Они познакомились
ещё на олимпиаде в
Фолкстоне (1933),
но... не судьба,

В том же году Флор
встретил в Москве
свою будущую жену —
красавицу Раису.
Увы, счастливы они
были недолго...

Флор, 9.07.36.

9.07.36. Раиса Степановна.

В 1937 году карьеру претендента на звание чемпиона мира прервала служба в чехословацкой армии, что не помешало ему выиграть (с Петровым и Решевским) сильный турнир в Кемери.

Кемери, 1937.
Алехин и рижский
гроссмейстер
Владимир Петров
(справа), с которым
очень дружил Флор.
В 1942 году он будет
арестован и сгинет
в ГУЛАГе...

Ленинград, декабрь 1939. В лице юного эстонского гения Пауля Кереса Флор обрёл верного и надёжного друга.

Тренировочный турнир в Ленинграде — Москве (1939) закончился триумфом Флора, став реваншем за провал в АВРО-турнире. Но отныне ему и Кересу предстояло играть под такими транспарантами...

Тбилиси, ноябрь 1942. Сидят: Сало Флор (победитель турнира), неизв., Раиса Флор, неизв. и А.Смородский. Стоят: Ш.Цинцадзе, М.Шишов, А.Палавандишвили, Н.Сорокин и Л.Шамкович.

Эстония, сентябрь 1944. Керес с семьёй и видными деятелями эстонской культуры ожидает катер, который должен был доставить их в Швецию...

В первом для себя чемпионате СССР (1944) Флор занял четвертое место — то самое, которое ему «указали»! Теперь он знал свой шесток в иерархии советских шахмат.

Участники радиоматча СССР — США (1945). Сидят: Котов, Смыслов, Ботвинник, Рагозин и Флор. Стоят: Лиллиенталь, Болеславский, Макогонов, Бондаревский и Бронштейн.

Возвращение из Гронингена: Василий Смыслов, Сало Флор и Александр Котов. А вот Пауля Кереса на этот важный турнир не пустили...

Советский «десант» на первом крупном послевоенном турнире в Гронингене (1946): Болеславский, Флор, Ботвинник, Котов и Смыслов. Далее американец Стейнер и руководитель нашей делегации Вересов.

Команда СССР 1946 года. Сидят: Смыслов, Левенфиш, Флор и Лиллиенталь, Стоят: Бондаревский, Керес, Бронштейн, Ботвинник, Рагозин и Котов.

Советские шахматисты перед отплытием на родину после успешного матча с Великобританией (1947): Болеславский, Бондаревский, Толуш, Флор, Левенфиш (запасной), Бронштейн, Котов и Керес.

Хотя Флор ещё сыграл в межзональном турнире (Сальтцобаден, 1948) и в турнире претендентов (Будапешт, 1950 — на снимке), былого задора в нём уже не было...

В сеансах одновременной игры он по-прежнему был силен!
Сеанс на 30 досках на Автозаводе им. Сталина (затем — им. Лихачёва).

Гроссмейстер С. Флор (Москва).

Москва, 1951.
После войны Флор
принял участие в
семи чемпионатах
СССР (лучший
результат — 4-е место
в 1948 году).

Любовь к белым
мохнатым пинчерам
Сало Михайлович
сохранил на всю
жизнь. Москва,
1 мая 1958: в руках у
Лилиенталь очередная
флоровская «Берри».

Москва, 1963. За
совместным анализом
с чемпионом мира
Тиграном Петросяном
в Центральном
шахматном клубе
СССР на Гоголевском
бульваре.

60-летний юбилей
Сало Флора
(21 ноября 1968).
Котов вручает
подарок,
Ботвинник
аплодирует.

Прогулка по Душети, 1968. Макс Эйве, Георгий Гачечиладзе (начальник отдела шахмат Грузии), Сало Флор и Гиа Надарейшвили.

Флор: «Я никогда не отличался завистливостью. Но Пауль Керес был единственным человеком на всём свете, которому я завидовал. Да, завидовал. По-братски, конечно».

Сухуми, сентябрь
1964. С участницей
межзонального
турнира, первой
красавицей
американских
шахмат
Лизой Лейн.

Копенгаген, 1966.
Снимок на память
после жеребьевки
матча претендентов:
Бент Ларсен,
главный судья Флор
и Ефим Геллер.

Голландия, 1971.
Флор поздравляет
Макса Эйве с
вручением ему мантии
почётного доктора
математических наук.

За всю жизнь швед-
скому гроссмейстеру
Гидеону Штальбергу
(в центре) ни разу
не удалось одолеть
Флора, а уступил он
ему — пять раз!
Справа — Яков Рохлин.

Ничто так не поднимает настроения, как встреча с давними друзьями:
Сало Флор, Александр Котов и Андрэ Лилленталь.

Тбилиси, Оперный театр, 1970-е годы. Флор вместе со своим другом
Михаилом Талем и Ноной Гаприндашвили слушает выступление
известного спортивного комментатора Котэ Махарадзе.

Москва, апрель 1982. Один из последних снимков Салю Михайловича...

Москва, 1977. Флор — главный арбитр командного чемпионата Европы. Авторитет гроссмейстера был настолько высок, что его часто приглашали судить престижные и ответственные турниры.

Сеанс пионерам в Бухаре (1973). За сорок лет жизни в Советском Союзе Флор объездил с сеансами и лекциями всю страну, побывал там, куда гроссмейстеры до него вообще не добирались!

На обороте снимка — наставление юному шахматисту. Ванечка — это племянник его второй жены, Татьяны Есениной.

Вороной Ванечка!

*Ванечка, ты помнишь, как ты повеселился
в Бухаре, бурно играл в шахматы и
потом, гроссмейстеру и психологу, конечно
было очень легко победить тебя.
Потому, Ванечка, ты никогда не ропщи:
перед тем, как делать ход (в шахматы) перед
тем, как решать задачу (в школе), надо подумать,
подумать, еще раз подумать!*

Твой добровольный и интеллектуальный партнер

Саша Флор

9.12.7731

Ваганьковское
кладбище в Москве.
Лучшей эпитафией
Флору могут служить
слова Василия
Смыслова, сказанные
им автору книги
незадолго до смерти:
«Сало, когда был по
ту сторону шлагбаума,
играл как Бог!»

JAN KALENDOVSKÝ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

ROŠÁDY SALO FLOHRA

BRNO 2000

BNZ

• SALO FLOHR'S •
• BEST GAMES • CHESS •

• GREGORY S. DONGES •

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ПАРТНЁРОВ С. ФЛОРА

(цифры обозначают номера партий и окончаний)

Блехшмит — 7
Боголюбов — 3, 16
Ботвинник — 19, 37
Гоглидзе — 21
Добиаш — 5
Земиш — 2
Капабланка — 29
Керес — 27
Кобленц — 25
Колтановский — 11
Кэжден — 8, 15
Ландау — 6, 30
Ласкер Эм. — 28
Лисицын — 22
Лустиг — 4
Маристани — 24
Микенас — 32, 33

Мильнер-Берри — 10
Негели — 18
Отт — 1
Рабинович И. — 34
Равинский — 36
Ратнер — 35
Султан-Хан — 13
Толуш — 39
Томас — 23
Фурман — 38
Штальберг — 20
Штейнер Л. — 14
Штольц — 9, 26
Фейгин — 31
Эйве — 12
Энгель — 17

УКАЗАТЕЛЬ ДЕБЮТОВ

(цифры обозначают номера партий)

Испанская партия:
C68 — 4
Защита Каро-Канн:
B13 — 19
Славянская защита:
D15 — 36, D18 — 32, D19 — 3,
D44 — 20
Ферзевый гамбит:
D30 — 6, D35 — 2, D37 — 27,
D42 — 37, D90 — 12
Защита Грюнфельда:
D81 — 31

Новоиндийская защита:
E14 — 28
Защита Нимцовича:
E22 — 5, E33 — 10, E34 — 25,
E39 — 24, E46 — 22
Староиндийская защита:
E67 — 21, E90 — 11
Английское начало:
A18 — 15, A28 — 30, A38 — 7
Индийская защита:
A46 — 9
Гамбит Стаунтона:
A82 — 1

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авербах Ю. Л., Туров Б. И.* Шахматные олимпиады. Москва, 1974.
Авербах Ю. Л. О чём молчат фигуры. Москва, 2007.
Алехин А. А. Ноттингем 1936 (послесловие С. Флора). Москва, 1962.
Асриян В. А. Владимир Макогонов. Москва, 1991.
Батуринский В. Д. (сост.). Гроссмейстер Флор. Москва, 1985.
Ботвинник М. М. Матч Флор – Ботвинник. Ленинград, 1934.
Ботвинник М. М. У цели. Москва, 1997.
Васильев В. Л. Актёры шахматной сцены. Москва, 1986.
Второй международный шахматный турнир. Москва, 1935.
Москва – Ленинград, 1936.
Кобленц А. Н. Воспоминания шахматиста. Москва, 1986.
Корчной В. Л. Шахматы без пощады. Москва, 2006.
Котов А. А. Записки шахматиста. Москва, 1957.
Котов А. А. Белые и чёрные. Москва, 1965.
Лицинталь А. Жизнь шахматам. Москва, 1969.
Мирек А. М. Записки заключённого. Москва, 1989.
Петрова-Маттис Г. Воспоминания о В. Петрове (рукопись). 1990.
Сосонко Г. Мои показания. Москва, 2003.
Тайманов М. Е. Вспоминая самых-самых... С.-Петербург, 2003.
Теплицкий В. Исаак Вистанецкий. Тель-Авив, 2001.
Торадзе Г. (авт.-сост.). АВРО-турнир. Состязание сильнейших гроссмейстеров мира. Голландия, 1938 год. Москва, 2006.
Флор С. Часы не остановлены (сост. Дворкович В. и Флор Т.). Москва, 1984.
Флор С. Сквозь призму полувека (сост. Флор Т. и Дворкович В.). Москва, 1986.
Хеуэр В. Пауль Керес. Москва, 2004.
- Adams J.* Salo Flohr. Master of Tactics, Master of Technique. Nottingham, 1985.
Donges Gr. S. Salo Flohr's Best Games of Chess. Davenport, 1985.
Gross S., Houska V., Kalendovsky J., Matocha P. Salo Flohr: Mel jsem bojovat! Praha, 2009.
Kalendovsky J. Mlady Flohr. Brno, 1985.
Kalendovsky J. Rosady Salo Flohra. Brno, 2000.
Steinkohl L. Schach und Schalom. Maintal, 1995.
Wietek H. Salo Flohr und das Schachleben in der Tschechoslowakei. Homburg, 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арк. Арканов. Он распознал код жизни</i>	3
<i>Вл. Мощенко. Большое видится на расстоянии?</i>	5
<i>Глава 1. «Корабль дураков»</i>	7
<i>Глава 2. «Агенты тайной полиции» и т.п.</i>	16
<i>Глава 3. «Надо на это время куда-нибудь смириться»</i>	21
<i>Глава 4. «Фрол? Он и вправду наш?»</i>	29
<i>Глава 5. Дорога из Городенки в Липник</i>	33
<i>Глава 6. «Мозес, это другие шахматы!»</i>	38
<i>Глава 7. «Эту фамилию придётся запомнить!»</i>	44
<i>Глава 8. Фолкстон дарит Веру</i>	51
<i>Глава 9. Ах, Дзинтари! Ах, жасмин!</i>	57
<i>Глава 10. Рождественские огни Гастингса</i>	61
<i>Глава 11. Фигуры из человеческих костей?!</i>	69
<i>Глава 12. Чем разочаровал Флор Ильина-Женевского?</i>	78
<i>Глава 13. Кому был нужен матч?</i>	83
<i>Глава 14. Флор – в правительственной ложе</i>	91
<i>Глава 15. Ten drobne</i>	98
<i>Глава 16. И снова: Ботвинник или Флор?</i>	108
<i>Глава 17. Ноттингемская баллада</i>	130
<i>Глава 18. «Когда-то я был счастлив здесь...»</i>	144
<i>Глава 19. «Сало не хочет туда переезжать»</i>	157
<i>Глава 20. Часы были пушены!</i>	166
<i>Глава 21. «Несчастное стечение обстоятельств»</i>	187
<i>Глава 22. «Друг мой Пауль...»</i>	203
<i>Глава 23. Слишком длинные рокировки...</i>	216
<i>Глава 24. «Горький чешский шоколад»</i>	229
<i>Глава 25. 13 – несчастливое число!</i>	240
<i>Глава 26. «Чёрный список» Ботвинника</i>	250
<i>Глава 27. Первая легенда: «Золотое перо»</i>	263
<i>Глава 28. Вторая легенда: «Шахматный конферансье»</i>	288
<i>Глава 29. Голицынский эпилог</i>	298
<i>С. Воронков. Атакует «король ничьих»!</i>	304
<i>Приложения</i>	363
Указатель партнёров С. Флора	363
Указатель дебютов	363
Библиография	364

*Практическое издание
Шахматная серия*

Мощенко Владимир

**САЛО ФЛОР
Горький чешский шоколад**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор-составитель *С. Воронков*

Главный редактор *О. Вавилов*

Младшие редакторы: *А. Бирюкова, А. Юсупова*

Выпускающий редактор *Е. Крылова*

Художественное оформление: *Е. Васильева*

В оформлении издания использовались материалы по лицензии
агентства *Shutterstock.com*

Компьютерная верстка: *Е. Атаров*

Корректор *Л. Мухина*

Писатель и поэт Владимир
Мощенко – автор нескольких
книг, ряда повестей и эссе.
Его роман «Блюз для
Агнешки» (предисловие
В. Аксенова) был номиниро-
ван на «Русского Букера».

Четверть века автор был
одним из близких друзей Сало
Флора – знаменитого чешско-
советского гроссмейстера,
претендента на звание
чемпиона мира.

Все эти годы он записывал
свои беседы с гроссмейстером,
который поверял ему тайны
своей внешне благополучной,
но исполненной внутренней
драмы жизни. Из этих
откровенных бесед и родилась
книга «Горький чешский
шоколад».

ISBN 978-5-386-08729-6

9 785386 087296